

Огни Кузбасса

№ 6 / 2008

Выездное правление
Союза писателей Кузбасса
в Новокузнецке

Представление журнала «Огни Кузбасса»,
Дня Поэзии
и «Антологии русской сибирской поэзии»
в Новокузнецкой библиотеке им. Н. В. Гоголя

ИЗДАНИЕ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КУЗБАССА
С 1949 ГОДА

Огни Кузбасса

№ 6 / 2008
НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и издательства
«Кузбассвуиздат»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Борис БУРМИСТРОВ,
Валерий ЗУБАРЕВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Валерий КОЗЛОВ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Владимир МАЗАЕВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный секретарь),
Любовь НИКОНОВА,
Василий ПОПОК

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

Кемеровский областная
научная библиотека
Газетно-журнальный
фонд

681913

Содержание

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Принуждение к миру. А. Катков, А. Имгер, В. Попок, А. Лопатин, О. Кошелева,
К. Суслина, Ю. Пахомёнок, В. Кабин, Н. Колмогоров, сотник казачьего войска 3

ПРОЗА

Владимир Иванов. Уходящее лето. Повесть..... 16
Василий Попок. Из блокнота 65
Вера Лаврина. Рассказы из цикла «Яичные скорлупки» 71
Виктор Коняев. Луна – наперсница любви. Рассказы..... 78
Александр Ярошук. Рассказы 98
Сергей Чиняев. О собачьем счастье. (Из записок геолога) 104
Юрий Першин. Террикон..... 109
Виталий Крёков. Воспитание кривых брёвен..... 118

ПОЭЗИЯ

Виктор Бокин. Из дома, но к себе – домой..... 9
Виктор Коврижных. Сенокосный, високосный год-июль 62
Анастасия Шабалина. В краю, где небес золотая зола 75
Валентина Ефимовская. Я жила до рожденья..... 94
Дмитрий Глазов. Купание красного коня..... 96
Валерий Ковшов. Я верил: жизнь не бремя духа. (Предисловие Любови Никоновой)..... 111

ПУБЛИЦИСТИКА

Союзу писателей России – 50 лет. Из диалога Валерия Ганичева и Николая Дорошенко . 136
Тамара Рубцова. Стихи и сны..... 138
Надежда Печенина. Шорский народ получил доступ к информации..... 145

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Сергей Адодин, священник; Виктор Киселёв. Стихи.
Наталья Ковардакова. Рассказ. Оксана Швец, Елена Девянина,
Марина Черноскутова, Елена Евсюкова, Николай Максимов. Стихи..... 147

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Владимир Вербицкий. На закат, где дрожат паруса. 7000 знаков про Чикаго 151

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Сергей Филатов. Юбилей Шукшинского музея.
(Беседа с директором музея Лидией Чудновой) 156
Неизвестные письма Шукшина. Публикацию подготовила Татьяна Попова 157
Валентина Ефтифеева. Люба Байкалова из села Сrostки 160

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Тамара Махалова. Первая публикация поэта 163

ИСКУССТВО

Марина Чертогова. История в лицах 164

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий Тотыш. Записки чекиста. (О книге М. Гоголева «Далеко от всех границ»)..... 166
Владимир Каганов. Лики времени 167

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Анна Юзвяк. Я есть кто есть, но выше быть хочу..... 172
Валентина Ефимовская. О новом петербургском литературном журнале «Родная Ладога»... 173
Литературная хроника. Подготовил В. Арнаутков 174

Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2008 год..... 177

**В 2008 году вышла в свет эта книга,
в которой авторами являются более 450 поэтов Сибири**

АНТОЛОГИЯ

XX
век

русская
сибирская
поэзия

Шумела тайга, работали могучие сибирские реки – Енисей, Ангара, Обь, Амур, обдавали ледниковой прохладой горные потоки Алтая; степи, тундра, вечная мерзлота, два великих океана, Ледовитый и Тихий – все это присутствовало не понаслышке, а воочию в стихах поэтов. Поэтов разных национальностей, которых объединили Сибирь и «великий и могучий русский язык».

От составителей

Книгу можно приобрести по адресу: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40, Дом литераторов, тел. 36-56-47

ПРИНУЖДЕНИЕ К МИРУ

15 августа в Центральном доме литераторов Кузбасса прошла акция писателей, журналистов, ветеранов войн, ФСБ и пограничных войск, представителей сибирского казачества, отдела МЧС по Кемеровской области и других людей доброй воли в защиту Южной Осетии, подвергшейся вероломной агрессии со стороны режима Саакашвили.

Необъявленная война президента Грузии получила резкую оценку участников круглого стола. По окончании была принята резолюция, решительно осуждающая действия преступного режима, следствием которой стала гибель почти двух тысяч невинных граждан – детей, женщин, миротворцев России.

Александр КАТКОВ,
член Союза писателей России

РОССИЯ СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ

Я полагаю, что нынешний президент Республики Грузия впал в историческое беспамятство, что непростительно для руководителя государства. Он явно не осознает, к каким последствиям приведет его президентство.

А потому хотелось бы сделать исторический экскурс во взаимоотношения между Грузией, Южной Осетией и Россией.

1871 год. Россия и Грузия подписали «Георгиевский трактат» в тогдашнем захолустном поселении, что на Ставрополье, попросившись под длань и покровительство русского императора, спасаясь от турецкого геноцида, чего не сделала Армения, 1/5 населения которой вырезали в 1915 году. Весь мир не узнал тогда об этом лишь потому, что в разгаре была Первая мировая война.

1918 год. Грузинские националисты начали истреблять осетин. Поползновения простирались и дальше – вплоть до Анапы. На помощь пришла Красная Армия и дала, как говорится, отпор. Но позже, в 1938 году, Грузия получила подарок от Сталина – Абхазию, которая никогда не была частью Грузии.

Однако настали 1992–1998 годы. Глава правительства Гамсахурдия развязал новый геноцид, в результате – 15 тысяч погибших осетин. Их будут хоронить на кладбищах и во дворах, а в эту войну эти могилы сравнивают с землей. Тогда, после этого зверства, Гамсахурдия убит. Но осетинам от этого легче не станет.

И вот теперь – расстрельный август 2008 года, еще один геноцид. Номер три. И снова гибель тысяч людей, но на этот раз расстрелы из танков и бомбежки с неба, тысячи беженцев в Северную Осетию.

Безумие правительства Грузии достигло предела. И помешать этому безумию могла только российская армия, что она и сделала. Пятидневная война закончилась позором для грузинской армии, вояки бежали на свою землю, побросав заграничное вооружение.

«Принуждение к миру» состоялось. Надолго ли? Что делает Россия?

В свое время министр иностранных дел царской России кн. Горчаков на такой же вопрос ответил: «Россия сосредотачивается».

Анатолий ИМГЕР,
член правления общественной
организации «Офицеры России»

*Чужого горя не бывает,
Кто это повторить боится,
Тот сам, наверно, убивает,
Или готовится в убийцы...*

К. Симонов

Вот уже вторую неделю наши сердца сжимаются от боли за детей, женщин и стариков Южной Осетии. Кто подскажет – на каких весах можно взвесить, с одной стороны, хваленую демократию, а с другой – более двух тысяч ни в чем не виноватых и погибших под обстрелами, 34 тысячи беженцев, нашедших приют у своих родственников и просто единоверцев в Северной Осетии, а значит – под крылом России.

Поражает беспринципность и лицемерие Запада. Приехала в Тбилиси «черная пантера», начальница Госдепа США Кондолиза Райс. Были проведены учения войск Грузии («Джорджии», – а именно так по-английски произносится название страны по аналогии с одним из штатов США – Джорджия). Кстати, улица в Тбилиси, названная именем нынешнего президента и покровителя Дж. Буша-младшего не имеет аналогов с улицей имени Саакашвили, не имеет аналогов в «Мекке» грузинского президента. И буквально на следующий день началось вторжение в Южную Осетию.

В течение двух дней Цхинвал был буквально стерт с лица земли. Оставшиеся жители спасались в подвалах, а те, которые от безысходности решились пересечь Кавказский хребет, грузинские снайперы расстреливали в упор. Но самое тягостное впечатление оставила прямая трансляция из Нью-Йорка, с заседания Совета безопасности ООН. Полномочный представитель России Виталий Чуркин оказался в полном одиночестве. Не только США, Англия, Франция, Бельгия, Италия (что можно было ожидать), но и Доминиканская Республика, Хорватия и иные с ними подпевали представителю США.

Поражает и другое. Наличие «двойных стандартов». Можно сдать Слободана Милошевича в Гаагу (где он и скончается), можно отправить туда же Радована Караджича, радетеля за сербский народ, поэта, лауреата литературной премии России, за «резню» в Сербской Краине. Но можно, с другой стороны, встать грудью на защиту Мишо Саакашвили.

А потом кто-то удивляется, что настоящая фамилия президента Грузии – СШАкашвили.

Василий ПОПОК,
член Союза журналистов
и Союза писателей России

Отвлекаясь от рассуждений о причинах случившегося (хотя они, конечно, имеют первостепенную важность), скажу, что это было торжество русского оружия. После афганского унижения, после развала Советского Союза и ухода наших войск из Европы, после Чечни, после наступления НАТО на восток и фактического окружения России военными базами потенциального противника, после непрекращающихся нападков на армию в «либеральной» прессе вдруг оказалось, что российская армия всё ещё умеет побеждать.

Войско Саакашвили вооружали многие – от США до «незалежной» Украины, от Болгарии до Израиля. Его экипировали по-НАТОВски. Его обучили американские инструкторы. Оно было высокомерно и уверено в себе. Но пришла Россия, и войско в панике рассеялось.

Россия воевала по-суворовски – не числом, а умением – численность наших войск не превысила численности грузинских, причём у грузин было преимущество первого удара. Просто наши провели грамотную войсковую операцию: разбомбили военные базы, склады и аэродромы противника с воздуха, блокировали его с моря, практически уничтожив весь флот, с блеском провели наступление бронетехникой.

Взяты трофеи, воинственному дуче Саакашвили дали по зубам. Слава богу, нашему политическому руководству хватило твёрдости отдать приказ военным и защитить соотечественников и союзников. Мы видим теперь, что не только всемогущие Штаты могут под любыми предлогами вторгаться на формально независимые территории: держать свои базы в Европе и Азии, воевать во Вьетнаме, досаждают Кубе, высаживать десант в Гренаде, бомбить Ливию, палить с линкора «Миссури» по борцам «интифады», громить и расчленять цветущую Югославию, оккупировать Ирак и Афганистан, грозить Ирану.

Сегодня мы достаточно сильны и решительны, чтобы блюсти собственные интересы. Конфликт с Грузией – тому свидетельство. И это очень хорошо.

Анатолий ЛОПАТИН,
полковник в отставке, бывший
заместитель начальника УВД области,
начальник политотдела представительства
МВД СССР в Афганистане

Ещё совсем недавно с экранов телевизоров и газетных полос нас убеждали, что найден рецепт сплотить российскую нацию. Это победы футболистов, хоккеистов, баскетболистов....

Но оказалось, что спортивные победы непостоянны.

По-настоящему наших людей сплачивает судьба отечества, любовь к Родине.

Трагические события в братской для россиян Южной Осетии показали миру настоящие чувства народов России, продемонстрировали всем силу

духа наших людей, нашу сплочённость, сострадание тем, кому труднее, больнее, горше.

Наша армия встала на защиту от агрессора, а весь народ стал помогать и действовать.

Мы живём в сложном мире, у нас мало союзников и много недругов. Мы не успеваем забыть одну войну, как начинается новая. Война, насилие не позволяют человечеству реализовать ни одной заповеди Библии, ни одного аята Корана.

Наши предки в трудные времена не канючили, не болтали, а засучив рукава, трудом укрепляли Россию. К сожалению, мы многое растеряли из наследия своих отцов и дедов.

Однако не всё потеряно. У нас есть герои, настоящие патриоты, которыми мы гордимся. Но героями не становятся по приказу. На Руси героев воспитывали образом жизни. Так было. И так должно быть.

Оксана КОШЕЛЕВА,
главный специалист отдела
пропаганды и связи с общественностью
Главного управления МЧС России
по Кемеровской области,
старший лейтенант внутренней службы

В Главном управлении МЧС России по Кемеровской области продолжает функционировать оперативный штаб по организации гуманитарной помощи Республике Южная Осетия (он был развернут с 12 августа для координации работы с муниципальными образованияами, для сбора сведений о поступающей гуманитарной помощи и определения порядка доставки ее в Южную Осетию).

По информации сотрудников оперативного штаба, на сегодняшний день на территории области развернуто более 80 пунктов по сбору гуманитарной помощи для жителей Южной Осетии. Большинство из них открыто на базе центров социального обеспечения граждан.

К сегодняшнему дню на специальные счета поступило более 900 тысяч рублей. Кузбассовцы активно участвуют в сборе вещей, обуви, продовольствия для жителей Южной Осетии. В муниципальных образованиях подготовлено более 60 тонн гуманитарного груза, в том числе около 35 тонн продовольствия, 15 куб. метров пиломатериалов. Собрано около 4 тысяч комплектов одежды, постельных принадлежностей и других предметов первой необходимости.

Есть потребность в теплых вещах, в том числе одежде для осенней погоды, одеялах, подушках. Из продуктов спасатели рекомендуют сыпучие не скоропортящиеся крупы, макаронные изделия, минеральную воду.

Сегодня сотрудниками Главного управления МЧС России будет организован вывоз и складирование цемента (30 тонн), выделенного ОАО «ХК Сибирский цемент». Для этой цели будет задействовано 6 единиц техники, личный состав – 24 человека.

С предприятиями области отработаны вопросы выделения и отгрузки в Южную Осетию 30 вагонов угля. Его доставят ближе к холодам – к концу сентября – началу октября. В стадии решения – вопросы поставки глубинных водяных насосов, станций для очистки воды, электростанций.

Начальный этап сбора гуманитарной помощи завершится 17–18 августа. До 20 августа вещи из территорий доставят в Кемерово, где их погрузят на два борта авиации МЧС и отправят во Владикавказ.

13 августа из Красноярск в Владикавказ ушел первый рейс с гуманитарной помощью для пострадавших в Южной Осетии. На борту самолета МЧС России Ил-76 – 680 раскладушек, 80 столов, 570 стульев из «Единого резерва материальных ресурсов на предупреждение, ликвидацию чрезвычайных ситуаций и оказание помощи пострадавшему населению РФ и зарубежных стран».

Ксения СУСЛИНА,
журналист

Хотелось бы обратить ваше внимание на информационную политику средств массовой информации Соединенных Штатов и Грузии во время вооруженного конфликта. Когда наши русские миротворцы освобождали от грузинских завоевателей Цхинвал, по американским и грузинским каналам транслировали новости, в которых говорили о том, что русские бомбят дома мирных жителей. Хотя уничтожались военные базы и склады оружия. А человек, который в первый день олимпийских игр развязал войну, представлялся народным героем. В это же время на олимпиаде в Пекине, когда грузинская спортсменка-стрелок завоевала бронзовую медаль, на пьедестале почета она обнималась с россиянкой. Грузинский народ не виновен в ошибках своих правителей. Мы должны не просто

обсуждать эту тему, но и делать какие-то движения в сторону помощи и поддержки братскому народу Южной Осетии.

Юрий ПАХОМЁНОК,
начальник центра казачьей культуры
Кемеровского отдела Сибирского казачьего
войска

Великий писатель Лев Николаевич Толстой сказал, что «Россию создали казаки». И действительно, вспомнив историю нашего государства, мы увидим, что более 80 % территории России было присоединено потом и кровью казаков. Присоединение Украины Богдана Хмельницкого, поход Ермака в Сибирь, казаки-землепроходцы, за 100 лет прошедшие от Урала до Аляски, Казахстан, Средняя Азия и Кавказ. Всюду мы найдём казачьи могилы. По выражению историка казачества Катанаева, граница Российской империи лежит на луке казачьего седла. Почему же, проводя политику расчленения России, никто не спрашивает мнения казачества по данному вопросу. Наверное, потому, что хорошо знают – казачество за Великую, Единую и Неделимую Россию, все народы которой равны между собой.

Война в Южной Осетии ещё раз показала циничную политику Запада. Прикрываясь лозунгами демократии, они пытаются разыграть роль миротворцев, чтобы, создав якобы «миротворческие силы», ввести их на территорию России. Как делали это в Югославии.

Президент Франции, председательствующий в «Совете Европы», выступил в роли посредника между Россией и Грузией. Он, наверное, не знает, что Осетия, как и Грузия, да и весь Кавказ, находятся в Азии, а не в Европе. А вот представителей азиатских межгосударственных объединений что-то не видно. Они, наверное, устали от вмешательства Запада в их дела. А Саркази, вместо того чтобы умиротворять осетин, занялся бы умиротворением корсиканцев.

И конечно же, нельзя не заметить усилий США в данном конфликте. Грузинскую армию они обучали, вооружали, даже помогли грузинскому батальону перебраться из Ирака в Грузию. По всему миру под лозунгами борьбы за демократию они проводят политику расчленения государств, натравливания народов друг на друга.

Заканчивая, хотелось бы ответить на вопрос, заданный мне журналистом телевидения: «Что нам

делать в сложившейся ситуации?» Ответ очевиден. Мы должны помнить, что какие бы социальные потрясения и смены экономических формаций не происходили в стране, Россия должна оставаться Великой, Единой и Неделимой страной. Сейчас, как никогда, все граждане России, от нищего до миллионера, представители всех народов и народностей, исповедующие любую религию или не исповедующие никакой, должны твёрдо заявить: «Мы сохраним РОССИЮ!»

Вячеслав КАБИН,
председатель Кемеровской
областной организации Российского
профсоюза работников культуры,
подъесаул казачьих войск

Уважаемые коллеги!

Снова на Кавказе очаг напряженности. И вновь гибнут наши парни, защищая братские абхазский и осетинский народы от посягательств придурковатого новоявленного «фюрера».

Так уж получилось, что начало военной компании пришлось как раз на то время, когда я вместе с музейными работниками из Санкт-Петербурга находился в далёких посёлках Горной Шории, сплавляясь по Мрассу в Усть- Анзас.

Подлость военных и политических руководителей Грузии – беспредельна! Они развязали на деньги зарубежных спонсоров войну в день открытия Пекинской олимпиады! И это в день, когда с древнейших времён пушки должны молчать! По-моему, только «больной на голову» человек мог отдать приказ – обрушить на маленький, мирный, спящий горный посёлок град из реактивных снарядов, тонны танковых снарядов, превратив огненный ночной военный фейерверк в беспощадный огонь, несущий смерть для многих сотен мирных людей!

Творческая интеллигенция Кузбасса и казаки Кемеровского отдельного казачьего общества, все члены профсоюза работников культуры с болью в сердце следили за этой фантаσμαгорией. Потоки беженцев, испуганные глазёнки ребятишек, плач женщин, разрушенные домашние очаги – это не кадры Великой Отечественной, это не Сталинград и не Ленинград! Это сегодняшние фашисты! И им место на скамье Международного трибунала!

У казаков есть хорошая традиция – пускать шапку по кругу, когда товарищ в беде! Прошу есаула Пахомёнка пустить по рядам свою форменную фуражку для сбора пожертвований. Вношу 100 рублей.

СЫНАМ РОССИИ

Это письмо очень кстати пришло из г. Лянтора от автора нашего журнала, и мы решили им завершить круглый стол.

I

Южная Осетия. Кипит во мне злость, а по возрасту не берут в горячую точку... Отвоевался! Так сказали, а сына взяли... Так что не утихает во мне война: о. Даманский на Амуре, Царандой в Афгане, Грозный и Аргунское ущелье Чечни, «МС» 54-й армии России в Пакистане, – сотрясает усталую душу восьмилетних боёв. Свет багровый пробивается сквозь немую уже толщу времени, и сплюснутая, окаменевшая, но не потерявшая запаха гари и крови иновещев, клубится она во мне... Стихи и рассказы писаны иногда под гром артиллерийской канонады, а иногда и в дозоре на блокпосту при свете улыбочивой луны или под вой ветра у БТРов...

В одном из боёв под Гудермесом я был ранен тяжело и меня разрывом снаряда снесло в глубокое ущелье, где я час провалился среди скал с мелким подлеском карагача. Во мне всегда жила природная литература, и тут, затекая кровью, я не мог оторваться от красот природы. Мне хотелось обнять эту природу дикосотворённую, стиснуть, написать что-то хорошее, и почему-то слезу прошибало: то ли от боли в ногах, то ли от первозданной природы этого горного края. Хотелось обнять всё это, что шевелится, светится, поёт, свистит (только не снаряды), растёт, цветёт, стрекочет, шумит, звенит, пляшет, бушует и смеётся, – прижаться ко всему этому лицом и плакать от умиления; но истлевает паутина, уплывает, рвётся, оставляя серебряный свет... Где-то далёкая Сибирь моя спит, натруженно спит буровая, шахта и завод, над ними витают беды и радости так же, как и у нас тут, в горах, – на войне. Блекнут краски, гаснет паутина... Хочется жить... жить... жить! Во мне рождаются рассказы-были, стихи-были. Они от души к моим читателям-землякам далёкой родины. Не поэт и не писатель, но одухотворён жизненной силой при раскатах залпов орудийных, писать,

мыслить, – значит, ещё жить и бороться с бандами, ради жизни и мира на земле...

II

...54-я группа войск Северо-Кавказской дивизии на БТРах ползут по ущелью Аргуна. А тут... вот они – басаевцы, человек триста бандюг. Я один за командира. Остальных командиров ещё ночью на 11-м блокпосту выбили «духи». Я пятерых отправил на перехват БТРов, а сам остался с десятком ребят прикрывать блокпост ущелья Аргуна. Станковый, ящик лимонки, автоматы. Из-за скалы, как из дота, поливал напрямую, а «духи» прут, прут и прут, поливая нас огнём. Им надо одно: перехват ущелья, взять БТР с полковыми командирами. «Хоть бы успели ребята предупредить!» Бью в упор... Получил ожог в ноги, бросаю гранату, ибо некуда отступить, орут, сволочи: «Аллах акба-а-ар! Бар...бар...». Ещё один ожог в ноги... Братишки в атаку бросились. Пошли в ход лопатки, ножи, зубы, с матюгом, по-русски. «Господи, остановят ли ребята БТРы со штабом?»

...А до того... Мы, силой в 80 человек, защищали блок-посты в Хасавюртском ущелье, меж Аргунем и Гудермесом, но не сумели противостоять силам Басая, ибо их более тысячи со своими союзниками с Кабула. Кончились снаряды, сбросили пушку в ущелье, продолжали драчку – кто чем может. Сил нет! Я велел вызвать вертушку с Грозного, где стояла наша 54-я дивизия. Лёха весь в крови. Вызывает Грозный... Сели батареи у аппарата. Всё. Точка! Ребят покосили минами «духи». Прут, прут. Их оружие почище нашего! Запад хорошо снабдил Басая. Короче, от роты нас осталось 11 человек. Но остановили бандюг. Низко пролетела вертушка. Сбросила пакет. Передают из штаба, что к нам отправились штабисты вручать награды очередные... Ждите, ребята! Сам «батя» катит!

В бога, в душу мать! Этих ещё не хватало! Меж тем ещё пятерых ребят скосило. От взрыва Сашке Орлову ногу оторвало, на сухожилие висит, так он, бедовый, ножом её отхватил, а Киреев Вовка уж за блок-постом сам себе руку отхватил недобитую, продолжал палить по «духам». Я обе ноги перетянул жгутом. Вроде перестала кровушка течь, и на локтях передвинулся к скале, отстреливаясь... Коли ещё один бросок бандюг, то хана нам... Круговую заняли оборону. Ещё троих грохнуло. Шудин Генаха тяжело ранен. Перекинул мне письмо: «Передашь матери, казак!» Он подорвал себя, ибо в плену всё едино замордуют... Прут, гады, прут: с одной стороны, с севера, по ущелью наш штаб, а с запада басаевцы с

гор. Я видел в биннокль: «Не успели!» Мой станковый плевать стал и захлебнулся от перекала. Не помню уж, сколь их поклали! Ужас! Один. Засел за скалу, придвинул к себе гранату, ноги задеревенели, два рожка к автомату. «Надо беречь и бить цельно...» Вечереет. Где-то в небе стрекочет вертушка и начала бить по блок-посту напрямую. Отхлынули гады в предгорье

Аксай. А мои ребята успели остановить штабистов с БТРа, с ущелья, предотвратив гибель офицеров. Только под утро меня подобрала ребята с казачьей

сотни из Омска. Я еле жив... Ничего не помню. После мне командир говорил, что я с гранаты кольцо держал в зубах, а граната в кулаке зажата, да так, что еле её у меня отобрали, а сам шептал: «Не взять сибиряка!» Охерел совсем. Хотели представить к Герою, а в дивизии на меня приказ! Нагайкой избил капитана с Грозного, он изнасиловал, гад, девушку, а её мать плакала в штабе. Да я и не в обиде. У меня этих цацек вешать некуда за четыре войны... Даманский, Царандой, Чечня, «МС» — в Алжире. Меня не судили, а отправили на дембель. Такова Русь новая. А в 2004-м меня в Москве, в Доме союзов, с четырьмя ребятами с соседней дивизии награждали. Вроде есть ещё справедливость, но... без Героя...

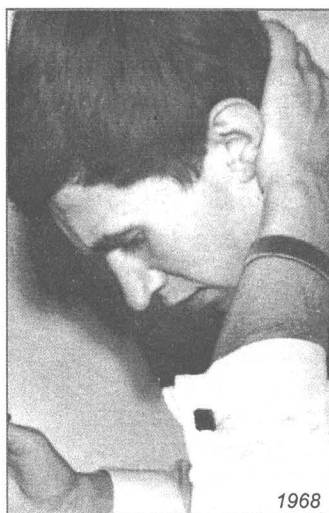
Никто не пишет ныне про стычки в республиках. Кому надо-то, много есть у меня рассказов, вот и смотрю, как ныне осетины дерутся с грузинами... А я хорошо знаю горцев, что: «то ли еще будет!»

Николай КОЛМОГОРОВ,
сотник Обь-Иртышского казачьего войска,
г. Лянтор, сего года

Виктор
БОКИН

ИЗ ДОМА,
НО К СЕБЕ – ДОМОЙ

* * *

Тихо... тихо...
Лишь месяц,
запутавшись в шторах,
остановился...
повис...
виновато глядит на меня,
боясь шевельнуться,
боясь нарушить
тишину.

Тихо... тихо...

Ты спишь,
ты, как девочка...
Золото волос рассыпано
по плечам,
по подушкам.
Руки белые,
словно ветви берёзок, лёгкие.

Слышу... часы... тикают,
тикают,
тикают...
Остановить бы...

1967

НА ОХОТЕ

В. Медведеву

Всё! – Испорчена охота.
Дождь со снегом пополам.
Тянет сыростью с болота –
Потянуло по домам.

Мы идём. Хрустит подлесок.
Зябко дышим в кулаки.
Красотища!.. Ну те к бесу –
Обмерзают сапоги.

Вот выходим к деревушке.
Ни названья, ни церквушки...
В землю вросшее селёпо –
Мы берём, конечно, по...

На опушке, возле стога,
Без сомнения пустого,
Враз оттеплится душа,
А Гурьяныч – тот молитву
Совершает, чуть дыша.

Перекрестит эти двести,
Только крикнет: – Ух, пошла,
Вот сейчас бы по невесте!
Из соседнего села.

Тары-бары, растабары...
Игорёк: – Эх, нет гитары!
В подмороженные пальцы
Вдруг свистит. Пугнули зайца.

Век живи теперь, косой!
Мы закусим колбасой.

Мужики! Эх, мать честная! –
Есть особый смак и шик
В доброте. Я это знаю...
Потому что сам – мужик.

Потому-то солнце в ветках,
Удивительно светло,
Через ветви, через веки,
Но – до каждого! – дошло.

1967

Не хочется быть ни великим,
ни малым, ни просто каким.
И толстые, умные книги
писать оставляю – другим.

Но дней наших скудость
и серость –
зелёной травы торжество.
И тихая наша оседлость –
лишь с совестью заодно.

1982

Я тебя воевал, как страну.
Пусть не крупную, не могущественную.
Я тебя никогда не пойму.
Только мучаю.

И сегодня
не стану скрывать,
Что проклятьем становится
преданность.
Ухожу, ухожу воевать
Беспредельность.

Знать не буду, как дальше жила.
Если сгину с орбиты –
Верь, что совесть спалила дотла.
Значит – квиты.

1982

Я снимаю бинты,
я не знаю – что там?
От последней любви
были только ожоги...
И слепила, и била
в глаза высота –
Я был нищ, я был наг,
впрочем, так же, как многие.

Я снимаю бинты...
Мне себя не узнать.
От сгоревшей улыбки
осталась усмешка.
Хорошо бы себя
никогда не видеть,
Хорошо бы ослепнуть
от боли кромешной.

Но я жив, я не мёртв...
Я хожу среди вас!
Эти свежие шрамы
и взгляд исподлобья.
Да, и счастья-то было,
быть может, на час,
Но зато каждый миг
я запомнил подробно.

И, вздохнув, пока лёгкие
могут вздохнуть,
Вспоминаю, что шрамы
мужчин украшают;
Продолжаю свой путь,
продолжаю свой путь –
Ночь на нерве прошла.
Но светает, светает...

1984

В. Крёкову

Быть непохожим на других –
Какая чушь! Не верю в это.
Но предавший свою мечту,
Возможно, упрекнёт поэта.

И станет нудно уверять
Каких достиг он благ и высей...
Ему, и вправду, не понять,
Как он банален и зависим.

Ты не вступай с безумцем в спор.
Ему и так, наверно, больно.
Ты для него — живой укор.
— Он в бешенстве?

— Ну и довольно!

1984

* * *

Свидания наши. Два тёмных кунгаса
Бортами стучатся. И плещет вода.
И долго не знают твои домочадцы,
Куда ты пропала и даже — когда.

Душа по сравнению с морем — безгласна,
Но в ней так же плещет и так же поёт.
Два чёрных твоих, два томительных глаза
Мерцают, как звёзды, мне ночь напролёт.

И ветер тугой, словно спелые губы,
И мы зацелованы им до утра,
Пока поселковые флейты и трубы
Дымком просигналят:

— Прощаться пора.

Пока не заплещут рыбацкие роботы,
Путинной удачей пробьётся рассвет,
Пока два твоих, два томительных оба
Не скажут: — До встречи! —
А встречи той нет...

Целую твой дальний целительный остров.
Швартуюсь. На берег легко выхожу.
Во сне мне мерцают далёкие звезды...
Чего я прошу? И кого я спрошу?

1987

* * *

Иногда это — острая зависть.
Иногда это — тихая боль.
Зависть к тем, что со злобой не знались.
Что, увы, не случилось с тобой.

Жил, пожалуй, не слишком греша.
Но хрипело в душе и свистело.
А была ли вообще-то душа?..
Может, было лишь злобное тело?

1988

* * *

Люди заняты делом...
Лезут в дебри глухие.
И на дне океана зажигают огни.
Люди заняты делом.
А бездельем — стихия...
Та природа, что нас породила в любви.

Но когда мне становится
истинно худо,
Всё предав поруганью, мечу и огню,
Снова к ней я спешу —
несмыслёныш, куда —
И седые вихры, как пред мамой, клоню.

Вот из бравого вновь возвращаюсь похода,
Но невесело мне от побед и от битв.
Ну, ещё полсекунды, полжизни, полгода —
И она уже нас никогда не простит.

1988

* * *

В. Баянову

Словно маятник жизнь.
Только миг до мечты.
Но тебя отшвырнуло обратно.
А навстречу летит, не боясь высоты,
На качелях неистовых брат твой.

Ты ещё продолжаешь кричать, как во сне,
Зная точно, что он не услышит.
Но уже безотчётный, размеренный снег
Засыпает твой голос и крыши.

Что же ты, улыбаясь, стоишь у окна?
Умудрённый, усталый, гриппозный...
Это снова тебя догоняет весна,
Тёплый ветер да свист паровозный.

1988

Я И ОН

Шабашка. Дикая бригада.
Налётчики и стервецы.
Но здесь работа — до упада!
А мы ещё совсем юнцы.

Скажи, где маменькину сыну
Взять в руки дедовский топор,
И, ошкурив с трудом лесину,
Небрежно оглядеть простор.

И задохнуться тем величием —
Одна шестая часть Земли!
Где мы себя под небом ищем,
Где ищем правда и любви.

И вот она — твоя получка.
И дом стоит, и печь с трубой...
Конечно, можно бы получить.
Но и не комом! Бог с тобой!

На эти кровные! лихие!
И очень длинные рубли —
В таких краях мы водку пили,
Таких друзей мы завели!

Но что-то в жизни было мало...
Я и тогда уж понимал,
Что не обрадуется мама
За этот жизненный привал.

И — в море!.. Вот она — работа!
Путина. Красная икра!
Работа до восьмого пота,
Болтанка в море — до нутра!

С тех пор я многое что понял.
Не захребетник, не скупец —
Я крепко-накрепко запомнил,
Что может друг, а что — подлец,

Ах, если б всё по правде было...
Так что бы было со страной!
Что столько задарма кормила
И так! на плечи усадила,
Что мне не шевельнуть рукой.

И вот свожу концы с концами —
Почти морское ремесло.
С седыми сами мы с усами,
Что было — мохом поросло.

А он опять одет по моде,
Он поспевал всегда, везде.
Ловил я рыбку в чистом море —
Он в мутной промышлял воде.

1989

С чего это может быть грустно...
Я знаю, как тени поют,
И как полуночные люстры
Позвякивают.

И в доме не может быть пусто,
Когда это дом, а не тьма.
Когда для судьбы и для чувства
Хватает души и ума.

Хватает, хватает для счастья,
Слезу придержав на ветру,
Надежды подольше прощаться
С землёй, на которой умру.

1989

Всё хорошо...
Не знать, не видеть —
Что плохо.

У калитки в рай
Туман клоками на траве.
И так просторно голове,
Что хоть сегодня помирай.

Пока желанья нет — обидеть.
Пока нет страсти — растоптать.
Пока такая благодать,
Что и у смерти зла не выйдет.

1989

Ах, так бывает, я рад печалю.
И вот причалив под тихий куст,
Сушу я вёсла, киваю ветлам...
Проходят вёсны — приходит грусть,

Ах, так бывает... Бывает часто.
В губах — травинка.

И неба — ширь!
Приходит тихо большое счастье...
Большое счастье —
прождать всю жизнь!

1970

АРМЕЙСКИЕ ПИСЬМА

1.

Себя не ценим и других,
кто гордость собственную всяко
топтал, лишь только б не иссякнуть,
доплыть, добраться, добрести...
Последней верой прорости.
Пусть горько, но – Не отпусти!
Пусть больно, но – Не отпусти!
Пусть звон в пустующей горсти,
пусть плечи жадностью набрякли –
храни, живи и не иссякни!
Пусть время шутит, ночь бездонна –
не бабой быть, а быть мадонной.
Не мужиком о двух ногах –
жильцом планеты скорбной, гордой,
пытливой, рабьей и свободной.
В лесах, в инфарктах, в облаках...

Пускай годами платим.

Пусть!

Сердца полны, как дирижабли,
к которым в небе привязали
планету человеческих чувств.

2.

Шутить изволим
из неволи
свистящих крыл
и синевы
лесов и рек,
то бишь раздолий,
раздавших нас
и наши сны
кустам, тропинкам и оврагам,
высоковольтным проводам,
высокоумным петро градам,
высоконизким берегам
Амура. Перхоти снегов.
Порханью слов, цветов, улыбок.
Высокой пошлости стихов.
Высокой грузности ошибок.

Шутить, как в вальсе... как в бреду...
Шутить, как в чеховском сюжете.
Шутить!.. Коль если не приду,
Вы этих писем – не сожжёте.

3.

Писем не сжечь нам.
И слов не истратить.
Время – не враг,
а помощник и друг.
Милая женщина,
сердца не хватит
вылюбить всю тебя
с ног и до губ,
С девичьих бантов,
со школьного вальса,
с этой дороги,
которой иду.
С первого робкого слова
«Пожалуйста...»
И до последнего долгого
«Жду...!»

1972–1973

Падь Кочевная – Благовещенск

С. Донбаю

В кружеве дней и в сумятице снов
Чудится что-то хорошее, доброе.
Добрая весть затерялась вдали,
И ожидание бьётся под рёбрами.

Так вот часами, всей жизнью томим,
Слушаешь песню сверчка колыбельную.
Вымыты окна и стены побелены –
Мир обновлён ожиданьем моим.

Всё на местах и внутри, и окрест.
Всё поимённо и радостно названо.
И до скончания не надоест
Жизнь несуетная, но и не праздная.

Тихим покоем звенит благовест.
Кто-то спешит по тропинке петляющей.
И до скончания не надоест
Родины воздух да звон замирающий.

Будет услышан неназванный зов,
Встреча не станет пустой и излишней.
Лука вязанка да ворохи слов,
Чай на меду да беседа под вишней.

* * *

Не знаю – плохо ль, хорошо?
Кому чего не доставало.
У одного – «процесс пошёл».
И всей страны – как не бывало.

Вот век домчался.
Новый мчится.
Часы песочные полны.
Я понял – вовремя лечиться
Мы не обязаны – должны!

2000

* * *

Скребётся мышь, летит орёл
И каждый наскребёт своё.

А мне скрести не хочется,
Не хочется ползти...
А вот взлететь не можется,
Сколь клювом не крути!

2002

* * *

Опять всё перечёркнуто...

Ну, что ж!

Бывает боль, что сам заголосишь ты.
Уйдёшь под дождь, под ветер и под нож
Под серым небом, истинно российским.

И, одурев от водки и пурги,
С капелью первой выйдешь из тайги...
Встряхнёшь башкою на лугу росистом
Под небом голубым и истинно российским.

Откуда эта дурь и эта блажь.
Откуда путь неистребимый наш...
Уходим в одиночку и рядами.
Меч вытекает из моей руки,
Как солнце вытекает из реки...
Но вновь рассвет полощется над нами!

2002

* * *

Шестидесятые мои...
Во всём есть смысл, судьба,
полезность.
Провинция гремит железом...
До дрожи все вокруг – свои!

Я жил тогда среди народа.
Пил водку и плясал
на свадьбах,
И вкалывал почём зазря.
Влюблялся и писал стихи,
Прощал обиды и грехи...

Куда-то закатилась жизнь.
Теперь живу среди меньшинств:
Банкиры, сводни, ловеласы...
Торговки, шлюхи, педерасты...
Кто верит в бога, кто в царя.
И в середине – в центре – я.

Мне всё не так,
мне всё нелепо –
Игра в ферзи и в поддавки.
Не жизнь – какой-то дикий слепок
С проворовавшейся руки.

Я верил людям – беспредельно!
Я не желаю жить отдельно.
Но я ни тот и ни другой.
И вот живу...
С самим собой.

2003

* * *

У подлости – есть собственность
на подлость,
А остальное, милые мои,
Лишь то, что существует где-то подле.
И отношения к делу не имеет.

У подлости всегда свои права.
Она отдельно в закоулках зреет.
Ни с кем не дружит – просто не умеет.
И всё ей в этом мире «трын-трава».

Поскольку ей мерещится
и чудится,
Что всё простится
и что всё забудется.
И всё ей только лишь шажок,
лишь малость...
И мы смолкаем, видя эту наглость.
И кое-кто спешит крутить хвостом.
Но всё зачтётся. Но уже – потом.

2005

* * *

Когда свечою без плафона,
Когда иглой без патефона,
Когда полынною верстой
Бредёшь обочиной дороги,
В сухой пыли купая ноги,
Из дома, но к себе — Домой.

Нас Будущее не пугает.
Оно совсем не понимает,
Что мы искали на Земле.
И в ломких сетях Интернета
Летит усталая планета.
И сыплет искрами во тьме.

Так нужно опоздать на поезд.
Потом брести в траве по пояс.
И лугом, лугом... Напрямки.
Подсвистнуть суслику на поле
И снять с себя пушинку боли.
И Землю снова обрести.

2005

* * *

Болезнь не хотелось. Однако.
Как всем и себе доказать...
Ведь даже больная собака
Бросается сразу в глаза.

И я — пусть не пёс шелудивый,
Но время идёт под уклон.
Какие там, к чёрту, Мальдивы!
Какой летаргический сон?

Карабкаюсь по горизонту
Немыслимо синих небес,
Спешу напиться озоном
Улыбок, уловов, словес.

И чудо — опять кровь по жилам.
На место встаёт окоём.
И я не вздыхаю — пожили...
А вновь улыбаюсь — живём!

2008

* * *

Осенних сумерек лиловость.
На взгорке дачи, лай собак.
Казалось, жизнь уже не в новость.
А вот, поди ж, не видел так.

Я здесь с людьми на остановке,
В закатном свете весь перрон.
Букетов синие головки
Рассыпали вечерний звон.

Жить не суетно, не торопко...
И где увижу ещё, где?!
Как на гору-взбегает тропка,
А рельсы тянутся — к звезде!

2008

* * *

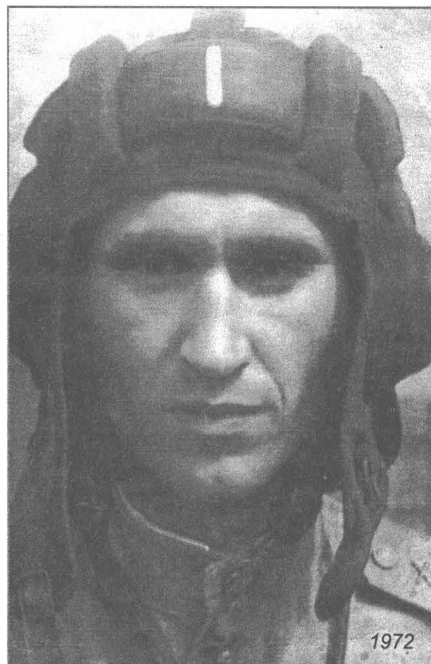
...Но вдруг невнятная строка
На лист бумаги чётко ляжет
И понимать себя прикажет,
К судьбе и совести строга.

Потребуется затевать
Игру ума со словарями,
Сотрёт пейзаж «со снежирями»...
Оставит серые дома,
Оставит бледные любви...

На полувздохе, полуслове
Уйдёт — как и пришла — сама.

2008

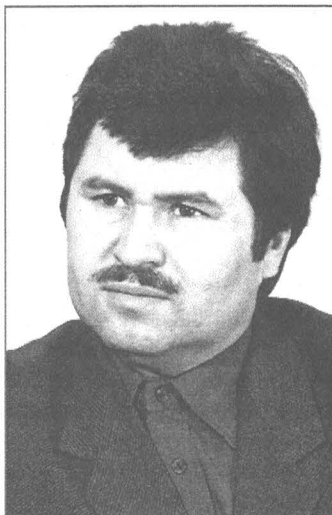
15

1972

**Владимир
ИВАНОВ**

УХОДЯЩЕЕ ЛЕТО Повесть

Наконец пришло письмо. «Люди начинают косить, — писала мать. — Отец смотрел наш покос, трава добрая. Но выпаса к покосу теперь близко, как бы не потравили, а где рядом возьмешь покос-то? Приезжайте...» Каждое лето я ждал этого известия, как ждут явления природы: весной ледохода, к зиме первого снега. Родители без меня не управятся. Сестры — не в счет. У Нади, Гали и Нины мужья — нитка за иголкой тянется, не наоборот. К тому же муж старшей, Нади, военный — не сам себе хозяин, да и бывают они раз в три-четыре года. Младшая Таня учится в пединституте, уехала на трудовой семестр на Дальний Восток. Братишка Митя шоферил в городе, жил у сестры Нины с зятем, а недавно они переехали на строительство водохранилища. У строителей летом — жаркая пора, вряд ли смогут взять отпуск, наверняка будут наезжать только на выходные.

Опасения родителей насчет покоса понятны: поляна в каких-то трех-четырех километрах от села, очень сподручно. Но неподалеку летний выгон совхозных телят. А каково, если поляну вытопчут! Ведь надо будет тащиться куда Макар телят не гонял. Все поляны и даже неудоблицы вокруг села застолблены. А на свой покос очень удобно добираться: приехав на автобусе из города, в родительском доме подкрепишься, переоденешься — и через часок ты уже на покосе...

76

Я не раз задумывался, почему так получилось, — все дети на стороне. Родители в этом виноваты? Язык не поворачивается их корить. Дети издавна мало-помалу втягивались в крестьянские заботы. Поить скотину, пасти гусей, встречать вечерами стадо — с этого начинались обязанности. А потом отец сладил почти игрушечную литовку, с тех пор и не кончается для меня сенокосная страда. Уехав в город, я и мысли не держал, что можно податься в отпуск куда-нибудь на юг. Я продолжал жить сельской страдой, будто и не уезжал. Но все-таки!.. Все-таки уехал, как сестры и братишка.

Было время, когда на работе организовали общество садоводов-любителей. Землю мог получить каждый желающий. Я решил посоветоваться с женой.

— Бери, если сам будешь обрабатывать землю, — сказала Лена. — Мне эта канитель уже надоела.

Она выросла в шахтовом поселке, всё равно что в деревне. Для горожанина этот клочок земли — не только подспорье, но и возможность на время перевести свою жизнь в иную плоскость, приблизиться к природе. Для нас, вчерашних деревенских да еще не порывающих связи с селом, мичуринский участок этой притягательной силы не имел...

Иванов Владимир Васильевич родился 21 января 1948 года в деревне Макаровка Башкирской АССР. Вырос в селе Банново Крапивинского района Кемеровской области. Окончил Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Работал в совхозе «Банновский», сотрудничал в газетах Кемеровской области.

Автор девяти поэтических сборников и книги прозы, вышедших в Москве и Кемерове.

Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Опорой нашей многочисленной семьи была домашняя живность. Может, потому приезда уполномоченных ждали, как наезда татаро-монголов за данью. Уполномоченные переписывали домашнюю живность и облагали налогом. Вест мигом облетала деревню. Во дворах начиналась тихая суетня. Я помогал отцу выгонять бычка, нелетель да овец на зады большого огорода. За огородом протекала речка, куда к проруби гоняли скотину на водопой многие жители: чья живность оставила следы от проруби в разные стороны – попробуй разбери! Скотину загоняли поближе к озеру в тальник. Отец нес впереди добрую связку сена, я погонял сзади. Сложнее было со свиньями. Их в лесу на морозе не оставишь, а если и загонишь по снегу в лес – они тут же следом притрусят в деревню. Боровка закрывали в огороженном темном углу хлева, заваливали соломой. Но дотошный уполномоченный заглядывал во все укромные места, и редко когда его удавалось провести. Мать после принималась плакать, отец ходил хмурый. «Почему мы не имеем права держать живности сколько нужно? – спрашивал я сам себя. – Попробуй прокорми такую ораву. Несправедливо это!» И росла обида. И думалось: уж в городе-то власти не дадут всяким уполномоченным самоуправничать.

Родители все время твердили: надо, дети, учиться. Вот кончите школу, поедете в город, выучитесь – людьми станете... Вот и выросли, вот и выучились, вот и разъехались. Разве можно винить родителей в том, что из десятилетия в десятилетие творилось такое, будто кто задался целью порушить весь крестьянский уклад и много преуспел в этом?.. Нет, родители хотели детям лучшей доли, а доли лучшей на родной земле им не видели. Но тянет, тянет к себе земля родная! Каждый приезд для меня – праздник, тихая радость.

Километров за тридцать до села автобус одолевает тягучий подъем, а дальше – то по одну сторону дороги, то по другую зеленеют березовые околки. И уж совсем дух захватывает, когда автобус проезжает мимо большой и светлой березовой рощи, где невестятся высокие стройные деревья. Роща называется почему-то Директорской. Может, потому, что директора совхозов и председатели колхозов вывозили сюда на природу районное и областное начальство, чтобы отдохнуть на широкую ногу да заодно порешать деловые вопросы. В застолье-то они решаются скорее и легче, чем официально.

У нас ведь в России не закон, а всё решают кадры, потому и коррупция неискоренима. С возвышенности видится крутой правый берег ушедшей в сторону Томи. Там вдали сизовеет одетая в таежную хвою гряда, за ней угадывается другая, а дальше таежный простор сливается с маревом горизонта.

За березовой рощей автобус с асфальта сворачивает на шоссейную дорогу и километров пятнадцать скатывается в долину Томи. Тут начинаются уже свои родные просторы. Вперемижку с околками вдоль дороги тянутся поля. Это место прозвали Красным пахарем. На взгорке когда-то стоял культстан, памятный еще по тем временам, когда старшеклассником в урожайную страду работал здесь помощником комбайнера, а после окончания школы вел комбайн уже самостоятельно. Мне в свое время повезло – застал последний год, когда в учебной программе было еще производственное обучение и нас учили на сельского механизатора. Здесь же после уборки хлебов поздней осенью стогометом ставил на полях соломенные зароды...

Как мы маялись, когда в разгар уборочной страды портилась погода! Когда вместо кучевых светлых облаков по небу гряда за грядой плывет наводящая уныние хмарь. В любой момент может посыпать мелкий нудный дождик и остановить работу.

– Пожалуй, попробуем, – говорит дядя Коля Кузьмин, наш звеньевой, когда после кратковременной мороси поле проветривается.

Механизаторы направляются к своим комбайнам. Сеяло с неба мало-мальски – пережидали непогоду в кабинах или шли под крону ближайшего дерева. Если ненастье надолго, добирались до культстана. Там начинались споры: стоит ли пережидать или сразу лучше поехать домой. Вот и на этот раз мнения разделились. Кто говорил – зачем время терять, надо направиться в село, потом поднажмем и наверстаем. А кто возражал: надо использовать каждую возможность: кто может поручиться в дальнейшем за погоду, вдруг она так и не установится. Но все же сейчас решили выйти в поле, когда малость подсушило. Мы покинули наше укрытие – старую ветвистую березу – и направились к комбайнам. Я пошел с дядей Колей. Он сосед мой и я теперь у него в помощниках. Я перешел в девятый класс и второй год работаю помощником комбайнера, штурвальным.

— Николай, ты бы взял Володьку к себе на комбайн! — обратилась мать в прошлом году к дяде Коле. — Глядишь, и при стоящем деле будет, и на одежду-обувку себе к школе заработает.

В каждые летние каникулы с класса четвертого я вместе с другими пацанами включался в работу. Сначала возил копны. Чуть постарше — пас телят и овец или же трудился на конном дворе. Просьба матери взять меня на комбайн была неожиданной. Если честно, мне больше нравилось пасти домашнюю живность на природе, где простор мечтам и фантазии, чем трястись по полю на грохочущем железе. Поэтому я никогда об этом сам разговора не заводил. Одно дело, когда пасешь телят или овец и можно читать книги, другое — быть при технике. Просьбе матери поначалу я особого значения не придавал. Но дядя Коля откликнулся живо:

— О чем разговор! Генка, прежний мой штурвальный, в город подался. Как раз помощник нужен!

Матери тогда, думаю, не давал покоя сыр-бор с телятами. Я да два моих приятеля, Витя и Митя, подрядились пасти совхозных телят. Подрядились — не то слово. Нас прямо-таки уговорили разными посулами. Как нам будет хорошо! Дадут нам коней. Загон для телят прямо у Томи. Да еще как раз на том месте, где в реку впадает протока. Купайся, рыбачь, наедайся свежей рыбы сколько влезет, загорай на свежем воздухе. На выпаса привезут нам специально будку для жилья, будут доставлять продукты. Телята за лето быстро подрастут, будем получать зарплату от привеса — солидную сумму заработаем. Мы и согласились. Поначалу все шло хорошо. Мы и рыбачили, и загорали, и купались. Потом пошли беспробудные дожди. Но это бы еще полбеда. Стали болеть и слабнуть от поноса телята. Привесов никаких. Выбираясь на водопой к заболоченным озерам, телята не могли вытащить из вязкой тины свои ослабшие ноги. Когда их пересчитывали в загоне, обнаруживали пропажу. Искали и порой находили уже околевшими. И в результате получалось, что виноваты мы, что нам не только не заплатят из-за отсутствия привеса, но мы еще сами остаемся должны совхозу из-за падежа телят. Мамини и мои ожидания насчет заработка в то лето не оправдались.

— Пойдешь штурвальным? — спросила мать. Я пожал плечами.

— Как же не пойдет! — убежденно сказал дядя Коля. — Пойдет, конечно! Пацанов хлебом не корми — дай только за технику усесться!

Так началась моя работа на уборочном поле. Поначалу без особого энтузиазма. Но постепенно новая работа меня захватила, я с готовностью выполнял поручения дяди Коли. Прошлый сезон мы провели без особых поломок комбайна, даже премию заработали. Кроме денег наш труд был оплачен еще натурплатой — зерном. Но в этом году непогода не дает нам как следует взяться за дело.

— Проверь-ка точки смазки, — сказал дядя Коля, когда мы подошли к комбайну.

В ожидании, пока поле малость проветрит, я беру шприц и нагнетаю солидол в крутящиеся-вертящиеся детали, а дядя Коля ходит вокруг жатки, проверяя целостность сегментов на режущем полотне и натяжение цепи. Наконец мы трогаемся. Включена жатка, заработали остальные узлы комбайна. Проехали метров сто, когда барабан загудел натужно и на подающем полотне стала расти куча косовицы. Значит, волглая солома забила барабан. Дядя Коля останавливает комбайн, я соскакиваю с сиденья и спешу с монтажкой вытаскивать спрессовавшуюся солому из барабана. Но сжатая масса греет руку и никак не поддается моим усилиям.

— Ножом попробуй, — советует комбайнер.

Беру секач с лезвием наискось и начинаю резать солому. А дядя Коля идет к хвосту комбайна проверить, сколько остается зерна в обмолоченной соломе.

— Зерно теряется, — недовольно качает он головой.

Но убирать хлеб всё равно надо, ведь впереди насчет погоды полная неизвестность, а в перестоявших хлебах потери неизбежны. Я заканчиваю очистку, трогаемся дальше. Но успеваем проехать сотню-другую метров, как опять забивает барабан. Теперь уже очищаем его вдвоем и смотрим на другие комбайны: кто-то движется, а кто-то стоит. Тоже, видно, мучаются. Комбайнеры на своей технике приближаются к нам и глушат моторы.

— Подадимся, однако, до дому, — предлагает дядя Коля. — Всё равно погоды нет.

Без обычного после рабочего дня оживления, с досадой за попусту затраченное время мы едем домой. Механизаторы долго и основательно готовятся к уборочной страде. Зимой заняты на животноводческой ферме или другой малодоходной работе. Вот и стараются как следует подзаработать на уборочной. Но сейчас время идет, а дело стоит. Тут не порадуешься!

Но была у меня тайная радость — Маша, Машенька, Мария! К тому же никакой особой ноши на житейских плечах, никакой особой такой ответственности перед близкими, родными. Только-только вышел из детского возраста и стал прикидывать, примерять на себя взрослую жизнь, — но еще играючи, как бы понарошку, в слепой и святой своей правоте, что все это еще не моя настоящая жизнь, что огорченья по поводу ненастья — не мои еще настоящие огорченья, что заработки эти — не мои настоящие заработки, что трудности страды — не мои настоящие трудности. На дворе исход лета, каникулы, вечерами мы встречаемся с Машенькой в клубе, сидим в кино — ее рука в моей! — потом танцы до упаду; приглашаем в круг кого ни попадя: нам всё равно, с кем танцевать, а сами нет-нет да ловим взгляды друг друга, заговорщицки перемигиваемся. Сейчас танцы кончатся, разбредутся парочки, а мы спустимся с Машенькой к реке, будем смотреть на воду и на звезды на воде и на небе, смотреть и загадывать желания, а если закапает дождь — сядем на крылечке сельсовета... Вот это было мое настоящее, вот этим я жил.

Наутро ярко светило солнце, дул свежий ветер, небо радовало прозрачной синевой, лишь кое-где по сторонам горизонта заметны светлые облака. Может, сегодня наконец-то развиднеется и начнется настоящая работа?

После завтрака я пошел к дяде Коле и мы направились в контору совхоза. Все радовались яркому солнцу, как-то повеселели, шутили. Подъехала «летучка», погрузились и выехали в поле. Возле каждого комбайна соскакивали по двое — механизатор и его юный помощник, — и машина следовала дальше. Вот завелся один комбайн, другой, третий... Поначалу барабан комбайна все же забивало, особенно в низинах, где вперемежку с пшеницей рос зеленый сорняк. Но постепенно солнечная погода делала свое, и комбайн стал работать без перебоев. Мы намолотили полный бункер и разгрузили зерно в машину с нарощенными бортами, а когда снова наполнили бункер, порожних машин еще не было. Пришлось остановиться. Нас нагнал идущий следом комбайн Бастрикова.

— Чего стоим? — спросил он, тормознув комбайн.

— Бункер полный! — ответил дядя Коля.

Бастриков заглушил мотор, полез глянуть в свой бункер.

— Мой тоже скоро наполнится, — сказал он. — Что, так и будем стоять?

— И не говори! — поддержал дядя Коля. — Раньше дожди мешали, а теперь транспорта нет!

— Куда машины подевались?

— Видать, на уборке кукурузы.

— Пока шли дожди, автомашины наши позабывали, а теперь и разгружать некуда! Ну ладно! Я поехал, пока место есть — набью бункер.

Дядя Коля отвел наш комбайн в сторону, Бастриков проехал дальше. Потом мимо прошел комбайн Голошумова, а машин все нет и нет. Вот и вся техника на поле стала — у всех некуда сыпать зерно. В ненастные дни транспорт отправили на уборку кукурузной массы под силос — эту работу делали и в дождливую погоду, но теперь то для уборки зерновых самая благодать!

Вдоль кромки поля шумел березняк, в лощинах пирамидами стояли стога смётанного сена. Все залило ярким солнечным светом, легкий ветерок ласкает лицо, а по небу лениво плывут редкие облака. Тяжело сидеть в бездействии в ненастную погоду, а в такой погожий день и вовсе. Вот наконец к нашим комбайнам по стерне приближаются машины. Одна подъехала к нам, дядя Коля включил шнек, и зерно стало сыпаться в кузов. Течет и течет золотистый ручеек в кузов, а легкие охвостья относит в сторону. Разгрузившись, мы продолжаем жатву.

По мере убыли ясного погожего дня нарастает азарт в работе. Так бывает и на покосе, когда в вечернюю прохладу невесть откуда ощущаешь приток новых сил и с удвоенной энергией тянешь за собой прокос.

Подъехал к нам управляющий нашим третьим отделением совхоза Тихон Силыч Бондарь:

— Как идет работа?

— Сейчас вроде все крутится-вертится, — сказал дядя Коля. — Подал бы сразу транспорт — больше убрали.

— Так, пока убивали кукурузу — в машины загружали выше бортов, под завязку, кузова и расшатались. Пришлось щели заделывать. А сейчас вам зеленая улица!

Тихон Силыч поехал в сторону культстана, мы двинулись дальше. Теперь машины подъезжают раз за разом.

А через день солнышко уже грело совсем полетному.

— Как смотришь, управимся с этим полем сегодня, если роса не ляжет? — обратился к Виктору Голошумову дядя Коля. — А то, видишь, что получается! Завтра здесь дожинать, потом перегонять на Бормотово поле, на это тоже время

надо. Считай, два дня долой, а мы и так время потеряли!

Голошумов оглядел недожатую часть поля.

— Не знаю, может, и сумеем, — сказал он. — Надо посоветоваться.

Стали ждать остальные комбайны, они продвигались по полю к нам все ближе. Сначала подъехал комбайн Бастрикова, потом Селиванова.

— Ну что, мужики? Поработаем дотемна, пока погода позволяет?

— Дотемна?

— Ну да, если роса не ляжет. Похоже, не ляжет.

— Что — завтра дня не будет? — возразил Бастриков.

— Погода-то и в самом деле вроде установилась, — поддержал его Игнат Селиванов. — Наверно, не последний день такой.

— Э-э, не скажите, мужики! — возразил дядя Коля. — Когда у Михайловки убирали в прошлом году, клин втрое меньше этого поленились дожать. Ну и что вышло? Оставили на другой день, а приехали через три дня — дожди мешали. Тогда стояла такая же вроде устойчивая погода. Было такое? — обратился он к Голошумову.

— Было, было, — подтвердил тот.

— В самом деле, давайте поработаем, — решил Селиванов.

От культистана подъехал Тихон Силыч. Ему объяснили намерение комбайнёров, — лишь бы автомашины были.

— Ладно. Тогда каждого шофера я предупрежу самолично, — сказал Силыч.

— Мы дотемна будем убирать, что ли? — спросил я дядю Колю. Мне этого не хотелось, я мечтал о встрече с Машенькой в клубе.

— Посмотрим, как работа пойдет, — ответил он уклончиво. — Теперь главное, чтоб сырость под вечер не легла. Иногда в ночи без росы допоздна убирали.

Значит, сегодня нам с Машенькой не встретиться. Но я еще никогда не убирал хлеб ночью. Мысль о Машеньке на этот раз промелькнула и выскочила из головы, а воображение уже было занято движущимися при свете фар комбайнами, которые освещают перед собой золотистое поле. Автомашины подъезжали вовремя, и мы продолжали жатву без простоев. Вскоре подъехал управляющий.

— Значит, так, — сказал он. — Часа через полтора харчи будут готовы. Я сейчас гляну на

уборку кукурузы, а потом поужинать доставлю прямо сюда.

Вот мой старший остановил комбайн и предложил мне пересест на водительское сиденье. Водить комбайн мне доводилось и раньше, поначалу дядя Коля мне доверял руль только на ровном участке поля.

— Поуправляй комбайном, — предложил он как-то после обеда.

Меня это удивило, ведь раньше я не раз его упрашивал, а он — ни в какую! А тут сам предлагает. Раз предлагает, меня два раза упрашивать не надо. Комбайнер уступил сиденье и сам стал рядом.

— Так, так. Сцепление убери, — учил он меня. — Переключай. А теперь отпускаяй сцепление.

Но я переусердствовал. Резко включил сцепление, комбайн взвыл, заурчал, дернулся. Я опешил и тут же нажал на тормоз, оказалось, не убавив газа. Комбайн еще раз взревел, как бешеный бык, дернулся и замер. Я с испугом глянул на дядю Колю. Думаю, вот сейчас вывел из строя такую махину, комбайнер заругает меня, ведь нам теперь столько дней простаивать на ремонте — не будет заработков. Но он не стал меня ругать и даже не прогнал с сиденья.

— Давай по новой, — сказал он. — Только сцепление не сразу отпускаяй и про газ не забывай.

Ободренный его словами, я повторил маневр, и комбайн плавно двинулся вперед.

— Вот так! — поощрил комбайнер. — Теперь внимательно на поле гляди.

Его просьба мне понятна: не раз мы простаивали из-за того, что в жатку попадали коряги, куски проволоки, а не дай бог подцепится увесистая железяка — все зубья жатки пересчитает! От усердия я даже привстал, вглядывался перед собой в землю, под корни пшеницы, ожидая, что вот-вот послышится лязг, скрежет, комбайн выйдет из строя — и во всем буду виноват я! Но комбайн шел и шел вперед, все исправно крутилось и вертелось. Я был рад, что такую огромную махину без сучка и задоринки веду по полю.

— Для начала неплохо, — одобрил наставник. — Остановись.

Я нажал на тормоз.

— Так. А теперь глянь назад, какая за нами полоса. Оглянулся — и глазам не верю: будто пьяный кто за рулем сидел! Комбайн петлял и двигался зигзагами.

— Знаешь, почему так получилось?

— Почему? Вроде я вел нормально!

— Ты смотришь вниз у самой жатки, а ты гляди внимательно чуть дальше, комбайн тогда будет двигаться ровно, если там что-то подозрительное, ты всё равно заметишь.

Постепенно я освоил науку вождения комбайна, и теперь дядя Коля нет-нет да и дозволит сесть на свое водительское место. Я веду комбайн. Поле в основном ровное, если не считать двух ложбинок. Но теперь я знаю, как управлять комбайном и по волнистой местности. Спускаюсь в ложбину, тут нужно чуть жатку приподнять, чтобы она не загребала землю. Приподнимаю ее и слежу, чтобы режущее полотно при подъеме с ложбины чересчур не задиралось. Поднимаясь вверх, даю побольше газу и опускаю жатку ниже нормального положения. Преодолев ложбинный участок, на ровной местности привожу жатку в обычное состояние. Всем этим премудростям меня, конечно, тоже научил дядя Коля и теперь вот доверяет мне, надеется на меня, и я стараюсь на совесть.

Вскоре на поле показался мотоцикл Тихона Силыча. Хлебобобы подкрепились как следует, перекурили, и снова закипела работа.

Как дядя Коля угадал, что этот вечер и эта ночь будут без росы? Обычно к закату вдоль Томи и в низинах начинал сгущаться молочный туман, но сегодня ничего подобного не было, туманы спали, с юга дул ветер-суховей, и в самом деле не было росы. Я с дядей Колей управлял комбайном на равных попеременно. Мы закончили уборку ночью. Дома, прежде чем провалиться в сон, подумал: а ведь сегодняшний день и был самым настоящим. Несмотря на усталость, впервые от работы на комбайне испытал такую благодать...

Справа от культстана виднеется Михайловка — небольшая деревушка без особых примечательностей. Но там родилась Маша-Машенька-Маруся — первая любовь и светлое воспоминание. Теплыми весенними вечерами допоздна катались мы вдвоем, без усталости носил нас от одной деревни до другой мотоцикл. В Михайловке мы обычно заезжали к Марусиной бабушке, она усаживала за стол сумасшедших влюбленных. «Бабушка, мы самые счастливые на свете!» — восклицала Машенька, уезжая. И снова мчал нас мотоцикл — до районного центра, где мы уже учились в средней школе и жили в интернате... Потом я уехал, и первая любовь так и осталась

светлой, ничем не омраченной, стерильно чистой... «Чистота бесплодна, на ней ничего не растет», — вспоминается невеста когда и где услышанная фраза. Может быть, может быть... Но не надо обольщаться, ведь и в народе воистину сказано: «Не у всякого жена Марья, а кому Бог даст...» Но все-таки, все-таки как хорошо на этой земле, где рос, где любил, где впервые представала красота окружающего мира!..

Автобус в деревню не заезжал, останавливался на горе: в ненастье трудно выбраться наверх, — некогда насыпанный по улице гравий давно перемешался с грязью и сошел на нет. Рейсовый автобус в деревню пустили, когда лет семь назад построили гравийную дорогу, с тех пор подсыпай не подсыпай, — сельская техника все одно натаскивает с полей чернозем.

Я сошел с автобуса и пошел вниз по улице. Вдоль русла нашей речки кое-где растут ветлы, затем ее извилистая лента исчезает в тальнике, который тянется до самого озера. А из озера навстречу речке по небольшому рукавику струится вода. В тальнике и черемушнике эти два течения сливаются, дальше к ним присоединяется еще один рукав из другого озера и начинается протока, на которой в ледостав рыбаков, что кочек на болоте: по Томи вовсю несется шуга, пугает рыбу, а на протоке под зеркальной гладью — тишина, вот и заходит сюда рыбка косяками. Протока широкой лентой сквозь строй тополей-великанов плавно выносит свои воды в Томь, которая течет в трех километрах от деревни. По правобережью гряда за грядой до самого горизонта хвойный простор.

Я шел по селу. То со мной здоровались, то я здоровался. Некоторые при этом называли меня Митей. Братишка после школы тоже жил и работал поначалу в родном селе, я в то время уже уехал. С братом мы похожи, отсюда и путаница. Когда окликали меня по имени брата, я не поправлялся, была лишь легкая досада, что в родном селе уже перестают узнавать. Всё больше в селе незнакомых лиц.

Вот и деревянное здание родной школы, где открывался мне большой неведомый мир... Первого сентября в первый класс пришел я рано на рассвете, когда школа еще закрыта, да на крыльце и заснул...

Детство мое прошло в основном на колесах. Дядя Вася, старший брат матери, работал в дорожном управлении мастером. Ему приходилось

много ездить, а неразлучный его друг по поездкам — конь Моряк. Читать я выучился еще до школы. Книги для взрослых были не совсем интересными, а вот «Амурские сказки» прочел от корки до корки несколько раз. Видя мой интерес, мама мне купила еще и русские народные сказки. А в нашей школе, я знаю, книг еще больше, мне хочется поскорее поступить в школу, где познают много интересного.

До первого дня учебы остался только день, как заехал к нам дядя Вася. Мы жили на краю деревни. На том краю, откуда проселочная дорога уходила на шоссе. Дядя не мог выехать за деревню, минуя наш дом. В окно видно, как он подъезжает к нам. Черная хозяйственная сумка набита. Всё понятно! Дядя собрался в дальнюю дорогу. Вот телега уже под окнами.

— Стоять! — слышен голос дяди.

Это единственная команда, которую Моряк выполняет мгновенно. И если хозяин, не подрастив, скажет раньше, чем нужно, наблюдается обычная картина, которая и сейчас мне видится из окна.

— Н-но! — Дядя приударяет вожжами по крупу лошади.

Моряк недоуменно поворачивает голову в сторону возницы: была же команда остановиться, чего теперь дергать-то! Он в знак возмущения хвостом бьет по вожжам.

— Н-но, Моряк!

Теперь конь сильно бьет задним копытом о землю. Я их понимаю — и хозяина, и коня. Дяде нужно подогнать телегу поближе к ограде и зацепить вожжи за столб, а Моряку кажется, что возница передумал зайти в дом и снова надо трогаться в путь, чего ему очень не хочется. Дядя крутит над головой конец вожжей и шлепает коня по крупу. Недовольный Моряк упрямо мотает головой, рывком трогается с места и от ограды круто выворачивает на улицу, раз уж хозяин передумал и надо ехать дальше.

— Стоять! — Дядя осаживает коня и не выдерживает: соскакивает с телеги, сам под уздцы подводит к ограде и накидывает вожжи на столб, а я отрываюсь от окна и начинаю собираться в дорогу.

— А кто завтра в школу пойдет? — говорит мама.

Она знает, что для дяди поле не меряно и время не считано, он может в нашей деревне появиться через день-другой, а то и задержаться подольше. Родни у нас окрест много, а знакомых

у дяди и того больше. Я продолжаю собираться, беру ножичек, запасные крючки, заранее приготовленные гусиные перья на поплавки. Дядя входит в дом. Мать, как всегда, приглашает его к столу. Дядя, как всегда, отказывается, но все-таки садится. Гладит прокуренные усы и ждет — не подадут ли? А мама, собрав на стол, скрывается за русской печью. Выпив кружку медовухи, дядя веселеет.

— Поедешь со мной? — обращается он ко мне. — Вон и Моряк заглядывает в окошко, ждет, когда ты выйдешь.

Конь и в самом деле смотрит в нашу сторону и мотает головой. Вроде подтверждает дядин слова и приглашает составить компанию.

— А как же школа? — опять тревожится мама.

— До школы мы вернемся, — успокаивает дядя.

Во дворе с крыши предбанника беру удочку, и трогаемся в путь. У околицы я быстренько соскакиваю с телеги и бегу открывать ворота. С тоской глядящие на поле телята робко подходят к воротам в надежде полакомиться посевами, но я за телегой закрываю плотно и накидываю крючок, не то потравят хлеба. Удаляются телята, высунувшие головы между жердей изгороди. Домик наш всё ближе, ближе пригибается к земле. И вот за околком исчезает вся деревня. Дышится легко. Солнце светит всюду, но не жарко. Всегда при таком путешествии мир мне кажется праздником. Большим праздником. Как много интересного вокруг! А сейчас радость еще и от того, что завтра пойду в школу. Мы пересекаем поле и въезжаем в лес, где под себя накашиваем траву. В лесной прохладе дядя, к великой моей радости, передает мне вожжи, а сам поудобнее укладывается на свежескошенной траве покемарить. В лесу мне привычнее и уютнее, чем в поле. Поле — это земля, на которой можно что-то выращивать. Посеяли гречиху — гречиха зацвела, пшеницу — пшеница вырастет, но лучше всего, когда подсолнухи или горох. Поле каждый год может менять свой вид, а лесу не прикажешь нынче быть одним, на следующий год другим, он живет своей жизнью — таинственной и порой даже пугающей. Вот, пожалуй! Чуть забылся — и получил по кепке! Но вообще-то он добрый и щедрый. Когда дядя займется своими делами на строительстве шоссе, пойду искать грибы. Бац! Пока я задумался, Моряк зацепил-таки за пень. Беда с ним в лесу, стоит ослабить вожжи, его начинает воротить в сторону. Сначала за близкой веточкой потянет-

ся, потом заворачивает в сторону всё больше и больше, пока не зацепит телегу за дерево или за пень и не остановится.

— Ты опять ворон ловишь! — сердится очнувшийся дядя, но не злобно, а так, для острастки.

Он слезает с телеги, берет коня под уздцы и пытается подать телегу назад. Но Моряк пятился не желает и топчется на месте, дядя наваливается на оглоблю и одновременно резко дергает поводок. Конь от неожиданности подается назад и тут же пытается дернуться вперед, но дядя хорошо знает его повадки. Он не дает коню опомниться, резко поворачивает его в сторону. Моряку ничего не остается, как выполнить дядину волю. Тележные колеса снова попадают в накатанную колею, и мы продолжаем путь. Теперь уже я начеку, да и дядя не дремлет. Он следит, как я правлю, а я слежу за Моряком. Так и едем.

Вот выехали из сплошного леса. Света и простора больше, и даже на душе светлее. Барашковые облака, которых не так видно в лесу, теперь по всему небу. Если долго на них смотреть, какой только живности не увидишь в небе! И коров, и верблюдов, и слонов! Но сейчас долго засматриваться нельзя, а то Моряк опять подведет. Впереди то и дело попадают рожицы и околки, и кучерявые тени от них перебегают дорогу. Вот дорога раздвоилась, одна ушла влево. По ней мы однажды с отцом поехали в лес на длинной бричке за жердями. Сидели на передке. Я заигрался и упал, отец этого не видел, я сидел за его спиной. Ну всё, думаю, смертушка моя пришла. Упал, глаза закрыл и жду, когда заднее колесо меня переедет. А оно не переезжает и не переезжает. Тогда я открываю глаза и сквозь мерцающую тень вижу осколки солнца. Закрываю глаза, лежу долго-долго. Где же колесо? Ведь оно должно меня давно переехать. Поворачиваюсь, а оно только-только накатывается на меня. Быстренько соскакиваю и бегу вперед. Встаю на телегу и усаживаюсь, как раньше и сидел. Отец так и не узнал про этот случай...

Вот и проселочная дорога кончается, скоро выезжать на шоссе.

— Дай-ка вожжи, — говорит дядя и ласково треплет меня по затылку.

Я улыбаюсь. Знаю, он добрый, хоть с виду и сердитый. Теперь он правит конем, ведь на шоссе машины, надо быть начеку. Проезжаем мимо холмиков гравия, издали кажется, будто всю дорогу изрыл огромный крот. Вдали обозначаются люди. Мы подъезжаем к месту работы дорожни-

ков, дядя съезжает с шоссе, в лесопосадке привязывает вожжи к клену. Он направляется к рабочим, а я в лесопосадке ищу грибы, но стоит сушь, грибов нет, зато я вдоволь наедаюсь костяники. Дядя Вася окликает меня. На этом участке он задание дал, потом на двух последующих остановках дядя тоже дает задание, мерит рулеткой подготовленные участки дороги и мы едем дальше. Я уже знаю, мы непременно свернем в одну из деревень, без этого еще не бывало.

— Мне завтра в школу, ты не забудь, — напоминаю ему. Хоть и заманчивы такие поездки с дядей, но никак не хочется мне пропускать начало занятий.

— До школы еще день и ночь впереди, — успокаивает он меня. — В аккурат будем.

Вновь мы катим по проселочной дороге, дядя доверяет мне вожжи. Вот и деревня Семёнкино, там мы уже бывали. Одна улица, петляя, вьется вдоль речки, а остальные две ползут в гору. Интересно, где же сейчас мы остановимся?

— Езжай по улице вдоль речки, — говорит дядя на мой вопрос, когда мы проезжаем мост. — До самого конца.

Значит, через Семёнкино мы только проезжаем, соображаю я. Выходит, поедем еще дальше! Это меня радует: чем дальше путешествуешь, тем интереснее. Вот уже и конец деревни, осталось проехать несколько домиков и снова выедем на простор.

Неясный шум, который услышал еще издали, стал отчетливей. А в первый приезд этого шума не слышал, мы останавливались на другом конце деревни. Выезжаем за околицу, на краю селения дороги бросились врассыпную; я держусь главной, которая ведет, наверное, до другого села. А сам смотрю влево, на большой пруд, в котором плещутся утки и гуси, шум воды нарастает.

— Левее правь, левее! — командует дядя.

Я направляю Моряка в сторону пруда. Шум воды усиливается. Теперь он уже заглушает крик гусей, хлопанье крыльев и даже скрип телеги. Дядя сам берет в руки вожжи, и телега съезжает с насыпи к зданию. Это же водяная мельница! На встречу выходит мукой осыпанный мельник. Мужчины здороваются, дядя подводит Моряка к коню, привязывает его и с мельником скрывается за дверью, откуда тоже слышен мерный гул. Мне не терпится посмотреть, что там внутри мельницы, но шум падающей воды влечет сильнее. Подхожу к пруду, в то место, где по деревянному лот-

ку вода устремляется вниз на колесо. Сбрасываю сандалии, шурша широкими лопухами и прохладными листьями мать-и-мачехи, спускаюсь вниз. Вращается огромное деревянное колесо, будто большая груженная телега сказочного гиганта медленно поднимается в гору. Колесо в огромные деревянные лотки набирает воду и потом сбрасывает ниже в пенящийся поток. Вода выливается и пузырится, взбучивается, пенится, будто мама стирает и хлопья разлетаются во все стороны. Бесперывный поток, бесперывное вращение колеса, неумолчный шум завораживают, хочется стоять, смотреть и смотреть. Налюбовавшись, поднимаюсь наверх, захожу в мельницу: мельник с дядей таскает мешки наверх, сыпают их в деревянный бункер, откуда зерно сыплется в серединку жернова, а дальше струится в деревянный ларь мука. Вот как оно устроено мукомолье! На моих глазах происходит волшебство. Зерно превращается в муку. А из нее мама печет хлеб и вкусные пироги из моркови, капусты, картошки, печенки, молотой черемухи. Мучная пыль забивается в нос, мешает дышать, в горле першит. Я выхожу наружу и вспоминаю про удочку. Вот и она сгодилась! На берегу пруда накапываю червей, подымаюсь немного вверх, где есть камыши, забрасываю удочку в водяное оконце и начинаю рыбачить. Когда солнце стало клониться к закату, уже наловил с десяток карасей. Продолжил бы рыбачить, но меня позвал дядя. Он с мельником нагружает на подводу мешки с мукой, потом мельник поднимается на насыпь. Мне любопытно, что он будет делать. Подхожу ближе. Он закрывает деревянной перегородкой лоток, подающий воду на колесо, открывает соседний лоток, спускающий воду по обводному руслу, — вместо прежнего оглушающего шума воды теперь лишь мелодичное журчанье.

Дядя подсаживает меня на груженную мешками телегу, берет в руки вожжи, Моряк трогается, а взрослые шагают рядом и беседуют о чем-то своем.

Мельник жил в середине улицы. Вошли в дом, хозяйка подает на стол, а дядя достает из сумки бутылку.

— Садись, мальчик, что стоишь? — приглашает меня хозяйка к столу.

— Спасибо, я сыт, — выпалил я ни с того ни с сего совсем неожиданно для себя.

И зачем только я это сказал! Мы, правда, на шоссе вместе с рабочими перекусили, но это же когда уже было! От досады и обиды я поскорее

юркнул за дверь. Выхожу во двор, на завалинке скучаю. Замечаю кур в палисаде и начинаю их шугать-выгонять. Это отвлекло меня, успокоило, я вошел в дом. Когда хозяйка вновь пригласила за стол, я уже не ждал другого приглашения.

Довольно поздно, а застолье всё длится, мужчины продолжают беседу.

— Поехали домой, ведь завтра мне в школу, — напоминаю дяде.

— Скоро поедем, — говорит он, чтобы отвлечься.

А хозяйка смотрит на меня сердобольными глазами. Собеседники начинают говорить всё оживленной.

— Николай, им пора уже, — напоминает хозяйка. — Дитю в школу, а вы и до третьих петухов готовы сидеть.

— Не встравай промеж мужиков, женщина! — осаживает ее хозяин, и застолье продолжается.

Наконец дядя, к моей радости, поднимается из-за стола:

— Нет, Николай, пора ехать. Спасибо, хозяйка, за хлеб-соль.

Выехали за околицу. Вечерняя сырость обложила землю. Вот и мост через реку, на которой стоит мельница.

— На, накинь, а то озябнешь, воробей! — подает мне дядя свой зеленый френч.

Но мне вроде и не холодно. Лежу на мешках, спиной ощущаю тепло, исходящее от свежемолотой муки. Удивительно, как она столько времени держит тепло! Укрываюсь френчем, лежу, смотрю в небо. Уже четко обозначились звезды, то прикрываясь легкими облаками, то вновь выплывая, движется луна. Гляжу наверх и чувствую: во всем мире присутствует чуть грустная и светлая улыбка бабушкиного Бога. По словам бабушки, никто никуда не уходит. Все в небесах. И дедушка Николай никуда не ушел, и дедушка Александр, и дядя Федор. Тогда им там не одиноко. Когда умру, тоже буду с ними. И зачем люди умирают? Жили бы и жили на земле. Как много в жизни интересного! Завтра пойду в школу и узнаю еще больше! Жаль только, с дядей, может, и не придется больше ездить, и Моряк по мне соскучится, и я по нему тоже.

Вдруг телега останавливается. Моряк пошел через речку Песчанку не по бревенчатому настилу, а взял правее, где переходят речку вброд, и жадно припал к воде.

— От зараза! — досадует дядя. — Куда он вывернул!

Я понял, что он дремал и сейчас только очнулся.

— Н-но, Моряк! — дядя дергает вожжи, когда конь напился.

Моряк рванулся, но груженная телега осела в песчаном иле. Как ни понуждали коня, он так и не смог вытянуть телегу. Дяде пришлось, засучив штаны, перетаскивать мешки на себе, а я ему, как мог, помогал.

Доехали до Рябковки. Дядя предложил подождать, пока он у себя разгрузит подводу, а потом меня довезет до дома. Но я сказал, что сам добегу, и не побоюсь, это же своя деревня! К тому же на востоке посветлело. Дома родители уже хлопотали по хозяйству. Наскоро перехватив, я пошел в школу. Но она еще закрыта. Сел на крыльцо, положил на колени новенький портфель и стал ждать. Разбудил меня учитель, и мы с ним вошли в празднично убранную школу, еще пахнущую свежей краской... Вот и кончилось мое беззаботное детство и начались школьные годы...

От школы мне навстречу идет дядя Ваня Клепиков. Когда-то он вместе с отцом работал на конном дворе, я с ними выезжал на выпаса, осенью и зимой помогал возить сено для лошадей. Дядя Ваня рассказывал разные байки, пел озорные частушки, порой собственного сочинения. «Моя милка, ох, высока, на пупе растет осока, накопил я там стожок, Вовка-дуралей сожёт!» — распевал он, бывало, сидя высоко на переднем возу с сеном. А я, едуци следом на втором возу, должен был так же складно отвечать с подковыркой в его адрес. Дядя Ваня с годами стал хворать и вот уже много лет сторожит совхозную контору и школу. Я поздоровался, мы повспоминали былые годы, поговорили о житействе. Оказалось, тетка Нюра — жена его, тоже прибаливающая с давних пор, так и не оправилась, хотя дядя Ваня возил ее по больницам и бабкам, всемерно о ней заботился. Помню, как по весне он ловил для нее рыбу...

Мы с пацанами — «зеленый патруль». Следим за тем, чтобы не препятствовали продвижению рыбы вверх на нерест. Реки уже вскрылись, но еще нет большого половодья. В это время обычно ставят на пути рыбы, идущей к верхнему озеру, мордушки, фитили и прочую рыболовную снасть. Но мы, пацаны, сами раньше, оказывается, были браконьерами, плели всевозможные ловушки. Я делал корчажки, мордушки из ивовых прутьев, го-

товил заездки и ставил свои снасти на речке, как и другие пацаны. Мы и ведать не ведали, что браконьерничаем. Знали, что рыбы у нас прорва — ловить не переловить никакими снастями. Так я думал. Но вот в школе мы стали подробнее изучать жизнь рыб и с подачи учителей загорелись идеей — охранять их во время нереста. Мы группами ходили вдоль берега, когда встречали у речки мужиков, предупреждали их, что сейчас трогать рыбу нельзя и загораживать путь ее вверх на нерест категорически запрещается. Мужики согласно кивали, хвалили нас, и мы с сознанием исполненного долга вдоль берега шли дальше. И невдомек нам было: для широкого размаха мужиков ни к чему наша ближняя маленькая речка. Они частоколом перегородили во многих местах второе русло, вытекающее из другого озера возле дальней фермы. Шагает «зеленый патруль» вдоль речки дальше. И вот в густом тальнике мы застали врасплох браконьера на месте преступления. С криками: «Ага, попался!» мы устремились к нему. Но к нашему удивлению, он не дал деру, как в кино или книгах, и даже не прекратил своего черного дела, продолжал забивать колышек. Браконьером оказался хорошо знакомый нам дядя Ваня Клепиков. Последний раз стукнув обухом топора по колышку, который удерживал в воде уже поставленную мордушку, он повернулся к нам. Достал кист, скрутил козью ножку, закурил, а мы так и стояли в растерянности, не зная, что предпринять. Ведь браконьер не устремился в чащу, ломая кусты и валежник, не замахнулся на нас и таким вот своим мирным поведением привел нас в замешательство. Только на днях мы с ним встречались на реке. Тогда он тоже одобрил нашу затею, а сейчас вот сам же и нарушает.

— Рыбу, значит, защищаете? — спросил дядя Ваня, затягиваясь самосадом. — Это хорошо. Молодцы, ребятки!

Я никак не мог понять, что он за человек. Дядя Ваня внимательно глядел на нас и, словно угадав мои мысли, сказал:

— Тут такое дело, ребятки. Баба моя, тетя Нюра, значит, шибко болеет. Охота ей ушицы из свежей рыбки. Куда тут денешься! А удочкой пока никак. Ишь, как крутит! И вода мутна.

У наших ног текла прежде мелкая речка. Она теперь с каждым днем заметно взбухла и от стекающих отовсюду талых вод стала совсем бурой. Конечно, в такую пору соваться к речке с удочкой бесполезно — все равно ничего не поймает.

— А вы молодцы! Хорошее дело делаете! — снова похвалил нас дядя Ваня. — А я много не возьму. Уж шибко хворает Нюра, слегла.

Мы пошли домой.

— Раз тетя Нюра болеет, пусть ловит, — благодушно разрешил «зеленый патруль» Мишка. — Он же немного возьмет.

— А рыбе нет разницы — для больной ее отпавят в кипяток или для здоровой, — возразил Коля.

Я шел, молчал, думал. И перед сном вновь бродили в голове всякие мысли. Почему мы отступились? Ведь мы дали клятву, что будем охранять рыбу, несмотря ни на что! У каждого в деревне родня. Если по-родственному давать спуску каждому, наше патрулирование окажется холостым выстрелом. И как относиться к дяде Ване? Разве он правильно поступает, когда ловит рыбу по-браконьерски? А что ему делать, раз тетя Нюра хворает! Дядя Ваня, наверное, прав, что ловит для нее рыбу. Но он ведь все равно нарушитель! А мы этого нарушителя отпустили подобру-поздорову, выходит, мы поступили неправильно. Но все же где-то глубоко внутри сидело убеждение, что поступили мы правильно... Но как тогда связать одну правду с другой? Мы правы, что защищаем рыбу. Дядя Ваня прав, что хочет больную жену угостить ущицей со свежей речной рыбой. Но опять же — прав и Коля! Рыбе безразлично, по какой причине ее в котел отправят! Как тут связать одно с другим? А все дело в тете Нюре. Не хворала бы она в такое время! Вот чуть бы позже, когда рыба поднялась и отнерестилась, да и вода тогда уже светлая, можно на удочку ловить. Но разве тетя Нюра виновата, что болеет и что ей захотелось ущицы? Думал я, думал, но так и не пришел к успокоительному выводу... Детство уже давно позади. Не с этих ли пор не могу найти единого ответа на вопросы жизни? И есть ли такой ответ?..

Я открыл калитку. Отец во дворе отбивал литовку — неторопливо, как всё он делал в жизни. Рядом лежали еще литовки, потемневшие от времени грабли, клинышки, столярные инструменты. Отец при всей своей худощавой фигуре казался подростком. Поздоровались.

— В отпуск или на выходные? — спросил отец.

— В отпуск, в отпуск.

— Это хорошо.

На крыльцо вышла мать.

— Здравствуй, мама!

— Приехал! Как я тебя проглядела! Люди с автобуса прошли, я глядела, глядела — никого наших!

— Я свернул в проулок, чтоб чуток вдоль речки пройтись.

— А-а. За огородами, значит, прошел. Слава Богу, приехал! А я тебе чё говорила! — обернулась она к отцу.

Отец стоял и улыбался. Я его понимаю, он и сам приезда детей ждет с нетерпением, только виду не кажет: когда ждешь, как бы не ожидая, не слишком и омрачишься, если не приедут. А объявятся — и радости больше! Она как бы нечаянная, радость-то!

— Как литовки? Еще терпимы, можно ими покосить? — спросил я, беря одну из них в руки. — Полотно уже только с ножичек.

— Этот ножичек двух теперешних литовок стоит, — гордо сказал отец. — Нынче что — лист железа да и только! Отбивай не отбивай, а через прокос-другой берись за молоток. Анисья, а где же молоток-то покосный? А этот, — поднял он молоток, — руку оттягивает, а лезвие не тончит.

У нас был особый молоточек для отбивки литовок — легкий, ладный, под специальным углом заостренный.

— А ты его прибирал? — спросила мать.

— Так в прошлём году вроде всё в предбанник убирал, всё там в ящике, а молоточка нет!

— Знать, так прибирал. А ты, Василий, больше нигде не смотрел?

— В чулане смотрел, нету.

— Погоди-ка! — мать ушла под навес и оттуда вышла с тем самым потерянным молоточком.

— Ведь сколько раз говорено — подбирай за собой инструмент, подбирай! То гвозди где попало, то молоток!

— Ты почто его заныкала-то? — шутливо спросил отец.

— Я заныкала!

Вместо благодарности услышав такое предположение, мать выразительно глянула на отца, но увидев его лучистые глаза, сама посветлела лицом, махнула рукой и вошла в дом.

— Ну иди, поешь с дороги-то, — сказал отец. — И мать пусть поест, а то с утра ни маковой росинки, всё автобус ждала.

В доме мать уже собирала на стол, а между делом принялась за расспросы:

— Снохе-то отпуск дадут, нет?

— Скоро и у ней отпуск.

— А что внучку не привёз?
 — Алену Лена с собой привезет.
 — А когда приедут-то?
 — Дней через десять.
 — Вот и хорошо! Нам подсобите да и ягоды заодно себе на зиму наберете. Аленка-то как, не болеет?

— Нет. Носится как заводная, даже спать не загонишь.

— Ну и ладно, пусть набегается, в школу пойдет — уже не вольный казак. Помнишь, как закончились твои льготные поездки с дядей Васей, когда пошел в школу?

— Помню, конечно. Вот сейчас проходил мимо школы, невольно вспомнилось. Аленка, значит, пусть набегается, а меня-то сама шибко пускала? — шутливо обиделся я.

— Как не пускала!

— То гусей пасти надо, то овец, то поросят загонять. Будто не помнишь!

— А ты обижаешься, что ли?

— Знаешь, как мне хотелось побегать с пацанами!

— Ведь убежал же! Дашь деру и сизый от воды только к вечеру и заявишься.

— Нет, ты меня обычно тут же и находила.

— Так боялась же, а вдруг утонешь!

— Да и у нас, как Аленки нету, — сразу переполох.

— Вы-то в городе, а тут кругом свои, и то, как прознаешь, что вы на речке да долго вас нет, так и летишь!

— Помню, помню. Ты сразу: марш домой, работа стоит!

— Я и Аленке такую же жизнь устрою, — засмеялась мать. — Только вы ее на лето скоро нам отдадите?

— Да я не против, только Лену никак не уговорю, так и трясется над ней.

— Ничего, я с ней сама поговорю. Чем трястись, лучше заводите второго.

— В городе это не так просто, мама.

— Знаю, теперь у вас все сложно. Будто нам было все просто — и войну пережить, и хозяйство подымать, и вас подымать. Куда как просто!

— Мам, я же не говорю, что вам было легко. Было трудно, я и сам помню.

— А помнишь, как я тебя брала с собой на зерносклад?

— Помню, но смутно.

— Как не помнишь! Бывало, возьму тебя с собой, посажу рядом на горку зерна, сама веялку

кручу-верчу, а ты играешь в зерне, что да почему — мне скучать не даешь. Так и пролетает день.

— А-а! Ты тогда ещё дядин френч заставляла одевать, — припомнил я.

— Ну да. Взяла френч этот у дяди Васи твоего — моего брата, значит. С умыслом взяла. Возвращались с работы мы поздно, не то что нынче, вот и накидывала френч на тебя, чтоб не зябнул. А в нем карман на кармане! За нами строго следили, а мальчика что контролировать! Сыпану я в карманы зерна и веду тебя потихоньку. Вас-то шестеро ртов! На трудодни крохи давали, а вас прокормить-то надо. Нам бы только за угол зайти, а там я вытряхну в сумку. Идем с тобой, идем потихонечку, а ты: мамка, я устал, я сяду! И давай скидывать френч! И смех и горе! Хорошо еще Пётр Молчанов, крёстный твой, нет-нет да помогал...

О крёстном у меня остались теплые воспоминания. Когда он жил в деревне, часто брал меня с собой то в лес, то на рыбалку и терпеливо давал ответы на мои вопросы. Он располагал к себе веселым характером, дружелюбием, игрой на гармони, и я его особо выделял среди взрослых. Уехав в город, стал там работать и не раз высылал гостинцы, к началу учебного года привозил мне обновы. Но потом он надолго исчез, о нем не было ни слуху ни духу, и лишь изредка присылал по праздникам или по случаю дня рождения письма. Потом и писем не стало. Когда окончил восьмилетку, в девятый класс я поехал определяться в город и решил навестить крёстного.

Дверь открыла дородная женщина.

— Тут живет Молчанов Петр? — спросил я.

Та оглядела меня неприязненно:

— О господи, здесь еще его не хватало!

— Но он письма присылал, адрес этот.

— Мало ли что адрес! Только он здесь жить не будет! — заявила женщина.

За ее спиной появился старик, я в нем узнал отца моего крёстного.

— Здравствуй, дядя Семен! — поздоровался.

— Постой, постой! Это никак Анисьин сын? — начал припоминать он. — Из нашей деревни приехал, — добавил он, обращаясь к женщине. — Ну, проходи, проходи.

— Да здесь крёстный живет или нет?

— Экий нетерпеливый! Да увидишь ты его, увидишь. А это сноха Клара, — добавил дед.

Та молчала, старик сам подошел ко мне и провел в комнату.

— Я было тебя и не признал, как вырос! Ну, рассказывай, как там у вас?

Пока я отвечал на его расспросы, сноха Клара спроворила чай. Сели за стол.

— Ты, отец, не вздумай его снова пригласить, — сказала сноха. — А то он у меня уже в печенках сидит.

— Не придет, не придет, — поспешно согласился старик.

Я недоуменно оглядел хозяев и отставил блюдо.

— Спасибо за угощение, — сказал глухо. — Я пойду.

— Ты чего? — скинул голову дед. — Глянь-ко, заобижался, не о тебе речь!

Я почувствовал, что дядя Семён говорит правду. А к вечеру стал понимать и многое другое. Спать меня уложили вместе со стариком в одной комнате.

— Дядя Семен, — позвал шепотом, когда улеглись.

— А? — так же тихо отозвался он.

— А почему крёстному сюда нельзя?

— Запивается он.

— А Клара — жена его?

— Нет. Она младшего, Николая. Я с ними живу. Он сейчас на учебу поехал, завтра придет... Ты не думай, она с виду только такая, а так она добрая. Это ей Петр досадил, приходит грязный, в мазуте, а потом Клара простыни, мучается, отстирывает... Эх, Петр, Петр, — вздохнул старик. — Не может он с собой совладать.

— А вылечить нельзя?

— Лечили, два раза принудительно, да толку-то!.. Я его и сам лечил, с месяц действовало и перестало.

— А как лечил-то?

— Взял куриного помету, настоял на водке и Петру выпоил.

— И он выпил?

— Ему хоть бы хны! Пьет и не морщится. Эх, Петр, Петр, заги-и-иб!

— Может, его еще можно вернуть к здоровой жизни?

— Достать бы эдакое лекарство, да где оно!..

— Надо ему внушить силу воли, — сказал я. — Хочу с ним встретиться. Где он?

— Тише ты! Про это сейчас знаю я один. Ему, Петру-то, тоже неловко. Николай с Кларой сколько раз ходили к нему на производство, его совестили, начальству говорили, чтоб отправляли лечиться. Только после таких свиданий Петра уже

увольняли. Он и взмолился, ты, говорит, папая, больше им не рассказывай, где я. Устроюсь вот на новое место, одному тебе и скажу. А ежели, говорит, выдашь, совсем с глаз ваших исчезну. Тогда ведь совсем пропадет, сердешный!..

Дед Семен тяжело вздохнул, мне тоже стало жаль крёстного.

— Я завтра с ним встречу, — сказал я. — Где его найти?

— На автобазе, в ремонтном цеху слесарит...

На следующий день я поехал на встречу с крёстным, слез с автобуса и зашагал в направлении автобазы. По дороге попадались одинокие прохожие. Вот я поравнялся с мужчиной лет пятидесяти. Потом неожиданно для себя замедлил шаги, а когда разминулись, вовсе оглянулся. Последовал бы дальше, но мужчина тоже оглянулся и остановился. Неужели этот обрюзгший человек в обносках — мой крёстный! Я боялся ошибиться и не вдруг заговорил:

— Вы не Петр Молчанов?

— Я... Пстой, пстой! Никак Володька, глаз своим не верю! — обрадовался он. — Крестник, здравствуй! — обнял и прижал к себе. — Мне в магазин надо, давай дойдем вместе, а потом — на автобазу.

Молчанов в магазине купил водки, две буханки хлеба, полкило килек, две пачки «Примы» и плитку шоколада. Шоколад вручил мне:

— Держи! В честь приезда.

Пришли в гараж. В дальнем углу мастерских зашли в какую-то кандейку. Она была завалена шинами, валялись тут чехлы к автомобилям, в одном углу громоздились кучи рваных сидений с торчащими пружинами. У подножия этой кучи на небольшом возвышении лежала снятая с петель дверь, а вокруг на таких же рваных сидениях расположились трое, они играли в карты.

— Все! — властно сказал мужик с рыжей шевелюрой. — Рыба килька пришла. Заметано!

Щуплый мужичок убрал карты, окурки и рукавом смел со стола табачный пепел. А в это время третий, с усами на запорожский манер, косился на нас.

— Ну, давай сюда «сидор», — сказал он крёстному. Потом еще раз взглянул на меня, добавил: — А мальцу бензин нужен, да? «Козел» зачихал-закашлял и копыта откинул? Сколько тебе?

— Нет, он со мной, — сказал крёстный. — Это родственник.

Маленький мужик на клочке газеты уже резал хлеб. Одну буханку рыжий передал крёстному, он отнес и положил хлеб на полку.

— Так, — сказал рыжий крёстному. — Тебе еще за услугу причитается «Прима». Держи!

Потом стал извлекать из кошелька кильку и водку.

— А че пива не взял?

— Не было.

Рыжий разлил водку на троих, потом — Молчанову.

— Я хозяин слову, — сказал рыжий. — Ходоку тоже свою долю. Ну, дернули!

Мужики с шумом выдохнули воздух и выпили. Повторили. Только без крёстного, он ушел ставить пустую бутылку туда же, куда отнес хлеб.

— Ты, парень, откуда? — обратился усатый, бросив в пасть кильку.

— Из Рябковки.

— Знаю. Ездили туда на охоту да на рыбалку. Ну и как там, жить можно?

— Можно.

— Да-а. Везде жизнь, — философски заключил маленький мужик. — Я вот про грибы читал, как они асфальт взрывают. Ровное место, а наутро бугор, гриб появляется.

— Чует мое сердце, повторить придется, — сказал рыжий. — Кинули по рваному!

Усатый и щуплый мужичок выложили деньги на стол, рыжий кивнул на крёстного:

— Остальные за ним, сдача оставалась.

— Нету у меня сдачи, — сказал Молчанов.

— Как нету! Я же тебе на пиво еще давал!

— Нету и все! И вообще — хватит!

— Чего это он? — рыжий с удивлением обратился к остальным. Затем уставился своими маленькими глазками на Молчанова. — Ты на кого кричишь? Дающую руку кусаешь? Ну гляди у меня!

— Чего гляди! — вскинулся крёстный. — Чего гляди! Сдавать бутылки, бегать за копейки в магазин — за это, что ли, гляди?

— Да перестаньте вы! — выпалил я. — Добавлю я вам на бутылку, только не приставайте к нему!

Я полез в карман, тут выпал шоколад.

— А-а-а, я-а-асно! Родственничку на подарок, — протянул рыжий. — Вот и денежки на пиво отыскались.

Мне стало больно и стыдно, я протянул деньги рыжему.

— Вова, не смей! — крикнул крёстный. — Они у меня и так всю получку высасывают. Ничего, потерпит.

— Ну орелик, ну орелик, — покачал головой маленький мужик.

— Ничего, этот орелик завтра снова мокрой курицей станет, — заверил рыжий. — А курице воспарять не надо бы.

— Ладно, еще увидите, — неопределенно угрозил Молчанов. — Вова, пошли отсюда!.. Гады! — повторял крёстный. — Гады! Будут они у меня бензин и запчасти налево сплавлять! Ворюги!

Он говорил возбужденно и шагал крупно, и я еле поспевал за ним. По дороге крёстный перехватил займы у какого-то знакомого, забежал в магазин и вышел с двумя бутылками вина.

— Ты зачем так пьешь-то? — спросил я.

Крёстный промолчал, сделал из бутылки пару глотков тут же за углом, возбуждение его все еще не проходило.

— Тут не сразу поймешь, — ответил не вдруг. — Только сам, смотри, остерегайся. Главное, не отступайся от своего в жизни, понял? Отступись — всё трын-трава!

Я смотрел на хмелеющего крёстного, мрачнел и молчал.

— Видать, папаша тебе всего наговорил, — усмехнулся крёстный. — Поит меня всякой гадостью и думает, я не замечаю.

— Зачем пить-то? Небось, от этого вся родня страдает.

— Им теперь страдать легко, — вновь усмехнулся крёстный. — Вот к братцу, к примеру, и не подступись, про других и не говорю, брат лишний раз и в дом не пустит... А давай поехали к нему! — неожиданно закончил он. — Прямо сейчас! Крестник приехал, имею право!

Я сожалел, что нужного разговора не получилось, а хотелось сказать о многом. Сказать о том, что всегда помнил его, помнил, как крёстный проводил своей небритой щекой по моему лицу. Тогда лицо долго горело. О том, что не таким представлялся Петр Молчанов — авторитет и гордость детства. Эх, найти бы сейчас какое волшебное слово! Сказать его — и вновь крёстный станет таким, каким он был раньше...

Когда добрались, на квартире младшего Молчанова сидели за столом.

— Здравствуйте! По какому поводу пир? — спросил крёстный.

— А ты, видать, и забыл, что у нас Николай в институте учится, — сказала Клара.

Из соседней комнаты вышел Николай, очень схожий с братом крепыш.

— Проходите, садитесь, — пригласил он, поздоровавшись. У него было хорошее настроение. — Сдал последний экзамен, сел на самолет и домой, — закончил он, любовно глядя на жену.

— Значит, пируем? — сказал крёстный, выставляя свои бутылки. — Ну и мы к вашему столу. Чую, быть тебе начальником цеха, а может, и выше возьмешь.

— Возглавить цех — дело ближайшего будущего, — сказал Николай, разливая угощение. — А дальше — не знаю.

— Зна-а-аешь, — продолжил крёстный. — Знаешь, что пойдешь вперед и выше!

— А кто тебе мешал? — перебил его Николай. — Бросил бы свои выкидыши и учился на здоровье.

— Как кто? — поднял брови крёстный. — Вы и мешали! Не наше, мол, крестьянское дело — музыкой заниматься. Это можно и после работы. Скажи, папаня, было?

— Было. Да ведь тяжело как жилось-то, колхоз ни хрена на трудодни не давал, а вас — мал мала меньше.

— Мал мала меньше! — повторил крёстный. — Эти мал мала меньше теперь дипломами обзаводятся, в начальники лезут... Молодцы! А за счет кого они это делают? — постучал он себя кулаком в грудь.

— Кабы знать, что все так обернется, вовек не принуждал бы, — сказал отец. — Прожили бы какнибудь.

— Кабы знать! — повторил крёстный. — Кабы знать, может, тоже гнул бы свою линию и лез вперед и выше. А теперь — ни к чему нету интереса! Э-эх, наливай!

Крёстный выпил один, его никто не поддерживал.

— Да что ты всех виноватишь? — сказал Николай. — Всяк старается оправдать свой образ жизни. Вот и ты! Тебе только причина нужна, раз ты таким стал — надо же найти козла отпущения.

— А я вам скажу, все зависит от самого человека, — сказала хозяйка. — Мало ли кем мы вначале хотели стать! Я вот, смешно вспомнить, метила в балерины. — Клара оглядела свою массивную грудь, свою мощную фигуру и хохотнула. — Так что же мне теперь — поминки по себе справлять?

— Ну и дура! — зло сказал крёстный. — Порхала бы теперь по сцене, ножками подрыгивала.

— Потихе на поворотах, брательник! — осадил его Николай. — Без перехода на личности, не то...

— Вот теперь как к старшему брату! — прервал его крёстный, обращаясь ко мне.

И тут все вспомнили, что в доме кроме близких сидит еще и гость.

— Да ну вас! — сказала Клара. — И так в доме не часто веселье, а тут — такой день, такое событие! Наливаю, а то запнулись на самом интересном месте!

«Вот кто-то с горочки спустился!» — запела она звонко и протяжно, в то же время оглядываясь на других, — не испортили бы песню. Но песня уже расправляла крылья. Николай поддержал жену неожиданно высоким голосом, казалось, главное для него — слиться в песне с Кларой. И это ему удавалось. Но все же порой он брал очень высоко — вот как еще можем! Однако не срывался, и когда песня благополучно осиливала еще одну высоту, Николай глядел на жену, словно ожидая одобрения. Молчанов-отец, чуть отставая и на особенно протяжных местах недотягивая, следовал за остальными глухим голосом. Крёстный вначале поддержал песню одними губами, будто прислушиваясь к себе. Потом запел сдержанно и сильно. Песня враз ожила, и мне стало видно, кто ее ведет теперь. Петь крёстный умел...

— Ой, да что это мы! — прервала мои воспоминания мама. — Иди зови отца, а то он как пришел с дежурства, так еще и не завтракал, автобус ждал, вдруг подъедете, — чтоб вместе за стол.

— Мам, а смородина нынче не померзла? — спросил я, когда вышли из-за стола.

— Я сама все думаю, как бы сходить, — сказала мать.

— Съезжу да посмотрю.

— Да куда после такой дороги! — возразила мать. — Лучше отдохни.

Дорога и в самом деле была ранняя. Приходилось вставать чуть ли не в пять утра, в семь отходил автобус из областного центра. И как на грех я начисто лишен счастливой способности после ранней пробудки добирать сон в автобусе. Многие пассажиры спят, а я всматриваюсь в сумерки, слежу, как постепенно занимается рассвет над Томью, как выгребают на утренний клев рыбаки...

Когда бывал в деревне, я стремился сходить в лес, если это не удавалось, то на речку-то обязательно! Вот и сейчас, когда мать сказала про смородину, мне этого и надо было! Вдоль берега озера и дальше на болоте растет дикая смородина. Она, правда, мельче садовой, но зато и вкус ее особый. Я вскочил на велосипед и выехал за село по направлению к речке, на перекате перед переездом остановился у хорошо знакомого ому-та. Здесь в июне на бабочек здорово клевал че-

бак, и что удивительно — клев начинался в полдень и длился минут тридцать-сорок, а потом как отрубало... Дальше через речку дорога тянулась под высокими тополями вдоль протоки. Километра через полтора открылся просторный луг. Какой здесь был сенокос! Тогда я еще учился в восьмилетке своей деревни и летом копновозил. Женщины на волокуши складывали валки, пацанва на конях подтаскивала сено к зароду, а там ловко орудовали мужики деревянными трехрогими или обычными вилами... Хорошее было время! Водили коней в ночное, устраивали скачки. Но постепенно тягловая лошадиная сила сменилась техникой, она вытеснила с сенокоса не только лошадей, но и ребятишек. Теперь уже нет того естественного приобщения к труду деревенских ребят сызмала. Эти луга для покоса стали непригодны, совхоз здесь устроил выпаса для коров. Я любил заезжать на дойку, где вдоль изгороди попадались шампиньоны, впрочем, с каждым годом всё реже. А ведь были времена, когда шампиньоны росли, как сорная трава, но никто из деревенских не считал их за грибы — ходили и пинали ногами. Городские же прямо с автобуса шастали на ферму и пластали там эти самые грибы, которые не в чести у деревенских. Потом и селяне стали ходить за ними — на столах из кастрюль парил необыкновенный грибной запах! Но этот чудесный запах попарил, попарил да стал редким гостем: шампиньоны на ферме сошли на нет, на дойках встречались малым числом. Я обошел ограду, но грибов не обнаружил...

На дойке сегодня дежурила Рыбакова Валя, наша родственница. Она после девятого класса выскочила замуж и с тех пор славно исполняла свой главный долг на земле — народила уже троих и всякие там синусы-косинусы ей сейчас, наверное, помнятся, как давний бредовый сон.

— А-а, приехал, — сказала она в ответ на мое приветствие так обыденно, будто мы с ней расстались вчера. — Хочешь молочка, а, может, сливок?

— О, ты снова в интересном положении! Поздравляю! Кого ждете-то?

— Дочку хочу. От сорванцов что толку! Какие они мне помощники?

И вправду, огольцы Рыбаковы больше носились по деревне, чем помогали родителям, — хотя помощниками в чем-то они и были: я не раз встречал по дороге из магазина то одного из них, то другого с сеткой хлеба. Весной ли, осенью они всегда в одной рубашке, босиком — и не болеют!

— Молодец! — похвалил я Валью. — Пополняй нашу родню, вырастут — на свадьбе погуляем! Угости водичкой.

— Может, молочка или сливок? — снова повторила она.

— Нет, — сказал я, зная коварство деревенского молочка в первые дни приезда из города, — и не стал себя искушать. — Лучше дай холодненькой водички.

Валя из будки вынесла воды.

— Слушай, Валь, смородина нынче уродилась, не знаешь?

— Есть, есть, но она ж еще зеленая.

— Раз здесь на болоте есть, я поеду дальше к озеру, гляну там.

Я оседлал велосипед и по узкой тропинке выехал на дорогу к озеру...

Вспомнилось, как с отцом для бани лес ходили валить в дальний конец этого озера. Годные для сруба осины высмотрели еще весной и сделали на них метки. Уже конец июля, лето в разгаре, деревья шумят тяжелой листвой. То, что должно было зацвести, давно зацвело и дало ягоды и плоды, которые теперь наливаются соком и зреют под щедрым солнцем. Отец несет пилу, а у меня на плече топор. Через луг, через кустарники движемся в сторону осинника. Отец шагает, нигде особо не сворачивая, я же следую за ним, петляя как заяц. То отбегу и попробую на вкус еще зеленые ягоды шиповника, то завижу в стороне куст калины, наберу ягод, срежу дудку борщевика и пуляю калиной по сторонам. Вот вдаль завиднелся осинник, который растет в кочкарнике вперемежку с елями. Прежде чем войти в кочкарник, мы с отцом присели на валёжину. Он закурил, а я от нечего делать стал глазеть по сторонам. И вижу, как стремительно в небе одна птица настигает другую.

— Смотри, смотри! — едва успел показать ему, как черный ком камнем стремительно упал у самой опушки леса на другом конце луга.

Отец спокойно докурил и к моему удивлению зашагал не в сторону осинника, а дальше по лугу.

— Куда мы? — спрашиваю его.

— Ты примечай, сейчас с добычей можем быть.

Когда добрались до опушки, прямо из-под ног впереди идущего отца вылетела птица. Он нагнулся и поднял жертву воздушного разбойника. Это был косач.

— Тетеревятник его сбил, — сказал отец, когда я подошел к нему. — Ишь, как шустро сработал!

Отец протянул мне косача, хищник уже начал выклеивать мозги, продолбив голову.

— Ты примечай, — снова повторил отец. — В лесу еще не то бывает...

И вправду! Раз пошли мы с отцом рвать колбу. Вдруг я заметил курицу с цыплятами. Ну прямо как в домашнем дворе! Мать впереди, а за ней выводок цыплят.

— Отец, давай поймаем! — крикнул я.

— Попробуй, — засмеялся он.

Я кинулся за добычей. Самое удивительное, птица не улетала, а кружила и петляла между деревьями. Когда казалось, что вот-вот догоню и поймаю, она ловко виляла в сторону. Я был уверен, что птица ранена, а то бы она давно взлетела, и припускал за ней еще азартнее. Очнулся я от далекого призывного голоса отца, бросил погоню и пошел назад.

— А где птенцы? — спросил я у отца.

— Так они тебя тут и дожидались! — снова засмеялся отец. — Поищи, может, найдешь.

Я походил вокруг — цыплята как сквозь землю провалились.

— Ну как глухарка — не дается? — участливо спросил отец.

— Так и не поймал. Может, она улетела куда?

— Летать-то она не может.

— Раненая, что ли? Но такая проворная — спасу нет! Так и убежала!

— Не раненая она, просто ей нельзя улетать.

— Почему?

— Она улетит, а ты кинешься птенцов ловить. Кинулся бы?

— Кинулся.

— Точно, стал бы ловить! А так она где шажком, где бегом увела тебя в сторону. Вот как хитро она отвела беду от птенцов!

— А утка — та сразу улетела!

И я рассказал отцу про другой случай. Мы с пацанами шли вдоль речки. Прямо у воды на сухом месте забылась утка, уткнув голову под крыло. Сидела она далековато от деревни, пацаны заспорили — домашняя или дикая. Наш спор разрешила сама утка: она внезапно взлетела и скрылась из виду. На месте, где только что сидела утка, остались птенцы! Они тотчас попрятались в речку и скрылись под водой. Но речка была мелкая и узкая, мы нескольких утят сумели выловить и принесли домой.

— Почему же утка бросила утят? — спросил я у отца.

— Утка потому и улетела, что у птенцов есть надежное спасение — вода, — сказал он. — Утята

ныр в воду, их потом ищи-свищи! А мать обязательно вернется, когда беда минует.

— Но мы-то несколько утят поймали!

— Вот и напрасно! Бывает, и человек оступается, по недомыслию своему в беду попадет, не то что утка. Она и не учла, как опасно для птенцов мелководье, в большом водоеме ни за что птенцов не поймать! Потому утка смело и улетает. А глухарята в воду ведь не попрыгают, вот глухарка и отваживает беду от птенцов таким манером, так и спасает потомство.

— Ладно, — сказал я. — В следующий раз буду хитрее, не погонюсь напрасно за глухаркой, а сразу за птенцами.

— Заодно давай выловим всех птенцов и в воде, и в лесу! И ружье продадим.

— Почему продадим?

— А на кого же тогда охотиться-то, если всех выловим?

— Как — на кого? На зайцев, например.

— А мы всех выловим, и зайчат тоже — ловить так ловить!

Я понял, к чему клонит отец, и смолчал.

— Вот и не надо никого трогать, — продолжал он. — Особенно, когда насиживают кладку или только вывелись птенцы. Наоборот, надо беречь. — И тут отец хитро прищурился. — Послушай, а, может, утка с умыслом привела утят ближе к деревне, чтоб под вашу охрану попасть? Как думаешь, «зеленый патруль»? Или вы только рыбу охраняете?

Мне стало неловко. В самом деле! Наши школьные посты на речке следят за тем, чтобы во время нереста рыбы не было никаких пергородок. А тут птенцы беззащитные! Выходит, одно охраняю, а другое ловлю! Нехорошо получается!..

Вот и озеро, по его берегу растет смородина. Я оставил велосипед под осинкой и пошел вглубь. Ягода на кустах здесь уже побурела, немало попадалось и черной. Этот берег открытый и с солнечной стороны, потому плоды созревают быстрее. Набрал бидончик, я направился к озеру, стараясь выходить к воде тихо, без лишнего шума. Впереди слышалось кряканье, в оконце камыша проплыла утица с утятами. Налюбовавшись этим поздним выводком, осторожничать не стал — открыто вышел к воде. Утиный выводок — враспынную! Я выбрал подходящее место, разделся и вошел в воду, от внезапного холода голова невольно втянулась в плечи, но когда

вразмашку поплыл на середину, вода приятно взбодрила. Из камышей вылетали непуганые утки и снова неподалеку плюхались в воду. Я лег на спину и стал смотреть на облака, сквозь них струился легкий свет...

Когда вернулся, во дворе отец все еще ремонтировал сенокосный инвентарь. Я показал ему ягоду и поспешил обрадовать мать:

— Мам, на первое варенье есть. Смотри!

— Вот и хорошо. Значит, поспевает! А зеленой много?

— Навалом.

— Нынче не больная, ягода-то?

— Да вроде нормальная.

Мать осталась перебирать ягоду, я вышел во двор.

— Тут мы надумали барашка порешить, — сказал отец. — Так и так ведь на покос надо мяска, уж лучше сейчас, чем потом время на закол терять. Как думаешь?

Я с ним согласился.

— Ты сходи пока за бараном, — предложил отец.

— Овцы где сейчас?

— За памятником...

Я пошел на край села мимо лесопилки, где работает Иван Акимыч Болдырев.

Иван Акимыч говаривал: «Ежели на недельке хоть раз в таежку не сбегаю, душа ноет». Работал он на пилораме совхоза, а ранее переменял немало специальностей, но это были всё сезонные работы, и нигде он долго не задерживался. И наконец стал пилорамщиком — уже на многие годы.

— Акимыч, ты вроде и в начальствах ходил, — говорили мужики, которым он распиливал бревна. Говоря о «начальстве», мужики намекали на то время, когда Иван Акимыч бригадирствовал над доярками и коровами. — А че же это тебя приперло сюда — бревна ворочать и доски откидывать?

Акимыч объяснял:

— Тайгой тут пахнет, братцы! — Он при этом обводил взглядом штабеля пихт, елей и лиственниц, подвезенных с черневых урманов и сложенных на территории пилорамы. — Я ведь оттуда, — добавлял он и показывал на ту сторону Томи, где голубели одетые в хвою просторы.

Потому ему стал родным хвойный дух лесопилки. А здесь, вокруг нашего села, пейзаж более похож на среднерусский. Была у него в таежке

избушка, там он оставлял до следующего прихода продукты, а также снаряжение. Избушка стояла над ручьем по соседству с пустошью, лесорубы деляны разработали и больше сюда уже не приходили. В этом мелколесье держались рябчики и тетерки, а до таежных дебрей рукой подать. Одним словом, очень сподручное место. Особенно привлекало, что в лесной речушке водились хариусы, а в озерах было немало другой рыбы. Акимыч заботливо свил здесь гнездо. Если уходил в лес на субботу-воскресенье, возвращался домой лишь утром в понедельник. Когда избушка была готова, Иван Акимыч заключил договор с госпромхозом и начал промышлять рябчиков, белок, норок и прочих зверьков, а летом чаще уходил просто отвести душу, порыбачить.

Когда я привез свою будущую жену Лёну в родную деревню, с позволения Акимыча ночевали с ней на охоте в его избушке... Утром открывать глаза не хотелось: было так хорошо, как только бывает хорошо в детстве. В жизни каждый испытывает такие моменты блаженства, моменты ощущения, что судьба еще не почата и от грубости внешнего мира тебя надежно охраняют незримые стены. И жизнь твоя лежит пред тобой чистым листом, и ты еще не истратил себя на черновики, переделать которые, как ты поймешь позднее, нет возможности.

Проснулся и в полудреме силился понять, откуда такое блаженство? Когда понял, потрогал плавную черноту ее волос. И полнота ее в самую меру, и упругость молодого тела — все вызывало ответное тепло. Она спит, от нее исходит запах молока. Возле нее хорошо, как на берегу спокойного озера. Вообще-то я тут не впервые. Раньше бывал один. Отрадно здесь ходить на рыбалку, охотиться и по ходу размеренной жизни вникать в себя, приводить внутренний мир в порядок. Но сейчас я не один, вот она — рядом... Последние вздохи утреннего сна. За ночь губы и щеки чуть припухли, стали детскими. Но скоро она проснется и станет той, чье присутствие так радует!

...Палая листва под ногами. Бабье лето. Впереди, как путеводная нить, тонко блестит паутинка. По протоке нужно спускаться вниз, она, разветвляясь на несколько рукавов, впадает в Томь, там бьют ключи, там старицы и до самого отлета кружатся утки. В дождливые дни они садятся на берега заливчиков и выискивают в иле пищу, а в солнечные, как сегодня, ловят по утрам на перекате рыбную мелочь, потом отлетают жировать на поля.

Мы вышли поздновато, но утки, возможно, улетели еще не все. Надо поторапливаться, я ускоряю шаги, идущая за мной Лена тоже. Она разогрелась, расковалась, и в ней проступает незнакомое, свое. Мне приятно отмечать в ней проявления сокрытого, первозданно-женского. Она улыбается теперь свободно и легко, к ней возвращается утраченное состояние. Она часто пугается, но в голосе радость от того, что в мире есть еще повод чего-то пугаться. Идем туда, где сливаются две реки. Уже близко стойбище уток. Они теперь ходят большими стаями: приближается время перелета. Излюбленное место уток — за островками и поймами, где шумит пережат. К пережату летит стая, я вскидываю двустволку.

— Послушай, давай не трогать самых первых, мне так хочется, — неожиданно говорит Лена.

Ей безразличны законы охоты, впрочем, мне сейчас тоже, и я повинуюсь. Чтобы быть ближе к пережату, надо перебраться на самый конечный островок. На полузатопленной подчонке решили переправиться через рукав протоки. Стеклобанкой, валяющейся рядом, вычерпываю воду, но она не убывает. Под днище подкладываем палки и волоком вытаскиваем суденышко, выливаем воду.

— Да... Посудина неважная, щели, — замечаю я.

— А что делать?

— Здесь неглубоко. Пока затопит, можно доплыть. Только надо посильней отталкиваться шестом. Ты не боишься?

— Конечно, боюсь, но мы с тобой все равно поплывем!

Лодка погрузилась почти у берега, я выношу на руках Лену. Осторожно пробираемся на конец островка, где на песчаннике растет молодой ивняк. Вещи оставлены в кустах, а сами к пережату пробираемся под прикрытием осоки.

Пережат переливается. Он мелкий. Кажется, проглядывают камни. Но серые точки оказались утками. Это было понято позже, когда дичь улетила. Что за неудача! Зато впредь буду различать уток свободно, только вряд ли они снова прилетят...

— Подождем, пожалуй, — говорю, скрывая невольную досаду.

— Хорошо, больше не буду так вскакивать, извини меня.

— Да что там! Просто я не догадался предупредить.

Залегли, замерли. Пережат, пережат! Там журчит, переливается, сверкает!.. Вот удача!

Приводилось шесть уток, беру на мушку сразу двух. Есть! Одна уткнулась в воду, другая заматалась. Новый выстрел успокоил и ее.

— Ур-ра! Живем! — кричит Лена.

Но теперь начинается главное. Течение заворачивает от пережата и выносит на середину, нужно перехватить уток, пока их не унесет течением подальше от берега. Быстро раздеваюсь, прыгаю в воду, догоняю утку, выбрасываю на берег.

— Володя, не надо, верни-и-ись! — слышится с острова.

Вразмашку приближаюсь к другой утке, крик придает силы и решимости. Не ожидал, что в такую светлую погоду вода настолько студеная. Наконец и утка под рукой, беру ее в левую руку и пробую грести правой, но так сил хватит ненадолго. Стискиваю крыло утки зубами и направляюсь к берегу, откуда все еще доносится крик Лены. На берегу вручаю утку Лене, отвинчиваю флажку. Спирт обжигает горло, но озноб прекращается.

— Я с тобой больше сюда не приду, — говорит она.

— Почему?

— Разве можно так по-глупому! Обо мне ты подумал? А если б ты утонул!..

Я улыбаюсь. Да я за такие слова могу сколько угодно сигать в воду!.. Пока добрались до избушки, приготовили ужин, стемнело. Но сидеть в сумерках было приятно...

— Володя.

— Что?

— Я боюсь.

— Чего же?

— Мы с тобой две песчинки в мире, подует большой ветер и разлетимся кто куда, вот и боюсь... А знаешь, чего я с самого начала боялась?

— Может, что я сделаю что-нибудь не так?

— Молодчина!.. Тебе легко со мной?

— Да.

— Нет, — возразила Лена. — Это раньше было легко... Теперь ой как будет тру-у-удно — до конца понять друг друга!

...Когда проснулись, день неожиданно стал хмурым, свистел ветер, но от этого в избушке еще уютнее. В окно хлестал мелкий дождь, с деревьев срывались отлепья, в природе намечались большие перемены...

Постепенно про избушку стало известно не только близким Акимыча, но и прочему люду. Хозяин не витал в небесах. Он знал: рано или поз-

дно про нее проводят многие. Заранее на дверях сделал надпись: «Прошу гостевать. Не безобразничать. Хозяин».

Однажды пришел и еще издали заметил неладное. Его надпись была жирно перекрещена углем, а внизу пририсован кукиш. Акимыч в сердцах ругнулся и открыл дверь: соль разбросана по полу, фонарь, висевший у окна, валяется в углу, заготовленные дрова сожжены, а нахрапники не оставили хотя бы сушняку на растопку, на полу и на столе валяются обрывки газет и пустые консервные банки. Хорошо, что рыболовные снасти были укрыты в надежном месте. Настроение совсем испортилось. Акимыч на живца поймал дюжину щук, но от рыбалки никакого удовольствия не вышло: не избушку перевернули вверх дном, а всю душу. «Почему народ такой злой?» — думал Акимыч. Ведь он сам не раз ночевал в таких избушках и считал за неписаное правило оставлять всё так, как было, а если попользовался дровами, то обязательно обновлял запас. По всему видно — это побывали люди случайные в лесном мире. Всю дорогу к дому он чувствовал себя неуютно, его лишили душевной пристани.

Потом вроде все пошло по-старому, никто в избушке не появлялся. Но однажды, уже в сумерках, Акимыч дошел до своего пристанища и нашел его занятым. У входа не хилый парень на чурке шкерила рыбу, в избушке слышались голоса.

— Здорово! — поприветствовал его парень — под хмельком, веселый. — За туманом идешь или за запахом тайги? — полюбопытствовал он. — Это всё тут! В самую точку попал!

Акимыч сбросил рюкзак, сел на корягу, закурил. Парень покосился-покосился и пустился в объяснения:

— Понимаешь, мы это место уже застолбили.

— А избушка-то моя, — спокойно сказал Акимыч. — Сам ее строил, вот этими руками.

— Ну, это еще как сказать, — нагнул парень. — На ей это не написано и домовую книгу мы не видели. Эй, Леха! — обернулся он к двери.

Появился другой парень.

— Ну? — угрюмо спросил он.

— Тут на предмет собственности выступают. Напекают — мы должны очистить помещение.

— Да я не об этом, места-то хватит, — сказал Акимыч. — Поместимся.

— Э-э, не-е-ет! Так не пойдет, — перебил его вышедший из избушки парень. — После выходных, пожалуйста, — халупа в твоём распоряжении.

— Хорошо. Хотел с вами по-людски, выходит, не хотите.

— Леха, раз мы ему не глянулись, он сейчас выкинет коленце. Он сейчас устроит! Разберет по косточкам. На запчасти!

— Ты че балаганишь! — Акимыч посмотрел на парня. — Здесь не цирк — тайга!

Парень, которого звали Лехой, вплотную подошел к нему:

— Ты не зарывайся. Знаешь ведь, запросто отутюжим, и твоя тайга все спишет. Чеши отсюда!

Акимыч побледнел, молча посмотрел на парней и удалился, те остались дочищать рыбу...

— Эй, че ты делаешь! Че он делает, Леха!

Парни усталились на Акимыча. Он чиркнул спичкой, и почти всю стену дома, что без окон, охватило пламя, у ног Акимыча валялась канистра.

— Не подходи! — Акимыч с земли поднял топор. По его лицу чувствовалось, что он на пределе. Тут или отступить, или... Парни отступили.

— Выкидывайте манатки! — кивнул Акимыч на избушку.

Парни ринулись вовнутрь, оттуда с визгом выскочили две девицы, следом парни вынесли рюкзаки и прочий скарб. Пока вся компания не ушла, Акимыч так и стоял. В сумерках при пляске пламени его огромная тень ходила ходуном...

35

Теперь Иван Акимыч поседел, несколько осунулся да и покашливает.

— Всё так же, Акимыч, бегаешь в таежку, промышляешь или уже охота отпала? — спросил его, когда поздоровались.

— Охота не отпала, да здоровье не дает, — ответил он. — Теперь, знаешь, в какую даль надо добираться, чтоб не донимали? А поблизости всё облажено, да и ноги уже не те.

— Новую избушку завел, нет?

— А смысл? Всё одно пакостятся! Проще под кедрой или пихтой переночевать.

Посидели с ним на бревнах, повспоминали о прежних временах... Отзывчивый человек Акимыч, никто о нем худого не скажет! Мы с другом Сашей Полуситовым вылавливали бревна, заплывавшие при лесосплаве в нашу протоку, на лошади вывозили сюда на пилораму, Акимыч нам распиливал и мы таким образом помогали родителям крыть стайки, бани, прочие навесы. Конечно, и Акимычу помогали, когда нужно.

— Ты надолго? — спросил, когда поднялись.

— В отпуске я теперь, на сенокос вот приехал.

– Родителям помогать – это правильно.

Вдали белел партизанский обелиск – со школьных лет памятное место. Здесь 19 мая, в день рождения пионерии, устраивали школьный костер, принимали в пионеры. Этот обелиск был сооружен в память о партизанах, погибших в гражданскую войну. Мы приходили сюда белить, красить памятник и сажать цветы. Не раз сидели здесь вдвоем с Машенькой. Как жаль, что эти мгновения неповторимы!..

Вспомнился урок астрономии в школьном саду. В сентябре чистое небо еще сулило погожие дни. Старшеклассники вместе с учителем астрономии Николаем Петровичем пришли в школьный сад, где под яблонями стояли скамейки и стол. Ученики шумно расселись. Девчонки все оказались по одну сторону, а мальчишки по другую.

– Итак, друзья мои, – начал учитель, – начинаем урок астрономии. Рассмотрим созвездия и их местоположение на небесной сфере. На северо-западе – Большая Медведица, метко названная в народе Ковшом за характерное очертание.

Все посмотрели на хорошо знакомое созвездие. Ковш висел параллельно Земле, если его опустить на землю, он как раз сядет на том берегу Томи.

– Смотрите, – продолжал учитель. – Если я стану лицом на север и проведу рукой линию от Большой Медведицы к себе, а затем линию перпендикулярно поверхности земли...

Ученикам который раз уже объяснялось, как находить стороны света, отыскав Полярную Звезду. Будто им во взрослой жизни только и оставалось блуждать в кромешной тьме да еще под яркими звездами. Ребята давно уже поглядывали не на учителя да на звезды, а на скамейку напротив. «Махнем на созвездие Девы!», – предложил кто-то. Учитель тем временем продолжал рассказ про другие созвездия... А старшеклассники потихонечку парами стали расходиться. Старый учитель, увлеченный рассказом, не видел, как они удалялись под его мерный говор, под тихий шелест опавших листьев и призывное мерцание бесчисленных звезд... Говорил учитель долго и вдохновенно. Я ушел бы тоже, будь рядом Машенька, но она училась классом младше. Учитель говорил, а я слушал и не слушал. Я представлял себе, как бы сейчас мы вдвоем бродили с Машенькой. Под этим чистым звездным небом я сумел бы объяснить ей все

свои чувства, всего себя. Объяснить так ясно, чтобы мы были как единое целое. Какое это счастье – быть с ней в согласии, быть понятым ею!.. В эти минуты весь мир был во мне и я во всем. Мир был молод и устремлен в будущее... И меня охватила жалость к учителю. Он стар, а его заржавленный скрипучий голос говорил о молодых мирах. Неужели и мы вот так же когда-нибудь состаримся? Даже не верится!.. Но почему, почему люди должны умирать? Для чего это?.. Для чего живем?.. Для чего вообще жизнь?.. И так стало одиноко и бесприютно, что до смерти захотелось увидеть Машеньку...

– А ты чего тут сидишь?

От внезапного вопроса учителя я вздрогнул.

– Все уже разошлись, я и не заметил, – продолжал он. – Я бы на твоём месте тоже ушел. Сам когда-то был такой. А тебе за поведение ставлю двойку! Неужели так любишь эти звёздные миры или пары еще нет?

Я засмутился и не знал, что сказать, – не стану же рассказывать о легкой размолвке с Машей.

– Я как этот сад, – продолжал тем временем учитель с грустью. – Как старый сад, что роняет отжившие листья. Только саду этих листьев не вернуть, а мои годы всегда со мной... Иди, иди, – добавил после молчания. – А я еще немного посижу.

Я пошел к Маше, она вышла на условный стук. Ни о какой встрече не договаривались, она удивилась моему приходу. Вдвоем пошли по улицам, вышли за околицу села, и я впервые поцеловал Машеньку... А Ковш медленно опрокидывался, как и во все времена...

Пройдя лощину, обнаружил отару в березовом олке. Овец пас дядя Филипп Лапин. Был он хорошим механизатором, а потом запил, от трактора отстранили. Я тогда молве о его худой жизни с тетей Полей по малости лет не придавал значения. На рыбалке ранней весной как-то по пьяни заснул на берегу, продрог до костей, с тех пор как следует не оправится, к тяжелой мужицкой работе непригоден, трудится пастухом...

Вернулся он как-то домой из тайги, где совхоз вел лесозаготовки. Дом на замке. Филипп взял из ящика почту, сунул руку под карниз, вытащил ключ и отпер дом. В избе, как всегда, чисто. Филипп помылся, выпил из крынки молока и взялся за почту. Собственно, только письмо и прочел, не до газет стало. Было письмо от какого-то Алексея Дубкова. Письмо в игривом тоне. Как, мол, пожа-

ваете за горами, за долами в таежной глухомани. Потом пошли вздохи по курорту и между прочим вопрос: не собирается ли Поля в областной центр, где можно отлично поразвешаться и где простор для культурного обогащения.

— Я тебе пообогачаюсь, — сказал Филипп в тишину. — Ты у меня поразвеешься!..

Солнце приближалось к зениту, когда он вышел на тракт «голосовать». В городе выпил вина в закусочной и направился по адресу разыскивать Дубкова. Когда он позвонил, в дверях предстал ухоженный мужчина. «Наверно, в конторе пером скрипит», — подумал Филипп.

— Дубков?

Филипп побаивался, что тот окажется интеллигентом и затянет беседу в вежливом тоне. Да так, что и не будешь знать, как подступиться. Филипп интеллигентов уважал, а когда ему начинали вежливо возражать, он терялся. А тут — ничего. Филипп понял, что с ним можно поговорить очень даже запросто.

— Да вот приехал культурно обогащаться, — сказал Филипп. — Ты, кажись, мастак по этой части. Ну-ка, выйдем, поразвеемся чуток!

— Ты откуда, чего надо? — спросил хозяин, не снимая дверной цепочки.

— Я из таежной глухомани, — прищурился Филипп. — Живу за горами, за долами в таежной глухомани. Так, кажется, ты шпаришь в письмишке? Не пучи глаза так, не пучи! Не выйдешь, вышибу дверь. Предупреждаю!

— Ах вот оно что! Сейчас поговорим!

— Поговорим, поговорим, — откликнулся Филипп и стал ждять.

Ждал прилично, а тот все не выходил. Потом начал насканивать на дверь, работал молча и методично, кричал при этом, будто сучья в тайге обрубал. За этим занятием его и застали милиционер и некий штатский. Филипп пошел за милицией послушно. Милиционер тоже молчал, а вот штатский!.. Ну и хлюст попался!

— Почему вышибаем двери да еще чужие? — спросил он.

— Нечего лазить котом, — сказал Филипп. — Свою надо любить.

— Резонно, — заметил штатский. — А где он, интересно, польстился?

— Где! На курорте! — Филипп не почувствовал иронии.

Штатский присвистнул:

— Ну и домострой же ты! Курорт — это совсем другое дело. Лично я считаю, что муж с женой

должны расслабиться, отдохнуть друг от друга. Курорты, может, на то и существуют.

— Ты на них свою похабщину не кледай! — заступился за курорты Филипп. — Государство, думаешь, для того их строило?

— А каждый будет так поступать, знаешь, что получится? — не унимался штатский.

— Что получится?

— Во-первых, штат милиции надо будет увеличить в три раза. Нет, в десять раз!

— При чем тут милиция? — удивился Филипп.

— А как же! Таких вышибателей дверей, знаешь, сколько разведется? Милиция должна быть тут как тут. Во-вторых, если каждый станет поступать так, половина страны будет в разъезде, — продолжал фантазировать штатский.

— Закроются учреждения, — сказал милиционер.

— Да. Закроются учреждения. Откроются новые линии по всевозможным маршрутам — вышибателей дверей развозить. Остановятся фабрики и заводы. — И немного помолчав, деланно вздохнул: — А могут и домны потухнуть.

Филипп понял, что его разыгрывают.

— Ты че изгаляешься? — зло спросил он. — Если сам такой, думаешь, все такие?

Лапин невольно схватил балагура за грудки. Вот этого как раз не следовало делать! Его бы, может, отпустили с миром, но теперь пошли на принцип, и пришлось Филиппу переночевать в кутузке.

Домой он вернулся на следующий день. Жена была дома.

— Ты куда загинул? — спросила она. — Соседи рассказывали, тебя видели вчера в деревне. И днюете и ночуете в тайге, а тут вернулся на ночку и пропал! Ну где ты был, на рыбалке, чё ли?

— Где был, где был! — откликнулся Филипп. — Меньше хвостом вертеть надо, вот где был!

— Ты чё, выпил? — удивилась Поля, но так и осталась стоять с открытым ртом.

— Вот смотрю я на тебя — змея змеей, — перебил ее Филипп. — Смотрю и вижу: курорт тебе шибко на пользу пошел. А вот это видала?

Филипп извлек из кармана письмо и кинул на стол. Поля стала читать.

— Ничего не понимаю, — пожалала она плечами. — Нет, это не мне.

— Тебе, тебе! А ты вспомни, вспомни хорошенько.

— Так у нас же ещё одна Поля Лапина есть! — зачастила жена. — Это ей. Ты чё, свихнулся! Скажешь тоже! Счас сбегаю!

Не успел Филипп рта раскрыть, как жена выскочила из дома. В селе и вправду было несколько Лапиных, жила и другая Поля Лапина. С ней вскоре жена и вернулась, та подтвердила, что письмо это ей...

Давненько я не видел дядю Филиппа, он заметно сдал. Я поприветствовал его и справился о здоровье. «Да что ему сделается, здоровьюто? — сказал он. — Вроде оно есть, да никто не завидует». Потом сам стал расспрашивать про меня. Дядя Филипп помог поймать барана, и я повел его в деревню.

Отец заколол барана, мать стала хлопотать о посуде под внутренности, я помог освеживать мясо. На меня накатила усталость, я взобрался на сеновал и лег отдохнуть. Дорога давала о себе знать, да и завтра предстоял первый сенокосный день. В полудреме пробыл недолго и провалился в сон...

На земле повальный мор. Больных вывозят на телегах далеко за селение. Меня везет отец, он сидит на передке, — гляжу на его согбенную фигуру и испытываю жалость, а печальный отец везет и везет туда, куда едут и едут другие телеги. Холодный неуютный ветер гонит тучи, они быстро проплывают над землей и небесный свод совсем придавили вниз, отчего нарастает тревога и чувство обреченности. А тучи черны, как дым из труб, всё убыстренней плывут и плывут. Я знаю: всем, кто едет — даже здоровым, что везут больных, — назад нет возврата.

— Отец, оставь меня здесь, — прошу родителя, жалея, что и он тоже не вернется назад.

Он глядит печально и молчит... И вот лежу на обрывистом берегу реки. Ветер дует сильнее, медленно, но неумолимо сметает тело к пропасти. Пальцы цепляются за траву, а трава — мелкий-мелкий спорыш — ускользает меж пальцев, как последняя надежда. Порывы ветра подкатывают всё ближе к обрыву, гляжу вниз — сердце онемело: далеко-далеко внизу течет-бурлит синяя-синяя река, высокие берега из чистого льда, как в совхозном леднике, ослепляют яркой голубизной, пропасть манит своим нездешним блеском. Берега эти как бы вогнуты и образуют трубу, уходящую далеко-далеко к неведомому синему горизонту вне земли. Новый порыв ветра подталкивает тело к обрыву, с новой силой ослепляет белизна льда, нарастает шум воды...

Я проснулся. Ветер качал деревья, весь запад покрыт огромными темными облаками, из

них стали выстреливать мощные молнии и спустя мгновение гром содрогал землю. Потом полил крупный летний ливень. Выбираясь из тяжелого сна, я вспомнил детство, когда так же необычно вела себя природа...

Накануне бабушке было видение: в ведреную погоду на закате пошла она искать корову и ясно увидела на небе церковь. Различались не только само строение, не только золотой купол, но и дверь, окна и даже изразцы. Явилась бабушке церковь накануне Ивана Купалы при всем блеске и парила над ней неподвижно. «Только успела крестное знамение положить, — говорила она, — как она и скрылась!» Может, эта была церковь какой другой деревни, но бабушка уверяла, что эта церковь была ни дать ни взять нашей... «Нет, наша, наша была эта церковь, бабы, наша!» — убеждала она. И ничто ее не могло поколебать в этом мнении. Хотя ей шел девяностый год и она была в деревне самой старой женщиной, но имела еще ясную память и вечно хлопотала по хозяйству. Однажды она попросила меня помочь достать яйца из-под несушек, а гнезда из ивовых прутьев были установлены под стрехой в стайке. Бабушка приставила лестницу, чтобы не скользило, укрепила на полу кирпичами, мне велела придерживать лестницу, а сама под кудахтанье кур полезла наверх. Тут я заприщипил пробегающую мышь и кинулся за ней. И всё полетело вниз — бабушка, лестница, гнезда, яйца... По стайке плавали перья, пух, а я стоял и не знал, что делать. Зато бабушка знала. «Помоги-ка подняться», — протянула она руку. С моей помощью поднялась, но выпускать руку внука не собиралась. Она вывела меня во двор, стала искать пруттик... Потом этот пруттик загулял, сами знаете, по какому месту...

Женщины переспрашивали у бабушки, — была ли церковь та именно нашей деревни, может, бабушка ошиблась? Стоя на своем, она приводила сотни доводов. «А то я свою церковь не знаю! Церковь, где венчалась. Церковь, где молилась». Видение нашей церкви на небесах бабушку почему-то пугало. «Неспроста это, покарает нас Бог, увидите, покарает!..» Активисты-энтузиасты снесли церковь, и только колокольня осталась пристанищем полудиких голубей... Когда с бабушкой случалось проходить мимо места, где стояла церковь, она крестилась, наставляла и мне креститься, шептала молитвы и не раз добавляла: «Ангел белый, прости нас, грешных!..»

Этот ангел белый, хранитель душ и всей живности нашей деревни, вечерами прилетал к церкви, охранял покой и праведный сон селян... «И сидит он, детки, до утра неусыпно на самой маковке, и нечистая сила нас за версту обходит...» Бабушка сама видела, как после разрушения церкви этот ангел, белый как лунь, прилетел однажды в сумерках к церкви и, не найдя пристанища, с протяжным плачем растворился в небесах. А теперь вот церковь парит вьщей твердыней, неприступной для душ селян-разрушителей... По-бабушкиному выходило: если бы церковь благополучно стояла и при этом обозначилась на небе — это был добрый знак, но коли ее на земле нашей нет, а она восстала на небе, то это для нас знак кары за отступничество... «Нет, не зря это, не зря»... И бабушка начинала перебирать всё богоотступничество нашей семьи, родни и всей деревни. Грехов набиралось множество. И выходило: если суждена кара небесная, она не минует нашу деревню.

Эта кара не миновала.

Солнце взошло обычным порядком, небо было ясным, ветерок лениво раскачивал верхушки деревьев. В тот день я чувствовал себя вольготно, к обеду замыслил купаться пойти. Отец с матерью, взяв Надю, уехали к родне в соседнюю деревню, вернутся только завтра. Улучив момент, я выбежал за ворота и подался со сверстниками на пруд. Вернулся под вечер с опаской, ожидая строгости от бабушки. Но она ничего не сказала. Поужинав, мы легли спать. Я проснулся от того, что бабушкино пророчество сбылось. Нечистая сила обступила беззащитную деревню. Дом был похож на решето. Это сила со свистом влетала в одно разбитое окно и вылетала в другое. Уши закладывало мощным раскатом грома, нет-нет да ярко озаряло улицу и всё в доме. И в этих отблесках отчетливо проступали лики святых, бабушка перед образами, доносились обрывки молитв. Лицо обдавало холодными брызгами. Бабушка взяла на руки плачущую сестренку Нинку, я и Галка ухватились за её юбку. Мы оказались на просторной русской печи, а бабушка пошла к окнам. При ярких вспышках было видно, как она пытается выбить рамы заткнуть фуфайками и подушками. «Господи, неужто Страшный Суд! Господи, оставь деток, меня приberi! Они крещеные, безгрешные...» Потом она забирается к нам и успокаивает нас, как может...

Наутро как ни в чем не бывало солнце взошло своим чередом, небо было чистым, ветерок

ласково раскачивал верхушки деревьев... И только в канавах по обе стороны улицы всклень холодной воды, от нее даже ноги ломило. В нашем покато дворе остались заметные потеки в сторону большого огорода. Под высоким крыльцом на ночь привязывали козу. Шерсть ее слиплась, она дрожала от холода, а двух маленьких козлят смыло в огород. В большой огород вынесло всё, что плохо лежало. Отец оставил во дворе столярные инструменты. Рубанок, шерхебель, а также три топорика, деревянная лопата, метла, стоящие у тына сани — всё вытащило через широкие ворота в огород. Даже вынесло бревно, которое добралось до середины огорода и обессилело плыть дальше...

Поеживаясь от дождя, я вошел в дом. Мать готовила свеженину. Ливень стих так же внезапно, как и начался. Вечерним автобусом приехали на выходные Нина с мужем Виталием и братишка Митя.

— Ну, брат, ты и спать! — сказал Митя, радуясь встрече. — Я уж пару раз на сеновал заглядывал — даже не шевельнешься!

— Разморило крепко, да и спал тяжело, проснулся — дождь по крыше. Вспомнилось, как бабушка Дарья нас в град укрывала.

— Я такого случая не помню, — сказал брат.

— Тогда тебя еще и в проекте не было, — пошутил я. — А ты, Нина, помнишь?

— Скажешь тоже, вообще не помню.

— Кого она помнит! — вмешалась мать. — Тогда ей еще и пяти не было.

— И как только Нину градом не побил! — заметил обычно молчаливый Виталий.

Я с любопытством поглядел на зятя. Когда Нина привезла его знакомить, поразила необыкновенная молчаливость будущего родственника. Поначалу это приписывали естественному стеснению перед новыми людьми, мол, пообвыкнет — разговорится, но и в последующие приезды Виталий поражал своей молчаливостью. Когда с Ниной заговаривали про это, она обычно возражала: ничего тут странного, он вырос у матери один да еще без отца, вот и привык молчать. Теперь у нас в доме два молчуна, шутили мы порой в семье, — отец да зять. А теперь Виталий нет-нет да вступит в разговор... Мать перехватила мой взгляд и понимающе улыбнулась.

Когда вышли из-за стола, во дворе на бревнах сели покурить. Мне было о чем поинтересоваться у родственников. Они жили в поселке

гидростроителей, который образовался, когда начали строить плотину на Томи. Гидростроители, некогда покорявшие реки в Сибири, Средней Азии, оставшись без работы после нашествий на всю странустроек, мигом откликнулись на предложение приехать на перекрытие очередной реки. Им на подмогу ринулся люд с окрестных деревень, в основном молодежь. И даже вернулись сюда, поближе к отчему крову те молодые, что поужезжали в города в поисках своего места под солнцем. Как это сделала Нина. Она привезла с собой еще одного строителя – мужа, вскоре переехал к ним из города и младший братишка...

После десятилетки Митя выучился на шофера и уехал в город. Накануне Дня Победы прислал отцу бандероль с книгой Ивана Стаднюка «Война». В один из моих приездов отец мне показал ее, я раскрыл и с удивлением прочитал: «Фронтовику Василию Николаевичу с наилучшими пожеланиями – от автора». И под автографом подпись. Тут же лежало письмо.

«Здравствуйте, батя и мама! – писал Митя. – Поздравляю вас с наступающим праздником. Как вы там? Корова еще не отелилась? Куры, поди, уже вовсю несутся? Нынче, говорят, Томь шибко разольется. Если подступит к огороду, отбейте телеграмму. Сразу приеду вытаскивать с погреба картошку. В садик гусей и овечек не пускайте, а то опять погрызут ранетки...»

В письме еще были расспросы да заботы по хозяйству. Дальше Митя продолжал о своей жизни и о том, как он получил автограф. «Шоферить я устроился на легковую, но чувствую, с шефом не сработаться. Конфликтую. Приехали к нам московские и местные писатели. Вечером повезли их в тайгу на шахтовую турбазу с банькой. Днем в магазине я купил книгу столичного писателя, тоже фронтовика, и надумал взять для тебя, батя, автограф. Это когда сам писатель пишет от руки на книге, как на этой, что тебе высылаю. Понятно, шоферня на застолье не ходит. Мы в это время в биллиардной шары лупили, а с нами кое-кто еще из местных тузишек. И вот появляется сыночек моего шефа. Он часто с нами ездит, кишкомотатель! Увязался и на этот раз. Так вот, пацанчик подходит и требует, чтоб дали ему кий. Ладно, жду, че скажут. Он у меня-то не попросит, я его быстро осаживаю. И че я вижу! Лебезят перед ним тузишки-то, тошно смотреть! Я его взял да отшил. Какие он глаза вытарачил!

Вечная мерзлота! Так и читаю: куда ты лезешь, папаша тебе череп на уши натянет! В перерыве я стал разыскивать писателя, а нарвался на злого шефа, он тут же на меня бочку покатыл. Я почему так подробно. Уйду я с этой работы. Хочу, чтоб ты понял и за летуна не посчитал. Тут подоспела баня. Кто хотел, пошел. Вижу, шеф не пошел. Дай, думаю, в предбаннике возьму автограф. Зашел – никого. А в бане уже вовсю хлещутся. Я разделся, чтоб от других не отличаться, голые-то все равны! Сразу вольготнее стало. Сижу, жду. Никто пока из бани не выходит. Может, думаю, мой писатель попариться любитель? Захожу. Приметил его, жду – будет париться или нет. Вот он залез на полку, посидел, разогрелся. Я предложил его попарить. Тут-то я показал ему! Тут-то, батя, сгодилась твоя натаска. Вышли в предбанник отдышаться, я и попросил автограф. Узнав, для кого его книга, стал про тебя расспрашивать и вообще про жизнь. Хороший дядька! Вот у кого бы я пошоферил! А поросят лучше купите пятнистых, как прошлогодние разбойники – не надо. Опять будете рыскать за ними по кустам. До свиданья. Митя...»

Митя в поселке гидростроевцев вначале жил в щитосборном доме барачного типа у сестры с зятем, а потом получил место в общежитии. Я ведь тоже в свое время загорелся и уже всерьез подумывал о переезде в новоиспеченный поселок. Стройка разбудила издревле тихие места, всколыхнула неуголенные романтические порывы юности. Еще бы! С первого колышка начинать стройку прямо в тайге, жить поначалу в палатках, а затем прочно обосноваться на берегу рукотворного моря, да и родные места рядом. Чего же еще надо! Я бы тоже не удержался, если бы жизнь со временем не внесла коррективы: женился, родилась дочь, стала прихварывать, а в необустроенном месте разве будет нормальное житье! Может, и на все это не поглядел бы, но после первых восторженных эмоций посмотрел на происходящие перемены в родном краю несколькими иными глазами... Газеты уже стали писать о печальном состоянии рукотворных водохранилищ в стране. Сменился тон первоначальных радужных статей и в областной прессе. Один хорошо известный в области журналист, который поначалу выдал серию розового восторга, потом опять же выдал серию статей с точностью до наоборот. Для накопления чистой воды десятки предприятий выше плотины должны построить очистные сооружения

и обеспечить чистый сток своих отходов. Ясно, какую волну затянут. Лесорубы очищали от деревьев и кустарников ложе водохранилища, вели вырубку. Много спорили, что делать с древесиной. А то ведь древесина всякая, — которая нужна лесозаготовителям и которая вроде бы никому не нужна. Лесозаготовители соглашались рубить деловую древесину, убирать за собой сучья, но никак не хотели брать на себя дополнительные работы по очистке ложа от кустарников и неходового леса. Другие предприятия тоже не брали на себя обузу по очистке ложа. Пока суд да дело, лес потихонечку вырубали прямо в водохранилищной зоне. В этом плане лесозаготовителям крупно подфартило. Они и так-то хотели сужения водохранилищной зоны, чтобы меньше было затрат на доставку древесины из тайги за десятки километров. В конторах спорили, куда девать неходовой лес, — перерабатывать в щепу или же пустить на какое-нибудь другое нужное дело, а, может, сжигать на месте. Но худо-бедно ложе очищали, и горели костры, как при нашествии татаро-монголов. А раз лес, оставшийся после заготовки деловой древесины, сжигали, вопрос вроде бы отпадал сам собой. Но время шло, на месте вырубок подымалась новая молодая поросль, и это практически сводило на нет усилия очистителей ложа водохранилища. План очистители выполнили, а после этого снова всё хоть уремой зарастить! Всё зацветет зеленым цветом, будет в воде гнить и выделять смрад. Кроме того с территории затопления надо вывозить десятки деревень, убирать могильники. И еще одно немаловажное обстоятельство. Уже целый век в окрестностях вынимали из-под земли уголь, в чреве земли образовались пустоты. И даже без этих пустот давление воды водохранилища способно вызвать разломы земной коры, тектонические подвижки и даже землетрясение. Всё это спалило первоначальный энтузиазм, еще неизвестно, чего больше — беды или блага — принесет родному краю это водохранилище... Я следил по прессе за стройкой и при случае интересовался у зятя и брата — непосредственных участников строительства. Но удивительно — они всем, что меня тревожило, мало озабочены.

— Как дела, гидростроевцы? — спросил я.
 — Да работаем потихоньку, — сказал Митя.
 — Когда намечено перекрытие реки?
 — А кто знает! Начальству виднее.
 — Фома кивает на Петра! Сам ты как относишься к этой «стройке века»?

— Ты же видишь, как Томь мелеет.
 — Еще бы! Когда в верховьях по всей водохранилищной зоне лес варварски рубят!

— Даже если б не рубили, воды надо предприятиям всё больше. Водоохранилище всё равно нужно, от этого никуда не денешься.

— Вас просвещают, что перекрытие — великое благо?

— Если всё выполнить по проекту — лучшего не надо.

— А будет оно по проекту? Всё ложе после вырубки по новому зарастает. И никто не станет вторично очищать. Так всё и уйдет на дно, будет гнить в воде. Это тоже по проекту?

— По крайней мере мы свое дело делаем.

— Каждый свое дело делает — вразнобой да враздробь. Отрапортовал и скинул с плеч. Если бы у реки был единый хозяин! Проектировщики из Казахстана, строители — тоже в основном пришлые. Построят плотину и сорвутся новые реки покорять. А нам-то здесь оставаться и жить! И вообще — кому всё это выгодно?

— Кому? — переспросил Митя. — Всеми нашему краю. У нас промышленность будет развиваться, у нас миллиарды тонн запасов угля. А уголек везде, что ли, где ни копни? Вот он у нас есть, и его будут брать. Это богатство всей страны — и ничего тут не напишешь.

— Ишь, как ловко! Как только говорить о чем-то конкретном, — сразу отвлекаем на обобщения.

— Я тебя, брат, что-то не пойму, — удивился Митя. — Помнишь, как сам раньше восторгался перспективой? Заслушаться можно было!

— Молод был, с мозгами набекрень.

— Это как понимать?

— Я тоже глядел в будущее вроде тебя — на три шага, а дальше видеть не пытался.

— Ты против промышленности, что ли?

— Почему против? Не против. Но затопим земли водой, покорежим ее угольными разрезами — гнилая вода и лунные кратеры будут, может, себе дороже!

— Вот и выходит, что ты против. Послушать тебя — и уголь не надо добывать.

— Это было бы здорово! Природа мудро поступила.

— Ну и что она намудрила, природа?

— Про парниковый эффект слышал?

— Какой-какой?

— Свои отходы природа захоронила под землей. А мы их добываем, сжигаем, засоряем

атмосферу. От этого на планете идет потепление.

— Но это уже не от водохранилища, — подал голос и Виталий.

— Водохранилище будет для промышленности палочкой-выручалочкой, будет накопителем грязных стоков, вредных веществ. Ну а если прорвет это водохранилище, — сдернет всё как с бачка унитаза, и вся нечисть — прямым ходом в Северный Ледовитый! Всё будет законсервировано там до Великого потепления.

— Ну ты и загнул! — сказал Митя.

— А ты думал! — продолжал я, увлеченный темой. — Было Великое оледенение, будет и Великое потепление. И вот тебе новый всемирный потоп! Ковчег какого-нибудь там Ноя станут омыwać не светлые воды, а отхожие воды промышленности — бог весть в каком веке их сорвало вот с этого самого водохранилища.

— Ну это фантастика! — возразил Митя. — Плотину никогда не прорвет! Да и не бывать такой сточной канаве!

— И еще учти другое, — наступал я на брата. — Поля у нас напичканы химией. Удобрения с полей будут стекать в реку. Сейчас они не задерживаются в водоеме, быстро уплывают по течению Томи, — как-никак она горная река. Водохранилище зацветет! А деревья, кустарники на дне будут гнить десятилетия и пожирать кислород. Помнишь, мы мечтали о рыбном море? Какая там рыба в тухлой да мертвой воде!

— Ну хорошо, — сказал Митя. — Что ты предлагаешь? Остановить работы?

— А почему бы и нет? Помнишь, лет десять назад я тебе показывал статью в газете? Там восторженно писали, что впервые в нашей стране именно у нас будет построено водохранилище не с промышленными целями, а как зона отдыха в индустриальном крае Сибири?

— Припоминаю.

— Писали, что к стройке будет подход особый. Ну и что мы видим на деле?

— А ты хотел бы, чтобы всё было идеально! — возразил Митя.

— Идеально не бывает, — согласился я. — Но такого!..

— Что ты всё на Митю! — вступился Виталий. — Разве он ответчик за всё?

— Да не за всё. Мне интересно, как вы сами относитесь к этому строительству.

— Как мы относимся? — переспросил Виталий. — О выполнении плана голова болит, чтобы премию получить.

— Зоны отдыха, конечно, не будет, — уступил наконец братишка. — Уж здорово всё раскурочили вокруг. Но водохранилище всё равно нужно. Конечно, мы хотели бы и земли сохранить, и воду чистую иметь, и промышленность развивать, но этого, видно, не будет.

— Ну заладил, как Фома неверующий: не будет да не будет! — возразил я.

— Для экономики страны наши потери неизбежны, — гнул свой младший брат.

— Почему? — спросил я.

— А уровень цивилизации пока низок, безотходного производства нет. Вот государство и отдает наш богатый край на откуп прогрессу.

— А ты, оказывается, государственный человек! — поддел я брата. — Ну что, государственный человек, тебе до лампочки, что путь прогресса к светлому будущему мостят через твой дом?..

Ответа я не получил. После перекура Митя с Виталием стали готовить рыбацкие принадлежности на вечернюю рыбалку.

— Давайте лучше отдыхать да отсыпаться, а то завтра на покос, — стал их отговаривать от затеи.

— Да мы только на Ковшик сбегает, проверим, есть поклевка или нет, — возразил Митя.

Зять, заядлый рыбак, молча продолжал готовить снасти. Этого не удержишь, стало быть, Митю тоже. Они подались на Ковш — так называлось небольшое озерцо вблизи Томи. Кроме озерной рыбы там водилась и речная, которая заплывала в весеннее половодье...

Когда рыбаки ушли на вечерний клев, по просьбе отца поднялся на крышу посмотреть, почему в месте старой печной трубы стало иногда протекать. Мальчишкой я сделал на крыше специальную клетку из старых комбайновых решеток, для летка приспособил дыру от русской печи, ее убрали, а вместо нее сложили поменьше печку с плитой, дымоход которой вывели с другого ската крыши. И вот в месте давнишнего обиталища моих голубей рубероид выцвел, растрескался и в одном месте прогнулся, где, конечно, скапливалась дождевая вода. Я выправил рубероид, сверху настелил еще один слой. Сколько раз лазил сюда, когда завёл голубей! Сколько было волнений, огорчений и радостей с голубями!..

Я давно мечтал сам заработать на велосипед. На самый настоящий, взрослый. И на летних каникулах заработал-таки! Но в тот год почему-то была напряженка именно со взрослыми

велосипедами. И пришлось купить подростковый «Школьник». Вскоре в Рябковке появились еще два таких велосипеда. Это несколько утешило, но мечта о полноценном велосипеде не покидала. У Грибановых их было два, один новый, другой старый. Мы часто катались, обменявшись с Колькой.

— Давай меняться насовсем, — предложил он как-то.

Колька деловой, без выгоды никогда ничего не сделает, и я насторожился. Конечно, заманчиво иметь свой взрослый велосипед, но и Колькин-то уж больно старый. Мы его не раз разбирали-собирали, в шарикоподшипниках шариков не хватает, переднее колесо «люфтит», а задняя «звездочка» нет-нет да прокручивается, — особенно, если катишь в гору.

— А я тебе в придачу дам голубей, — добавил Колька.

Как устоять против такого предложения! Я согласился. У меня еще недавно была пара голубей. Но кошка загубила сидевшую на яйцах голубку, а голубь потом поскучал, поскучал да покинул гнездо и не вернулся. Так вместе со старым новым велосипедом у меня снова появились голуби — дымчатый самец и мохноногая белая голубка. Она вскоре сидела на яйцах. Когда я поднимался на крышу, голубь, надув зоб, обычно ходил кругами подле гнезда и беспрерывно кланялся. Мне не терпелось иметь свою голубиную стаю. И не только голубей одной породы. Когда я общался с голубятниками постарше, слова «почтарь», «трубач», «столбач», «вертовые» приводили в трепет. У нас в селе почтовых голубей не было. Да и других благородных пород — раз-два и обчелся. Но зато чем меньше голубей какой-то породы, тем больше о них разговоров. Помню, каждую весну начинались разговоры о почтовом голубе. Он в конце марта — начале апреля невесть откуда прилетал внезапно, опускался уверенно на крышу чьей-нибудь голубятни, жил некоторое время и так же внезапно улета. Первый раз его пытался удержать Митя Селянин.

— Ну всё, ребята, пойдут у меня свои почтари! — заявил он и повыдергивал голубю маховые перья.

Расчет был прост: пока перья отрастут, голубь привыкнет и останется жить. Но почтарь улета. Думали, навсегда. Нет, следующей весной он появился на голубятню Пети Гриднева, и его снова не удалось удержать. И вот когда у меня только-только появилась первая пара, он с

маху опустился на крышу нашего дома. Маленькая головка на длинной шее. Поминутно озирается по сторонам. Тусклый отлив шоколадного оперенья. Среди деревенских голубей он все равно что рысак среди тягловых лошадей. Он взад-вперед походил по коньку крыши и всё вертел шеей по сторонам, но опуститься на леток, где мирно дремала моя пара, не решался. «Ну опустись, входи!» — молил я его. Сердце сладостно тукало. Это был посланец иных небес. Это был знак от туда, куда стремилась моя душа, но куда путей я не знал. Он прилетел из той запредельности, перед которым обмирало дыхание. Как меня манила синяя даль! За Томью, что в километрах трех от нашего села, вдали в синей дымке — предгорья Кузнецкого Алатау. Перейдя в пятый класс, я подговаривал пацанов своей улицы туда в летний поход. Интерес еще представлялся и в том, чтобы об этом не знали другие ребята. Вот удивятся! Такой поход придаст нашему путешествию ореол таинственности. Как в разведке. Чтобы не стало известно, надо, значит, собираться скрытно и от родителей, а то всё равно прознают. Воодушевились мы этой затеей и начали сборы. Да разве шило в мешке утаишь! Хвастанул кто-то, стали выяснять — каждый отнекивается, перессорились, и интерес к затее пропал. Но жила, жила мечта о запредельности! Из каких же краев, из каких стран прилетает к нам этот странствующий голубь? Может, из Африки, может, даже из Австралии?.. Ну, опустишь, опустишь... И он опустился! И сразу же, воркуя, начал обхаживать голубку и кланяться ей. А когда моя пара вошла в голубятню, небесный странник последовал за ними. Дернуть за веревочку и захлопнуть леток — дело одного мгновения. Я мигом взобрался на крышу, поймал гостя. Сердчишко его так и тукает! Да и мое от такой удачи и волнения не отстаёт. Начал осматривать: может, невесть откуда и куда несет он почту? Может, окольцован или имеет иные особые метки? Может, он участник какого-то особого секретного эксперимента?.. Но ничего, никаких отметин на нем не было. А не был ли он одиноким странствующим голубем? Но все равно он не чета нашим деревенским сизарям, во всем его поджаром облике ореол таинственности и романтичности... Выдергивать перья я не стал, лишь перевязал крылья, чтобы не смог взлететь. С месяц он расхаживал по крыше. Втайне надеялся, что слюбится с голубкой, посаженной специально для него. Посчитав, что новосел у меня уже прижился, дал ему полную свободу. Голубь

не улетал! Он взлетал с моими голубями, кружился в небе и снова опускался на нашу крышу. Разве что иногда слишком далеко вырывался вперед, даже скрывался из виду, но все равно возвращался. Я ликовал! То, что не удавалось голубятникам постарше, удалось мне! Но странник снова исчез так же внезапно, как и появился. И, как оказалось, не оставив даже потомства. В свободном полете он пожил у меня не больше недели. Он словно насмехался над моей попыткой удержать его. Улетел не сразу, а словно дразнил меня, подавая надежду, но хотел показать: свобода выбора остается за ним: хочу – улечу, хочу – останусь. Он выбрал первое... С тех пор мечта занять голубей редких пород меня не оставляла. И вот однажды утром на исходе ноября, подкопив денег, с одноклассником Витей Лесниковым вместо школы отправились пешком в районный центр. Проживал там немец Кобер – известный на весь район голубятник. Бодро шагаем по легкому морозцу с радостной надеждой пополнить свою голубиную стаю необычными экземплярами. Вот и деревня позади, лишь над домами дымы столбами к небу предвещают ясную погоду. Шагалось легко и бодро. И казалось, все двенадцать верст будут такими же легкими на ходьбу, но в райцентр вошли мы изрядно уставшие. Отыскивали дом Кобера, во дворе загремел цепью здоровенный кобель, на его утробный лай вышел хозяин. Такие визиты были ему привычны. Он провел нас в дом и лишь потом спросил:

– За голубями?

Мы кивнули.

– Вам каких?

Хотелось, конечно, разных. И турманов, и вертовых, которые перед исполнением переворотов так эффектно хлопают крыльями, и столбачей, высоко-высоко зависающих в зените... Однако наши желания не подкреплялись нашими возможностями и мы договорились так: Витя возьмет турманов, а я пару вертовых. Когда от них подрастут птенцы, мы ими поменяемся и у нас будут голуби той и другой породы.

Мы расплатились и с вожденной покупкой направились обратно. Зайти в районную столовую и подкрепиться, как надумали вначале, денег уже не было – так задрал цены Кобер. Дошли до речки Грязнухи, что на середине пути. Силы на исходе, голод не тетка, и мы блаженно растянулись прямо на дороге. Думаю о двух теплых комочках за пазухой – и словно сил прибавляется, и чувство голода затихает. И не терпится пос-

мотреть повнимательней на голубей, полюбоваться ими. И вот я осторожно вынул из-за пазухи бело-коричневую голубку. Красивая! Витя тоже извлёк своего дымчатого турмана. И пока мы их разглядывали да сравнивали – у кого красивее, моя голубка внезапным рывком оказалась на свободе, а у меня в руке осталось лишь несколько хвостовых перьев. Пленница на свободе пару раз хлопнула крыльями – и напрямик на райцентр. Обида и бессилие комом подступили к горлу, навернулись слезы. С какой радостью мы шли в райцентр, и вот мои мечты разбиты!

– Ничего, потом сходим к Коберу еще раз, – утешил меня друг.

За прогул, нам, конечно досталось. Родители Витю непустили, хотя мы наметили снова сходить не в учебный, а воскресный день. Я пошел один.

– Нет, голубка не прилетала, – сказал Кобер.

Но по глазам его понял: врет! Пришлось покупать другую голубку. С ней я дошагал до дома благополучно... Потом у меня перебивало немало голубей разных мастей и пород, но первые были как самые светлые праздники!..

Дорога и ранний подъем всё-таки сказывались, а завтра первый день сенокоса, надо вставать отдохнувшим и бодрым. Я решил лечь пораньше.

Разбудили около полуночи.

– Вставай, трактор угнали! – тормошил меня отец.

На территории конного двора, где сторожил отец, механизаторы на ночь оставляли технику – сторож отвечал и за ее сохранность. На краю села слышалось тарахтенье трактора, – то ли угнанного, то ли еще какого другого. Отец на коне, а я пешком направились в ту сторону. Трактор держал путь к переезду через речку, мы скорее двинулись к нему наперерез. Трактор то пропадал в кустах, то выхватывал открытое пространство лучами своих фар. На переезде мы его перехватили, в кабине сидел незнакомый мне белобрысый парень.

– Этот трактор? – спросил я у отца.

– Этот, этот!

– А ну вылазь! – скомандовал я парню, залезая в кабину.

– Ты кто такой, раскомандовался тут? – выдохнул парень самогонный перегар.

Я ожидал стычки и внутренне был готов к этому.

— Ты, Саня, в прошлый раз угнал — и молчок! — укорил отец. — А сейчас снова угнал! Придется управляющему сказать.

— А что мне управ? И на управа найдется управа! — зло сказал парень, но сопротивляться не стал, покинул кабину...

Я вел трактор и размышлял: ну что это даст, если отец даже и скажет управляющему? Обосстришь отношения — после нашего отъезда могут отыграться на отце. Обидят его — и заступиться будет некому, когда мы отсюда уедем. Эти парни начнут назло угонять технику, а отвечать должен будет отец. На конном дворе заглушил трактор, отец слез с коня, уселись на крыльце шорницкой, закурили.

— Что это за парень? — спросил я отца.

— Саня Шанин, балбес окаянный!

— Он, говоришь, уже угонял?

— Если бы только угнал! Поехал он Фомичихе за выпивку подвезти дров, завел трактор да и угнал в лес, а там посадил на пень. Дергал взад-вперед, не отцепил да так и оставил в лесу. И молчит! Утром хватились — нет трактора! А он тут же с нами с невинным видом сидит, дымит сигарку. Хорошо, когда шел из лесу, у пастухов закурить попросил. Они и сказали, чьих рук это дело.

— Давно он в нашу деревню приехал?

— Года два назад.

— Вот что значит пришлые, а свои деревенские так ведь не пакостили.

— А сейчас и свои такие же — сказал отец. — Воруют, только шум стоит. И в стайках шарят, и в огородах. И в лесу, если хлысты враз не вывезешь, — потом ищи-свищи! А комбикорм стащить, что пучок сена под себя подоткнуть!

— Так Шанин, может, за комбикормом и навострился? Когда ездил за ягодой, заезжал на дойку, там как раз сегодня наша Валя Рыбакова дежурит.

— А то куда же! Ясное дело! Хотел комбикорм загнать и выпивкой разжиться... Ты Гришку Мальцева помнишь?

— Который с нашим Митей учился?

— Он. Нынче зимой посадили.

— Надо же, такой молодой!

— Молодой да ранний. Со старших пример брал, да опыта воровать не подкопил.

Отец остался дежурить, я пошел домой. Рыбаки уже засыпали на сеновале.

— Ну как, клюет? — спросил я.

— Да неплохой клев, — ответил Виталий, зятя не интересовал результат, ему был важен сам процесс.

— На ушицу добрую надергали, — сказал брат. — Мать поутру ухой уважит. А ты куда уходишь-то?

— Мать не сказала, что ли?

— А мы не стали в дом заходить, в летней кухне перехватили — и на сеновал.

— Трактор угнали, с отцом осадили за деревней Саню Шанина. Знаешь такого?

— Знаю. Ты ему рыло начистил?

— Нет.

— Придется самому разбираться.

— Я тебе дам — разбираться! Мы уедем, а они отцу так напакостят — не рады будем.

— Дивлюсь я на тебя! Совсем другой стал! Я на рыбалке думал про давешний разговор насчет водохранилища. Тебя послушать — скоро вообще в природе ничего не надо будет трогать. А сейчас что я слышу — Шанина с миром отпустил! Не узнаю тебя. Ну прямо толстовец какой-то!

— Почему — толстовец? Я не против! Живи здесь, чтоб у отца заступник при себе был, тогда кого угодно вздрючим по старинке, по-деревенски.

Ответа от брата не последовало.

— Давайте, мужики, спать, — предложил я. — А то завтра вас не добудисься...

Все затихли, но спать мне еще не хотелось. С незакопченного конца крыши открывалась часть неба. Ковш Большой Медведицы уже заметно опустился, а созвездие Кассиопеи сместилось чуть выше к зениту... Когда-то я увлекался дальними мирами. Но прав поэт — «в зрелости так не тревожат меня Космоса дальние светлы, как муравьиная злая возня маленькой нашей планеты...» Когда-то всерьез подумывал заняться астрономией. Впрочем, кем только не хотел стать в детстве! Как и все, наверное, мальчишки. В четвертом классе я юным мичуринцем прививал к черемухе смородину, когда узнал, что они дальние родственники. Хотел удивить мир и думал: как же никто раньше не догадался до этого! Привой засох, и открытия не получилось. Теперь об этих увлечениях редко когда вспомнишь, разве что по приезду в отцовский дом. Хорошо бы утром проснуться безмятежно-счастливым, как в детстве! Теперь лишь редко-редко, когда съезжается самая близкая родня, посещает это благодатное чувство...

— Ребятки, сходите на совхозный ледник, — предложила мать, когда я утром спустился с сеновала. — Виталий уже проснулся, Нине помогает, а вы с Митей сходите.

Я начал тормошить Митю:

— Засоня, хватит спать, на работу пора!

Он норовил понежиться еще, пришлось стянуть одеяло. И это не помогло. Былинка полезла в нос братишке; громко чихнув, Митя открыл глаза.

— Вот так! Будь здоров и марш лед колоты!

Вскоре мы уже шагали к молочной ферме за льдом...

А были времена, когда мясо летом хранили в общественном колодце, поскольку о холодильнике в деревне в ту пору ещё и не слыхали. Но кончилось это, когда Лапины оказались нашими соседями напротив... К новым соседям мама пошла ставить в колодец мясо. Она увидела во дворе хозяйку и сказала:

— Так вот, Поля, барашка порешили на покос. Прямо теперь и не знаю: ставить можно, че ли?

— Ставь, ставь, Анисья, — откликнулась та. — Колодец, поди, не обеднеет. Че тут такого? Токо вот цепь-то занята, сын повёз сено цеплять.

— Да че горевать-то! Сама сейчас принесу.

Мама поинтересовалась, как у них идет с покосом. Втайне уже радовалась, что новые соседи оказались людьми покладистыми.

Она торопливо перешла через улицу и скрылась в ограде своего дома.

Тут из-под навеса вышла Надя, невестка тети Поли:

— Так, так, теперь и эта начнет снова по нашему двору. Не успели обжиться, а уже не хозяйева. Надо было сразу всем отказать!

— Ну, Надя, съедят, че ли? — свекровь хотела в сердцах добавить кое-что порезче, да вовремя спохватилась, с молодой и так хватало стычек.

— Съедят — не съедят, а покоя не видать теперь. Почему должны допускать других? Сами должны пользоваться, вот что!

Мама, ничего не подозревая, уже пересекала улицу.

— Поля, может, крышку-то с ведра снять? Мяско-то не испортилось бы. Я вот марлю прихватила на всяк случай, — посоветовалась она.

— А че думать-то, объяви марлей да и делов! — Потом уже для невестки добавила: — Ты, Анисья, всегда заходи и ставь. — Она украдкой посмотрела на невестку. Надя позеленела и сквозь зубы процедила:

— Колодец, видать, придется заколотить!

Теперь и мама поняла, к кому были адресованы последние слова Полины. Вот оно что, де-

вка! Видать, с тобой Полине не мед! Прижми-стая, видать, досталась баба ее Вите. Колодец хочет она заколотить! Заколоти, заколоти! Нахлынула волна обиды. Отчетливо припомнились мытарства, связанные с этим колодцем. Сколько раз на собрании жители нашей улицы ставили вопрос о колодце: если другие улицы стояли вдоль речки, то наша — вдалеке от нее. Раненько утром чуть не полкилометра приходилось идти за водой на речку, пока она чистая, а если не успеешь — потом или довольствуйся мутной водичей, или вообще не пей. А каково это дояркам, выезжающим на луга к стадам чуть свет! Это уже потом, при совхозе, тракторами прорыли русло по задам больших огородов, повернули речку на новое русло, и вода стала ближе. Но колодец-то всё равно нужен! Помню, мама не раз бегала в сельсовет, пока председатель Тихон Иванович не пообещал подыскать работников для копки. Она первая внесла деньги и ходила агитировала других. Правда, кое-кто отказался, но нужная сумма была набрана. А сельсовет так-таки и не подыскал землекопов, выкопали свои же мужики. Улица узкая, решили поставить колодец во дворе Чулюкиных, у которых потом и купили дом Лапины. Копали основательно, добротнo, нарастили сруб. А куда девать деньги, собранные для землекопов? Не таскать же по домам! Всем миром решили устроить гулянье. Может, тем еще и дорог колодец, что собрал на добровольную работу всю улицу и веселились всем людом. В памяти это последнее общее веселье, последний общий праздник на нашей улице. И весело заскрипела, закрутилась перекладина. Люди стали утолять жажду из общего колодца. Со временем вдоль улицы поставили водоколонки. Прямая нужда в колодце отпала, но жители улицы продолжали пользоваться им вместо холодильника. Особенно, когда закалывали крупную скотину и места в домашнем холодильнике не хватало, если, конечно, он в доме имелся.

Через день мама пришла за мясом и видит: вечно голодные свиньи, слоняющиеся по улице, сколько их ни гони за огороды, ворвались во двор, вмиг разогнали гусей и стали уплетать отруби. Надя гоняла свиней и орала на весь двор:

— Чух, падло! Теперь житья не будет! Не двор — забегаловка!

— А кто крючок-то на калитку не накинул? — спросила мама.

— Может, ты!

— Да я только вот подошла!

— Нечего ходить! Заколочу колодец к чертовой матери!

— Заколоти! Ты его выкопала? Ты знаешь, чей он, колодец-то?

— Видать, твой, если ты тут хозяйничаешь!

— И мой, и мой! — подтвердила мама.

— Дождешься! Все тут наше! А если он твой, иди тащи его к себе!

— Ах, ты еще ехидничать! Сельсовет разует глаза, чей он, колодец-то!..

Но выход из положения нашелся, когда совхоз начал устраивать ледник для молочных продуктов. На ферме каждый год по зиме слой за слоем наращивали ледник, и он под укрытием соломы сохранялся все лето. Люди стали ставить мясо в погреба, куда сбрасывался лед с совхозного ледника...

С одной стороны ледника солома была потревожена, когда ее откинули, проступил свежий скол льда. Пока Митя пешней накалывал лед, я решил обойти ледник. На восточном склоне под увалом виднелся проём вроде пещеры, солома осыпалась и образовала небольшой просвет. Я шагнул туда и раздвинул соломенную завесу, — там дугой согнуло молодую черемуху, ствол ее выходил из льда, а макушка снова терялась в ледяной толще. Но на ветках, что освободились из ледового плена, распустились белые кисти! Непривычно было видеть майскую цветень в середине лета, когда всё уже отцвело в свой срок, а сейчас наливалось сочной тяжестью плодов и ягод. Но и здесь, в сырой прохладе, жизнь брала свое. Цветы черемухи издавали еле уловимый аромат, какой ощущаешь, когда надломишь черемуховую веточку где-то в апреле. И радостно, и грустно было смотреть на молодую черемуху, что выглянула из толщи льда на белый свет и, обманутая теплом, не в свой срок начала предначертанный природой сезонный круговорот. Почему не в свой срок? В свой! Тяга к жизни, к свету во всем живом заложена изначально, и всё живое пробуждается при малейших благоприятных условиях. И надо только радоваться за природу, которая сеет жизнь всюду, зная не зная наперед, что из этого получится. Налюбовавшись черемухой, подошел к брату. Он уже наполнил льдом ведра.

— Там с той стороны черемуха цветет, — сказал я. — Хочешь посмотреть?

— В леднике, что ли? Не поверю!

Брат поспешил к расцветшей черемухе и вернулся с ароматным букетиком:

— Вот дома удивятся!

Я хотел было его укорить за то, что цветень обломал, но, боясь выглядеть сентиментальным, промолчал...

Когда вернулись домой, семья завтракала.

— Давайте, мужики, мы потихонечку тронемся, — предложил я Мите и Виталию, когда подкрепились. — А то пока остальные соберутся, управятся по хозяйству, солнце вон куда взойдет! А мы пораньше начнем косить.

— С чего это вы будете ноги бить? — возразила мать.

— Да мы все и не усядемся на телеге, — нашел я оправдание, хотя настоящей причиной желания выйти пораньше были именно хлопотливые и затяжные сборы: пока покормят домашнюю живность, пока приедет на лошади после ночного дежурства отец да подкрепится, да соберет покосный инвентарь, а мать несколько раз перепроверит, взяли ли то, взяли ли сё, — уже и полдень накатит, а в жару к тому же и тяжелее косить. Нет уж, лучше выйти пораньше! Взяли литовки, оселки, емкость под воду и вышли из дому.

Недалеко от нашего покоса запруда. Здесь раньше протекал лишь небольшой ручеек, потом его бульдозером перегородили, оставив для стока внизу трубу. Пруд покрылся ряской, выше росли камыши. Запруду сделали — поить совхозных телят. Об этих телятах как раз и писала мать, тревожась за целостность покоса.

Дошли до поляны, где каждый год косили сено. Здесь была знакома каждая кочка, каждая выбоина, каждый кустик. С края густо зеленеет кудрявый дикий горошек. Выше этой заросли кое-где пунцово выделяются головки татарника. На этом участке трудно косить: стелющийся дикий горошек никак не желает отпасть от лезвия литовки, цепляется, тянет назад. Ближе к дороге трава уже другая: понизу стелется клевер, встречаются изредка пучки зверобоя, цветет разный медонос. В центре поляны трава растет ровнее, но реже. Зато там красуется ветвистая береза — давно облюбванное место отдыха семьи: открытое пространство хорошо продувает, меньше комарья и слепней. С края поляны видно, как темнеют приставленные к березе прошлогодние жердочки. На другом краю поляны растет осинник, за ним — поле, по его краю снова тянется полоса нашего покоса.

Двинулись к березе. Митя накопил добрую охапку травы, подстелили под себя, сели, закури-

ли. Потом я блаженно растянулся и стал смотреть на облака. Где бы ни был, когда хочется снять нервное напряжение или скорее заснуть, я мысленно представляю такую картину: после косябы сильно устал, лежу под этой березой, руки и ноги постепенно наливаются свинцовой тяжестью, веки тоже тяжелеют, по телу разливается блаженное тепло, ветер треплет волосы, а сверху убаюкивающе шелестит листвою береза... Но сейчас никакой усталости не было, после минутного забытья вновь вернулась бодрость. Я встал, скосил высокий стебель борщевика, очистил его, начал мерить, правильно ли насажены литовки, — приставил один конец борщевика к пятке литовки, другой конец нажал большим пальцем на поперечной ручке и стал подводить от пятки к носку литовки. Отец, как всегда, сделал всё на совесть: расстояние от ручки что до пятки, что до носка литовки было одинаковым. Каждый из нас подточил свою литовку, и мы пошли в сторону дикого горошка. Начали косить. Трава вязкая. Размеренно взмахивая литовками, постепенно втянулись в работу. В конце прокоса я резким движением отделил валок от стоячей травы, вытер пучком сена лезвие, оселком заточил его, и всё началось сначала. И так будет не один день, пока не выкосим весь этот летний аромат на долгую зиму... Докашивали участок поляны с горошком, когда верхом подъехал Тихон Силыч Бондарь, ныне учетчик, а в мою бытность — управляющий третьим отделением совхоза и организатор «ресторана» прямо в чистом поле...

Наше отделение совхоза первым заканчивало уборку. Комбайнеры утром вышли из кулестана.

— Интересно, Силыч не забыл про свое обещание? — как бы между прочим спросил Игнат Селиванов.

— Про какое обещание?

— А вспомни, что он обещал, если будем первыми!

— А-а, вспомнил! Поглядим, как он сдержит слово!

На поле завели комбайны и принялись за работу. Вот показался мотоцикл Тихона Силыча, механизаторы остановили комбайны и стали собираться у головной машины.

— Здорово, орлы! — поприветствовал подъехавший.

— Здорово, здорово! Не слышим туша в честь победителей!

— Ну что, братцы, обставили мы других! — сказал довольный Силыч. — Какой день сегодня, а!

— Да день-то погожий, только во рту першит!

— А что так?

— Да не мешало б горло промочить!

— Елки зеленые, в ресторан бы!

— Ладно! Будет вам ресторан!

Силыч сорвал с люльки мотоцикла брезент, там лежали бутылки водки.

— Вот Силыч так Силыч!

— Ну и сила наш Силыч!

Управляющий глядел на комбайнеров, довольный произведенным эффектом.

— Вам осталось обежать всего ничего, — сказал Бондарь, окинул взглядом недожатую площадь. — Закончите — можно и причаститься.

Но комбайнеры дружно зароптали:

— Силыч, как можно!

— Такой день!

— Да мы счас чисто символически!

— Ну, ладно, символически так символически, — уломался Силыч. — Потом догуляем от души.

Еще утром он думал о том, как донести до народа важность момента — конца уборки. Какое счастье иметь полные закрома хлеба! Хлеб... Хлебушек... Какое это святое дело! Обо всем этом хотелось высказать за столом после работы. Ах, не утерпел Тихон Силыч! Поддался искусу честной компании, купился на эффекте момента!

— Товарищи! — начал он громко и чужим голосом, как на собрании, но тут же прокашлялся и переменял тон: — Орлы! Сегодня мы заканчиваем уборку. Да, у нас праздник. И большой праздник! Все лето мы тревожились за колосок: град бы не побил, засуха не выжгла, ждали осенью ведра. И вот дело сделано! Давайте, за наш хлебушек!

Выпили, закурили, отмякли и стали вспоминать разные случаи.

— Сашка, расскажи-ка, как ты пиджаком барсука зашибить хотел, — обратился к своему помощнику Игнат Селиванов.

Сашка лишь смущенно улыбнулся и махнул рукой, пуская дым в свои юные усы. Селиванову того и надо, ему самому охота всё высказать, а задал он вопрос так — для зачина.

— Веду я, значит, свой комбайн, а Сашка мой на своем сиденье кемарит. Ага! Вижу, впереди жатки барсук бежит! Кричу Сашке, а он ни в какую, вот-вот из сиденья выпадет — так его сморило! Я громче. Очнулся мой Сашка, в чем дело не поймет, озирается кругом, думает, комбайн сломался, вот я ему и кричу. Ну как же сломался, когда мы

едем и вовсю молотим! Я ему кажу рукой вперед, а он глянул — схватил пиджачишко с сиденья и за барсуком. Кричу ему: «Монтажку возьми!», да он разве услышит! Бежит, бежит Сашка да упадет, опять вскочит — бежит, бежит да упадет.

— Это я его догонял и пиджаком накрывал, — смущенно поясняет Сашка.

— Эх, думаю, сколько целебного сала пропадает! Так и не поймал барсука. Так на глазах сало с шапкой и убежали!

— Скажи спасибо, что лицо не изодрал, — говорит дядя Коля. — Все девки бы отвернулись!

— Газик! — раздался крик.

— Налейте в кружки у кого что! — приказал Силыч.

Мужики прикрыли пустые бутылки, поспешно налили в кружки кто молоко, кто чай, кто воду. Подъехала легковая. Из машины вышли двое незнакомцев и председатель рабочкома Павел Иванович Григорьев, поздоровались.

— Поздравляем с окончанием уборки! — сказал председатель. — Вот познакомьтесь, из района товарищ Селютин.

Тот, кто возрастом постарше, кивнул.

— Корреспондент районной газеты.

Человек с фотоаппаратом на слова председателя не обратил внимания. Он крутил головой так и эдак, видимо, искал сюжет.

— А это наша передовая бригада, вот управляющий Тихон Силыч Бондарь.

— Поздравляю вас с замечательной трудовой победой! — сказал представитель района. — Вы первыми закончили уборку в районе.

— Отберите для снимка лучших, пусть они умоются, — обратился к Силычу корреспондент.

— А пусть будут чумазы! — сказал весело Силыч. — Как все время работали, а снимать — так всех!

— Да в нашей газете они все равно чумазыми выйдут, если и умоются, — заверил фотокорреспондент. — Качество печати такое. Но если общий групповой снимок, тогда можно и чумазыми.

Стали в шеренгу, сфотографировались. В суматохе кто-то задел пустые бутылки, они предательски звякнули и выкатились. Стало неловко. Представитель района молча обвел взглядом передовиков, все трое сели в машину и укатили.

— Обиделся, что не поднесли, — уныло пошутил кто-то.

Но его никто не поддержал...

В конце недели в клубе было созвано собрание. Его открыл председатель рабочкома.

— Товарищи! — сказал он. — У нас сегодня на повестке дня вопрос о выпивке на уборке, организованной Бондарем. Мы должны доложить о принятых мерах в район. Слово директору товарищу Ботову.

— У нас имеется факт, который позорит коллектив, — начал директор. — И если бы не этот факт, мы прославились бы на весь район. А вся загвоздка в Бондаре. Он хороший организатор производства, это мы знаем. Но мы также знаем, что он с выкидонами.

В зале послышались смешки.

— Ты не обижайся, Тихон Силыч, но что это такое? Поехал металлолом сдавать — трактор в музей сдал, сорвал нам план. А на уборке он организовал коллективную пьянку. Надо обсудить этот факт, давайте высказываться.

Люди враз притихли.

— Силыч ведь хотел их уважить! — раздался наконец голос.

— Правильно, сделал дело — гуляй смело!

— Ага! У других хлеб на корню, а этим — «гуляй!» Какой пример они показали?

И пошло-поехало. Еще долго председательствующий стучал по графину, пока не успокоились.

— Нам, товарищи, надо принять решение и послать в район, — сказал он. — Давайте высказываться.

Но люди уже выговорились и молчали, будто аршин проглотили...

— Бог в помощь! — сказал подъехавший к нам Тихон Силыч. — Значит, приехали родителям подсобить? Это хорошо!

— А ты, Силыч, косишь? — спросил Митя, когда уселись на перекур.

— Я корову, ребята, решил больше не держать, — сказал Силыч. — А на малую живность и попозже враз накошу.

— Как же, Тихон Силыч, без коровы? — возразил я. — Дед твой держал, отец держал, а ты пресекаешь крестьянскую традицию.

— Я еще в хрущевские времена хотел от нее отказаться, когда налогами поприжали, да жена заартачилась. Вы-то не помните, сколько мороки со скотиной было.

— Нет, не помним, — сказал Митя.

— Кто-то не помнит, а кто-то помнит, — поддел я его. — Я ведь сам помогал отцу прятать скотину, когда уполномоченные наезжали. Это они не помнят времена, когда в детстве вместо хлеба горох с кукурузой ели.

— Они-то не помнят, это точно, — согласился Силыч, глядя на нашего зятя и Митю.

— А коров сейчас многие не держат, — сказал Митя.

— Держать-то не держат, — согласился Силыч. — Но пошло-то с тех пор, как крестьянина от скотины стали отлучать. Отбили власти руки, сейчас бы и рады богатой живности у людей, да куда там: крестьянин поглядел — ничего, и без коров можно и даже легче, взял да и скинул с плеч одну заботушку.

— Силыч, у тебя и время есть, и конь под рукой. Ты-то почему не держишь? — спросил Митя.

— Вот если бы детки были дома, — сказал Силыч. — Раньше хоть внуков привозили, теперь и они далеко...

Силыч уехал обмеривать совхозное сено, а мы продолжили косьбу. Остальные покосники приехали из дому только часам к одиннадцати.

— Добро вы скосили, Бог в помощь! — сказала мать.

Отец распряг коня и отвел его к кустарнику под тенёк.

— Может, отдохнете да перекусите? — спросил он потом.

— Да нет, мы посидели, отдохнули, а есть пока не хочется, — выразил общее мнение Митя.

Вышли косить. Начали с краю большой поляны. Когда я дошел до молодой осины, которая служила ориентиром длины прокоса, оглянулся. За мной свой прокос докашивал Митя. Он при косьбе малость торопился, но валок за ним тянулся добрый и стерня оставалась ровной. Как мучился с братом, пока научил его косить! С правой стороны он все время оставлял высокую стерню, когда сгребали сено, эта стерня цеплялась за грабли. Сейчас Митя уже заправский косарь. За ним шел зять Виталий, он глядел себе под ноги, взмахивал руками, будто сучья обрубал, но для горожанина косил сносно. Следом косил отец, движения его такие же неторопливые, как неспешно, основательно он привык делать всё в хозяйстве. В последнее время он обычно лишь ладил литовки — силы уже не те, но в первый день сенокоса хоть ненадолго подключался к косарям. Мать тоже в первый день обязательно проходила прокос-другой. Она была в выцветшей косынке, завязанной назад, при каждом взмахе от усилия плотнее сжимала губы. Цепочку косарей замыкала Нина. Она была в цветастом платице и в новой нарядной косынке. Погода стояла солнечная. Косили до тех пор, пока не стало по-настоящему душно.

— Давайте, детки, отдохнем да перекусим, — предложила мать. — Негоже в первый день так силы рвать.

— Сил еще невпроворот! — сказал Митя. — Еще пяток рядов пройдем — можно и присесть.

— Слушай мать, она дело говорит, — возразил отец.

— Тогда так, — распорядился Митя. — Отец готовит дрова, мать кипятит воду, Нина собирает душицу и зверобой на заварку, а мы пока покосим.

На том и порешили. Когда косарей позвали обедать, на скатерке лежали огурцы, зеленый лучок, яйца, а в чашке куски баранины. В кастрюле, снятой с костра, уже дымился приправленный разнотравьем чай. Нина снова ушла собирать травы. Вскоре она подошла с новой охапкой душицы и зверобоя.

— Нин, этого добра теперь на весь сенокос хватит, — пошутил Виталий.

— Увезем домой, подсушим и будем с тобой чаевничать всю зиму, — сказала она.

Нина с детства проявляла самостоятельность, «думала наперед», как говаривала мать, так что зять с ней не пропадет.

— А я вам, детки, еще и варенья припасу, — добавила мать, ставя перед зятем кружку молока и крупный кусок баранины. — Как там наша младшенькая Танюша? — вздохнула мать. — И писем, егоза, не шлет, хоть бы вернулась живой-здоровой!

— Да придет она и живой, и здоровой, не беспокойся, — успокоил я мать. Младшая сестра на трудовом семестре обрабатывает рыбу на острове Шикотан и вправду давно уже не подает вестей.

После обеда мужчины закурили, а мать с Ниной принялись мыть посуду.

— Подремите малость, — сказал отец. — Пока жара не спадет. А нам с матерью в деревню надо, я за вами приеду...

— Дай-ка, Василий, вожжи мне, — неожиданно сказала мать, когда запрягли Игреньку.

— С чего это ты? — удивился отец.

— Дай, дай! Я ль не верховодила на конном!

Отец покачал головой и передал вожжи матери.

— Н-но! — дернула она вожжи и шмякнула ими по бокам коня.

Игренька нехотя оглянулся: с чего это баба раздухарилась на телеге? Он и мужиков-то не очень слушается, а тут будет еще ее слушаться! Но настойчиво огретый по крупу, он с ленцой за-

частил ногами. Снова получив посыл, понял, что отлынивать бесполезно, и побежал довольно резвой рысью. И покатила телега — часть крестьянского очага! Из века в век везла она нужду и достаток, горе и счастье, молодость и старость, печаль и надежду... Корова и лошадь — издревле две опоры крестьянского хозяйства. Лошадь — для мужа, корова — для хозяйки. Но мать говорила, что она всегда больше любила лошадей. Отец ее, дед наш Александр Тимофеевич, был заядлым лошадиником. Когда еще до колхозов жили единоличным хозяйством, помимо рабочей лошади имелся серый в яблоках рысак Орлик. Мать была девчонкой, когда Орлик подрастал, а потом дед обучал его, запрягая в легкую кошевку. Ноги резвому рысаку на время объездки отягчили тяжелыми подковами, но все равно Орлик летел как ветер. Под вечер дед выедет за деревню — только снежная пыль вьется за кошевкой, а летом — и спиц не видать на колесах! Такая езда от деревни до деревни называлась «промять лошадь». Когда огулом стали загонять в колхозы, дед загорюнился: в общественном конном дворе Орлика как пить дать загубят! Продав рысака, заодно и корову — во дворе остались лишь овцы да телка. Купил гармонь, хромовые сапоги с галошами и ударился в гульбу. По вечерам то в одном краю села, то в другом пелазаливалась дедова гармонь. «Вона жеребец Александра Алешина ржет! — не то корили, не то завидовали сельчане. — А на ноги, едрена корень, корову обул!..» Ну и докуражился! Как сознательного губителя будущей колхозной живности и за неосторожный язык взяли да сослали в Сибирь.

Мать в одно время работала на конном дворе. Под ее присмотром вырос вороной масти колхозный рысак Смелый, мало кто решался запрячь его или поставить под седло, но мать он слушался. Председателем колхоза была женщина, для разъезда по полям она Смелого не закладывала — слишком много мороки, а когда надо выезжать по делам в район — для представительства непременно запрягался рысак. «Что ты! Теперь таких коней гордых да резвых и нету!» — говаривала мать...

Отец подъехал, когда косили на поляне, что ближе к полю. Здесь, на косогоре, всегда брали листовое сено. Его метали отдельным стожком, оно шло на корм овцам да телятам, а ребятишки любили в нем зимой отыскивать клубнику.

— Что сюда-то перекинулись, там не докосили? — спросил отец.

— А чтоб чужие сдуру не полезли, — сказал Митя. — С них станется, сам знаешь.

С некоторых пор приходится, перескакивая с места на место, таким манером обозначать свою сенокосную территорию: бывали случаи, когда обкашивали наши поляны — метили приглянувшийся покос. Пришлым людям невдомек, что у этой территории есть хозяин, что он не один год тут все обихаживал — выкорчевывал пни, убирал хворост, не давал вымахать подросту кустарника.

— Много вы скосили! Молодцы! — похвалил отец. — Литовки не шибко затупились? Отбивали?

— У Виталика и у меня еще нормально косят, а вот у Нины и Мити вконец затупились, — пошутил я. — Машут, будто чапыжник рубят!

— Ага! Сам взял лучшую литовку, вот и не затупил, — в тон мне ответил братишка.

Отец слушал нас и улыбался.

— Мы тут с матерью лес держим на примете, — сказал он. — И просят не так дорого.

— Чтоб новый дом строить? — спросил я.

— Вот-вот!

— А зачем новый дом? — спросил Митя. — И этот еще крепкий.

— Погоди, Митя, — сказал я. — А хочешь, рядом с родительским поставим новый, места хватит. Женишься и будешь жить да поживать.

— Младший всегда жил с родителями, — поддерживал отец. — Был опорой, оставался хозяином.

— Мне и так хорошо, — упрямылся Митя.

— Какая тебе разница — жить здесь или в поселке, где тоже как в деревне, — продолжал убеждать я брата.

— Там я на производстве, заработок приличный. А здесь мужики сколько зарабатывают? Копейки!

— Да эти копейки при своем хозяйстве-то значат больше, чем городские деньги.

— Вот ты говоришь, братец, а сам веришь? При своем хозяйстве! То-то я смотрю: тащат и тащат из магазина, тащат и тащат! Да все наше село из магазина и кормится, везде одинаковая трата.

— Ну хорошо. Я с тобой в чем-то согласен. Отбили мужиков от земли, отбили. Но пойми, так не может продолжаться без конца. Уже и сейчас есть кое-какие перемены. Со временем начнется новое переселение людей — из города в деревню.

— Ну-ну! Что-то пока не видно этих великих переселенцев.

— Увидишь. И в будущем настоящим хозяином земли будет тот, кто работает на земле. Приезжай, живи в родном доме, и тебе будет хорошо, и родителям легче. Будем приезжать помогать, построим новый дом, обзаведешься хозяйством — куда лучше!

— А сам почему не торопишься в деревню?

Я посмотрел на Митю и ничего не ответил. Что ему возразить? Оторвавшись от родной земли, я сам себе не раз задавал такой вопрос. И ведь чуть не решился как-то приехать на родину всерьез, когда с женой в одно время пошли нелады — мешали какие-то пробелы в отношениях, излишнее пристрастие. Я прибыл к родителям, взяв недельный отпуск без содержания, с намерением остаться в селе. Но приехала жена, помирились, и снова город затянул в свой повседневный водоворот... А всё же хорошо от мысли, что в случае чего можно в любое время вернуться на родную землю. В заначке как бы запасной вариант жизни и тылы обеспечены. Но всё же понимаю, что все это только лишь иллюзии, воздушный замок воображения. Оторвана моя жизнь от деревни и оторвана, может, навсегда. И потому вопрос Мити разбудил в душе смутное чувство вины...

Меня поразило совпадение! Что в городе, что в деревне — всё одно! Проблемно с домом — основной семейного мироздания, мироустройства. В деревне родители не решаются поставить новый дом — дети разлетелись кто куда, младший брат Митя никак не желает возвращаться, а в городе мучается тесть — ставить новый дом или нет?..

Тесть мой потерял покой с одной лекции на угольном разрезе, где он трудится экскаваторщиком.

— Что, Василич, не на лекции? — спросил председатель профкома, повстречавшийся на втором этаже административно-бытового кабинета.

Экскаваторщик Иван Васильевич Морозов, тесть мой, поднялся после смены в расчетный отдел разреза уточнить размер начисленной премии, но никого не застал.

— Какие лекции, когда весна? День год кормит!

— Ничего! У такого хозяина за час хозяйство не развалится! — шутливо бросил комплимент председатель профкома. — Весь народ с интересом пошел и я сейчас подойду.

— То-то, гляжу, по конторе никто не шастает! О чем лекция-то?

— О социально-экономическом развитии нашего города.

— Ну, это тем, кто в центре живет, — махнул рукой Морозов. — У меня частный сектор — считай, деревня, а не город.

— Иди, Василич, иди! Пока лекция не кончится, всё равно автобус не тронется. Я сейчас позвоню и тоже приду. Иди, весь народ в актовом зале.

Тесть тихонько вошел в зал и сел на крайнее сиденье в последнем ряду.

— Наша область будет наращивать темпы угледобычи за счет новых шахт и разрезов, — бодро просвещал лектор, поблескивая очками. — Для решения стоящих задач будут реконструированы старые и построены новые угольные предприятия. Немалая роль принадлежит вашему городу, в том числе и вашему предприятию.

Общие слова! Уж лучше бы говорил, что конкретно для людей будет. Словно угадав мысли Морозова, лектор и в самом деле начал говорить о том, что ближе к людским интересам. Оказывается, в центральном микрорайоне, где пока лишь пятиэтажки, будут со временем девяти- и двенадцатиэтажные дома. Центральный микрорайон города прорезал лог, по нему раньше бежал ручей, а теперь протекают канализационные стоки. Лога этого не будет — его засыплют горной породой. Этого добра хватит — над тремя шахтами высятся терриконы. На месте лога построят стадион и кинотеатр. Построят в городе колбасный завод, и что уж совсем удивило — появится чулочно-носочная фабрика. Правильно, что подумали о женщинах! Сейчас для них рабочих мест — раз-два и обчелся. Куда им пойти работать? Особенно, если в доме нет достатка. Ведь не в каждой семье мужик — горняк. Василича лекция постепенно захватила, и до конца он слушал внимательно, как и вся аудитория.

После лекции зал поаплодировал. На сцену к лектору поднялся председатель профкома:

— Товарищи, вы уже выразили признательность лектору за его содержательный рассказ, давайте поблагодарим его еще раз.

Он захлопал первым, зал его снова поддержал. Когда хлопки утихли, лектор что-то сказал председателю профкома.

— Может, к лектору вопросы будут? — спохватился профсоюзный лидер.

Вопросы были.

— Я так и не понял, сколько все-таки у нас построят новых угольных предприятий?

— Две шахты и разрез.

— А где конкретно они будут?

— Шахты на северо-западе, в районе, где сейчас геологоразведочная партия.

— А новый разрез где?

— Извините, товарищи, на этот вопрос я не могу ответить, — честно признался лектор.

Наступило молчание.

— Может, кто из специалистов ответит на вопрос? — выручил председатель профкома.

Откликнулся главный технолог разреза:

— Угольные пласты в окрестностях нашего города характеризуются сложным строением, нарушением синклинали, чем вызван обрыв по простиранию...

— А нельзя попроще? — перебили его из зала.

— Проще? А проще будет так. Как ехать в областной центр, пласты угля, что залегают по правую сторону железной дороги, выходят к поверхности. Здесь предполагается добыча открытым способом. Это будет или вторая очередь нашего разреза, или отдельный разрез. Причем угольные пласты очень мощные.

Зал молчал, осмысливая сообщение.

— А людей куда же? — спросили из дальнего угла. 53

— Жилмассив придется переносить.

— Так во что это обойдется?

— Это же не город переносить! У нас на месте будущих разработок угля только частный сектор.

Ответив на вопросы, главный технолог сошел со сцены. Затем на другие темы отвечал лектор. Когда выходили из административно-бытового комбината к автобусу, рядом с Морозовым вновь оказался председатель профкома.

— Ну что, Василич, интересная была лекция? — спросил он.

— Интересная.

— Ну вот! А ты не хотел слушать!

— О-очень интересная! Премного благодарен! Спасибо за лекцию.

Не желая дальше разговаривать, он вошел в задние двери автобуса.

На подворье к весне скопилось немало дел. Осенью при подтаске зарода сена на тракторах малы оказались даже широченные ворота в большой огород. Прошлым летом Иван Морозов заготовил, как никогда, много сена. Раньше он косил

вдоль обочины дороги, на небольших полянах. Два года назад подрядился обихаживать в лесхозе саженцы кедрача, а взамен лесхоз предоставил ему на своих угодьях покос. Добрый вышел зарод сена — из сорока копен! Его тащили домой с натугой два трактора. Но трактористы не сумели точно развернуться и в аккурат протащить сено в створ ворот, — снесли часть городьбы. Чтобы не лезла чужая скотина, Морозов сделал временную загородку, воткнув поваленные столбы прямо в сугроб. Но весной снег осел, столбы скособочились. Потом, конечно, придется копать ямы и ставить их капитально, — когда земля оттаяет. А сейчас предстояло подпорками укрепить городьбу, этим делом Морозов и намеревался заняться сегодня после смены. Знакомые ребята с автобазы возят материалы в совхоз. Тесть договорился с ними, что обратным рейсом они подвезут ему навоз. Теперь этот навоз то там, то сям возвышается в огороде пирамидками. Нужно и навоз этот равномерно разбросать.

Хозяин оглядел свое подворье. Дед, приехавший в Сибирь по причине раскулачивания, в поисках лучшей доли кочевал с места на место, пока не осел здесь, куда, оказалось, переселились родственники еще раньше, — в дореволюционные времена, в период столыпинских реформ. Деревня преобразовалась в поселок, а поселок в связи с добычей угля постепенно преобразуется в новый сибирский городок. Во дворе некогда стояла хибара, срубленная из бревен в обхват, которую купил еще дед на жильё. Хибара та была сработана на совесть, но как-то так, будто плотницкую работу исполнил медведь. Когда переселились в новый дом, она долго служила амбаром. А пятистенок выстроил дед на российский манер: со ставнями, с резными наличниками. Отец же после военных ранений особого здоровья не имел, — дом с дедовских времен не обновлялся. И все строения десятилетиями держались благодаря прочной сработанности дедовской рукой, пока Иван не подрос и не взялся за хозяйство. Вслед за дедом снесли на погост и отца. От морозов, дождя и ветра побурели, растрескались и кое-где затрухлявились ставни и наличники. Морозов нанял столяров сделать точную копию этих резных украшений, выкрасил их в веселый светло-зеленый цвет. Хозяйство Морозовых на отшибе шахтерского поселка. Дальше — места сколько хочешь! Вот и надумал он рядом поставить новый дом, чтоб внукам и правнукам хватило.

Такие виды на будущее держал в голове тесть да, видно, все теперь пойдет иначе. Не только хозяйство, но и это благодатное место, где родова обосновалась, сойдет на нет. За огородом росли молодые осины вперемежку с акацией и черемухой, околками зеленел пихтач. Раньше здесь начиналась черневая тайга. Потом по мере застройки, обживания местности тайга отодвинулась дальше. Вместо нее остались вот эти островки разлапистого пихтача. А дальше, насколько хватал глаз, зеленела тайга. Вся жизнь с детства связана с ней! С дедом еще в мальчишеские годы обошел Ваня близкие кедррачи. Поначалу дед разрешал лазить только на кедровые невысокие, с толстыми надежными ветками, которые начинались почти от земли. Потом пошли кедровые потруднее. Когда нижняя ветка была уж слишком высоко, дед вырубал шест с надежной рогатиной, приставлял к стволу кедрового, по этому шесту Ваня забирался вверх. Многому в лесу научил дед мальчишку. Вся таежная его наука здорово сгодилась Ване в военные годы, когда отец был на фронте, а дед к тому времени ослаб и на промысел Ваня отправлялся с матерью. Тут он был беспрекословным хозяином. В каком направлении следовать дальше, где сделать привал – слово было за ним. Чтобы не попасть впросак, решения принимал взвешенно, в лесу манерами старался походить на взрослого мужика. Иногда с ними просились вдовы. Тогда уж трудились артелью, и первым лицом был снова Ваня. Еще бы! Ведь это он лазил на кедр и сбивал шишки! Женщины собирали их внизу в мешки и относили к заранее выбранному привалу под густой хвойной кроной старого дерева. Артелью можно шишкарить весь световой день, – оставались в лесу с ночевкой. К вечеру набиралась гора шишек. Подкрепившись, начинали шелушить. В сумерки разводили костер и продолжали работу при свете огня. Ваня лупил по шишке, она расплывалась, потом резко проводил колотушкой по бревну, которое предварительно стесывали и ребрили на манер стиральной доски. Женщины на широкой холстине просеивали через железную сетку орехи от мусора, потом чашкой делили на равные части по числу людей. Зимой лежи себе, щелкай орешки! А подслащенное кедровое молоко! Мать в чугунном казанке толкла орехи, пока не образуется вязкая кашка, потом заливала теплой водой, размешивала хорошенько и процеживала. Добавишь маленько сахару – и лучшего напитка не надо! Вот так тайга заменяла корову в хозяйстве. Тайга

была кормилицей во все времена, но особенно она выручала в голодные годы, будто чувствовала – людям без нее не прожить. Откуда по весне первая свежая зелень? Из тайги! Уже перед Первомаем из-под снега пробиваются первые, чуть больше спички, росточки колбы – сибирской черемши. А потом с каждым днем идет она стремительно в рост, теряя терпкость и острую горечь. Войди в эту пору в каждый дом – на столе пучок зеленых витаминов сдобривает приевшуюся за зиму картошку. Истосковавшиеся, изголодавшиеся по зелени глаза невозможно отвести от этого пучочка! И какая окрошка без колбы! Был Иван Василич в санатории, подавали окрошку с зеленым луком, – так она показалась ненатуральной, лишь потом понемногу привык. А в июне уже поспевают другая усадка – жимолость. Каждая хозяйка спешит тогда со своими ребятишками на заветное место, где дожидаются сизые с вязким кисло-терпким вкусом ягоды. Отменное варенье из жимолости! Первое в новом году! Зачин есть, а там уже пошло-поехало! В поймах и по берегам водоемов прозрачными гроздьями – даже семечки видны! – наливается красная смородина – ягода-кислица. Вслед за ней в урехах да на болотах и черная смородина начинает поспевать, потом черемуха, рябина. И венец всему – кедровый орех! Хотя по кедровым Иван Василич теперь уже не лазит, не те годы, но про ореховый сезон начинает думать загодя, – сходит в таежку к ближайшим кедровым, поглядит на завязь: будет нынче урожай шишек или нет. В прошлом году мы ходили втроем – тесть, я и Лена. Я лазил на кедровые, а они шишки внизу собирали.

Да... Молодые годы, когда занимался таежным промыслом, отошли в прошлое, как уходит на нет и эта земля под наступлением угольного разреза. Тесть оббил сапоги о фундамент, почистил подошвы о скобу, взобрался на крыльцо под двускатной крышей и вошел в дом. Дома были я с женой и престарелая мать тестя, Пелагея Ивановна. Теща Анна Петровна по путевке поехала подлечиться в санаторий, а то как оттаит земля да начнутся огородные работы, – до самого снега спину не разогнешь.

Я сидел за столом, Лена хлопотала на кухне, а мать смотрела в окно.

– Как ты прошел? – спросила мать, обернувшись к сыну. – Я тебя все выглядываю, а не заметила.

– Я огородом прошел, – сказал сын.

– Че задержался-то?

– Лекция была.
– А-а, – протянула мать, скорее довольная возвращением сына, чем лекцией, которую он слушал.

– Интересная лекция? – спросила дочь, когда Иван Василич умылся и сел за стол.

– Интересная! В гробу б ее видеть!

Я удивленно поглядел на тестя – сроду не знал его вскидывающимся по таким пустякам.

– Видать, лекция в печенки въелась, раз батя в гроб ее загнал, – пошутил я.

– Это ты так со старшим говоришь? – повернулся ко мне тесть.

От неожиданной такой реакции я смутился.

– Ну, папа! – укорила Лена.

– Ты знаешь, о чем лекция была-то? – примирительно обратился тесть к дочери.

Но Лена обиженно поджала губы.

– О чем? – как ни в чем не бывало спросил я.

– О будущем города.

– Нашего, что ли?

– А то какого же?

– Дальше хуже будет?

– Хуже!

– Как это? Если о будущем, – значит, говорили о планах. А в планах у нас хуже быть не может. Планы – это же не жизнь! Это в жизни может хуже быть!

– Для других, может, лучше, а для меня хуже.

Лена угадала, что отца раздражаю не я, и вступила в разговор:

– Чем, папа, хуже-то?

– Снесут нас с лица земли!

– Вот это да! – изумился я.

– По эту сторону дороги все снесут!

– И таежку, выходит, подчистую сведут?

– И ее!

– Это кто ж так распорядился?

– Запасы угля распорядились. Спасибо за лекцию – просветили!

– Жалко таежку. Такая красота пропадет! – заметил я.

– Красоту ему жалко! – усмехнулся тесть. – А людей тебе не жалко?

– Людям что – благоустроенные квартиры дадут! – вмешалась Лена.

– А вы и обрадовались!

– А что? Тогда нам и строиться не надо!

– Все нажитое променять на какую-то казенную клетушку? – возразил тесть.

– Так за постройки деньги же выплатят! Двойная выгода!

– Вы-ы-ыгода!

– Что в этом плохого-то?

– Врагу бы такой выгоды не пожелал!

– Вам под старость наоборот будет лучше в благоустроенном доме, – успокаивала его дочь.

– Ишь ты, какая заботливая! Ну, спасибо!

– Чего спасибо-то? И дрова не надо заготавливать, и уголь завозить, и вода под рукой.

– Легко так разбрасываться, когда сами на хозяйстве мозоли не нажили.

– А че отказываться, если дадут?

– Мода пошла – не зарабатывая получать готовенькое!

– Нам сколько еще пластаться, пока дом поставим, – сказала Лена, не обращая внимания на колкости отца.

Я был за постройку дома. Мне, деревенскому, жизнь в своем доме в привычку. Но Лена, живя пока со мной в общежитии, непременно хотела благоустроенной квартиры.

– Правильно, – сказал вслед своим думам тесть. – В своем хозяйстве упираться надо, на диване у телевизора не шибко полежишь. Но, видно, будет по-вашему – всё равно нас снесут.

– Кого снесут? – спросила вошедшая бабушка, успевшая ухватить обрывок разговора.

– Улицу нашу снесут, – ответила Лена.

Отец поглядел на нее и покачал головой, – не надо бы матери все это знать.

– Улицу? – спросила она. – Почто так?

– Уголь будут добывать, – пояснил сын.

– Вот тут, что ли? – старуха постучала клюкой по полу.

– Да это, бабушка, когда еще будет! – сказал я.

– К тому времени, бабушка, лет полста пройдет, – исправила внучка свою оплошку.

– Слава богу! Не увижу разора, – сказала старуха. – Буду уж в могиле.

– Нет, бабушка, тебе еще жить да жить, – подбодрила ее внучка.

– Не приведи господи дожить до этого!

– Не до этого, а вообще поживите, правнуков понянчите, – поддержал я.

– А могилки тоже снесут?

– Кладбище трогать не дадим, – успокоил ее тесть.

– Улицу, значит, снесут, а кладбище оставят, – рассуждала вслух мать. – И горы кругом наворочают. Видала эти горы, как в церкву ездила. Завалят, и будешь лежать под землей-то!

– Бабушка, ведь мертвые в земле и лежат, – сказала Лена.

— Лежат-то лежат, да по-людски лежат, — возразила старая. — А тут так завалят — и следов не останется! Как вы к нам в Родительский день или на Троицу придете? Могилок-то не будет! Так снесут или нет? — строго обратилась старуха к сыну.

— Ну что ты, мать, ей-богу — снесут — не снесут! — ответил он. — Когда это еще будет, если и снесут.

— Выходит, снесут, — заключила бабушка. — Ты, значит, экскаватором своим кладбище порушишь, прах отца своего из могилы вытолкнешь и вон его! А меня похоронишь — потом тоже откопаешь? Погрузишь кости в машину — и в овраг! Вот как теперь родителей почитают. Ну спасибо, сынок!

— Бабушка, тебе нельзя волноваться, — сказала Лена.

— Тогда уж и деда своего Евдокима, и бабушку Глафиру в овраг один с нами, чтоб вместе! Гляди, не раскидай родовой в разны стороны! Вместе на погосте, вместе и в овраге чтоб!

— Не тревожься, мать, — снова успокоил ее тесть. — Что мы, такие уж супостаты?

— И роят, супостаты, и роят! Уж сколько земли раскурочили! Грех-то какой! Угроздило поселиться на чертовых угольях! Вот теперь на угольях этих черти и жарят. Не к добру это, ох, не к добру — подымать мертвых и губить живое. Восплачете, да поздно будет!

Не притронувшись к еде, она удалилась в свою комнату. Ужинали молча. Потом тесть вышел на крыльцо и долго курил. Видно, слова матери пуще растревожили душу. Я его понимаю. Вот тебе еще забота! Одно дело — вести вскрышные работы экскаватором на разрезе, в стороне от жилья, другое, — когда на своей родимой сторонке, где на земле и в земле — все свое, кровное, родное. И как теперь руками рвать кровные узы, вырывать родимые корни! Тесть сошел с крыльца и пошел к срубам. Что с ним теперь делать? Думали, — отгрохаем дом, возведем пристройки, а вот как всё оборачивается! Но ведь не завтра здесь начнут уголь брать, — может, жизнь человеческая пройдет! Но такое самоутешение разве поможет? Что толку строить дом, если нет надежного фундамента? Из жизни уходит главное — уверенность в будущем.

Как раз назавтра, в выходные, тесть, я да давний знакомый тестя Гриша Шилкин договорились продолжать рубить сруб. Тесть пару раз стукнул сапогом о землю и прислушался. Внизу пролегал угольный пласт, который выбил почву из-под ног, лишил душевного покоя...

Ночью тесть видел сон. Будто он мальчишка, они с дедом вдвоем пошли шишковать. Возле высокого гладкоствольного кедра дед вдруг снял котомку. Раньше он никогда не понуждал Ваню лазить на такие могучие кедры.

— Залазь! — приказал старик внуку.

— Дед, я боюсь, — сказал Ваня.

— А-а-а, боишься! — злорадно крикнул дед. — Копать глубоко не боишься, а лазить высоко боишься?

Под жестким взглядом деда полез на кедр. Руки соскальзывали, трещали сухие ветки под ногами, порой казалось — вот-вот оборвется. Но все-таки добрался до кроны, где на сизых шишках белыми точками проступала смола. Тут он пригляделся и увидел, что шишки пустые, склеваны птицами.

— Дед, орешки-то склеваны! — крикнул вниз. — Только зря меня сгонял!

— Выше погляди, выше! — донеслось снизу.

Вскинул голову — там на самой макушке тройчатками висели крупные шишки. Хотел было полезть вверх, но поднялся ветер, стал раскачивать макушку. Оглянулся вниз и ахнул: это не ветер раскачивает, а экскаватор старается вывернуть кедр и повалить наземь. Что же дед-то такое позволяет, подумал, дед же знает, что я на вершине!

— Дед, а дед! — стал окликать.

Но деда и след простыл. «Что же это я кричу? Ведь он в могиле лежит!» — подумал, просыпаясь и выходя из тревожного сна. Давно уже не видел себя во сне маленьким, таким беспомощным. Он долго лежал с открытыми глазами.

Наутро, как и договаривались, пришел Гриша Шилкин. Принялись плотничать. Тесть любил хозяйскую работу еще и потому, что в делах забывались душевная сумятица, житейские неурядицы. Вот и сейчас, пока ошкуривали бревна и подгоняли их друг к другу, отошла вчерашняя хмарь. Весело перетякивались топоры, работа шла споро.

— Слышь, Гриша, нас-то переселять будут, — сообщил хозяин, когда присели на перекур.

— А что так?

— Уголь будут здесь брать.

— Может, не тронут.

— По нашу сторону дороги все снесут.

— Угля кругом вон сколько! Что под поселком-то рыть?

— Коли уж начнут, нас не спросят.

— Откуда известно?

– Лекция вчера была на разрезе.

– Чему быть, тому быть! Благоустроенную квартиру дадут.

Морозов недовольно промолчал. К вечеру прекратили работу и вошли в дом.

– А где мать? – спросил тесть у Лены.

– Бабушка? Говорила, схожу к бабке Агафье.

– Ты нам сготовила что-нибудь?

– Картошку с мясом стушила. На плите.

– Вот ты, Гриша, говоришь, – чему быть, того не миновать. Это что же – так за здорово живешь нас и сгонят со своей земли? – спросил Морозов, когда за столом пропустили по первой.

– Да брось ты, Иван, – махнул рукой Шилкин, закусывая. – Когда это мужика о земле спрашивали! Нагонят техники и начнут копать, не отступятся. Сам же видишь, уголь тут под ногой, копнешь – и вот он! Самый дешевый, на него много тратиться не надо.

Залежи каменного угля и в самом деле кое-где выходили прямо на поверхность. Еще дед, до строительства шахт, привозил из тайги на лошадях уголь. Да и не только он один, – в кои времена наткнулись мужики в пойме речки Каме-нушки на блестящие сколы угольного пласта, вынесенного со склона горы весенним паводком; с тех пор, кто имел охоту, ездил в лес к прорубленной штольне. Потом эти штольни забросили, – после пуска шахт стали выписывать уголь в конторе. Да и во время войны уже мало кто ездил, – в домах, считай, одни старики, бабы да пацанва. Зачем им, маломощным, было кожиться, когда лес рядом?

– Оно конечно, тут угля неувпроворот, – сказал тесть. – Но почему из-за него людей переселять и срезать с земли все живое?

– Вот ты как заговорил! А что же сами-то экскаваторами да бульдозерами у себя на разрезе землю живую похабите? Мы-то у себя в шахте этого не делаем!

– Наш разрез – на безлюдье, ничьего хозяйства не трогаем.

– Вот видишь, – сразу нашел себе оправдание! Вот так же и государство. У него, может, тож свои резоны. Что с его точки зрения наша земля? Так, клочочек мизерный, пятачок. А там, между прочим, миллионы, даже миллиарды тонн угля. Вот и выходит – уголь перетягивает потерю земли. Вот как оно – с государственной колокольни!

– А еще бы с государственной колокольни – каждому бы во дворе свою живность держать! – поддел Шилкина Морозов.

Шахтер Шилкин жил в двухэтажном деревянном бараке, где хоть и были предусмотрены стайки для домашней живности, но он живность не держал.

– Я свое на производстве отдаю, пусть они свой долг передо мной выполняют, – возразил Гриша.

– Кто это «они»?

– Кто кормить меня должен.

– А кто должен?

– Кому уголек добываю.

– А ты, значит, пришел со смены и лежи?

– Что мне делать?

– Вести свое хозяйство.

– Я в казенном бараке живу.

– В бараке-то каждому своя стайка есть. Соседи твои ведь держат живность!

– А я вот не желаю.

– Мыслить государственно мы можем, а крутиться по хозяйству – нет. Ты мог бы себе и дом давно поставить.

– Зачем? Мне теперь квартиру вырешат, – сказал Шилкин.

– Какая квартира! Ты же видишь – пояс все туже затягиваем.

– Брось-ка, Иван, свою душу беречь, – примирительно добавил Шилкин. – Я тебя понимаю. Кому охота наживать, наживать и оставаться в дураках.

– Так, так! Держим хозяйство – потому дураки, а вы, значит, умные?

– Да не заводись ты! Прикинь – кто в накладе, а кто в выигрыше. Снесут – каждому квартиру дадут. И барачным, и частникам.

– Ха! Наивный человек! Думает, он будет в выигрыше!

– Кто хозяйство теряет, ты или я? – спросил Шилкин.

– Кто на боку лежал – будет смеяться, а кто вкалывал – плакать?

– Ну, вам компенсацию дадут, за дом, за постройки.

– На хрена мне компенсация? Мне силы и годы кто скомпенсирует? Ком-пен-са-торы!

– Да продай ты сруб! Вот завершим – и продай! Раз снесут – зачем горбатиться?

Тестю весь строй рассуждений Шилкина поперек души.

– Вот, вот! – сказал он. – Можно не делать – зачем же делать? И опять в выигрыше!

Тут тесть, видно, опомнился. Разговор безнадежно пошел мимо чего-то главного. Сказать о

главном мешало какое-то необъяснимое раздражение, какое бывает, когда несколько суток подряд не высыпaeшь.

— Зачем раньше времени голову забивать? — сказал он примирительно. — Как-нибудь всё уладится.

Шилкин вначале хотел было обидеться все-ррез, но был отходчив и откликнулся на дружеский тон друга:

— Ведь в самом деле! Не пропадем же в конце концов!

— Верно, — примирился хозяин, разливая остатки по стаканам. — На наш век хватит, не пропадем.

— Точно! Не пропадем! — согласился Шилкин, поддевая вилкой шляпку черного груздя.

Покончив с ужином, вышли на крыльцо. Закурили. Поговорили о том о сем, но как-то скучно, вяло. Попрощавшись, Гриша ушел. Мы остались вдвоем, по лицу тестя видно, что вновь наплыли невеселые мысли. То ли ставить дом, то ли нет? Сруб-то, конечно, надо докончить в любом случае. Может, и построиться надо. В самом деле, когда еще снесут? Да и снесут ли?.. Теперь голову под крыло, как гусак, не упрячешь. Прежнего покоя теперь уж не видать!..

Думы о непрочности семейного очага в родном краю не прибавляли радости. Пока на покосе собрали пожитки, спрятали подальше от чужих глаз сенокосный инвентарь, завечерело. Край неба забагровел, садящееся солнце в просветы облаков выстрелило золотые стрелы. В низинах Томи там и тут закурился молочный туман. И снова, как в прежние годы, катилась-пылила телега, увозя на ночлег усталых косарей...

Когда подъехали к дому, во дворе мать доила корову. Митя соскочил с телеги, открыл ворота, потом распряг коня и поехал на конный двор отводить Игреньку.

— А я так и не успела еще ужин сготовить, — сказала мать. — Только мясо закипело.

— Это мы сейчас, мама, — Нина взялась чистить картошку. — Виталя, набери угля покрупнее в углярке!

Зять с ведрами пошел просеивать уголь. А я погнал Зорьку на лужок за большие огороды, где она паслась у нас до утренней дойки. Потом все, кроме Мити и отца, собрались в доме. Нина отправляла мужа то за укропом, то за луком, то за петрушкой в огород. Виталий послушно исполнял просьбы жены. Вошла тетя Поля Лапина.

— Анисья, так вы, слыхала, расписались?

— Ой, и не говори! — махнула рукой мать.

— Так это надобно отметить, — сказала Лапина.

— Ой, Поля, хватит! Нашла событие — закорючку да печатать!

Тетя Поля скрылась за дверью. Я слушал этот диалог, ничего не понимая. Виталий с Ниной готовили салат, говорили о чем-то своем, поэтому к разговору особо не прислушивались.

— Мама, так вы с отцом не расписывались, что ли? — спросил я удивленно.

— Так, сынок.

— А почему?

Нина тут только навестила уши:

— Мам, ты ведь сама рассказывала, что свадьба была же у вас!

— Была, доченька.

— А свадьбу гуляли без регистрации, что ли?

— Тогда на это не смотрели, — улыбнулась мать.

— Потом бы зарегистрировались.

— А потом, дочка, не до того было.

— Интересно! В город приедешь — в гостинице и то без регистрации врозь поселят. Без печати как докажешь, что муж и жена!

— Глянь-ка! Шибко мы с отцом по гостиницам разночевались! — засмеялась мать.

— Ну что ты пристала: расписались — не расписались, — подал я голос. — Прямо допрос какой-то! В этом разве дело?

— И в этом, и в этом! — настаивала сестра.

— Для вас сейчас, может, и в этом, — без печатей и справок ни шагу не ступишь, а раньше и без того жили.

Вошел отец.

— Ну что, папа, можно поздравить с законным браком! — встал я ему навстречу.

Он только улыбнулся.

— Папа, раньше не мог с мамой расписаться? — укорила его Нина.

— Так паспортов же не было — некуда печати ставить, — так же по-доброму улыбаясь, отшутился отец.

— Мы и так перед Богом муж да жена, — поддержала его мать.

— Мама, я была маленькая, помню — у тебя белое колечко. Это обручальное?

— Оно, оно! Серебряное! Мне его еще твоя бабушка передавала. Ой, дура, потеряла, потеряла! — завздыхала мать.

— Ничего, папа теперь новое купит, золотое, — утешила дочь.

— До колечек мне теперь, старой!

— Это как же так мы незаконные-то жили! — взялась опять за свое Нина.

Все засмеялись.

— Вы у нас самые законные! — гордо сказала мать.

— Ну да, перед людьми и совестью. Это я понимаю. Слушайте! А как же нам документы выдали, если наши родители не расписанные были? — все удивлялась Нина.

— Под честное слово, что мы — это мы, — пошутил я.

— А вам и вправду паспорта не выдавали? — всё допытывалась Нина.

— Что я — наговаривать буду!

— Никому?

— Редко кому.

— Ну а как же люди ездили без документов?

— А редко куда выезжали.

— Выходит, вы как крепостные жили? — изумилась Нина.

— Почему как крепостные? Некогда было разъезжать — работали.

— И в город ни разу не ездили?

— Ездили. Когда матери операцию делали.

— Без документов?

— Почему? Колхоз справку выдал.

— Дался, Нина, тебе этот паспорт, — сказал Виталий.

Нина выразительно посмотрела на мужа, — она не привыкла к его возражениям.

— Тут дело вовсе не в паспорте, — сказала Нина. — Они что — так и жили, без свободы?

— Какая свобода, когда от зари до зари работа? — сказал отец.

— Да мы и не помышляли ехать куда-то, — вставила мать.

— А как же быть молодым, если хотят на производство или на учебу? — не унималась Нина.

— Не отпускали. А как вырвутся — назад не жди.

— Ну и правильно! — одобрила их действия Нина. — Что молодым крепостными на привязи сидеть!

— Вы-то это время не застали, — сказал отец. — А вот Николай, сын Ивана Акимыча, после армии и носа не казал — захомутают!

Вернулся с конного двора Митя.

— Ты знаешь, какое у нас событие? — обратилась к нему Нина.

— Знаю. Папка с мамкой поженились.

— Откуда ж ты узнал?

— Слухом земля полнится. Еще и Лапины доложили, они к нам пришествуют.

— Ой, и впрямь собираются! — сказала мать. — Ну, эту Полю!..

Мать пошла в соседнюю комнату и вскоре вышла в новом платице и нарядной косынке.

— Придут так придут, — обыденно сказал отец. — Свеженины отведают.

— Василий, ты тоже надень чистую рубашу, — попросила мать.

Отец махнул рукой.

— Надень, надень!

— Папа, надень, конечно! — поддержала и Нина.

Отец вышел из-за стола. Мать достала из шифоньера новую голубую рубашку. Глава семьи в обнове сел за стол. Пришли Филипп и Полина Лапины, принесли бутылку.

— Вот выдумали тоже! — встала мать навстречу соседям.

— А как же! — сказал дядя Филипп. — Давненько вместе не сидели, как раз повод!

— А ваши молодые где? — спросила мать.

— Как ушли за ягодой, так и нету. Может, к своякам зашли, — предположила тетя Поля.

Мать как-то вся оживилась, даже помолодела. Она сходила в сенцы и тоже выставила угощение.

— Гляди-ка, и впрямь свадьба! — засмеялась Лапина.

— Какая там свадьба! — ответила мать. — Свадьба во-о-он когда была!

Отец сидел довольный, улыбался.

— Как у вас с покосом? — спросил Филипп отца, пока женщины собирали на стол.

— Телята не потравили, травостой богатый. А у вас?

— На согре пусть подрастет малость, а в низине трава добрая.

Мать с Ниной стали подавать на стол, как в дверях предстали дядя Ваня Клепиков и Иван Акимыч.

— Проходите, проходите, садитесь с нами, — пригласила мать...

Митя, Нина, Виталий после ужина заторопились в клуб. Я вышел вместе, закрыл за ними калитку, закурил и облокотился на городьбу. Кое-где хлопали двери, слышались изредка голоса. Улица постепенно затихала... Как же так получилось, что только сейчас узнали про родителей такую новость? Какие же мы нелюбопытные!

Краем уха, правда, слышал про свадьбу, которую сыграли еще до войны. Мать долго ждала отца, оттого и дети поздно родились... Вот тебе и еще один отголосок войны... Это на какую же протяженность во времени она, проклятая, раскатилась!.. Отец меня не раз экзаменовал по географии Европы, которую он познавал на своих двоих. В рассказах о войне у него не всё выходило так, как излагали в школьных учебниках. Я тогда слушал отца с недовольством за его навязчивость: родитель говорил о войне обычно лишь в подпитии, отвлекая от чтения или других дел. А когда я повзрослел и стал жить самостоятельно, в редкие мои наезды домой таких разговоров уже и не было. И ведь ни разу с отцом толком не посидел, не порасспрашивал его! Подождали бы и книги, и другие дела... Теперь на памяти только какие-то обрывки из отрывков разговоров... И вообще, — что мы знаем из своей родословной, о прошлом родных? Что-то о дедах и чуть больше о жизни родительской. А как мы это знаем — сегодня вот и выясняется... Даже о родительской регистрации узнаем после соседей!.. А дальше бабок и дедов в родословной безвестность, будто мы лишь пару веков тому взяли невесту откуда, а ведь нити жизни тянутся до нас из глубин веков!..

Я вошел в дом. За столом пели. «Не морозь меня, моего коня!..» — высоко вытягивала мать...

Может, в эти минуты ей представлялись годы лихолетья, когда она работала на конном дворе и Орлик был тем самым конем из песни?..

«Я вернусь домой на закате дня...» — хриловато выводил отец низким голосом. Может, и ему вспоминались военные годы, когда никто не знал, проживет ли до следующего дня?..

— А ты разве не пошел в клуб? — спросила мать, когда допели песню.

— А что ему егозиться с молодыми! — заметила тетя Поля. — Он уж взрослый мужик.

— Сынок, посиди с нами, — попросил отец.

Он весь как-то по-доброму размяк, просветлел лицом, даже морщин вроде стало меньше. Я уже давно не видел, чтобы отец так часто улыбался. Он ласково обнял меня за плечи:

— Филипп, а Филипп, глянь-ка на Володьку! Какой гвардеец!

— Володя молодцом! Помощник твой — лучше не бывает! — похвалил сосед.

По лицам мужчин я понял, что за столом действительно праздник, царит лад и у всех хорошее душевное состояние.

— Он с нами с детства на конном. Я его хорошо знаю, ладный парень! — поддержал и дядя Ваня Клепиков.

— Это ведь он показал пример другим ребятам — начал бревна возить на пилораму да мне подсоблять, — поддержал Иван Акимыч. — И ребята при деле, родителям помощь да и мне легче!

Мне стало неловко, хотел было выйти из-за стола, но отец движением руки дал понять, чтобы я был рядом.

— Да все они у меня — во! — загордился отец. — Всех в люди вывел!

— Да уймись ты, старый! — пыталась остановить его мать. Но куда там!

— Гляди, Филипп, Иван! Сколько их у меня! А фашист, гадина, хотел мой род — подчистую! Не вышло!

— Сколько народу, изверги, загубили! — поддержал Клепиков.

— Извести нас хотел! — стукнул по столу отец. — Сам же и подох в своем бункере! Изведи, попробуй! А я назло Гитлеру вон какую гвардию поднял!

— Два брата, два брата! — горестно замотал головой дядя Ваня.

Михаил и Николай Клепиковы не вернулись с войны, а дяде Ване годков не хватило для призыва, может, тем и остался в живых.

— Давайте, помянем, — предложил Лапин. — И у меня ведь тоже отец не вернулся.

Выпили за павших.

— А мой отец, инвалид, в войну в колхозе лиха тоже будь здоров хлебнул! — с задумчивой грустью сказал Иван Акимыч.

И мужики заговорили о несладкой колхозной жизни. Я пошел в соседнюю комнату. А туда, оказывается, уединились мать с Лапиной.

— Маруся уже совсем ослабла, — рассказывала мать. — Дали мне справку, повезла её, хворую, домой. — Тетя Поля сидела, подперев левой рукой подбородок, кончик платка подводила к глазам. — Уж как мы добирались, не приведи никому! За кипятком бежать — Маруся: не оставляй меня одну! Боится: отстану — одна совсем пропадет. Раз пошла за кипятком, чемодан прямо при ней и украли. Лежу, говорит, язык отнялся, а он с меня глаз не сводит и рукой — до чемодана. Благо, документы и деньги при мне, а то приедем — кто поверит, ну прямо дезертиры!..

Я тихо вышел во двор, сел на бревна... Рассказ матери о возвращении с торфоразработок я слышал и раньше. Она привезла оттуда домой заболевшую напарницу. Если бы не Маруся, гова-

ривала мать, бедовать бы мне одной! Всё бы по-застудила себе на этом проклятом болоте, и вековать бы, детки мои, мне без вас на свете!.. Но что это были за торфоразработки, почему туда посылали колхозников – всё это раньше меня мало интересовало... Почему мы такие равнодушные? Кто же тебе про всё это расскажет? Ведь у книг не переспросишь. В книгах-то про других, а тут вот она – нелегкая жизнь родителей... И кто тебе расскажет, когда их уже не будет в живых?.. Постой, постой, их же не станет на свете!.. Впервые мысль об этом не умозрительно мелькнула в голове, а вызвала в душе не испытанное доселе страдание и смятение. Кроме бабушки, прожившей девяносто четыре года, на моей памяти никого еще в близкой родне смерть не коснулась, и я совсем не готов к этому...

Из дома доносилась щемящая сердце песня:

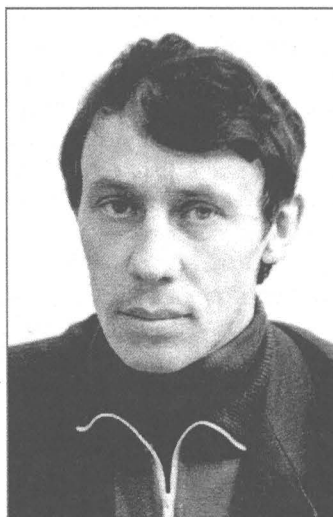
*Перевозчик-водогребщик,
парень молодой,
перевези меня на ту сторону,
сторону – домой...*

Вспомнилось есенинское: «Может быть, и мне пора в дорогу бранные пожитки собирать...» Собирать пожитки... «А ведь это родители обустроивают земные дела свои!» – обожгла меня дума про их регистрацию... Неужели они так ясно и деловито уже загодя начали готовиться?.. Неужели такое возможно!.. Неужели близятся сроки?.. Перевоз-то не домой, а в другую сторону – невозвратную!.. Перевозчик, помедли!.. Помедли, перевозчик!.. Помедли на ту сторону!.. Неужели с детства и отрочества близкие мне люди, весь этот милый сердцу мир, воспоминание о котором греет память и душу, – неужели всё это отходит безвозвратно!.. Неужели оборвутся кровные узы, отживут, отсенокосят отец с матерью!.. И не к кому будет приезжать в деревню... Да и незачем... Вместе с родителями отойдут и крестьянские заботы... Тогда и от меня отсекутся мощные корни, питающие душу... Тогда и я лишусь очень важного, несказанно сокровенного на земле...

**Виктор
КОВРИЖНЫХ**

**СЕНОКОСНЫЙ,
ВИСОКОСНЫЙ
ГОД-ИЮЛЬ**

ГРОЗА

Затаился мир окрестный.
Гонит, громом грохоча,
Стадо туч пастух небесный,
Блещут молнии бича.

Холодок внезапный ветра,
Шелест вздрогнувших кустов.
Колосок последний света
Втоптан в слякоть облаков.

На мгновенье пряный запах
Проструил зеленый зной.
И – на дольний мир внезапно
Дождь обрушился стеной?

Будто он ниспослан свыше
На простор родной земли.
Стекла окон, шифер крыши
Голоса приобрели.

Все смешалось в мире оном:
Шум воды до облаков,
Луж кипенье и по склонам
Бег зазорных ручейков!

62

Понеслась шальная радость
До чумазных городов,
Пыль смывая и усталость
С жизни праведных трудов!

Преисполненной восторга,
Будто в ливень влюблена,
Грудью вытянулась шторка
Из открытого окна.

Источив с шипящим гулом
Электрический озон,
Грозно молния сверкнула,
Разрывая небосклон!

И раскат протяжный грома
Извергнулся из-за туч,
Будто камень вниз огромный
Покатил с незримых туч!

Все притихло, не очнутся,
Будто время и дела
Не продолжатся, – начнутся
Завтра заново, с нуля!

Коврижных Виктор Анатольевич родился 5 ноября 1952 года в поселке Старобачаты, Беловского района, Кемеровской области. Поэт. Печатался в сборниках: «Мы – Притомье», (Кемерово), «Хлеб военной поры» (Белово), «Пять стихотворений о любви», «На родине моей повыпали снега», «Площадь Пушкина», «Собор стихов» (Кемерово). Автор четырёх книг стихов.

Член Союза писателей России. Живет в г. Белово.

Вроде ливень обессилел...
И сквозь дыры в облаках
Засквозило небо синью
В сочных солнечных лучах!

Шла гроза в иные выси
Править славные дела,
На цветастом коромысле
Ведро ливня понесла.

Благодать земле и рекам
Снисходила с висока.
Слава богу, человекам
Неподвластная пока!

— Врешь ты все, поэт Коврижных!
Вон, в Москве приручен дождь!
— То — Москва. Там дождь унижен,
А у нас — свободный дождь!

Есенинской России

От боли дарованной свыше
Березовый твой соловей
Оплакал тесовые крыши
И осень в печали полей.

Россия, под исповедь птичью
Хранишь о нем память, скорбя.
Поскольку судьбою трагичен
И в песнях похож на тебя.

Ужель только фатум ненастья
Державную память хранит?
А если народное счастье
Взойдет незакатно в зенит?

Я светлое пел не по плану
И думал, что в годы утрат
Я полнить собою не стану
Поэтов трагический ряд.

Конечно, соседство нескромно.
Но чья в том, ответь мне, вина —
Проходит тотальным погромом
Потерь и трагедий волна?

Твое ль покаяние в этом:
Расхристанной в слякоть и дождь,
Как будто судьбою поэта
Идешь и прощенья ждешь?

Ведет нас в лукавые дали
Продажная новая знать...
Поэтов твоих убивали
И будут опять убивать.

В ЗАБРОШЕННОМ ХУТОРЕ

Погасших окон выцветшие ставни,
Глухой заплот, поваленный в осот.
И — тишина, как будто слово тайны
Сейчас Господь с небес произнесет.

Покажется, что жизнь людей бывая
Из этих мест бесследно не ушла —
Как память сокровенная живая
Здесь в тишину незримо проросла.

И ощутишь ознобно чьи-то шоры,
Лишь дунет ветер, травы шевеля,
И оживут обрывки-разговоры,
Мельканье лиц и запахи жилья...

Здесь постоять — как заново воскреснуть
С щемящим чувством грусти и вины.
Всплакнет ли птица над судьбой окрестной
И снова станет частью тишины...

63

УТРО СЕНОКОСА

Сенокосный, високосный
Год-июль набрал полет!..
Над травой густой и росной
Утро раннее встает.

Проступают постепенно
Сквозь туманный полумрак
Склон холма и копны сена
И с кустарником овраг.

Зреют шорохи и звуки
Над озябшею травой.
И вода речной излуки
Засквозила синевой.

Алым заревом на синем
Засветился небосклон,
Набирают робко силу
Птичий щебет, свист и звон.

На лугах, на сенокосных,
Словно счастья детский крик,
Засверкал в алмазных росах
Солнца утреннего лик!

Залил светом даль лесную!..
Вот и легкий ветерок
Гасит росы и волнует
Мой притихший костерок.

Как сплошной пчелиный улей
День гудит над головой!
Верноподданный июля.
Сенокоса рядовой!

ПРОПОЛКА ОГОРОДА

С вострою тяпкой иду в огород!
То-то убудет сегодня в природе!
Ну берегись, окаянный осот,
Жить зачастил на моем огороде!

В землю по пояс залез и цветет,
Свет заслоняя картошке несмелой,
Жгучий, колючий, живучий осот,
Корень, что хрящ полметровый, дебелий.

Ишь, разговелся на знойном ветру!
Гневный глагол его сроду не свергнет.
Тяпкой кромсаю и с корнем деру,
Утром вылазит Кашеем бессмертным!

Цельные дни от зари до зари,
Руки изранив, сражаюсь с отродьем.
Мож, через год или два, или три
В гости ходить отучу на подворье.

Духом воспрянет картошка без трав!
Весь огород мой прополот, ухожен.
Каркает ворон, забор оседлав,
Хвалит меня за работу, похоже...

СОФИЗМ

На западе – запад, на севере – север,
У белых берез чисто выкошен клевер.

Посадит картошку мужик в огороде,
Затем урожай увезет на подводе.

Ты выстрелишь словом, и сдвинутся своды,
И, смысл потеряв, заплутают народы.

Но только картошка взойдет в огороде,
Все станет на прежнее место в природе.

Летят журавли над простором
ковыльным,
Протяжно заплачут, и душу мою
Прострелит ознобом, как дробью, –
навылет,
И в ранах метели тоской запоят...

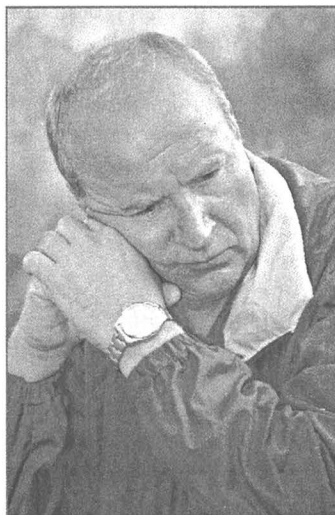
Покажется, будто в закатное пламя
Дух скорби осенней бредет одинок.
И смотрит пастух на закат,
словно в память,
Задумчиво глядя собаку у ног.

Все тленно, – подумаешь, –
в память да в землю...
Блестит на ветвях паутин седина.
Умом понимаешь, душа – не приемлет,
Как будто бы знала бессмертье она.

Василий ПОПОК

ИЗ БЛОКНОТА

ПОНЯТЬ СЛУЖБУ

Война и армия – нормальное состояние человечества. Значительно более нормальное, чем мир. Что бы там ни говорили пацифисты. И солдат поймёт любого солдата: в принципе армия Александра Македонского или войска фельдмаршала Суворова – это то же, что и полки генерала Жукова. Или Трошева. Только оружие совершенствуется, а психология солдата и командира – нет.

Мои предки – правда, могу назвать максимум прадеда – только и делали, что воевали. От Русско-турецкой до японской, потом империалистической, дальше гражданской. Отец (я у него самый младший, рождённый на исходе продуктивных лет) был пулемётчиком на КВЖД. Двоюродные дядья полегли – кохом – под озером Балатон. Старший брат, пошедший добровольцем где-то в 44-м, сделал несколько боевых вылетов стрелком-радистом на штурмовике в войне с Японией.

А я служил в самое застойное и очень мирное время: между 1970 и 1972 годами. Сейчас думаю: счастливое было время.

...Стою дневальным «на тумбочке». У пояса болтается штык-нож от автомата. Воскресенье. Кто не на службе и не в увольнении, торчит у окон. Наш полк роскошно расположен – в самом

центре города. Напротив – парк. Весна. Дальняя музыка играет. Девочки ходят в брючных костюмах – мода такая.

Как вихрь, врывается командир роты лейтенант Мусаев. Не успеваю заорать: «Смирно!» – и доложить. Быстрый кавказец. Недавно с него сняли звёздочку – за темперамент, обматерил проверяющего. Злой.

– Закрывать окна! Пиздострадатели! Пестов, строй роту.

Пестов – сержант. Дед. Уже приказ объявлен. До дембеля полмесяца. В иной ситуации покоевряжился бы. А тут видит – не в себе командир.

...Выгоняют на плац. Строевая. Надо ходить. Долбим плац сапогами. Орём песни. Чтоб тебе пусто было, лейтенант Мусаев! Полковой пёс, кличка, естественно, «Дембель», сочувствует – столбиком стоит на газоне. Часа два мучаемся, пока из командира не выходит дурь.

А через две недели на строевом смотре мы – первые в полку. Приятно.

В армии многое приятно. Почти что всё то, что на «гражданке» обычно. Пройти свободно по улице. Да хоть через полковой плац. А надо только бегом или строем. Нельзя искупаться летом в реке. Выпить кружку пива. Расстегнуть гимнастёрку. Поспать дольше положенного. Са-

Попок Василий Борисович родился 1 февраля 1946 года в городе Топки Кемеровской области. Окончил Томский госуниверситет, филфак. Всю жизнь в журналистике: в молодости – радио на Крайнем Севере, потом районные, городские и областные газеты на родине, периодическое сотрудничество со столичными изданиями. Лауреат премии Кузбасса. Автор четырёх книг очерков: «Кто нас накормит?» (1990), «Посолонь» (2002), «Деревенский дневник» (2006), «Путешествие с друзьями» (2006). Член Союза журналистов и Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

мовольная отлучка означает арест. А больше трёх суток — суд и дисциплинарный батальон.

В армии всё — нельзя. А можно — служить.

Приятель, отслуживший раньше меня, поучал: «Не бздимо. Главное — службу понять. А службу поймёшь — все будет нормально».

Понимание службы начинается с первых часов военной жизни. Например с санобработки. Голыйходишь в комнату, и медбрат вручает тебе машинку для стрижки волос. «Да я вроде...», — мямлишь, поглаживая себя по круглой голове. «Не тут. На лобке стриги», — обрывает санитарный начальник.

Стригу. Потом стриженое место и подмышки обрабатывают эдаким квачом, обмакиваемым в нечто шипящее. Перекись водорода, что ли. И у тебя в интимном месте тоже шипит и щиплет.

Дальше — душ. И надевание формы. В поезде мы все были разные, тут все цвета хаки, друг друга не узнаём. Всё на тебе и на товарище висит, топорщится и болтается — ты ещё не умеешь носить форму.

Ты вообще ни фига не умеешь: ни ходить, ни бегать, ни быстро одеваться, ни начищать кирзовые сапоги до блеска. Ты не умеешь рассыпаться в цепь на полевых занятиях по тактике, ты не понимаешь простых команд, никак не научишься разбирать и чистить автомат. Ты — лопухое ничтожество, не годное для воинской службы. Тебя презирают все: от соседа по койке, прослужившего на полгода больше, до полкового пса «Дембеля», который тебе, «салаге», «молодому», «духу», даже не даёт погладиться.

У тебя есть лишь никогда не утоляемый аппетит, распалённый строевыми и тактическими занятиями. Ты готов сожрать целый бачок этой странной еды — макарон с кониной. А бачок выдают на отделение, то есть на десять человек. Позже «жор» пройдёт, но сейчас...

А главное понимание службы состоит в том, что в армии ты никто. Рядовой. И принявши присягу, ты обязан «стойко переносить тяготы и лишения воинской службы» и быть готовым делать то, что тебе прикажут. По первости ты «пашешь» на хозяйственных работах за «старослужащих». А они несут службу. Например, в те же караулы ходят. Или дневалют. Либо колупаются в ангаре с техникой, в которой ты не смыслишь ни уха, ни рыла.

Уставший «старичок» сгонит тебя с удобного места в курилке. Пошлёт за спичками. Заставит подшить подворотничок. И будет прав, хотя всё

это называется «дедовщиной». Прав потому, что он уже солдат, а ты только полуфабрикат и стать тебе настоящим солдатам суждено лишь через несколько месяцев. Если «поймёшь службу». А не поймёшь — заставят понять. Армия оригиналов не терпит. И тебе тоже предстоит переломить характер и осознать, что ты маленькая, совсем маленькая, почти невидимая часть большого целого — страны, которая приосеняет тебя своим крылом: «Служим Советскому Союзу!» — вопит взвод в ответ на командирскую похвалу за наведённый порядок — полоски на одеялах заправленных коек в три ровных ниточки...

От того, что ты такой же, как все, со временем становится спокойно. Солдат, понявший службу, умиротворён. Его накормят, оденут, обучат, отвезут куда надо. Сводят в театр и кино. Пригласят на полигон пострелять: это такое наслаждение — владеть своим «Калашниковым», замечательное оружие, пуля идёт туда, куда ты её послал. Ты всё время при деле, только вечером, перед отбоем, у тебя час личного времени.

«Лишнего времени», — произносил с татарским акцентом это слово командир моего отделения сержант Серажетдинов. Наверное, он был прав.

Служа в армии, я ухитрился съездить в отпуск домой. Это называлось «краткосрочный отпуск» — десять дней, не считая дороги. Меня поощрил («Пощерил», говорил ротный старшина Грачёв) начальник политотдела дивизии за ударную службу по подготовке дивизионной газеты (к этому времени я уже в «дивизионке» служил): все офицеры свалились в грипп, вот я и выпустил пару номеров.

Дома валялся на диване и перечитывал «Бравого солдата Швейка». Боже мой, да это же бессмертные типажи — на все времена. Я только что от них. И опять к ним.

Представьте себе, из отпуска в полк я ехал, дрожа от нетерпения. Соскучился...

СКАМЕЙКА

«Доска на ножках», по Далю. По-другому — «лавочка», это, впрочем, «доска на ножках», которая расположена вдоль стены. Так что старая-престарая советская песня, где есть слова «А парень с милой девушкой на лавочке прощаются» и речь идёт о садовой скамейке, по-видимому, не совсем правильная, надо — «на скамеечке прощаются».

Впрочем, лавок в домах почти что совсем не стало, только у Агафьи Лыковой, чья изба устро-

ена по-стародедовски, лавка вдоль стены, на ней и спать можно. Но слово всё равно живёт, есть теперь и скамейки, и лавочки и это почти что одно и то же.

В деревнях лавочки (они ж скамейки, но всё ж не совсем — эти лавочки стоят на вкопанных в землю столбиках) ставят при выходе из калитки: сидеть, когда дела нет. Обычно это полчаса-часок перед вечерним приходом стада с пастбы. И можно смотреть на проходящих, щёлкать семечки и рассказывать, чего такого увидели по телевизору.

В Усть-Кабырзе, большом горношорском селе (по-ранешнему сказали б — «волоостном», тут сельсовет, то бишь сельская администрация) лавочки стоят так, чтоб можно было смотреть на реку: кто куда поехал на лодке, кто вернулся. Да и скотина, кстати сказать, за рекой пасётся, на пологом и длинном мысу между сливающимися речками, Кабырзой и Мрассу, и домой приходит бродом через воду.

Ходит усть-кабырзинский скот строем, по ранжиру: впереди вожачиха, старая и самая умная корова, за ней подружки, а замыкающими — молодняк, самым последним — самый глупый бычок. Когда вода высокая и коротконогий молодняк до дна не достаёт, приходится плыть и тогда строй погибает большой кривулиной вниз по речному стрежню.

Но я отвлёкся. В пору моего детства лавки-скамейки были везде. Даже школьная парта была устроена со скамейкой, куда можно было сесть не только вдвоём, но и вчетвером, впятером и потягаться силой, выдавливая крайнего на пол. Сейчас кругом столы и стулья, так что выражение «школьная скамья» («со школьной скамьи») уже устарело.

Помнятся широкие скамьи на железнодорожных вокзалах, на всех станциях они были одинаковые, что где-нибудь в Шишине, где не всякий поезд останавливался (но зато там был вокзальный колокол, который отбивал сигналы поезду и пассажирам: три гулких удара значили отправление), что в Новосибирске-Главном, самом большом вокзале Сибири. На этих скамьях было удобно спать — прижмёшься худым мальчишским телом к спинке и ещё место останется, чтоб другим посидеть и так уютно спится за спинами и задами твоих невольных попутчиков: бородатый чалдон нет-нет да оглянется и успокоительно пробасит: «Ничо-ничо, паря, спи себе, не скоро твой паровоз».

Ну, само собой садовые скамейки. В нашем городке со странным именем Топки они начинались близ летней танцевальной площадки в городском саду. Тополиный был сад, в июне пух на полметра аллейные закраины заметал. А продолжались главным «бродом» (от американского «Бродвей») до площади, где первомайская трибуна, и вокзального скверика, где обычно ночевали, прямо под открытым небом, кочующие цыгане. В новейшее время все те скамейки извели. Их боковины, оказывается, отливались из алюминия, который в период массовой капитализации всей страны, стал очень ценным металлом, так что все скамейки исчезли в приёмных пунктах цветмета.

Исчезли вслед за советской властью и социализмом.

Хорошо было на тех скамейках. Справа приятель Вовка с гитарой, слева любимая девочка Галка, по-за спинкой невидимый милиции Санёк наливает белое сухое винцо в бумажные стаканчики из-под мороженого. И песни хорошие поются: Визбор да Окуджава, Клячкин да Кукин. А то и вовсе безавторские или собственного сочинения: «Топки, Топки! Здесь подохнешь с тоски. В кармане нет ни рубля. Ну и жизнь же, бя!» — зря клеветы возводили, заимствуя мотив у Сальваторе Адамо, было вовсе никак не тоскливо, а просто-таки хорошо.

Садовые скамейки мгновенно превращались в «оружие пролетариата», когда чего-то там не могли поделить «блатные» и в горсадовских закоулках начинались «толковища» («разборки» по-нынешнему). До серьёзных драк дело, впрочем, не доходило, обычно старались «договориться» и идти пить мировую в привокзальный ресторан. Но сиденья скамей после зияли свежими щербинами от выломленных планок.

Нам это, правду сказать, не мешало...

Скамеечная (или лавочная, не знаю, как лучше) традиция продолжается поныне. Скамейка у моего подъезда не пустует ни часа. Днём в тенёчке тут отсиживаются неработающие старички и старушки, приметливые, как сороки, всех видят и всё про всех знают. Вечером скамью оккупирует молодёжь — переговариваются и хихикают до рассветного часа.

Скамейки на ближнем бульваре тоже не пустуют. Только появилась мода сдвигать две-три куда-нибудь в укромное место, под дерево и сидеть там целой компанией. Правда, можно посидеть и в ночном кафе на вольном воздухе. Или просто погулять...

Но сидеть всё равно лучше. И я с трудом представляю, чтобы где-то в европейских городах люди сходились на такие посиделки — на других посмотреть и себя показать. Там всякие «пабы» да ночные клубы. До которых мы, по-видимому, ещё не побогачи. Тем более не представляю, чтоб какой ни то англичанин или австрияк на лавочках близ домов, хоть городских, хоть сельских, высиживал — то у себя, то у соседки.

Помнится, где-то в 1980-е был популярен спектакль «Скамейка», вся декорация — садовая лавочка. Не помню про что, не помню актёров, даже и театр не помню, то ли в Кемеровском драматическом ставили, то ли привезли откуда летние гастролёры, а спектакль хороший. Наверное, потому, что — «Скамейка»...

По-видимому, это чисто русская мебель и чисто русское понятие: «на лавочке посидеть». Русский человек — существо традиционно общинное, ему без компании и водку пить невмочь, и вообще, согласно пословице, «на миру и смерть красна», а уж «роскошь человеческого общения» — и нынче, и вовеки — самая доступная роскошь из всех возможных.

...Выйти на лавочку, пустить синий сигаретный дымок в небо и расслабиться: отдыхаю сегодня, настал вечер после трудного дня.

КОШКА — ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК

Да я не против собак. Они умны и преданны. Однако пахнут псиной и не умеют мурлыкать.

В детстве, когда мы жили на городской окраине, практически в деревне: огороды, куры на заросшей травой улице, вечерами стадо возвращается с пастбища, — у меня была большая трёхцветная, черно-бело-рыжая, кошка.

Имени её никто не знал, да и не интересовался этим именем, её звали «Бабкина кошка», потому что она жила на два дома: временами у стариковской пары, у которых был забор, сплетённый из ивовых веток, а временами у нас. А откликнулась она либо на «кис-кис», либо на зов: «Кошка!» — прибежит, распушив хвост, и, подняв голову, спросит: «Мяу?»

Коли кошка «Бабкина кошка», то соответственно бабка — «Кошкина бабка». Которая по моему и не знала, что кошка ей изменяет.

Очень толковая была животная. Добровольно ловила в нашем домике мышей. Но никогда их не ела: принесёт задушенную мышку, положит на кухне у печки и тихо ждёт награду — молока в блюдечке.

Потом был кот. Чёрный и с виду страшный, но характером добряк. Что только он не позволял с собою делать! И каждое утро приходил и устраивался ко мне на грудь, нос к носу, и когда мама ругалась на него, всё равно не уходит, так и лежит, только уши прижмёт.

Этого звали тоже попросту: «Кот».

Сами понимаете, если я — Василий, то кота Васькой звать как-то неудобно. Вот у меня друг был, так тот, когда я к нему приходил, вовсе деликатничал, называя своего кота не натуральным природным именем «Васька», а почему-то «Валерка». И это очень нас веселило.

Когда я стал взрослым, отслужил армию, получил квартиру и впервой женился, первым моим семейным поползновением было завести кота. И он был заведён раньше холодильника и радио.

Я тогда только-только был принят кандидатом в члены КПСС и, чтобы несколько снизить торжественность содеянного, назвал кота Афанасием — в честь тогдашнего первого секретаря Кемеровского обкома партии Афанасия Фёдоровича Ештокина. Но, конечно, не в обиду этому почтенному человеку, а просто из молодого озорства.

68

«Афonya» как-то по весне сбежал. Увлёкся весёлой компанией, жившей в подвале, и исчез. Мы с дочкой очень горевали. Тем более что он был отчасти её воспитателем и грелкой — спал в кровати, в ногах, и согревал, и это было здорово, потому что в новорожденном шахтёрском городке, где мы жили, котельные не справлялись с новостройками и в доме всегда было холодно.

Завели другого кота — голубоглазого сиамского красавца. Кстати, первый секретарь в обкоме сменился, и кота в честь нового обитателя главного областного дома нарекли «Лёшка», полное имя Леонид Александрович.

«Лёшка» был очень аккуратным и чистоплотным котом: какал только в унитаз, причём никто его этому не учил, надо было только бросить клочок газетки — брезговал мокрым.

Очень любил мыться: поставишь его в ванну и пустишь на спину тёплый душ — счастливо мурлычет. А когда в ванне не он, просится в компанию, вспрыгивает на край и ходит туда-сюда — завидует.

«Лёшка» был вынужденный донжуан: весь городской кошколюбивый бомонд имел исключительно сиамских кошечек, а котов раз-два и обчёлся, так что нашему приходилось время от

времени отправляться в любовные командировки. Возвращался он худой и голодный. Я покупал ему рыбу, самой дешёвой в ту пору был минтай. «Лёшка» никогда не дожидался, пока минтай разморозится, гневно требовал своё, набрасывался на рыбину с сиплым урчанием и сжирал любую, будь она хоть кило весом, начиная с головы и не оставляя ничего — только мокрое место.

После обеда он нёс отяжелевшее пузо под батарею отопления, ложился на спину и грел сытую утробу.

Кстати сказать, он вообще любил спать на спине: голова на подушке, передние лапы поверх одеяла. Думаю, он полагал себя нормальным, не хуже остальных, человеком...

Нынешнюю нашу кошку зовут «Барся». Полное имя — «Барселона». Сын построил ей из картонного ящика домик, обклеил его обоями, постелил вовнутрь кусок мягкой тряпицы — «Барся» обожает свою берлогу и спит исключительно в ней. Правда, картонное жилище уже стало ей маловато, так что изрядная часть кошачьей задницы, ну, и хвост, конечно, в домике не умеваются, торчат наружу.

...Собак я тоже люблю. Но кошка какое-то особенно домашнее, особенно уютное животное. Без неё, я думаю, семейный дом не полон.

А уж красивы они как! Не зря говорят: кошачья грация. Посмотрите, как идёт, как лежит кошка — спокойно, привольно, с естественным достоинством и, я бы сказал, самоуважением.

Наверное, некоторые из нас в своих прошлых жизнях были кошками. Что ж, это вовсе неплохо. Вот и я хотел бы реинкарнироваться когда-нибудь в кота и жить у добрых хозяев, которые никогда б не таскали меня за хвост.

СОСЕДИ

Господь испытывает нас соседями.

Одно время я жил на четвёртом этаже подъезда «хрущёвской» пятиэтажки — дружного и весёлого подъезда, где все друг друга знали и ходили по квартирам, как к родне, запросто.

Ну, предположим, Люба с новым мужем дерётся. Так она выбегает на лестничную площадку и с криком, ночь-полночь, ей до лампочки, ломится в ближние двери, дескать, помогите — убивают.

Или Слава купил японское стерео. Значит, надо включать, чтоб не только себе удовольствие доставить, но и окружающим. А Володя обожал выпивать, сидя на ступеньках у входа

в квартиру, куда его, пьяного, не пустила жена. Соберёт вокруг компанию молодёжи, постоянно забегавшей к нам выкурить «косячок» анаши, наш дом на углу, сквозь дом — «арка», место бойкое, иначе — «точка», и сидит.

И рассказывает про армию, это было лучшее время его жизни, он дослужился до старшины, и про то, что нельзя, ни в коем случае нельзя жениться, потому что все бабы — это, это... А супруга его в это время занимается уборкой. Володя может просидеть до утра, и всё это время она убирается — возит пылесос по гулкому дощатому полу, с грохотом переставляет мебель, трясёт с балкона половики, а в ванной завывает её стиральная машинка с нежным именем «Чайка».

Зато соседи подо мной были тихие старички. Единственный их недостаток — личное участие в решении всесоюзной продовольственной программы. В одной из двух своих комнат они жили — спали, смотрели телевизор и тихонько разговаривали. А в другой у них была бройлерная птицеферма — десятка два кур.

Старички опустошали магазинные полки с затхлым пшеном, считавшимся у продавцов неликвидом, и таскали своим кормилицам.

Нет, запаха почти не было. Какой от кур запах! Зато как-то вдруг стало очень много тараканов. Ночью в кухню войдешь — пол в ковре из насекомых. Помогала только сильно ядовитая бяка, названия не знаю, которую Люба добывала по знакомству на заводе «Азот». Только успевай выметать лёгкие тараканы трупик.

Впрочем, через месяц-два тараканы заводились снова. А однажды пришли мыши. Представляете? На четвёртом этаже — мыши. На пятом. Весь подъезд ловил их хитроумным приспособлением: в стеклянную бутылку из-под кефира наливаешь немного подсолнечного масла, разбалтываешь по стенкам, чтоб стало скользко, и ставишь где-нибудь — нетолстую книжку под горлышко, чтобы был наклон. Мышь учует запах масла — шаст в бутылку и тут ей конец.

Я до десятка грызунов в неделю таким манером отлавливал и топил их потом в унитазе: на тебе, сволочь!

Ещё была у нас собачница Вика. У неё жили три сучки: кавказская, немецкая и похожая на поросёнка, бультерьер, что ли. Вика постоянно их «вязала» с породистыми кобелями, а приплодом торговала.

Сама Вика, по дружному мнению подъезда, была четвёртой сучкой. Потому что лаялась не

хуже своих собак. Причём лаялась идейно, с точки зрения защиты прав животных и вообще дикой природы. Вот за это её подъезд и ненавидел — ну, ты выгуливай своих сук, весь двор, падлы, засрала, только не трави людей политикой и так все ваши Чубайсы с Гайдарами вот где...

Ко мне некоторое время относились с подозрением: в газете работает, не гад ли? Но ко мне ходили хорошие и вежливые ребята, которые здоровались со всеми жителями подъезда, что очень им нравилось.

Мы никогда не шумели и никому не мешали: просто сидели на тесной кухне, курили и играли в покер и только когда к кому-нибудь приходила мощная карточная комбинация, ну, не ниже флеш-стрита, очень радовались, пели Гимн Советского Союза и выпивали по рюмочке.

Когда не установленные милицией злодеи подложили мне под дверь тротилловую шашку и взорвали, весь подъезд очень сочувствовал и отчасти даже гордился — вишь, какой отчаянный у нас живёт. Богатый Слава, он ремонтировал машины на станции технического обслуживания, даже сказал, мол, ежели что, ну, типа денег занять, то заходи, дам без разговоров.

Только Люба, у которой так же, как и у меня, вышибло дверь и вынесло все окна, потому что её квартира напротив, иногда по пьяни орала: «Не хрен язык распускать — из-за тебя простые люди страдают!». Но когда Слава предложил скинуться на дверь в подъезд, согласились только трое: сам Слава, я и «челночница» Рая из 26-й квартиры — она всё боялась, что обворуют, и поэтому ей приходилось привезённый товар хранить у подруги и, конечно, не за бесплатно.

А зря дверь не поставили. Потому что, повторяю, наш дом на углу, на «точке», и к нам вечно забегали по нужде разные прохожие. Из-за этого

Маша с первого этажа, беженка из Казахстана, мывшая лестничную площадку, очень сердилась: «Что это за подъезд, прямо на площадках оправляются!». На что Слава ей возражал: «У тебя, Машуня, крыша едет — я чо, до родного толчка не дотерплю, что ли?»

Ещё у нас в подъезде жила кошатница тётя Лена, водившая сиама Ваську на шлейке. Тихий рецидивист Семёныч — освободившись, он взял из детского дома сына и воспитывал его в строгости, сам ни капли, только по праздникам, с получки и по субботам, даже курить попытался бросить, а супруга в это время отбывала свой срок. Ещё жил водило Петёк с 27-го маршрута — когда доводилось подсаживаться к нему, то он орал в микрофон кондукторше: «С него не бери — сосед!».

Летом во дворе и в скверике детского сада напротив дома тусовались, гомонили, играли на гитарах и пели песни. И никому это не мешало. Только однажды выступил Володя. И то насчёт каких-то чужих. Заехали, понимаешь, на иномарке, врубили музыку и квасят с девками в машине. Вика стала увещевать — не послушались. Тогда на свой балкон вышел Володя: «Эй, ты, — говорит, — в машине!». В машине прислушались: «Чего?». — «Хошь сейчас шампанской бутылку по капоту получишь?». — «А гранаты у тебя нету?»

Володя честно ответил, мол, гранаты нет, зато посуды из-под шампанского полно, её не принимают. И нарушители тишины уехали, оставив нас в покое.

...Иногда я встречаюсь со своими бывшими соседями. Здравоваемся. «А твою квартиру ограбили, — сообщил как-то Слава. — Невезучая у тебя квартира...»

Зато соседи хорошие были.

**Вера
ЛАВРИНА**

**Рассказы из цикла
«ЯИЧНЫЕ СКОРЛУПКИ»**

ФАНТИКИ

Мы теперича разве так поминаем родителей? А вот, мне одна старуха сказывала. Была у ей тётя. Так вот, ей конфеточку дадут помянуть, она конфеточку съест, а фантик от этой конфеточки оставит. И набрала она этих фантиков полный мешок. И наказала: помирать стану, вы мне в гроб ни цветов никаких, ничего не кладите, а положите вот эти все фантики, это от конфеточек, которыми я тяненьку, мамоньку да всю родню поминала. Померла она, и у неё гроб доверху был полон всяких-всяких фантиков. Вот как добрые-то люди поминают.

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

В гражданскую войну возле Оби погиб отряд венгров, они прикрывали отступление красногвардейцев. В юбилей решили поставить им памятник как воинам-интернационалистам. Ну и мне поручили это дело. Я тогда секретарём по идеологии работал. Обратился я к художникам, пришёл в их союз. Те говорят:

- Думать надо, проект делать.
- Сколько надо думать? — спрашиваю.
- Месяцев шесть.

Ладно. Через шесть месяцев приносят проект: все в цвете, в разных проекциях, разрезах. Скорбные лица, склонённые знамёна.

— Сколько, — спрашиваю, — стоит будет?

— Пятнадцать тысяч.

— Да у нас денег таких нет!

Свернули они свои знамёна и ушли.

Пошёл я к гробовщикам. Принёс два вермута, пару луковиц. Провёл с ними беседу о героизме венгерских воинов-интернационалистов. Они поматерились сочувственно. Спрашиваю:

- Сделаете памятник, мужики?
- Надо покумекать.
- А когда мне прийти?
- Ну, завтра к вечеру приходи.

На следующий день мы с ними сговорились. Я купил глыбу мрамора за семьсот рублей. Они её отшлифовали, винтовку отлили, надписи сделали на русском, венгерском. Всё бесплатно.

ИНФЛЯЦИЯ

Мне муж на Восьмое марта ажурные шерстяные колготки подарил. Мама посмотрела, пощупала:

- Сколько стоят?
- Сорок семь.

Мама покачала головой:

— У тети Вали такие же, только чёрные. Так она их носит и дома, и везде, не бережёт.

Решила купить маме шерстяные колготки. Я видела не такие дорогие, подешевле, за

Лаврина (Правда) Вера Леонидовна родилась 21 ноября 1956 года в Казахстане, в с. Лавровка Кокчетавской области. Окончила исторический факультет Томского университета. Стихи и проза публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «Дружба народов», «Субъект и реальность» (Санкт-Петербург). Автор семи книг стихов и прозы. Живёт в Кемерове.

20 рублей. Пошла в магазин, а они уже 28 рублей стоят, а у меня всего 27 рублей. Потопталась у прилавка и ушла. Ну, думаю, хоть простые тогда куплю, за 13 рублей. Пошла через некоторое время в магазин, а эти простые колготки уже 26 рублей стоят. Опять потопталась возле прилавка и не взяла, дорого очень.

А колготки маме потом я всё-таки купила, с полочки. Думаю, пропади всё пропадом, и купила за 30 рублей. Она их не носит, бережёт.

«ЗАМУЖ»

Ой, мои детки, не угадаешь, кто будет замужем счастливым, а кто промается всю жизнь. «Замуж» хитрый. Одни по пять лет дружат, присматриваются друг к другу, чтоб не ошибиться, да не то возьмут, другие за неделю всё решат, и правы будут.

У меня вот две сестры, Таня и Женя. Таня со своим будущим мужем Ваней с пятого класса дружила, с армии его ждала. Пришёл он с армии, они поженились и прожили всю жизнь как кошка с собакой. Парень он хороший, покладистый, ну выпивал, правда, но не так, как другие запивались. Рита с Машей у них родились. А Татьяне всё что-то не так да не эдак. Ну, нам со стороны ведь не всё видно. Расходились сколько раз, опять сходились. Потом она всё равно ушла, оставила его в своём доме, себе квартиру купила. Он как раз болел сильно. Она приходила, ухаживала за ним, но жить не жила.

А Женя, та своего мужа Колю до свадьбы и десяти дней не знала. Он был военным, служил в военной части под Ванино. Женщин там никаких не было, ему десять дней на побывку дали, чтоб женился. Он приехал в Свердловск к своим дальним родственникам, те его с Женей познакомили. Они несколько раз встретились и поженились. Повёз он её в Ванино. Она мне потом рассказывала: пойдёт Коля на станции билеты компостировать, а она сидит с чемоданами, ждёт его, а сама думает, а вдруг не вернётся. Видит, идёт, ну слава богу. Так они жили душа в душу и сейчас так же живут.

Я, грешница, завидовала им. Он уж так за ней ухаживал, почитал её.

Она ребёнка начнёт купать: «Коля, дай мне распашонку». Коля ей показывает: «Эту?» — «Нет, не эту». Коля ей другую показывает: «Эту?» — «Нет, не эту». Находит, какую нужно. Стал бы мой перебирать распашонки: «Сама ищи» — и весь разговор.

Вот какой он, «замуж».

ДВЕ АВТОБУСНЫЕ ОСТАНОВКИ

У него был красивый тонкий профиль, сидящие аккуратные волосы и очки в серебряной оправе. Он сидел чуть впереди, через проход, и я могла незаметно рассматривать его. Он мне подходил. Целиком. От кончика породистого носа до кончиков начищенных туфель. Именно такой, ухоженный, уверенный, самоуверенный мне был нужен. Профиль обещал душевную тонкость, а изящные руки — нежные прикосновения. Редкий для городского автобуса экземпляр.

Я всё рассчитала: когда я подойду к выходу через две автобусные остановки, он обязательно посмотрит на меня. Моя фигура не оставляет мужчин равнодушными. Рожица-то у меня не особенно, но фигура классная, сама знаю, и другие говорили. У меня и пальто красивое (полгода на ужинах сэкономила). Ну вот, смело так посмотрю ему в глаза, улыбнусь и кивну. Встану у выхода. А он поднимется с места, подойдёт ко мне и спросит:

— Мне сойти?

Я скажу:

— Сойти.

И мы сойдём вместе на моей остановке. Он возьмёт меня за руку и спросит: «Как вас зовут?», ну и всё такое. И полетят к чёрту все эти тётки с отдела с их перманентом, пухлыми пальцами в кольцах и толстыми задницами. Все эти ведомости, проценты, это опостылевшее койко-место в общежитии с яичницей по утрам.

А в свадебное путешествие мы поедem с ним в Сочи. Будем гулять вечером по морскому берегу, целоваться под пальмами, сидеть в уличных кафе. У нас будут девочка и мальчик. Ну всё, сейчас моя остановка, пора идти к выходу.

Автобус вдруг резко затормозил. Я успела схватиться за поручни. Из сумки у меня вылетела коробочка с дешёвыми конфетами — цветной горошек. Коробочка раскрылась — горошек с треском рассыпался по полу. Только этого не хватало. Все, кто мог, с интересом на меня посмотрели, наверное, и мой избранник. Хватаясь за что придется, я полетела к выходу. Горошек катался у меня под ногами. По дороге я крепко столкнулась с тёткой, которая, всплеснув руками, огрела нечаянно своими ручищами подвернувшуюся кондукторшу. Спасительная дверь открылась, я выпрыгнула. Ну вот, каблук подломился и свернулся набок. Я поковыляла прочь. Из окна кондукторша недружелюбно мотала головой и гром-

ко сообщала о моих недостатках. А мой избранник смотрел на меня и улыбался.

Эх ты, а я всю жизнь собиралась с тобой прожить.

КОНЧИЛОСЬ ТЕРПЕНИЕ

— Привет, девчонки.

К нам зашла Галина Петровна, как всегда, элегантная и холёная. У них такая манера, чем старше становятся, тем чаще друг друга девчонками и девушками называют.

Я сидела за своим столом и заполняла ведомости. Галина Петровна говорила громко, чуть хриловатым голосом. Где она — там остальные болтушки отдыхают. Женщина она не бедная и посему хорошо разбирается во всем.

— Я вчера своему сказала: всё, хватит, дорогой, разводимся! — Галина Петровна сразу взяла драматическую ноту. — Три недели не был на даче! Я всю картошку сама посадила. Вы представить себе не можете! Деревенские мужики смотрели, смотрели, как я одна корячусь, помагались и помогать мне стали.

(Если бы у меня был муж, я бы ему сказала: правда, милый, зачем нам картошка, ведро картошки в месяц мы и так купим).

— Я ему говорю, разбери углярку, надо новую построить, она у нас совсем разваливается. Но оказалось, ему жалко Полину Викторовну: её гараж прислонён одной стенкой к нашей углярке. Он мне говорит: ведь она одна, как она потом эту стенку заложит. Ему Полину Викторовну жалко! А меня не жалко! Я, как ломовая лошадь, одна эту дачу тяну.

(А я бы сказала ему: ты у меня молодчина, конечно, подождём Полину Викторовну, и решим вместе, как быть).

— И вот вчера мой Сергей Владимирович сподобился на дачу приехать. Я начала цветы сажать — уже третий раз, два раза они помёрзли. Слышу — музыка играет! Он в кои-то веки приехал на дачу и решил здесь музыку слушать! Он же у меня музыкант!

(А я сварила бы нам по чашке кофе и села рядом с мужем слушать музыку на даче в весенний, солнечный день).

— Тут у меня терпение кончилось. Я не сказала ему ни слова, вымыла ноги, села в машину и уехала. На следующий день я ему говорю: дорогой, у меня больше нет сил, мы дошли до точки и предела. Во вторник разводимся!

(Если бы я любила мужа, я бы сказала: продаем дачу, эти 10 неподъемных соток, если они мешают нам слушать музыку).

— Ну и бестолковые эти молодые, — снисходительно усмехнулась Галина Петровна, сверкнув на меня злым взглядом.

Неужели я сказала это вслух?

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

«Лучше, наверное, сейчас сказать, утром, когда все собрались за столом», — подумала мать. Блинчики тёплые, чай свежий заварен.

Она всегда стеснялась этих слов, боялась не найти нужной интонации, сфальшивить, излишне торжественно сказать или слишком буднично. Сбравшись, она начала:

— Сегодня Прощеное воскресенье. Простите меня, если что было не так, если обидела вас вольно или невольно. Прости, Саша, прости, Леночка.

Муж серьезно кивнул головой. Дочка белокуро улыбку и ответила:

— О'кэй.

ТАКОЙ ОБЫЧАЙ

«Ты, когда прилетишь к нам, будешь ехать с аэропорта, увидишь этот памятник. Там свадьба разбилась. Пять человек: невеста, жених, два свидетеля и водитель. Я была приглашена на эту свадьбу. Ничего ужаснее я в жизни не переживала.

Леночку, невесту, с детского сада знала, с ее мамой дружила. Она у нас в ансамбле иногда скрипачку заменяла. Невеста была — чудо! Коса — с руку толщиной.

Мы после торжественной регистрации сразу в ресторан пошли готовиться к встрече, а жених с невестой и свидетелями поехали кататься по городу, фотографировались. Приехали они, а мы им говорим: «Мы не готовы, ещё маленько покатайтесь». Ну, они и поехали к аэропортовской дороге. Там их грузовик смял. Юкагир один пьяный напился, грузовик угнал и им навстречу неся. А на дороге в этом месте как раз ограждение с двух сторон — никуда не свернёшь. Водитель был с громадным стажем, опытный, но ничего сделать не мог. Грузовик врезался в свадебную машину. Невеста сразу погибла, жених ещё шестнадцать часов пожил и умер. Андрея, брата невесты, насилие оторвали от этого юкагира, чуть не задушил его.

А мы стоим, ждем жениха с невестой, хлеб приготовили, зерно, чтоб обсыпать их, ряженные для веселья в костюмах. Столы накрыты. Ждем-ждем — нет их. Уж десять раз должны приехать.

Потом Андрей заходит и говорит:

— Свадьбы не будет, невеста умерла.

Мы и не поняли: «Что за шутки такие?» — говорим.

Он опять:

— Свадьбы не будет, невесты нет, она умерла.

Наконец мы поняли, что он не шутит. Мать завывала. Мы все побежали в больницу, в туфлях, как были, по снегу. А это март месяц, у нас в Якутии ещё зима. Мороз был. Бежим, ошалелые, у меня сердце от ужаса сжимается.

Вот так.

Их вместе похоронили, ее — в свадебном платье. Такой обычай. Когда платье отстирыва-

ли, вода была красная, как кровь. Лицо гипсом, гримом покрыли.

Этот юкагир, который пятерых задавил, он из вымирающих народов. Их в тюрьму не сажают, ему дали шесть лет поселения. Так он уже вышел.

А на месте гибели жениха и невесты памятник поставили. С тех пор все наши свадебные corteжи к этому памятнику едут и цветы возлагают. Такой теперь у нас обычай».

Это все мне рассказала подруга Татьяна из Ленска. Я не стала обращать ее внимания на одну деталь, о которой она мне мельком сказала: среди ряженных, встречающих новобрачных, был и ряженный поп, который должен был шутиливо благословлять или венчать жениха и невесту. Кто до этого додумался? Я даже и не знаю точно, что поп должен был делать по сценарию, но этот шутовской сценарий не состоялся.

**Анастасия
ШАБАЛИНА**

**В КРАЮ, ГДЕ НЕБЕС
ЗОЛОТАЯ ЗОЛА**

Мы сидели с тобой у заснувшей у реки,
Отражались в волнах ярких звезд огоньки,
Словно время, бежала, струилась вода,
Нашу боль, нашу боль унося без следа.
Мы смотрели – без горя, без счастья,

без слов,

Как дрожит над водой летней ночи покров,
Весь исполненный света и звуков...

В тот час

Нам хотелось, чтоб время забыло о нас...
Но серебряный месяц вдоль неба скользил,
Как вода, не приметно струились часы,
Мы с тобою простились в редяющей мгле –
Ничего не осталось от нас на земле.
Только в памяти – ясная ночь у реки,
Где купались в волнах ярких звезд огоньки,
Только время, бегущее, словно вода,
Что прекрасную боль унесло навсегда...

В тот дом, где береза стоит у окна,
Хочу навсегда возвратиться,
В то утро, где тихо роняет она
Осеннего солнца крупитцы.

75

В краю, где небес золотая зола,
Упала на землю незримо,
А в жизни, которая после пришла,
Еще было все поправимо.

Как знать я могла в том счастливом году,
Что рухнет мой мир в одночасье,
А в новой стране я уже не найду
Подобного прежнему счастья?

И все-таки надо идти на Восток –
За солнцем Любви и дерзаний.
И если ты с Богом – с тобою сам Бог.
И в этом – твое достоянье.

Когда осень холодным пламенем
Опалит деревья и кусты,
Ты, отмеченный Божьим знаменьем,
Ту, что мною была, прости.

И когда, под дождем погаснув,
Листья лягут тебе на грудь,
Вспомни все, чем ты не был счастлив,
И легко обо всем забудь.

Мы с судьбою, как дети, спорили,
Только дважды любить — не дано,
Будьте ж счастливы вы, которыми
Были мы на земле давно.

Глаза закрою: осень, лес,
Поля да тихий свет небес.

И так покойно на душе,
Как будто жизнь прошла уже.

И больно вновь глаза открыть
В ту явь, где не могу не быть.

О, мир во зле! Лихой удел...
А надо жить — так Бог велел.

Посидим. Поглядим за окошко.
Расскажи мне о жизни своей.
Я хочу, чтоб сегодня немножко
Друг для друга мы стали родней.

За окошком — огни и туманы,
А на сердце — все та же печаль.
Мы с тобою совсем не пьяны,
Да судьбы непутевой жаль...

Ты — совсем не такой, как эти,
И немного похож на меня.
Только нету меня на свете,
Вся до капельки вышла я.

А душа — чуть ее потрогай —
Зазвенит, как пустой хрусталь:
Расплескалась по русским дорогам,
В дорожку развеялась даль...

Слова, слова, подстреленные птицы,
Вы бьетесь — и не можете взлететь;
Вы — рыбы, что попались в звуков сеть,
Вы — те цветы, которым не раскрыться.

Нам нужен в жизни смысл единый, ясный,
А слова смысл размыт и многолик.
Душа моя, зачем скорбишь напрасно,
И в ликах смертных ищешь Божий Лик?

Любовь и смерть невыразимы в звуках,
Не в силах дух запечатлеть себя.
Но сердца песнь, родившаяся в муках,
Все будет жить, тоскуя и любя...

Богатство, власть — пустые страсти,
И слава — суета сует.
Одна любовь приносит счастье,
Которого на свете нет.

А то, что мы зовем любовью,
Кончается, как в страшном сне,
Хандрой, притворством или кровью,
Иль просто — истиной в вине.

О необузданные чувства!
Кто вас сумеет обмануть
И быть преобразить в искусство,
Тот в жизни выбрал верный путь.

Мне снился сон: я на вокзале,
И дальний путь мне предстоит.
Нет, жизнь мы сами выбирали —
Когда и где, и как нам жить.

Мы рождены не по заказу,
Не по упрямству божества,
А по наитию: как фразы,
Сорвавшиеся с языка.

Мы — как неведомо откуда
В сей мир ворвавшийся сквозняк.
Мы — миг. Мы — призраки. Мы — чудо.
Виденье Бога. Смерти знак.

Но разве мы с бессмертьем в ссоре?
Как смерть нам может помешать?
Из душ в сплошном словесном соре
Мы в силах — музыку связать!

Сегодня лягу – как в могилу –
В постель, не смятую тобой.
Неслышно тают дни и силы.
– О милый мой!.. Уже – не мой.

Еще с тобой мы не успели
Звезде над нами имя дать,
И в ночь Купалы на свирели
Нам Лель не выходил играть.

Судьба-злодейка лишь хохочет
Над тем, что я тебе сама
Другим велела дни и ночи
Дарить – и не сошла с ума.

Мои стихи – о жизни и о смерти,
Я только кровью их могу писать.
Когда бывает сердцу очень больно,
Они – как к горлу подступивший ком,
Как слезы, что на сердце накипают,
Как ураган, что в щепки рушит дом, –
Сквозь страждущую душу прорастают;
И рвутся – жить и плакать своевольно;
И, как птенцы, – хотят уже летать.

**Виктор
КОНЯЕВ**

ЛУНА – НАПЕРСНИЦА ЛЮБВИ

Рассказы

ЛИК ЛУНЫ ЛЮБОВЬЮ СВЕТЕЛ

«Это надо же уродиться такой врединой! Вчера хорошо посидели на скале, проводил до палатки, все было нормально. А сегодня как бес в нее вселился. Может, плюнуть и не подходить к ней совсем? Через день уедем, в городе видеть не буду и забуду. Рифмовать даже начал». Раздраженный, шагнул Сережа от столовского навеса, и не беспричинно. Сама же просила вчера разбудить утром ее пораньше, купаться с ним по туману в парномолочной воде озера. Он пришел к палатке, тихонько в щель полог: «Ир, вставай», – после тишины в ответ снова: «Ир, вставай». И уже не тишина ответила, а злой голос Томки, подружки: «Серега, катись-ка ты отсюда, дай людям поспать». Посидел в сторонке, Ирка так и не появилась. Сейчас вот, сразу после обеда, подошел к ней, она домывала посуду у самодельного артельного стола. «Ирина, пойдем, погуляем, да и искупаться бы неплохо, жарится вон какая». Она полусогнута у таза с водой, из-под доплечной скобки русских волос, косо летящей стрелой ужалил взгляд: «Не пойду. Ты любишь один купаться, вот и на здоровье». Уткнулась в тазик. Дошагал Серега до озера, к пляжику лень было спускаться, прямо за палатками обрыв невысокий, снял трико и сиганул в манящую воду, вынырнув, поплыл вразмашку к островку. «Да тьфу на них, на всех женщин, на весь род коварный», – раздражение не оставляло. «Тьфу» – легко сказать, куда сложнее сделать. Помытари-

ла Ирка его за два месяца немало. И чего он так к ней прилип? Вроде девчонок немало вокруг, есть и покрасивее. Вспомнил первую встречу с ней, знакомство...

Началось все прошлой осенью, по сентябрю. Будучи по каким-то делам в центре города, проходил мимо геологического управления, в глаза ткнулась вывеска «Клуб юных геологов». Зашел... и остался. Ездил после школы два раза в неделю на занятия, выходные проводили за городом. Зима минула, весна и вот лето. Клубники уезжали в Горный Алтай, они все дети геологов, все, кроме него. Им поездку оплатило управление. Мама Сережина работала на шахте, вроде родственно геологии, да родство то коровы с дикой ланью. Побила матушка ноги, пообивала ими пороги кабинетов, но добилась, чтобы сын поехал на Алтай, оплатила шахта путевку. У автобусов они и встретились. Сергей приехал рано, потом уже прибывали отъезжающие, провожающие, автобусы. Много незнакомых, не ходивших в клуб. Стоял в стороне. Смотрел. Лица, лица, лица. Стоп. Метрах в пяти около рюкзаков и сумок рядом с колобообразным пацаном помладше стояла высокая девушка в трикотажном обтяжном костюме, волосы до плеч ровной дугой огибают голову, а она чуть набок вправо, и вся фигура туда же стремится. Это придает незнакомке какую-то немного неестественную граци-

Коняев Виктор Федорович родился 18 февраля 1952 года в Новокузнецке. Учился в Томском университете. Работает на ЗСМК сварщиком. Автор книги прозы «Глаза, распахнутые в жизнь». Живёт в Новокузнецке.

озность, но привлекательную. Тренькнула струнка глубоко в нутре. «Вроде ничего кадра, надо познакомиться». Рядом болтала с девчонками Верка, клубница, компанейская пацанка. «Вера, иди, чего-то скажу». Та на шарнирах подкатилась: «Говори». — «Слушай, вон там с колобком девчонка стоит, видишь? Кто такая?» Верка посмотрела: «А, Ирка Порошина, она с братом младшим вместе едет, че, понравилась?» — «Понравилась, познакомь». — «Пойдем», — и, противореча себе, заорала: «Ирка, иди сюда, дело есть». Та повернула голову, долго, раздумчиво смотрела, что-то сказала брату и пошла в их сторону. «У ней и походка необычная, как полет раненой птицы, вроде через силу идет». Ира подошла: «Что за дело срочное?» — «Тут один уважаемый товарищ с тобой познакомиться хочет», — насмешничала Верка. У Иры мгновенно бутонами орозовели резко очерченные щеки, с наклоном из-под подковы волос глянула на Сергея: «Да, и что же это за уважаемый товарищ?» Глаза, светлые в серость, потянули в себя. «Вот этот самый товарищ». — «Ира» — протянула узкую ладонь, а зрачки уже поволокли Серегу в тайную бездну. «Ира-ра-ра-ра», — застучало изнутри по ребрам, ну что ж, мой выход». Не пожал руку ее, а, поднеся к губам, чуть коснулся, от лица отвел, но не отпустил, держа на весу для эффекта, поплел блестящую паутину словес: «Милая барышня, разрешите и мне представиться. Не преминьте заметить, не приставиться, например, к забору, не преставиться в смысле скорбном, умереть, а именно представиться, то есть создать у вас представление о своей скромной персоне. Итак, Сергей, — самый умный и обаятельный мужчина из всех ныне живущих на Земле людей». Ира отняла руку и смеялась, укрыв лицо завесой волос, подрагивали плечи. Верка хохотала, плеща руками по сторонам.

В автобусе они сидели уже рядом и вскоре в два хора — пацаний и девчоночий, пели нескончаемую, с импровизациями, песню или частушку о Любке, бабке и сизокрылой голубке, ну и, соответственно, о дедочке, милочке и сизом голубочке.

Симпатия возникла обоюдная, это бесспорно, но сколько нервов Сергею потрепала длинноногая симпатия! Очень уж неровный характер у ней — вспышки веселья сменялись всплесками обиды беспричинной, слезами и отчуждением.

Один случай, когда они едва с Мишкой не подрались, чего стоит. Их человек пять готовили стенгазету. Сергей — главред, Ира участвовала. Мишка рисовал. Уж он точно не упомнит, из-за какого конкретно материала заспорили, тоны возвышались до командирского рева в пылу боя, Ирка заявила: «Ты считаешь себя всегда правым, вот и делай один свою газету». Он резко ответил, она в слезы и в бега. Мишка — друг ее старшего брата, знакомы с детства, оказал заступу: «Слышь, чувак, ты бы захлопнул поддувало и помолчал». Серега еще в горячке спора, да и «чувак» зацепил. «Чумаки обули чуваки и пошли поддувалами дубасить чуваков». Реплика человека с интеллектом на уровне печной заслонки повисла в воздухе. Мишка встал с лавки, пальцы потянулись в кулаки: «Ну, пойдем, я тебе продемонстрирую свой интеллект». У Сереги тоже пружина пошла на сжатие: «Пойдем». Он тогда Мишку мало еще знал, не знал и что тот чемпион города по боксу среди юношей. Отошли за кусты, но не успели даже словесно начать поединок, вот она, виновница или предмет ссоры, летит в растрепе и невысохших слезах: «Мишка, не смей, иди отсюда, мы сами разберемся», — толкала в грудь. А Серегу за руку: «Ты тоже хорош, пошли, драчун». Позднее Сергей с Мишкой дружно жили, через годы периодически встречались и всегда вспоминали «чуваков поддувальных».

«Ну что за чертовщина, ничего в башку не лезет, кроме Ирки!». Серега уже часа два в озере. И загорал на островке, и наплавался, а думы вокруг нее кружатся. «Влюбился я, что ли? Нет, девчонка она хорошая, когда не вредная. Что-то все плохое вспоминаю, а много хорошего было. Как она меня слушала, прямо внимала. Как шли мыли в комарином тумане, у ней не видно лица и рук под слоем комаров, а она терпела. Вспомни вечерние прогулки, не забудь походы в горы. Да вот хоть тот случай, когда со змеей повстречались». Сергей улыбнулся, подплывая к пляжику.

Два месяца отрядники вкалывали, как взрослые геологи, — открыли месторождение киновари, небольшое, но все же, и талька. В непогоду отдыхали, отсыпались. А Сергей давал работу сапогам — покорял окрестные вершины. Второй раз они пошли с ней взбираться на очередную гору. Небо морщинилось складками туч, мелко дождило, Ирка в неохоте и недосыпе, сыро, неудобно. Видать, споткнулась о валежину: «Дура, я, дура, и с какой это радости потащилась с тобой в такую

погоду. Сейчас спала бы сладко в палатке». Сергей молча торил дорогу в высокой травнице, принимая на себя всю влагу травяную, что мочила хлеще дождя. В подъем втянулись, а тут и дождик иссяк, небушко посветлело, следом солнце озолотило небосвод и стадами блестящих зайчиков запрыгало по мокрым листьям. Близко к вершине решили передохнуть. Серега сел на парящий валун, оперся руками о длинную рукоять геологического молотка. Ира пошла за уступ скалы, по надобности, наверное. Только что спина в мокрой штормовке скрылась из обзора, а уже громкий вскрик и стук падающих камней потряхнул первичную тишину тайги и гор, следом летит и сам источник шума, паруся брезентом. «Все, хватит с меня! Я возвращаюсь в лагерь. Ты для чего уговаривал идти на эту проклятую гору? Чтобы меня гадюка укусила?» Опешишь от такого выхода из-за скалы. «Да постой ты, не ори. Что случилось, какая гадюка?» — «Иди, полюбуйся, лежит там, чуть меня не цапанула». — «Сейчас я ее убью, посиди, успокойся». Перехватил удобнее молоток, пошел за скалу. Змея грелась на солнышке прямо за выступом, серо-темным телом окольцевав плоский камень, голова приподнята, взгляд показался Сереге спокойным и внимательным. На туловище утолщение. «Съела кого-то и сочетает пищеварение с солнечными ваннами. Не убивать же ее, в самом деле. Красивая животина». Сергей стоял в полутора-двух метрах от гадюки. «Ладно, постою немного и вернусь, скажу, что убил». Ира сидела на его месте, остывала, успокаивалась. «Ну и что, убил?» — «Убил, — намеренно хмурил лицо. — Пойдем, до вершины немного осталось, не возвращаться же назад, не побывав там». И вот последний шаг, все, высшая точка. Ирку втащил за руку. Кучка больших валунов на несколькометровом пятчке, спутница устало опустилась на один... рыбка на песке и дышит безводно, лицо красно, мокры, спутаны волосы. Сергей тоже в запыхе, оперся на молоток. А вокруг! Немога! Восторг! Небо очистилось, цепи гор убегают, уплывают, повышаясь. Куда? В Саяны, в Тибет, в небо? Отдышалась Ирина, смотрит очарованно. «Сережа. Все же ты молодец, что вытащил меня сюда. Какая красотища!» И без перехода: «А ты змею правда убил?» — «Конечно». — «Не ври, ты не такой, не стал бы убивать. Скажи честно». Сергей улыбнулся: «Да лежит, переваривает мышку, живая-здоровая». — «Ну и пусть живет. Ты прости меня, знаешь же, что я бываю вредная». — «Ладно, все нормально».

Пока спускались, Сергей размышлял, как бы она отреагировала, увидев рядом здоровущую рысь. Хорошо, тогда ее не было с ним. Чаше ходил один в горы. Нравилось общение с окружающим миром наедине. Иной раз, в пасмурь, тучки жались к вершинам, необычно шагать в них и сквозь. Намаялся тогда, покоряя приличную гору. Спустился, шагал таежной тележной дорогой, жажда томила нутро. Справа в уклоне должен быть ручей. Спустился, круто пришлось, хватался за кусты, молоток оставил у дороги. Точно, ручеек, он лег, припал ртом к водице, ох, холодна, зуболомна, глотал вдосталь. Насытись, поднял голову лежа. За ручьем урем сумрачным густолесьем останавливал взгляд, а ближе, в пятке метров от ручья, береза, едва приподнявшись над землей, параллельно ей тянулась долго влево от Сергея, только затем уходя ввысь то ли стволами, то ли толстыми ветвями. Позже все воспроизвелось в зрительной памяти, а вначале его глаза примагнитили два ярких, желтых с зеленью, фонарика. «Что такое, какие-то огни блуждающие?» — напряг зрение Сергей, и внимательному, приглядевшемуся взгляду постепенно представало тело большого, сильного зверя. «Да это же рысь». И все, больше мыслей не было, смотрели друг на друга. Рысь лежала вдоль березы, задние лапы согнуты, передняя левая, видная, слегка свешивалась со ствола, короткий хвост прижат. Внешне спокойно Серега поднялся, даже отряхнул брезентовые штаны, повернулся и покарабкался вверх, к дороге. Там, уже не забыв взять молоток, забухал по оголенным корням дороги кирзовыми сапогами, гонимый достигшим сознания страхом. Прилично отбухал, запыхался, сбавил ход, потом совсем встал. «Я что, совсем дурак или трус конченный? Если она сразу не напала, и потом, когда спиной к ней лез по склону, сейчас-то какого черта бегу? Да и сытая она, видать». Стыдно стало Сергею, даже хотел вернуться туда, еще раз посмотреть на рысь, помешал скрип колес и звуки то ли песни, а может, причитаний. Старуха-алтайка с трубкой во рту и в меховой безрукавке, лицо в бороздах морщин, платок и песня, серая игривая лошадка, на дуге цветные тряпочки. Телега встала. «Бабушка, подвезете?» — «Лязай». Бабка наблюдательна, внимательны глаза — темные озерки во впадинах щек: «Пошто шибко бегал?» Сергей рассказал о рыси. Алтайка вынула трубку: «А, рыська, не бойсь, не укусит, рыська сытый». Доехал с ней до развилки. «Так вот чем бы закончилась встреча с рысью, будь со мной

Ирка? Если бы она закричала, то «рыська» точно бы покинула березу с сердечным приступом.

Вечер наплывал на горы, озеро и палаточный лагерь, отужинали. Предпоследний их вечер здесь. За хорошую работу наградили ребят недельным отдыхом у этого чудесного озера.

Меж гор впадина, провал, заполненный водой с полкилометра длиной, в половину шириной, вокруг скалы и тайга. Только в одном месте поляна преобладающая, рядом естественный крохотульный пляжик, да и там дойдешь до подбородка по песочку – и виснут ноги в пустоте, внизу глубь, и мера ей, по слухам, сто с лишком метров.

Тяготно время ползло. Ну наконец потянулись отрядники по палаткам, зашуршали спальниками. Темь сгустила воздух до мутности предметов. Луны не было, пряталась в караване малых тучек, когда Сергей решительно направился к девичьей палатке. «Надо поговорить с ней серьезно. Если сейчас не выйдет, все, больше к ней не подхожу». «Ира, выйди на минутку». В палатке смешки, шепотки. «А, ухажер пришел», – снова Томка. «Ира, я жду». Шуршанье стихло. Незастегнутый полог с шуршаньем откинулся, голова и плечи Иры угадываются. «Говори». – «Пойдем на скалу, посидим». – «Ладно, обожди, скоро выйду». «Скоро» растянулось на полчаса, и все это время походный домик шевелился от возни, а на боковой стенке театр теней давал представление на брезентовом экране в светомути фонаря через ширму. Но вот возникла возле чуть светлее пятном. «Как пойдем-то, такая темнота кругом». – «А мы потихоньку, дорогу знаем, а там и луна выглянет». – «Тогда держи меня за руку, я вообще ничего не вижу». Вроде недалшний путь – мимо палаток к пляжику, влево по тропке к скалам и облюбованной площадке, но темнотища затрудняла. Уже поднимались, когда тьма затрепетала кисейной занавеской под ветром, отступая, уступая лунному свету. Легче идти, а местами труднее – в тени темнота учернилась до цвета резиновой сажи, можно оступить. Она и оступилась, вовремя Сергей удержал за руку. «Ну, сейчас опять концерт закатит». Нет, ни звука. «Ира, ты чего меня сегодня целый день оскорбляла?» – «Я – тебя?». – «Ну, а кто?» – «Да ничего я не оскорбляла, просто настроения не было. Ты же знаешь, я человек настроения». Дошли до площадки, Ира села. Луна-

проказница играла с ними, а с кем еще, одни они в мире остались – Он и Она. Тучкой прикроется, нет вроде ее, а тучка кроха, всю на себя не натянешь, и светятся края желтоватой бахромой; но тень чернит все окрест, и тогда Сергей видит только силуэт Иры на фоне более светлого озера. То вдруг выскочит из-за надоевшей тучки-ширмы, зальет сразу мир шаманским, нереальным светом, побежит он расширяющимся лучом от невидимого таежного берега через все пространство озера, по скалам, к ним, и сидящая вполоборота к обрыву девушка прорисовывается четко: затянута в трико фигура, острые зубья грудей молодыми горами дыбят ткань, часть лица с левым глазом в серебряной вуали, правый, прикрытый прядью, не виден, а луна изощрается в небесах. Вот вильнула за хаосно ломаные верхушки дальних пихт, и уже не она это, а куски ее, разрезана иззубренными вершинками. И снова важно выплывает во всей полноте – «здесь я, полюбуйте» – затопляет земную твердь резким светом. У Сережки внутри колдовство творится. Он мучительно думает, как передать вот этой сидящей на камне девчонке, донести до нее то, что просится, рвется из него, из каких-то самому неведомых глубин и нужно ему и... ей. Эх, притянуть бы осторожно за дорожку к себе колдовницу-Луну, взять в ладони, она не обжигает, это солнышко жжет, а луна нежная, только согреет ладошки, наполнит селеновым светом, и поднести Ей. Она будет восхищенно смотреть на Луну в его ладонях, а ему останется одно – через руки перетечь в мерцающее чудо, раствориться в нем, тогда ее восхищение будет принадлежать и ему. Все внутри, снаружи спокойствие. «Сереженька, расскажи что-нибудь интересное». – «Неохота. Я о другом хотел поговорить. Мы в городе будем с тобой встречаться?» – «Ну, наверное, ты в клуб же будешь ходить?» – «При чем здесь клуб, ты ведь не ходишь туда?» – «А может, буду». – «Пожалуйста, не придурайся. Я спрашиваю, мы дружить будем с тобой?» – «Дружить? Это как? За ручку ходить, как мы сюда шли?» – «И так тоже, чем не нравится?» – «Я так в детсаде ходила, а сейчас вроде возраст не тот». Сергея поражали всегда зигзаги ее мыслей. «Ты помнишь, позавчера один парень вот с этой самой площадки нырял красиво?» – «Помню». – «А вы все прыгали с другого места, намного ниже. Что, боялись?» – «Тот парень наверняка занимается в секции прыжков, я не занимался». – «Ну, хотя бы солдатиком смог

бы ты прыгнуть отсюда?» Сочной крапивой жиганула обида. «Проверить меня решила, смелость мою испытать. Ладно». Ах, Луна, Луна, что творишь ты с мальчишками в ночи, полные Тобой!

Два шага сделал он вперед, мимо Ирки, не ожидавшей такого, глядя на притягивающую Селену, резко оттолкнулся и понесся от скалы и вниз, в середину серебряного полотна. Приводнился косо и больно, и под воду ушел глубоко, вынырнул и лег на воду, отдышался. Обида нарастала. «Все, катись, ты, Ирочка, ко всем чертям. Скоро в школу, Таньку увижу». Поплыл к пляжику в лунном мираже, брызгая серебряной чернью. Она стояла у самой воды, потупясь, в своей трогательно искривленной позе. «Ну, вот, прыгнул. Может, еще чего изволите. Я всегда, пожалуйста». Он по колена в воде, сказал и хотел обойти ее, уйти совсем, скрыться, не видеть. Не получилось, так стремительно девичья фигурка рванулась к нему. «Ты не самый умный, а самый глупый человек из всех живущих на земле. И слепой. Ничего не видишь. А я хочу видеть тебя каждую минуту. Поэтому психую и говорю что попало. Сереженька, я, кажется, влюбилась в тебя». И вдруг, вдруг, вдруг руки девичьи легли на Серегины мокрые плечи, а губы, мягкие подушечки губ обняли его, напряженные. Луна, ты за спиной? Не подглядывай. Он не обнял ее в ответ, не прижал до ощущения у своего сердца твердых рожков груди, кощунство, а взял в ладони у своего лица, и застыли. Миг, миг, миг!

Луна, нескромница, уйди, пожалуйста, за тучу, за горы, за пихты!..

Ирина отняла лицо из рук его, повернулась, молча побежала к лагерю. Луна прожекторно высвечивала тоненькую хворостинку в движении и все в дальнейшем удалении.

Ты понимаешь что-нибудь, красавица ночная?

Серега так и стоял по колена в серебристой дорожке, следя бездумным взглядом за Ирой. Одна мысль сформировалась, точнее вопрос: «Ее слова можно считать признанием в любви или очередное сумасбродство?» Неспешно выбрел на берег, снял рубашку, кеды, трико, выжал одежду, положил на песок, опять в воду напрувился.

Он плыл к островку из двух, как расколотая кость, крошечных скал, тут и настигли вопросы, затерзали: «А я, я-то люблю ее, влюблен поверженно или просто нравится она сильно? Где границы между люблю, влюблен и нравится?» Он плыл встреч Луна, по ее водной отражен-

ности, и не мог найти ответов на свои вопросы. Хозяйка неба знала ответ, ласкала светлым ликом, умиротворяла. Посидел Сергей на островке, поплыл назад. Вспоминал девчонок в своей жизни. Многие нравились, ухаживал, даже немного страдал. Но такого не было. А какого такого? Менялось в нем что-то, и резко. Глухой уж ночью вернулся в лагерь. Тихо, даже комаров не слышно, все спят, полог откинут. Лег поверх спальника. Луна и здесь не оставила его, не вся, спрятанная за брезентом. Урезышем своим заглядывала, топила глаза светом, он и растворил их в себе или во сне.

Спи, Сережка, спи спокойно и улыбайся во сне. У тебя в жизни многое будет – и хорошее, и плохое. Будет все: женитьба на Ирине, рождение сына, скандалы семейные, сходы-расходы, разрыв окончательный, через годы встреча и к себе удивленный вопрос при взгляде на чужую женщину: «Неужели это Она?»

И при седых волосах ты поймешь, что Она это была. Что главное в твоей жизни, помогшее тебе не оскотиниться, не потерять совесть и доброту к людям, не впасть в мерзость пьянства окончательно, остаться Человеком, случилось с тобой здесь, на озере. Ты уже держишь это на открытых ладонях, слитое с Луной. Это – любовь. Она родилась здесь.

ПУЗЫРЬКИ НА ГУБАХ

«Звонарь чертов, как ты надоед верещаньем своим», – левый глаз только открыл Виталька и посмотрел на продолжавший стрекотать с подпрыгами по столу будильник. Звонки без всяких церемоний вломился в мозг, сон испуганно упорхнул, тут же стершись из памяти, оставив только ощущение чего-то причудливого, но приятного. Первые мысли мухами осенними заползали: «Шесть часов. Куда так рано вставать? Вроде не в школу. Какая школа? Закончилась школа. Ох, ты! Мы же сегодня на Терсь уезжаем». Нега сонная толчками скатилась через ноги в постель, затаилась в складках одеяла. Одним махом вскочил, зарядка и ковш воды холодной прибавили бодрости. Пару яиц поджарил на плитке, запил крепким чаем.

«Выхожу один я на дорогу», – распевал Виталий, собираясь. Все прекрасно в этом мире: выпускные экзамены позади, он окончил 10 классов, в аттестате одна четверка по «инглишу» за-

терялась в длинном ряду пятериков, и сегодня они, девять одноклассников, уезжают на пару недель на прекрасную таежную речку Терсь, знаменитую минеральным источником. «Так, рюкзак собран, вроде ничего не забыл, да, маме записку черкнуть. Мама с ночной придет в девять, мы уже будем в пути». Ключ от их барачной квартиры положил под половичок у двери. Обогнул барак и встал оторопело. «Ничего не пойму. Что за чудеса?» От торца их барака до следующего, это метров сорок, закрывая с дороги общественные туалеты свежebelенные и помойки, тоже подсвеженные известкой, с просветом для машин, встал забор из широких неструганых плах. Он шел к трамвайной остановке и во время всего пути любовался разноцветно крашенными отгородами. «За одну ночь столько заборов поставили? А зачем? Что-то я сегодня совсем склерозником стал. Сегодня же Косыгин к нам прилетает. Охота бы посмотреть. А на что, собственно? Промчится он на «Чайке» мимо всех этих заборов, барачных и людей, как мимо километровых столбиков, и ничего не заметит. А ты что думал, он выйдет к толпе ликующей, снимет шляпу и лично к тебе с почтением обратится: «Как вы поживаете, глубокоуважаемый Виталий Федорович?» Всякая белиберда в голову лезет.

Рюкзак изрядно оттоптал плечи, да и то: там и картошки немало, тушенка, лапша, прочие продукты плюс вещички. Сбросил его у трамвайного кольца. «Без двадцати семь. — Глянул на мамой даренные к выпускному часы. — «Заря» отходит в 9, а «пилить» почти через весь город».

Он не опоздал, но и не первый приехал. Федька, Толян, Вовка и Ольга крутились на причале. «Привет, Виталя». — «Здорово, здорово. Вы на чем примчались так рано?» — «А нас дядя Кондрат привез», — Ольга махнула в сторону здания речного вокзала рукой, оттуда незастенчиво выпячивался округлый зад «Запорожца». — «Впятером залезли?» — «Да мы же не толстые, могли бы и вшестером. Мы уже и билеты взяли на всех». — «А вдруг кто-то не сможет поехать?» — «Сдадим обратно». Приехали все, даже с избытком. Вовка и Толян прихватили рыжего Сашку, помладше на класс. У него в руках гитара, в рюкзаке обрез — нужный человек. Загрузились. Лето, солнце, свобода и молодость — кто усидит в душном нутре «Зари». Все четыре часа плаванья толклись на палубе. Сашка мастак оказался

играть на гитаре и песни петь, девчонки подпевали. Виталий с Федькой не певуны, стоят у ограждения, смотрят на реку.

Город с его трубами и дымом откатился назад, по берегам тайга потянулась. «Федька, ты не заметил, что наши девки изменились, даже Танька?» — «Да, нет, не обращал внимания. А в чем изменились?» — «В школе они какие-то правильные были, «скованные». — «Что ты хочешь, почувствовали себя взрослыми женщинами, надзора нет». — «Послушай, что Сашка поет». Песенка в исполнении рыжего солиста действительно была двусмысленно-пошловатой, пелось в ней о футболистке, которая «в свои ворота мяч загоняла». «Девчонки слушают и не смущаются, в школе за такую песню Танька на комсомольское собрание бы потащила». — «Тут не школа, — Федька всегда логичен. — Вон лучше посмотри, кто-то плывет, вроде лоси». В полусотне метров впереди и левее две темные длинные головы, одна с кустом рогов, другая поменьше и безрогая, мощно резали воду. Выгрузились по самой жаре. «Заря» гукнула прощально и порулила на фарватер. Эти места знал один Толя Марбах — они с отцом рыбачили здесь в прошлое лето. Он-то и расхвалил места, а потому пер по-сусанински впереди. Жара. Крупная щебенка дороги скрипит и пылит под ногами. Таня Кодорова, комсорг класса, догнала Виталя, над густыми бровями навес из пота и пыли: «Виталь, устали мы, надо привал устроить, да и девушки мы, вообще-то, могли бы взять у нас часть груза». — «Толян, тормози, приваливать будем седалища к земле». Отдыхали на обочине, в тени таежной. Федька терзал Толю-проводника: «Ты место точно помнишь, а то, может, мы уже прошли его?». — «Да, помню я хорошо». — «Сколько еще топать?» — «Километров пять». Сашка начал было побренькивать на гитаре, у девчонок уши сразу топорами, но Виталий пресек неуместные посиделки ниже корня: «Кончай перекур. До места дойдем, вот там и концертируйте хоть всю ночь. И давайте, парни, заберем у девчат поклажу, кто сколько сможет». Опять выдавливала пыльный скрип из недовольной щебенки, солнышко каленой сковородой легло на затылки и плечи. Ну наконец-то первопроходец их свернул с обрыдшей дороги вправо на травяную тропу. Виталий повеселел, обернулся к Федьке, идущему вслед: «Передай по цепи — подходим к цели, мужайтесь». Терсь осталась слева, за дорогой, а здесь тайга темно-темно-зелено дыбилась, к видимым на горизонте горам поднимаясь.

Тропа, петляясь, вела их еще метров двести, и открылась глазам ждущим роскошная поляна. До вечера обустроивали стоянку, перекусили всухомятку. При закате уже Виталька соблазнил всех купаться, Толик не пошел, у него страсть – рыбалка, и натаскал хайрюзишек приличных. Холодовата вода в Терси и в самую жаркую пору, зато чиста, разговорчива на перекатах.

Первый ужин в походе. Девушки сварганили уху из хариусов, парни достали пару бутылок вина. Таня, комсорг, выдала тост: «Давайте выпьем за окончание школы, за удачу нам всем в жизни и чтобы мы никогда друг друга не забывали». Усталость морила, вино клонило – не получилось долгих посиделок, по палаткам разошлись, и только Луна охраняла их молодой сон.

Потекли деньки-денечки солнечно-знойные, с блеском реки, горячими камнями и свирепыми оводами. Первые пару дней спокойно прожили – парни заготавливали хворост, рыбачили, девчонки кашеварили. В двух километрах от них деревушка пустеющая, Толя раньше бывал там, его отправили за хлебом и картошкой, в помощь выделили здорового флегматичного Вовку. Вечером он подошел к Виталику: «Пойдем в деревню, там танцы сегодня, девчата будут. Я с одним местным познакомился, он приглашал». «А конфликта из-за девок не получится?» – «Какой конфликт, там парней полторы калеки, а девок много, сами зовут». Федька не захотел, он около Танечки увивался, остальные парни пошли.

Вечер в деревне кружанился веселой каруселью: пили из «дула» дешевый вермут с местными парнями, топтали пол в медленном танго с девушками под клубную радиолу. Виталья обнимал в танце полную хохотунью Люсю, потом млял ее губы и груди за клубом. В свой табор шли потьме шумно и полупьяно. Костерок на угасании едва высвечивал контуры ближних палаток. Тихо. Пусто. «И пожарть ничего не сварено». Толя гремел пустой посудой. Фраза прозвучала закливанием на выход джинна из бу... палатки. «А, вам пожарть захотелось! Пусть вам ваши деревенские подружки жрать готовят», – Таня-комсоргиня извлеклась из палатки, встала в позу обличителя. «Вы на танцульках доярок тискаете, а мы потом корми-пои вас, усталых». На голос громкий Ольга из темноты подошла, вылезла рыжая Надя, рядом с ней встала Верка, Федька, видать, спал, и морфею отдавалась другая Таня, которая не комсорг. «Нет, правда, парни, зачем же вы тащили нас в такую глушь, чтоб здесь бросать?». Оль-

га смотрела на Виталью и обращалась к нему. «А при чем тут доярки?» – он недоумевал и, представив, как тискает шкафообразную румянощековую бабищу с подойником и грудями с тот подойник, рассмеялся. «И нечего смеяться, – Танечка повышала градус накала. – Если вы завтра уйдете в деревню, послезавтра мы уедем в город». Она очередно постегала всех взглядом и уже опять растворяла говорильный аппарат, Ольга перебила, подходя к ней: «Ладно, Тань, не трать пыл сейчас, ты же видишь, они пьяные». «Не пьяные, а выпившие», – мысленно спорил Виталья, уваливаясь в палатку. «А чего Танька-то недовольна, Федька же с ней остался? Но он почему-то дрыхнет, а не ухаживает за ней».

Весь десятый класс они с Федькой были друзьями-соперниками. Таня обоим нравилась, она принимала ухаживания, не выделяя никого.

Собираясь в поход, Виталий, конечно же, думал о том, что вдаль от привычной городской среды, в естественных условиях жизни человек раскрепощается, сбрасывает все путы и условности цивилизации, и ему, с детства знавшему тайгу, представится преимущество перед сугубо городским жителем Федькой. И он сможет добиться, а чего? Дружбы, любви или физической близости с Таней? Об этом не додумывалось до конца.

Странное существо – человек. Дичь, глушь, сколько возможностей уединиться, а у Виталия внутри щелкнул тумблер, и все это показалось мелким, ничемным.

Пришлось парням забыть про танцы деревенские. Да ведь и вправду, свои девчонки под боком. И красивые: комсорг Таня – невысока, но фигуриста. С большими серыми глазами и косой ниже лопаток, конопатая Надя привлекала классическими пропорциями лица и шеи, Ольга хороша большим гибким телом и пружинящими при ходьбе грудями, другая Таня и Вера по-своему тоже привлекательны. Особенно когда все в купальниках. Буквально и двух дней не прошло, как обнаружил Виталий, что их коллектив разбился на пары. Федька в отсутствие конкуренции с его стороны зачертил сужающиеся круги вокруг Тани, Толик обучал Надю азам рыбацкого дела. Сашка, хоть и молодой еще, гитарой и рыжими кудрями очаровал Верку. Вовка, флегматичный Вовка – и тот, теряя степенность, носился от лагерь к реке с ворохами грязной посуды, где под

неусыпным надзором смешливой пухленькой Тани драил ее речным песочком.

Судьба прямо толкала Ольгу к Виталию или наоборот, но факт, что выбора им не оставалось. А Виталья брыкался. Ему хотелось быть в стороне и выше своих друзей, духовно, что ли. И ведь прекрасно понимал: изрядная доля игры и позерства присутствует в его поведении, и это тоже нравилось.

Ольга, задорная, кипящая энергией, к тому же равнодушная к нему, пыталась прорваться сквозь заслон искусственный, ходила собирать с ним валежник, нарушала его уединенное купание. Остальные вроде ничего не замечали или были так заняты своими делами.

С Олей у Виталия с момента знакомства отношения кошечно-собачьи. Учились с первого по четвертый классы, разошлись по разным школам, встретились в девятом. В младших цапались, в старших маятник закачался в обе стороны. Прошлой осенью Виталий организовал у себя дома выпуск подпольной стенгазеты, кстати, участвовали и присутствующие – Толян и Федька. Утром раненько вывесил ее рядом с «Комсомольским прожектором», вот опять кстати – он его главный редактор. А пальтишко-то одно его висело в раздевалке, по нему вычислили, и гоняла бедного Ольга по двум этажам школы увесистым портфелем за строки, показавшиеся ей оскорбительными и отнесенными на свой счет.

*Несутся вскачь по коридору
Две ошалелые козы.
За бег такой на стадионах
Им брать бы первые призы.*

Виталий – любимец классной руководительницы, преподает она русский и литературу. Его сочинения Марья Васильевна зачитывает классу как образец. Бывало и так: кто-то не готов к уроку, подходит, просит: «Виталь, выручай, отвлеки Марью Васильевну, стихи почитай или заведи дискуссию». Не против Виталий, покрасоваться любит, а почему бы и нет, коли есть чем. И вот он весь урок читает у доски Лермонтова или Есенина, при том правый край рта немножко, едва-едва, уплывает к щеке до образования складочки, маленькой, но насмешливой. Ольга после таких уроков не единожды говорила: «Я тебя за твою улыбочку прямо на месте убила бы». Маятник качнулся в одну сторону. А ведь доля правды в ее словах есть. В моменты само-

критики сам называет свою лицевую мимику ухмылкой. Но уже зимой по-другому вышло. На день рождения одноклассницы их пришло восемь человек, родители деликатно оставили молодежь одних. Винишка немного пригубили, играли в «бутылочку», и выпало им с Ольгой целоваться, ух, как она азартно терзала губы его, компания заметила, и кто-то крикнул: «Оль, ты ему губы не оторви ненароком». Потом они сидели в полутемном коридорчике, опять целовались. Она взяла его за плечи, искала взгляд глазами. «Виталь, давай с тобой будем дружить, что вы около Таньки все увиваетесь? Она что, самая красивая? Или умная? Вы с Федькой оба дураки. Она с Серегой встречается из другой школы, они на одной улице живут, сама не раз видела». Насчет дружбы не воспринял он ее тогда всерьез, отшутился.

Хлеб совсем кончился, остальные продукты на грани иссякания, а магазин в деревушке навесился, как орден на грудь, с голову ребенка замком, по какой причине, да кто его знает. Надо было топать в другую, дальнюю деревню. Охотниками пошли Виталий с Федькой, Толяна взяли, он у них в этих местах вечный проводник. Пошли поутру, не жарко еще, хорошо топается, дорога пуста. Говорили о Томске, о вступительных экзаменах в университет. Часа полтора шебуршали щебенкой. Летнее солнышко набрало силу, иссушило рты, зашершавело языки. Отстающий Толян закричал сзади: «Парни, давайте отдохнем, прете, как паровозы». Не проглядывался тогда в худощавом парнишке будущий боевой капитан второго ранга, солидный мужик с орденами на груди. «Толь, ты же здесь бывал, скоро ли источник?» Это Федька пытается. «Точно не помню, но вроде через пару поворотов». Наконец-то слева в непрогляде таежном угляделась прорежина. Шли от дороги к источнику по напитанной водой шипящей под ногами траве. Труба с два кулака диаметром исчезает в мокрой почве, внутри меньшая, она-то и переполняется, изливая из себя целительную влагу. Пили, отдувались, снова припадали. Виталию ощущалось, будто вода заполнила внутри него все полости, поднялась до ноздрей, а пить все охота. «Виталь, пойдем, а то мы лопнем здесь, у меня уже некуда заливать», – Толик опять бодр и шустр. – «Сейчас». Силком оторвал себя от трубы Виталья, пошагал за друзьями, а на губах, нежно холодея кожу, долго шипели пузырьки газа и долго же губы, снова иссохшие от зноя, хранили объятия бесценного

дара земли. После водопития шагало бодрее. Толя шел по обочине, собирая какую-то ягоду. Виталий с Федором держались середины, там щебенка утрамбована колесами, оттого ногам легче ступалось. «Виталья, что у вас с Ольгой происходит?» — «Да ничего не происходит. Я тебя не спрашиваю, что у вас с Танькой происходит». — «Но Танька не рыдает в палатке, а Ольга уже два раза истерики закатывала. Отчего бы?» — «Федь, я не знаю, я ее не обижал». — «Вот как раз и обижаешь невниманием своим». — «Я что, должен упасть в ее объятия?» — «Ты в последнее время как бирюк ходишь, один все, один. Что с тобой, расскажи мне как другу. Вроде в школе ты девчонок вниманием не обделял?» — «Да я сам не пойму. Взрослею, наверное». — «Ну ладно, Виталь, а Ольгу ты все же не обижай». — «Хорошо, адвокат, обещаю. У тебя-то с Танечкой все на мази?» — «Куда там, она меня держит на расстоянии, очень коротком, но всё же расстоянии». — «А дальше как с ней думаешь? Мы же в Томск уедем, расстанетесь, забудется все». — «Наверное, я тоже не знаю, что дальше будет». И переключился на Толяна, вышедшего на дорогу: «Ты, следопыт хренов, таежник старый, не мог догадаться взять какую-нибудь посудину под воду».

Жажда снова терзала употелые организмы. Но все же дошли до деревни живыми. Загрузили рюкзаки продуктами, передохнули в тени магазина, там же подобрали дырявый бидон. Дырку заткнули щепкой и на обратном пути набрали минералочки. Обратно дошли вроде легче, хотя и с грузом.

Плавленным золотом стекали в низовья воды чистоструйной Терси, стекали в прошлое денечки незаботные. На последних уж из них беда едва не сомкнула те воды прозрачные над головой Виталия навовсе. В полукилометре от стоянки через реку мост деревянный из могучих бревен с настилом и перилами. Иногда парни ходили туда нырять с моста. Терсь неглубока — сотню метров пройдешь по грудь. А под мостом омут, глыбь. Купались в тот день около своего бивуака, играли в догоняшки, дурачились Федька, Толик, Виталий и Ольга. Толя предложил: «Парни, пойдемте с моста поныряем». Пошли, и Оля тоже.

«Прошлым летом, когда мы с отцом здесь рыбачили, я раз пять пробовал дно достать, дышалки не хватило, и вода у дна холодная. А давайте на спор, — Толя пыхает огнем без спички. —

Че, Виталья, поспорим?» — «На што?» — «Я нож свой охотничий ставлю, а ты часы. Идет?» — «Идет». «Федька, а ты будешь спорить?» — «Я в дурацких спорах не участвую». Толик не отстает. «Че, побздёхиваешь?» — «Да не хочу просто и вам не советую. Там на дне, говорят, коряги, запутаешься и останешься с русалками хоровады водить». «Федька у нас всегда логичен и рассудителен». — Ольга подковыривала. За разговором и пришли. От настила до воды метра три, с перил чуток повыше. Толя оговаривает правила: «У каждого по три попытки, в доказательство надо поднять что-нибудь со дна. Федь, ну ты будешь участвовать?» — «Сказал же, что на спор не буду, просто так нырну». — «Тогда ныряй первый». Федька встал на широкие перила, ушел вниз. Под мостом тень, и дно не проглядывалось. Все перегнулись через ограду, смотрели. Тело Федора недолго углядывалось, растворилось в тени и глуби. Вынырнул быстро, доплыл до берега, пришел к ним еще в неотдышке. «Ну, как там, страшно?» — Виталья насмешливо лыбился. «Не страшно, а холодно, а на дне точно коряги», — он говорил с остановками. «Бедненький Феденька, запыхался, устал», — Ольгу уже распирало ерничество: «Толя, ну-ка покажи, как надо нырять, ты же спор затеял». Он долго вдыхал-выдыхал на доске перил, нырнул, худое пацанье туловище, студенисто колыхаясь и размазываясь водой, уходило вниз. Дольше Федьки был под водой, но дно не достал, читалось сразу по его смущенному виду, когда поднялся на настил. «Чуть-чуть воздуху не хватило. Ничего, со второго раза точно достану». С первой попытки и Виталий не дотянулся до цели. Видел сквозь резь глазную темные очертания корневищ. Много до них, метра два осталось, а мозг заворачивал плоть назад. «Сколько же тут метров глубины, наверное, целый десяток», — думал Виталий, выгребая к берегу. В Ольге семейство бесов-квартирантов загуляло: «Слабаки вы, парни, и чего было тогда спорить? Виталик, ты же всегда хочешь быть первым. Давай, дерзай, вытащи со дна корягу, и ты навсегда останешься в нашей памяти первым парнем». Виталий хмуро, уже жалея о затеянном: «В памяти? Ты что, меня хоронишь?» Тень растерянности прочертила Олино лицо, но она быстро нашлась: «Ты, как всегда, играешь словами и сейчас прицепился. Мы школу кончили, разъедемся, разбредемся, только память и останется. И Танечке будет чем похвастаться». А это уже издевка. «Ольга, прекрати, ты с цепи сорва-

лась, что ли?» – Федька не выдержал, вернулся, уже было шагнул прочь. «Виталь, не слушай ты ее и вообще хватит дурацких споров, пошли в лагерь». – «Струсил, все струсил, и ты, Виталечка, первый. Понапускали пыли в глаза и взад пятки». У нее руки в бока, взгляд гневен и опалает Виталия. Обида, злость, самолюбие жгутом закрутили ему сознание, рывком вспрыгнул на перила, наспех хватанул воздуху поболее, Федькин вскрик: «Стой ты, дурак» – достиг уже в полете. Уходил вниз боком, сильными гребками преодолевая подводное течение. Как-то быстро из придонного мрака выступило скопление комлей, обросших водорослями и крытых слизью. «Да тут целое кладбище погибших деревьев. Быстро что-то я добрался сюда, так, сейчас ветку отломлю и назад». Чувства, буравившие душу наверху, нырнули глубже его, нету их, одна сосредоточенность. Ухватил скользкий отросток, согнул на излом, не ломается, гибок. «Попробую открутить». Лево взялся ниже по ветке, правой вправо-влево завертел ветку, по ней подтянулся ниже, азарт закружил его, внимания на окружающее не оставалось, а тут левая нога, скользяще изгибаясь, увалилась между коряг, дернул ее с присядом, и плугом по целине пропахало левую ягодицу чем-то гадючье-скользким и острым под плавками и снаружи. «Все, пора отселя тикать». А тикать-то и некуда оказалось. Рванулся на месте. «Да что там такое, за что зацепился?» Отгребаясь правой, извился влево, отводя голову от грозящих черных сучьев. Конец своего крючка на спине не увидел, а из-под плавков, растопыренный отростками, уходил вниз скелетной рукой, с руку же, сук. «Без паники, быстро думай. Плавки снять не смогу, вообще запутаюсь, назад вытащить тоже бесполезно, надо ниже ломать». Мысль только формировалась, а тело уже действовало. Дотянулся ниже себя до той погибельной ветки, сложил себя почти вдвое, рвал, крутил, мочалил ее, трещат оттопыренные плавки, муть со дна и слизь с коряг туманили воду, подтуманивало голову безвоздушие, круги в цвете поплыли по сетчатке. «Все, если прямо сейчас не порву, здесь останусь». Ветка размочалилась на пряди, он всунул правые пальцы в расщеп, ощущая их стальными крюками, дерганул с треском, разобрал половину, перехватился, закрутил остатки, еще рывок, и тело, ударяясь о хищно ждущие корневища, пошло наверх. Как он вытаскивал себя из холодной, могильной глубины с закушенной зубами губой, а легкие терзали горло, требуя воз-

87

духа, воздуха. И хлынул он с хрипящей болью, дурманы голову. Он вынырнул! Как сладок воздух! Отдышивался, сносаясь течением к мелководью. Сил едва хватило выбраться на горячую гальку в полусотне метров от моста и лечь на живот. Отломок ветки в плавках, как лом в спине, мешал идти, мешал дышать, но не до него сейчас. Хорошо! После глубинного холода такая нега – жарить пузо камнями, а спину солнышком. Глаза закрыты, болят от воды. «Я смог это сделать. Значит, не судьба мне утонуть». Резкие звуки вынудили открыть глаза, повернуть голову. Это обкатанный галечник тарахтел под ногами Ольги пулеметной тачанкой. Она таранила пространство у самой кромки воды, большие груди в упруго-бешеной пляске рассекали атмосферу. «Зря я тогда назвал ее козой, хотя это шутка была, нет, скорее она похожа на большую красивую антилопу. А титьки хорошие, без тряпки бы этой посмотреть их». Ну прямо колдун Виталий! Уж в подбеге, в паре-тройке метров от него, правая чаша лифчика не выдержала ритма раскачки и съехала вниз, оголяя длинновато торчащую белую дыньку с глазом соска темнее. Не заметила или не до этого. «Виталик, хороший ты мой, живой», – она присела на корточки, гладила лицо ладонями, а он смотрел на плод запретный, обнаженный. Взгляд его она проследила, улыбнулась: «Нравится? Ну смотри, можешь потрогать. Ты вот из-за этого застрял там? – мотнула головой в сторону его спины. «Ну да». – «Ты прости меня, глупую, пожалуйста. Я за тобой бегаю, а ты ноль внимания на меня, вот со злости я и наговорила черт-те што. И с памятью чуть не накаркала». – «Да ладно, Оль, все нормально». Юношеская печаль быстротечна, как воды Терси, Ольга уже повеселела: «Слушай, а может, на этот крючок русалка тебя ловила? Она красивая?» Поспешила укрыть грудь ситцевой нахлупочкой – набежали парни. Толик от волнения тараторил: «Виталь, что у тебя там стряслось? Сверху ни черта не видать. Мы уже хотели за тобой нырять, а тут и ты сам выплываешь». Увидел распластанный ниже спины злополучный сук, отходя от переживаний, уже со смешком: «Ты чего, хотел на своей ж... целый корень вытащить?» – «Балаболка, лучше помоги избавиться от этой занозы». Ольга тоже кинулась. Виталий застеснялся. «Оль, тут, поди, оголяться придется, ты лучше отвернись» – «Подумаешь, красна девица какая», – обиделась, отошла, села спиной. Федька с Толяном оперировали: тянули, крутили,

плавки скользили по ягодицам, было больно. «Черти, поосторожнее и плавки не порвите». — «У тебя там царапина здоровущая, прижечь бы надо. Виталья, ей-богу, захочешь, специально так не запутаешься. Как ты умудрился сорваться с такого крючка? — Федька рассматривал перекрученный темный отломыш. — Он твои плавки в вилку взял». — «Жить захочешь, сорвешься и не с такого». Посмотрел друг долго и внимательно, ни слова больше не сказал. В лагерь вернулись к ужину. Договорились никому не рассказывать о происшествии.

Все! Беспечальные деньки утекли к океану, влекомые спешащей Терсью с накинутым на всю ее ширь переливчатым золотым покрывалом солнечных бликов. Завтра хлопотунья «Заря» переместит их в город. А там иная, взрослая жизнь. Расставанье. Сегодня прощальный ужин, вещи уложены, горит большой костер, звенит щемяще Сашкина гитара, звенят призывно стаканы, наполненные вином и водкой. У Виталика смутно на душе, отчего — и сам не знает. Грусть ли по уходящему детству теснит грудь или что иное, а не мило веселье общее. Весь вечер ходил в одиночестве рубить сухой ель, бросил в кучу. Компания сидела у огня, брезент заставлен бутылками, закусками. «Виталья, иди сюда, хватит дрова таскать», — Толик крикнул. «Счас приду», — отошел к поваленной березе, сел, закурил. Здесь приобрел дурную привычку, но сейчас сигарета вроде помогала, успокаивала. Подошел Федька, уместился рядом, тоже задымил. Молчали, глядя на друзей у костра. Они сидели на меже, разделяющей мир света перед ними и страшного мрака тайги за спиной. «Виталий, я тебя вообще не узнаю в этом походе. Скажи мне, что все же с тобой происходит?» — «Не знаю сам, не пойму, чего ты меня пытаешь». — «Ты обиду не затаил за случай тот, на мосту?» — «А на что я должен обижаться?» — «Ну, не бросились тебя спасать». — «Ерунду городишь. Я прекрасно понимаю, что вы ничем не смогли бы мне помочь, там такие заросли, а вот остаться там точно кто-нибудь смог бы». — «Нет, ты правда не обижаешься?» — «Правда, правда». — «Снял груз с моей совести. Ты знаешь, как Ольга причесывала нас, когда мы поняли, что с тобой неладное что-то?» — «Все, Федя, забыли об этом. Иди

туда, Таня, поди, ждет». — «А тебя вон, посмотри, чьи глаза ждут». Он шел за Федором к центру света и веселья по лучику Олиного взгляда, укладывая пройденное в зрачки. Луч укоротился до вытянутой руки — она встретила стоя, с кружкой полной, в глазах хмель, но и участие, и еще нечто притаенное. «Ну, что бродишь, места не находишь? Я же вижу. На, лучше выпей». — «Что это?» — «Ерш». Хлобыстнул содержимое залпом, смесь водки и вина, теплая, сразу забунтовала в желудке, закурил, перебивая дымом тошноту. Хмель быстро и горячо закружил голову, томленье отступило. Сел на сухой обрубок, Оля рядом. «Закуси чем-нибудь», — и вскакивала, бежала к брезенту с навалом еды, принесла ломоть хлеба, сверху кусочки консервированной рыбки и бутылку вина. «На, поешь». — «А ты покорми меня», — его левая рука легла на плечо полное, рот распахнулся широко. «Насыщайтесь, сударь», — аккуратно записала бутерброд. Они сидели спинами к костру и компании, там градус выпитого повышался и повышался накал страстей — пелись уже флиртующие частушки. «Виталь, а ну их всех, они уже пьяные, пойдем с тобой в лес, вино у нас есть». — «А пить будем из горлышка?» — «Можно и из горлышка». — «Ну пошли». Он и не заметил, когда на небосводе появилась Луна. Прежде чем войти в чащобу, Виталья оглянулся. Свет Луны в соитии с костряным рождал фантастическую серебряно-багряную живую картину с движущимися полулежачими, сидячими фигурами людей. Резче очерченная луной, хмурая. Притворно неживая тайга надвинулась на пятнышко жизни, норовя сжать, поглотить, а то судорожно, как в предчувствии гибели, выбрасывало к небесам снопы искр, клубы дыма и звуков. «Прямо последний пир перед крахом мира. Или я уже такой пьяный, что мне так видится». Встряхнул головой Виталья и вклинился в треск сучьев, хлестанье веток по телу и лицу. Ольга впереди продиралась. «Куда идем, Оль?» — «За мной иди, тут поляночка маленькая есть». И впрямь, вскоре впереди поредело, густолесье посветлело, и он вышел на крохотную, пятачок метров в округе, проплешину в гребнеломной шевелюре тайги. Весь свет Луны изливался сюда, поляночка наполнилась тем светом до видимости отдельных травинки. Не виден костер, не слышны голоса. Оля стояла в центре полянки, смотрела на него. «Ну, как, нравится местечко?» — «Прелесть, и заметь, ко-

маров совсем нет». «Я ее уж с неделю как нашла, хорошо здесь. Открой бутылку». Он подошел, взял вино, на жестяной, охватывающей горлышко запечатке не было хвостика, зубами вскрыл, протянул Ольге. «На, пей первая». — «Мы почти на брудершафт пьем — сначала я, потом ты, потом целуемся». — «С превеликим удовольствием». Она отпила немного, Виталий тоже несколько глотков сделал, после ерша вино оказалось приятным. И впились губами в губы, зубами в зубы. Задохнулись, оторвались. Виталий подsunул правую руку под свитер, через лифчик гладил груди: «Оль, я ее тогда так и не потрогал». — «Подожди-ка», — отстранилась. Стянула через голову свитер, руки завела за спину, и лифчик полетел на траву тоже. «Ты видел одну, теперь смотри обе». Она стояла перед ним по пояс нагая, лицом к Луне, и в свету ночной Владычицы нежно серебрились ее лицо и тело. Страстно мямл Виталий пружинящие груди, целовал соски, губы, опять груди. Страсть и хмель раскаляли — левая рука заскользила ниже грудей, по животу, под резинку шаровар, в плавки, коснулась волос. Замерла. «Виталечка, я люблю тебя и буду твоей прямо сейчас, здесь, только скажи, ты женишься на мне! Не сейчас, потом, когда кончишь учебу», — шептали губы с дыханьем в губы. Сладострастие давило на гортань, губы, язык сказать «да», пересилил себя: «Не знаю, Оля, честно, не могу обещать». — «Спасибо, что честно. Все равно, я хочу, чтобы ты был моим первым мужчиной». Решительно отстранилась, шаровары испуганно спрыгнули с бедер, плавки — помедлив, словно стыдясь обнажать то, что скрывали. Ольга выпрямилась, руки завела за затылок, раскинула локти. «Смотри, Виталий, и запомни меня такой — молодой и красивой. Я нисколько не стесняюсь тебя». Луна не осуждала девушку, ласкала тело, обволакивала струистым, переливчатым покровом, словно готовя вознести над тайгой и ночью. Чарованный луной мир полянки диктовал свои законы. Виталий замедленно-медленно, держась взглядом за Олю, избавлялся от одежды, шагнул к ней, снова слились в поцелуе. Так стояли они, молодые, хмельные, бесстыжие боги, в таежной куще. Оторвал Виталий опухающие губы, нагнулся, под коленки ухватил полные ноги правой, она головой легла на левую, с усилием поднял и, приседая, опустил на благодарно принявшую траву. Дальше было блаженство слияния,

нежность и страсть взаимного обладания. Миг и вечность соединились. Вулканы изверглись, волны крови стилили разбег. Еще слиты телами и не вся нежность растрчена. А живот Олин конвульсивно сжался-разжался. «Виталь, пусти, пожалуйста, меня тошнит, сейчас вырвет», — и повалилась на бок, роняя с себя его, тело ее большое закорчилось в судорогах позывов и рвоты. Затихла. Расстроенная Луна зашторила лик толстым непросветным облаком, и тьма глыбой пала на поляну. Коварный алкоголь сразил богов, они уснули. Утренний холод спугивал сон, Виталий готов был проснуться, когда рука затрясла плечо: «Виталь, Виталь, вставай, собираться надо». Открыл глаза. Сидя на корточках, Толик теревил его, а глаза бильярдными шарами выпадают из глазниц, как из дырявых луз. Стыдно и холодно, кожа оцетинилась вздыбившимися волосками, одевался рывками. Толян пожирал глазами голую девушку, лежащую на боку, к ним спиной. «Не глазей, глазелки выпадут, и дуй, Толя, отсюда, а если брякнешь кому, что видел, башку оторву». Толик затрепал кустами в сторону лагеря. К Ольге подошел одетый, подобрал ее свитер, накинуд на бок и спину, потряс: «Оля, вставай, Оль, подъем». Проснулась, хрипло: «Отвернись». К лагерю шли, не глядя друг на друга. Там готовили завтрак, все хмуры, невеселы. Трудна оказалась дорога до пристани с похмелья да с грузом под немилосердным солнцем. Ожидаячи «Зарю», парни окунулись в реку, о прошедшем вечере никто ни слова. На реке, в неблизком пути к городу свежим ветерком выдуло похмельные хворости, и опять гитарные звуки и песни вились за суденышком звонким шлейфом.

Всю дорогу Виталий и Ольга, как по уговору, избегали встречаться даже глазами. Уже в городе, при расставании Оля подошла, открыто и добро глянула через зрачки прямо в душу: «Ты через год приедешь на встречу?» — «Постараюсь». А ведь мог Виталий хотя бы до отъезда встречаться с ней, повторить близость, чувствовал ее желание. Не стал, мыслями был уже в Томске. Днями они уехали, не провожала.

Через год на встречу одноклассников не приехал Виталий, он строил город на Севере в составе всесоюзного студенческого стройотряда. Федька был, рассказывал, что Оля спрашивала о нем. Лет через пятнадцать встретились у одноклассницы не все бывшие в походе, Ольга приехала. Выпили, вспоминали. Виталий танце-

вал с ней, слегка целовались, слегка обжимались. Он женат, она свободна, но продолжения романа опять не последовало. Еще лет через двадцать засвербило Виталию найти одноклассников. Кто жив? Кого искать? Федька давно живет в другой стране, Толя умер от болезней и ран, кто-то уехал, девчонки поменяли фамилии. Но Ольгу нашел. Сначала узнал рабочий телефон. «Оля?» — «Да, я, а кто спрашивает?» — «Виталий, твой одноклассник» — «Виталий!» — «Он самый». — «Не может быть, мы тебя похоронили». — «Как это?» — «А вот так, некролог был в газете». — «Что, все совпадает?» — «Да, и фамилия, и отчество». — «Значит, долго жить буду». В общем, поговорили. Потом звонил еще. Слышать была рада, а от встречи всячески отговаривалась. Нагрязнул нежданно, адрес узнал, она жила там же, что и 35 лет назад. Дверь, звонок. Открыла низенькая жен... нет, бабушка, нет-нет, все же женщина в очках. Были и слезы, и поцелуи, и старые фото. Понял Виталий, почему не хотела Ольга видеть его у себя. Невыносимо ей осознание того, что она предстала перед ним старой, больной и нищей учительницей. Слишком давно они не виделись и слишком резкий контраст с той молодой, веселой девушкой, какой он ее знал. Помянули одноклассников, покинувших земную юдоль, слишком многих. Стал он откланиваться. У порога сняла очки, глянула озорно, глазами юности: «Помнишь ли, что я тебе сказала в ту ночь?» — «Да, никогда не забывал». — «Повтори». — «Смотри, Виталий, и запомни меня такой — молодой и красивой». — «Спасибо, что не забыл. Я тебе всю жизнь благодарна за ту полянку с Луной».

БАНТ В ЛУНЕ

Строчка, на коей лежал взгляд, плавно, в полном составе, поднялась над листом, оставляя белую прореху в шеренге сестричек, загнулась мышинным хвостиком вправо, потянулась по взглядовому лучу вверх, втягивая слова и отдельные буквы в разбухающую точку, к правому глазу, ускоряя бег. Сережка потряс головой — зачитался совсем, аж в сон поклонило. Надо отдохнуть. Встал от стола, посмотрел за окно. Привычная картина: палисадник с редкими деревцами, затем дорога, опять бараки, поднимаются в холмы.

Сейчас сентябрь в половине пути, предвечерье — дивное время, когда дневной свет густеет, вбирая тихо крадущуюся темноту и все слегка

осеребрено бледной еще, не налитой Луной. «Пойти погулять, что ли? Мама еще не скоро придет». Вышел из подъезда — никого, прошел к торцовому, тоже пусто. «Куда все подевались, вроде не холодно по домам сидеть? Пойду до двадцать пятого прошвырнусь» — и сразу мылишка юркнула: «Может, Томку увижу». Прошел пустырь, чуть с подъемом на дорогу. «Точно, там все пацаны». Двадцать пятый — длиннющий двухподъездный барак, этот подъезд — к дороге, вроде парадного. Горит лампочка над столом, за ним азартные лотошники, вокруг мелюзга и молодежь. «Здесь Томочка». С неделю, может, назад гуляли с ней, завлек он ее в тамбур другого барака, целовались, до титек добрался. Ох, сдобные булки! С Котовыми они сколько лет прожили в этом самом бараке, и двери почти напротив, это года два назад он с матушкой и братом переехали из одной комнаты в роскошь двух нынешнего жительства. Отец Томкин, дядя Вася — инвалид войны, майор запаса с орденом Ленина. Арбуз пуза меж костылей и отсутствие ходильной конечности не помешали ему «настрогать» четверых детей, Томка из которых предпоследняя. Была девчуха-соплюха. А в восьмом классе таким завлекательным бутонем распустилась. Черно-быстроглазая, полненькая, лямки школьного сарафана параллельно земле огибали пышную грудь, а белые банты в коротких жестких косичках задорно подпрыгивали при ходьбе.

«Привет всем, привет, Том». — «Привет, чего-то тебя не видать совсем, заучился». — «Ну да, дела, заботы, учеба». — «Деловой весь такой». — «Да не, правда, занят был. Пойдем, погуляем?» — «Ну пойдем». Вдоль дороги от барака к следующему настелен дощатый тротуар, рядышком пошли. «Серый, ты еще подойдешь, побазарить кой о чем надо», — Сашка, друг, вслед спросил. «Потом, Саня, не сейчас». Темнота уже заметно подавляла свет дня, и холодало, полно видимая теперь строгая большая Луна выплыла в ночной дозор, в ее обнажающем до злой резкости серебряно-желтушечном свете Тома зябко поежила плечами: «Холодно, кавалер». Как хорошо, что рубашку теплую надел — мужественно Сергей стянул свитер, накинул на полные плечи, они благодарно прижались. «Том, пошли, где тогда сидели». — «Замерзнем сидеть». — «Че мы замерзнем, я тебя греть буду». — «Ладно, идем, грельщик. Вот я сказанула. А как правильно, гретель?» — «Согреватель, а может,

согревальщик». — «Ну, ве́ди, согреватель, сам бы не околел в рубашке». — «Я сорт морозоустойчивый». Им пришлось свернуть с тротуара, барак, цель пути, штукатуренный и беленный, в отличие от бревенчатых собратьев, стоял отшибно. Их влекло туда наличие тамбура с задверным уголком и лавка, малонаселенность — тоже не лишний довод. Никого не встретили, на лавке ужались к самой стене. Сразу начали с поцелуев. Входная барачная дверь открыта, там, на улице, осветительно-ракетным заливом высвечены, как блокаузы, вжавшиеся в землю бараки, и шеренга придорожных топольков видится понурыми, плененными солдатами. За порог, к ним, в укромность тамбура доплескивается рассеянное, разжиженное тьмой отсвечивание лунное, едва высветляя затылок Тома, а ниже — мутные пятнышки бантиков. Не умеет Серега целоваться, не было практических занятий, Тома обучала, видно, была практика. Приятное обучение, он быстро освоил ее губы, вспомнил прошлую встречу. Кровь, ускоряя бег по сосудам, смелила руки, и вскоре он вовсю шуровал в лифчике. «У тебя руки холоднющие». — «Вот я их и грею здесь». Вытащил из лифчиковаго плена сначала одну, мало показало. И вторую грудь, мял их, целовал, сдавливал, Томка ерошила мягкие Серегины волосы. В крови уже полыхал незаливной пожарище страсти. Кровяной огонь толкал руки под юбку — гладить тугие ляжки — и дальше, в трусы. Они настырные, правая достигла своего — сжала лобок в густых зарослях непокорных волос, горячий, манящий. А дальше стоп. Не пускали сжатые ноги, не пробиться. Зубы Томкины игриво-насмешливо прикусили его ухо, шепнула, щеко́ча: «Туда нельзя». Нет, так ничего не добиться. Надо к себе позвать, пока мамка на работе. Убрал руку, джентльменски оправил юбку: «Тома, пойдем ко мне, мать на работе, еще не скоро придет. Посидим, а то я замерз совсем». — «А ты больше не будешь лезть куда не положено?» — «Ни в жисть». — «А как пойдем, вдруг соседи увидят?» — «Давай, я один домой зайду, а тебя в окошко впущу». — «По окнам лазить?» — «Ну, чего такого, я открою, ты подойдешь и быстренько залезешь, там же невысоко». — «Ладно». — «Ну, я пошел». — «Иди, только побыстрее». Как разведчик по тылам вражьи́м, шел Сергей к дому. «Только бы мамка раньше не пришла». Не спеша, умерь шаг, Сережа, быстрым ходом больше обратишь на себя внима-

97

ния. Открыл дверь, темно, да вовсе нет, Луна захватила правую половину окна, выше шторки, воззрилась сурово, осуждающе. Мертвяще светит, предметы и вещи видятся незнакомо, одна кровать слева в углу, у окна, выпадала из лунного охвата, пряталась, затененная. Не зажигая электричество, разувшись, прошел к окну, отдернул штору, приоткрыл створку, Тома уже стояла у стены. «Давай быстрее». — «Помоги». Встала на завалинку, узкая юбка мешала поднять ногу на подоконник. Сергей помогал, за руку поднимал. Девичья фигура в окне на краткий миг заслонила Луну, отемняя комнату, Тома шагнула с окна на стул. Луна высвобождалась из заслона, косичка с белым капроновым бантом качнулась, бантик наложился на большой глобус Луны, вспыхнул слепящей белой звездочкой, ожгя глаза Сергею режущей болью. «Надо же, как бывает». «Туфли отнеси к порогу» — а он стоял. Стиснув веки, перемогал боль и ослепление: «Счас, Том, подожди, я ничего не вижу». — «С чего это ты ослеп, вроде светло, Луна светит?» — «Вот именно, что Луна». Резь проходила, он отнес ее белые модные «лодочки». Вернулся и потянул за руку со стула. «Ты сказал, не будешь приставать». — «Пристают корабли к причалам и хулиганы на улице к прохожим, я просто хочу лежать тебя целовать». Против такого довода разве возразишь? На койке сразу начал ее раздевать, снял кофту, а лифчик не поддавался — мелкие пуговицы. «Дай, я сама». Вот и пойми этих женщин — то не лезь, а то сама. Рейтузы с резинками округ каждой ноги сдирал, стоя на коленях, свои брюки не желали покидать тело, цеплялись за каждый выступ конечностей.

Реальность слаще снов, полнее эфемерных ночных видений. Но краток миг наслаждения, ожидание длиннее обладания. И полны оба уже смущения, торопко одеваются. Сидят, молчат, она на стуле, он на койке. «Ну, я пойду». — «Да, надо, а то мать скоро придет». — «Мне опять через окошко?» — «Лучше, конечно». Затворил за Томкой окно, прошел, включил свет, сел на стул, где вот только она сидела, первая его женщина в близости. О чем думал? Ничего возвышенного. Плоть гордилась собой, сердце и душа молчали. Если не принимать в расчет девичье жеманство, то ясно, что она хотела близости с ним.

«Что я сижу, сейчас мама придет, надо кровать прибрать». И увидел бант, тот, силой Луны превращенный в слепящую звезду, лежал у кой-

ки и чуть под ней. «Улика. В окно выкинуть? Нет, мамка может увидеть. В этажерку спрячу». Засунул за книги, походил немного, поправил одеяло на кровати. «Нет, не годится, тоже может попасть на глаза. Во, в печку». Корка золы дышала жаром, поворошил кочергой, снизу багрово, в синем ореоле, засветились угли, бросил на них, бантик обидчивым треском закорчился, загорелся скрученным пламенем, чадя сильно.

К встречам с Томкой не стремился Сергей. Мельком пару раз виделись, разговаривать не пришлось. В общем-то и занят был плотно. Новая школа, учеба, факультативы, библиотеки, спортивная секция. Может, с полмесяца минуло, но еще не лег снег. В первой от входа квар... эх ручка, ручка и рука вместе с ней, чего такое выводите? Комнатешка с коробушку спичечную — вот такая квартира. Ну ладно, в первой от входа комнатешке проживала тетя Надя — дворничиха. Рассказывали, в детстве или юности, кто знает ее года, угодила в потоке беженцев под немецкую бомбежку, повредила умом от пережитого. Живет одна, метет улицу, предбарахный двор, убирает общественные туалеты и мусорные ящики. Низенькая, мужиковатая, покупает про запас мыло и сахар, не часто, но крепко «поддает». Гуляли у ней, шумно. С песнями. Под вечер возвращался Сергей и у подъездного крылечка столкнулся с четой Котовых. Тетя Нина сторожит движения мужа, дядя Вася пьян и весел, костыли пишат узоры по земле. Но не падает, Томка рядом, пришла проводить родителей до дому. «Здоров, Серега». — «Здрасьте». — «Как жизнь молодая?» — «Нормально». — «Ну что за нормально, скуповат ты на слова, обскажи подробнее». — «Чего говорить, живу, учусь, все хорошо, дядь Вася». — «В зятя пойдешь ко мне? Смотри, какая Томка красавица стала». Сержку пальнуло жаром: «Неужто знает?» — «Рано мне еще, учиться надо». — «Папа, ну чего ты к Сержке пристал, пошли давай». — «Ну, учись, учись. Ты молодец, не забуду, как летом тарахтелку мою откапывал. А насчет рано, если женильный агрегат вырос, то как раз и пора девок портить». «Ну, че буровит, че буровит, напился, так пошли домой», — жена подталкивала говорливого мужа. С хохотом ветеран двинулся под конвоем жены и дочери. Но Томка долго не прошла с ними: «Мама, ты доведи отца, а я у тети Нади ночью, она в дымину пья-

ная, что-нибудь спалит по пьянке». Серега на крыльце слышал ее слова, громкие. «Ты Сержку возьми с собой в сидельцы, он поможет тебе ночь скоротать», — дядю Васю не оставляло хмельное веселье. «Значит, она сегодня ночует у тети Нади». Желание проснулось мгновенно. Хлопнула входная дверь, он в тамбуре, вот и она, рядом. Прижалась жарко: «Вредина. Ох, и вредина. Ты что, не хочешь меня больше видеть?» — «Некогда было, замотался, еще в город, в клуб езжу». — «Ты слышал, я у тети Нади ночью, охранять буду ее, приходи попозже. Придешь?» — «Приду. Слушай. Отец твой так говорит, как будто что-то знает, никто тебя не видел тогда?» — «Да нет, это он так, по пьянке болтает. А вообще он давно говорит, что хочет, чтобы ты на мне женился, а ты-то как на это смотришь?» — «Что сейчас об этом говорить, мне еще учиться и учиться». — «Ну ладно, кто-то идет, побежала я, жду».

Вечер тянулся неторопко, наконец стемнело. Барак по-осеннему рано уgomонялся. Сергей дома один, мать в отпуске и уехала провести родню. Пора. Свет щелк, дверь закрыл, сердце бултыхается с отдачей в руки, еле попал ключом в прорезь замка. Две маловаттные лампочки по краям коридора, недосвет, но можно увидеть, что Сергей в рубашке и тапках комнатных, быстрее, полубегом к двери заветной, тихонько тра-та-ногтями пальцев. Дверь сразу вполновину открылась в коридор, тестом из квашни вываливая мрак. Как темно, шторы, наверное, задернуты. Вошел в неуступчивую темноту, словно в тугую воду, толкая ее грудью. Дверь за ним скрежетнула замком, совсем глухая тьма, она и легла ему девичьими руками сзади на плечи: «Сережа. Я так по тебе соскучилась». Руки из темноты первородной подсунулись под рубаху, гладили грудь, живот и ниже...

Любились на узком диванчике в метре от пьяной тетки Нади и под канонадный грохот храпа со всхлипами. К себе возвратился Серега за полночь и досуха выжатый.

Внутренне что-то препятствовало Сергею встречам дальнейшим, да и виделись редко, потом уехал учиться в другой город.

В семидесятые годы бараки пошли на слом, пустырь зарос деревцами. Позже Сергей приезжал сюда, стоял на месте, где прошло детство, началась юность, вспоминал, думал. С войны люди жили здесь, какие страсти кипели, сколько трагедий разыгралось, а сколько родилось и

умерло народу. Куда ушло все, куда кануло или хранится в небесных хранилищах? Тихо, пусто, листы молодых тополей, не тех уже, из шеренги пленных солдат, шепчутся о своем.

В другом районе в одном многоквартирном доме жили многие бывшие соседи по прежнему барачному жильству. Сергей с мамой занимали одну большую комнату, другую общей квартиры – тетя Дуся. Однажды провести родственницу приехала постаревшая тетя Нина, а с ней... Томка. Надо же было так случиться: у Сергея обреталась в длительном гостевании с переходом в постоянное проживание очередная пассия. А тут гости, бывшие много лет соседями. Почти родня, давно не виделись. Собрали общий стол у тети Дуси, гуляли, мама и тетя Нина, подвыпив, плакали и пели. Сергей вышел на кухню покурить, Тома, вроде невзначай, следом. Молодая женщина, полновата, но хороша. Отголоски былого огня взогрели кровь: «Тома, ты помнишь?» – «Конечно». – «Повторим?» – «А как же твоя подруга?» – «Уладим». Выпивка кончилась, и это стало поводом отправить женщин за добавкой. Мама, тетя Нина и Зоя ушли. Томка отговорила чем-то. Тетя Дуся в своей комнате пела матерные частушки. Не так все было, как девять лет назад. Хотя диван присутствовал, но шире. Тогда они были юны,

неискушенны, сейчас оба в разводе, обкатаны жизнью, как камни-голыши быстротекущей водой. Оба понимали, что близость сейчас – это попытка хоть на миг вернуть беззаботную юность, а больше просто удовлетворение плоти. Грустно, а закончилось все и вовсе скверно. Дамы вернулись, но застолье скомкалось. Искушенная Зоя, подруга временная, что-то заподозрила, отдернула покрывало на диване, мокрое пятно – улика неопровергаемая. Скандал! Зоя дверью хлоп, ушла, Тома тихо, без хлопа тоже удалилась.

Еще пяток лет минуло. Проходил Сергей врачебную комиссию на вождение автомобиля, посещение психбольницы при этом обязательно. В коридоре глаз в глаз с Витькой Котовым встретился, он с детства пациент сего заведения. Грузный мужик с бесами в глазах. Здорово, здорово! Как дела? А твои? Как родители? Умерли дядя Вася и тетя Нина. А Томка? Замужем, в другом городе, недалеко, родила дочь. Увидишь, передавай привет. Ну, бывай. Бывай.

Разворошила встреча воспоминания. Целый день уходил мыслями в барачное детство. Несмотря на все трудности быта, счастливое было время. И Тamarу вспоминал благодарно. Первая в жизни женщина. Она и Луна, обе в окне, разве такое забудешь!

Декабрь, 2006

**Валентина
ЕФИМОВСКАЯ**

**Я ЖИЛА
ДО РОЖДЕНЬЯ**

НА СМОЛЕНСКОМ

Кóлокола звоны – как поклоны
На четыре стороны Руси,
Каркают на кладбище вороны
Жутко так, что Господи спаси...

Канули, как малых рыбок стаи,
На рассвете звезды в глубь небес.
Хвоя меж могильными крестами
Двух тропинок выстилает крест.

На запруде ряски плат багровый
Ветром порван – дыры не зашьешь,
Добрая б юродивой обнова,
Да вот как блаженную найдешь?

Говорят, она ходила где-то,
Забрела недавно и сюда, –
И в ледок ее босого следа
Вмерзла рыбкой золотой звезда.

В УСАДЬБЕ

Каменеющих терний сплетенье,
Колоннады разомкнутый круг.
На пустом постаменте – сраженье
По-кладбищенски смелых пичуг.

Прикоснусь я к развалинам крадьмо,
Осеню троеперстным крестом
Дорогие останки усадьбы,
Сквозняками пронизанный дом.

Все у Господа мы приживалы,
Но скорбим, если рушится кров.
А когда-то гремели здесь балы,
И стихи воспевали любовь.

Здесь дарили иконам алмазы,
Сберегали во все времена,
Как сокровища, – нянюшек сказы
И портреты отцов в орденах.

И сильны были, имя имея,
Вырастая из отчей земли,
Бастиионы России – имения...
Не смогли устоять, не смогли...

Не вернуть нам бывшее с погоста.
Смерть лишь памятью можно поправить,
А врагов – лишь прощеньем. Не просто...
Но иначе – Руси не бывать.

Ефимовская Валентина – поэт, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Родная Ладога», автор поэтических сборников «Долгий свет», «Приют для души», «Третий путь», печаталась в журналах «Москва», «Нева», «Воин России», газете «Российский писатель» и многих других изданиях, член Союза писателей России, живет в Санкт-Петербурге.

РУССКАЯ КРАСАВИЦА

Русская баба дородная,
Пшеничная, огородная,
Стыдливая, сынородная,
Крещеная, крестноходная,
Испытанная нуждою,
Победою и бедою,
Русь омрачишь, став худою.
Хрупкую, словно осень,
Легче сломить и бросить.
Врут чужеземцы советами –
Посты заменить диетами.
Не внемли этой нелепости –
Держись в первородной крепости.
Не обнажай на судилище
Душу – любви вместилище:
Покуда ты ею красива,
Тьме не объять Россию!

ДОМ С АНГЕЛОМ

С мамою и я жила в блокаде...
Кто сказал, что не было меня,
Если жизнь в блокадном Ленинграде
С первого запомнила я дня.

Были клены небывало алы,
В худобе болезной тополь наг,
И Петра десница простирала
Предостереженья явный знак.

Зла не ждали голуби и розы,
Золотом переливалась тень.
В городе бомбежки и морозы
Грянули в один и тот же день.

Замело, завьюжило, завывало.
Помню, как Неву теснили льды.
Вкуса не забуду до могилы –
Невской замерзающей воды.

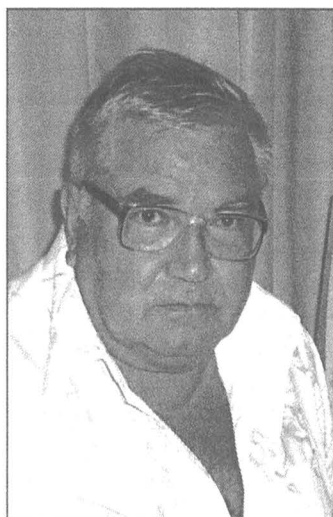
Той воды, которую в бидоне
Матушка моя с трудом несла.
Ангел на ее старинном доме
Каменно простер свои крыла:

На нее, еще девчушку, глядя,
Ей безмолвно прочил райский свет...
До рожденья в мирном Ленинграде
Я жила в аду блокадных лет.

Дмитрий
ГЛАЗОВ

КУПАНИЕ
КРАСНОГО КОНЯ...

КУПАНИЕ
КРАСНОГО КОНЯ...

Альбом... Учитель рисования...
«Ночное», и на злобу дня
«Купание красного коня»...

— Прости! Живем уже на грани...
И каждым словом можно ранить...
Врачи... Тревоги перезвоны,
И пульс за сотню...
Не унять
И не принять
Твои резоны...

Букет бенгальского огня,
В дворах потерянные тени,
И в памятник застывший гений,
И ложка в баночке с вареньем...
Неужто будет без меня?..

...А помнишь, это уже было...
И нам луна с тобой светила,
Мурлыкал кот...
Хромой Аттила
Пугал на улице детей
Бренча медалями тех дней...

И в дымке замирал просёлок,
И на пеньке сиял опёнок,
И полная груздей корзина,
И бурундук...
А под озимые
Уже пахал за лесом трактор...

Конвой шёл Мариинским Трактором,
С пожитками ползла телега,
А на привал жбаны с ухой
Вёз из ночного верховой...

Лес замер... В ожидании снега
Линяли зайцы...
И от лис
Спасались бегом...

Подрались
Юнцы на перемене в школе...

...В стогах за полем на соломе
Кричала женщина в истоме...

Луна скользила в окоём —
То было счастье: мы — вдвоём...

Альбом ... Учитель рисования...
«Ночное», и на радость дня
«Купание красного коня»...

БОСЫЕ СТОПЫ ЯНВАРЯ...

Ложась в холодные постели,
Дыханьем согреваю я
В прожилках вен
Твоих астений
Босые стопы...
Января...

Твоей любви нагие руки,
Ланит божественных укор...

— Давай мы завтра манго купим!
— Давай уедем за Босфор!..
За Китеж, Нарву, за Очаков,
Ну, пусть, за Люберцы и Брест...

Ты в чемодан сложила платья,
Сказав, что много в мире есть
Согретых Богом тёплых мест...

— Как знать, там тесно...
Может, скучно...
И мы, поверь, не тех элит,
Которым о щенках и случке
Бармен по-шведски говорит...

— Прости, но нам копить на старость
Солёным потом и трудом...
Со мной... хотелось и...
Мечталось?
Тогда и... кошка...
На... потом...

...Пока живём в микрорайоне,
Где очень старое жильё...
И я дышу в твои ладони,
И грею уютгом бельё...

На улице фонтан из пара,
Рвёт магистраль...
Здесь жизнь — не мёд...

В горшках
Калину в печке парим,
В бачке ковшом ломаем лёд...

Стекло в узорах
Над постелью...
— Сними носки, согрею я
Босые стопы...

...А за стенкой
Метель,
Подружка
Января...

**МАЙ МЕСЯЦ. ТОТ БОЛЬШОЙ
ДИВАН...**

Май месяц. Тот большой диван...
С субботы брошенный баян,
Кровинки, слёзы, простыня.
И ты, влюбленная...
В меня?..

Букет сирени на окне,
Комод как парусник
Во сне,
На дверцах
Солнце заиграло
Нам скерцо...
Мы — под одеялом...

Кровать в родительской квартире...
Над ней «Турецкий флот в Измире»,
«Девятый вал»...
Ритмичный стук...
Роман французский
«Милый друг»...
И я, законный твой супруг...

Когда-то ты нас всех, мужчин,
Ещё полюбишь...

Мой — зачин,
Мальчишка, девственность, вино...
Вчера?
Сегодня?
Всё одно!

Май — лучший месяц!

Наш диван...
На нём я был от счастья пьян...
Познав друг друга, в ту весну
Мы вместе отошли ко сну...
А утром к первому лучу
Тянулись:
— Я...
— Тебя...
Хочу...

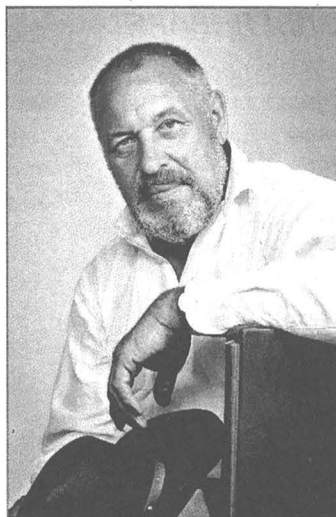
.....
Пел репродуктор
Анну Веске...

А ветер хлопал занавески!..
.....

Уважаемый Александр Михайлович, поздравляем Вас с 65-летним юбилеем! Желаем крепкого здоровья и рады, как и прежде, видеть Вас автором журнала!

Александр ЯРОЩУК

Рассказы

СУДЬБА

Галина Васильевна вошла в кабинет Панова без стука. Тот сидел, облокотившись на стол и обхватив голову руками, словно при зубной боли.

— Что с вами, Василий Данилович?

Панов поднял голову, откинулся в кресле и с горечью произнёс:

— Вот всё мечтал, что наступят времена, когда не будет ни прогулов, ни медвытрезвителей. Целый месяц продержались, и на тебе — мастер Рогов прогулял. А у него уже было последнее «китайское» предупреждение. Выход один: увольнять за прогулы. А ведь жалко — умнейший человек, золотые руки!

— У меня в лаборатории тоже прогул. Самсонова.

— Опять Самсонова? Увольнять и никаких разговоров! Вы только посмотрите на её дело. — Панов вынул пухлую красную папку — в цехе её все знали как досье «Мюллера» — и достал нужные листы. — Пять прогулов за год! Всё, Галина Васильевна, больше меня не уговорите, и даже не пытайтесь.

— У неё пятилетний ребёнок на руках, и сирота к тому же. Выгоним — сопьётся, и что будет с сынишкой?

— Нет, нет и нет. Будьте любезны, мне на стол докладную и объяснительную.

Галина Васильевна покинула кабинет.

Ярощук Александр Михайлович родился в 1943 году в селе Шишино Топкинского района. Окончил высшее учебное заведение. Химик по образованию. Долгое время работал на «Азоте» начальником цеха, впоследствии был избран председателем обкома профсоюзов химиков.

Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Автор трёх книг прозы. Живёт в Кемерове.

К концу дня все нужные бумаги лежали перед Пановым. Он так-таки докопался до истинных причин прогула. Пьянка! Опять пьянка. Оказывается, Самсонова и Рогов встретились на турбазе и пили в его номере, пока не кончились деньги у обоих.

Панов отодвинул документы, прочёл ещё раз решение цехкома. Да, есть согласие на увольнение обоих, и стал писать приказ по комбинату. Но вот перо словно споткнулось: неожиданная мысль пришла в голову. Сначала он рассмеялся, помахал рукой перед лицом, то ли прогоняя муху, то ли какое-то видение. Отложил ручку, надолго задумался.

— Галину Васильевну ко мне! — вдруг потребовал нетерпеливо и громко. Табельщица от неожиданности вздрогнула и схватила телефон.

— Галина Васильевна, вот что меня осенило: а не поженить ли их. Раз были вместе, значит, безразличны, близки друг другу?

— Вы шутите? — Та от удивления на мгновение опешила.

— Серьёзен, как никогда. Созрело не на пустом месте. На работе он старателен, что ни поручи, можно не проверять. А в быту никакой заботушки. Вот будет семья, и всё изменится. А вдруг получится, как в математике, минус на минус при умножении даёт плюс.

— В конце концов это безнравственно.

— А выкинуть с работы это, конечно, нравственно. А её, мать-одиночку, вышвырнут и из общежития в два счёта.

— Ну, положим, она согласится, а вот он нет, — Галина Васильевна осторожно входила в роль свахи.

— Это почему нет?

— Вы здесь не так давно и его мало знаете. Он женоненавистник. Закоренелый холостяк. В свои сорок два года у него не было ни одной попытки жениться, как ни старались наши женщины.

— Это мы ещё посмотрим. Вы убеждайте Самсонову, чтоб ещё не вздумала отказать жениху, а я поработаю с Роговым.

— Ну что, Рогов, приплыли? — И Панов придвинул стопку бумаг с объяснительными по поводу прогулов.

Тот опустил голову, склонился над столом и стал совсем маленьким, жалким и убогим.

— У тебя, Рогов, есть два выхода: один — увольнение за систематические прогулы, а другой...

Рогов поднял голову и в его глазах блеснул слабый лучик надежды.

— Ты женишься!

От услышанного, казалось, глаза Рогова прыгнули на лоб.

— И женишься... на Самсоновой! — решительно и жёстко, как приговор суда, отчеканил начальник. — Ты спал с ней три дня, это весь цех знает, опозорил женщину, а теперь в кусты? И имей в виду следующее: вместе с тобой уволю и Самсонову, у меня уже готов проект приказа. Ты-то выживешь, ты мужик. А что будет с ней? В первую очередь её вышибут из общежития. И куда ей податься с ребёнком?

— Так кто же в такие минуты думает, — обречённо оправдывался тот.

— А ты сейчас, сейчас подумай о её судьбе и о судьбе ребёнка. Даю вам два дня на раздумье. Решайте. Свободен.

В установленный срок к начальнику зашли прогульщики и положили на стол приглашение на свадьбу.

Свадьба была скромная, но весёлая, и состоялась в большом доме родителей Рогова. Со стороны невесты в роли посажёных родителей восседали Панов и Галина Васильевна.

И весь вечер Панова мучил вопрос: а не безнравственно ли всё это.

Прошло два года, и на стол начальника легло приглашение на крестины народившегося сына Рогова.

И тут Панов вспомнил, что с тех пор не получал ни одного сигнала о пьянстве молодых.

Через несколько лет цех хоронил Самсонову, скоропостижно скончавшуюся от внезапной болезни. Безутешно плакал над могилой Рогов, провожая в последний путь жену.

До Панова доходили слухи, что Рогов заменил сыновьям мать, трогательно и бережно занимаясь их воспитанием.

Теперь Панов знал: всё сделал правильно. Очевидно, это и была их судьба.

ГЕРАКЛ

Дверь распахнулась, и в кабинет начальника цеха ввалился мужик, обнажённый по пояс. Руки и грудь украшены густой синевой наколок. Лицо перекошено от возбуждения. С порога заорал:

— Я пришёл тебя убивать!

— Может, огласишь приговор? Я же должен знать, за что. — Панов встал из-за стола. Визитёра он знал хорошо. Это был местный уголовный авторитет по кличке Геракл, прозванный так за высокий рост и беспредельную наглость. Да и имя подходящее — Герман.

— Опять нет воды! Нечем помыться после смены! Сколько можно это блядство терпеть! — бушевал Геракл.

— За воду отвечает начальник смены. Все вопросы к нему, — пытался спокойно урезонить борца за справедливость Панов.

— В гробу я вас всех видел! — понеслось в ответ вперемешку с крутыми матюгами.

Посетитель всё более и более распалял себя. Он шарил по груди, ища несуществующую рубашку, готовый начать рвать её.

— Сидишь в галстук, в белой рубашке, попииваешь минералку, а мы в смоле, в грязи, и нет до нас тебе никакого дела!

Не найдя применения своим рукам, вне себя от охватившей его ярости, а больше всего от хладнокровия Панова, сорвал с вешалки его плащ и бросил на стол. Начальник понял, что Геракл уже не блефует, он опасен. Панов знал этот «контингент», и за годы работы руководителем цеха вести себя с ними научился. Ситуацию нужно было переломить немедленно.

— Спокойно, спокойно. Сейчас всё разрешим, — и начальник, пройдя стремительно через огромный кабинет, запер дверь на замок. — Вот, Герман, смотри: ключи от кабинета. Отсюда выйдет только один из нас — тот, кто останется в живых. — Он кинул на стол связку ключей. Оголился под стать гостю, аккуратно убрав вещи в шкаф.

Поворот сюжета выбил посетителя из роли. Он попятился к двери, сразу онемев. В смятение его привёл даже не мощный торс начальника и внушительные бицепсы, а решительность Панова, с которой он ещё не сталкивался.

— Ну, поехали... — И начальник, подняв кулаки, двинулся на Геракла. Тот попятился. Шеф за ним. Гость припустил вокруг стола.

— Стой! Мне тебя не догнать. Уж больно ты рысист, — на третьем круге признался Панов. Он взял ключи и открыл дверь кабинета.

— Трус! Пшёл вон! И вот ещё. Если хоть раз впредь откроешь свой хавальник, я расскажу мужикам, как ты нарезал круги вокруг моего стола. Не простят. И опустят ниже лотковой канализации.

— Шеф, только не это! Прости — психанул. Падлой буду, больше не повторится. Всё сделаю, что скажешь.

— А ну, вали!

Пробегая по коридору мимо испуганной табельщицы, Геракл прошипел: «Зверюга!»

Панов пытался одеться, но пуговицы на рубашке не подчинялись. Тогда он сел и закурил. Его всё ещё лихорадило, а сердце колотилось паровым молотом.

Оправдывающийся начальник смены предложил:

— Может, уволим Геракла?

— За что? У тебя есть к нему замечания по работе? Нет. Работу знает? Знает. А представь его безработным. Опять возьмётся за старое, как бывший профессиональный вор. А где гарантия, что он не обчистит в первую очередь твою и мою квартиры? Да таких надо поощрять почаще, чем других.

Он только успевал кивать в знак согласия с доводами шефа. И когда тот произнёс: «А вот тебя накажу, и самым жестким образом. Чтoб через полчаса у меня на столе лежала объяснительная, почему не обеспечил людей водой. И это будет справедливо! Свободен», — он снова кивнул. И тут же выскочил из кабинета.

— Ну, как? — спросила всем сочувствующая табельщица.

— Зверь! — выдохнул провинившийся.

Не успел Панов отойти от конторы, как его окликнул начальник соседнего цеха. Он стоял возле своей «копейки», окружённый зеваками.

— Данилыч, проблемка у меня. Вникай! Сломался ключ в замке багажника. Что только ни делали — открыть не можем. Приехал вот к тебе. Здесь, говорят, «мастера» на все руки.

— Что правда, то правда. Каких только «спецов» у меня нет. — И Панов окинул взглядом вокруг, выискивая подходящего.

— Герман! — Реакция нулевая. — Геракл! — Тот вскинулся и встревоженно оглядел толпу. — Дело есть, иди сюда!

Объяснили ситуацию.

— Откроешь?

— Без базара, — хмыкнул самодовольно. — Любопытных прошу отвернуться.

Через секунду послышался резкий хлопок. Обернулись. Герман уже разглядывал содержимое багажника.

— Зашибоза! — восхитился проходивший мимо кореш Геракла по кличке Шайтан.

Хозяин машины пожал мастеру руку и, похлопав по плечу, попросил:

— Вы уж, Герман, помогите шефу освоить этот трюк, авось и ему пригодится в жизни.

Уехала машина. Разбрёлся по рабочим местам народ. Остались вдвоём.

— Герман, объясни, как ты открыл?

— Не могу — секрет фирмы. Это моя бывшая резервная кормушка.

— Слушай, от любопытства сна лишусь. Клянусь честью, никому ни слова — ты же меня знаешь, — уговаривал умельца начальник.

— Твоему слову, в натуре, командир, верю. Смотри. — Он подошёл к ВАЗ-01 Панова и кулаком ударил по задней стенке багажника. Крышка, как по мановению волшебной палочки, встала!

Панов, конечно, понял, в чём секрет: стенка с запорной планкой от удара смещается, и язычок замка выскакивает из зацепления. Конструктивная недоработка — только и всего. Как же ловко и просто воспользовался ею Геракл! Действительно, мастер. Но бить с такой силой по только что купленной машине у Панова рука ещё не поднималась.

— А почему «кормушка»? — не унимался начальник.

— Бывало, утром с бодуна голова болит, мутная, мозги всмятку, денег нет, нечем здоровье поправить. Злой, как чёрт — так и чешутся кула-

ки — иду к рынку. У первой попавшейся машины открываю багажник, беру «запаску». Тут же продаю — и в бар. И всё нормалёк!

— И что, любую откроешь?

— Без проблем. Только у каждого замка есть особенная, присмотреться надо. — Геракл оглядел сверкающий новехонький автомобиль своего начальника.

— И дверь моей машины откроешь? — спросил обеспокоенно Панов. — Покажи, как.

— Запросто, как на забор плюнуть. — Геракл изготовился провести «мастер-класс». Вдруг резко повернулся, в упор смерил шефа колючим взглядом и пошёл прочь, бросив через плечо:

— Конкурентов мне не надо!

Умер он неожиданно и глупо. Выпил вместо этилового спирта метиловый.

На похоронах Панов сказал о покойном совсем немного. Но пришедшие проводить в последний путь Геракла почувствовали, что он был чем-то симпатичен Зверюге. Извините, Панову.

ТИХО И МИРНО

— Александр Иванович, помоги! Жизни нет. Каждую неделю кражи. Что только не делал — всё впустую. Завёлся клептоман, спасу нет. Крадёт всё подряд: куртки, шапки, деньги. Ничем эта сволочь не брезгует, даже мелочью, — жаловался Панов своему участковому.

— Да чем же я тебе помогу? Собака след не возьмёт, кругом вонь химическая. Отпечатки не снять: всё смолой заляпано. Остаётся одно — тебе самому его вычислить. А ты можешь, не зря тебе кличку дали Мюллер*. Вот и докажи, кто есть кто, — изо всех сил отбивался лейтенант милиции от наседающего Панова.

— Легко сказать, вычисли. Сложность в том, что в цехе одна и та же смена работает по разным графикам. Одни по шесть часов — особо вредные условия, другие — по восемь, просто вредные. Так они перемешаны, что рассчитывать, в какой именно крадут, нет никакой возможности.

— Кого-нибудь подозреваешь?

— Да. Вроде на нём всё сходится.

— Кто?

* Мюллер — шеф тайной полиции (гестапо) гитлеровской Германии. Отличался изощрённой хитростью и коварством.

— Стыдно сказать. Хорошо знакомый мне человек. Казалось бы, умный, талантливый, из интеллигентной семьи. И организатор замечательный. Ему бы руководить заводом, а он лишь «бугор». А всё оттого, что без высшего образования. Вот вслух укажу на него, а потом как ему в глаза смотреть? Ведь неопровержимых доказательств нет.

— А ему воровать у своих товарищей, подчинённых не стыдно?

— И откуда только такие берутся?

— Из детства! Родители сразу не внушили ребёнку, что чужое брать без спросу нельзя, вот и результат. И ведь ничем эту заразу не вытравить. В некоторых странах отрубают руки, даже башку могут отсечь, а у нас только изоляция — тюрьма. И потом всё с начала.

— Однако, дорогой Александр Иванович, сейчас воруют все: от министров, депутатов, губернаторов до последнего бомжа. И у кого миллионы — не подсудны. Я их называю так: воры над законом. Если нашу страну раньше звали империей зла, то теперь она может претендовать на страну воря.

— Ну не скажи, не скажи — сажают, сажают. Потому-то мы их и знаем! Вот и ты своего воришку обязан разоблачить. Сможешь, сможешь. Я в тебя верю. Сколько верёвочке ни виться, конец проявится.

И действительно — конец появился. Но довольно неожиданно и своеобразно.

— Валерий Иванович, а ведь специалист по карманной тяге в твоей бригаде работает, — начал беседу Панов с одним из бригадиров.

— Не может быть!

— Смотри, вот заявления о кражах. Теперь обрати внимание на график выходов. Видишь, как совпало? Это твой гад по карманам шарит.

— Шеф, ума не приложу, кто бы это мог быть.

— Ну, ничего, не пройдёт и месяца, как всё прояснится само собой.

— Это как же? Если не секрет...

— Только для тебя. Знаешь, чем у нас травят тараканов?

– Конечно, самое эффективное средство – кремнефтористый натрий. Берёшь его у антикоррозийщиков, добавляешь муки, сахарной пудры и засыпаешь в места скопления насекомых. Через месяц – ни одного.

– Так. А механизм действия какой?

– Да всё очень просто. Сначала отмирают органы размножения, а потом и сам дохнет.

– Правильно. Но самое интересное – нет противоядия! Вот и у нас пошёл отсчёт времени для не пойманного вора. Не знаю только, сколько он протянет. Интересно, дольше, чем таракан?

– Не понял!

– Ну, как тут не понять. Когда я уходил в отпуск, то всыпал целый стакан этого яда в канистру с остатками спирта. Прихожу, открываю сейф, а спирта тю-тю. Спёр кто-то. А вор твой! Вот теперь сижу и жду результата. Кто же загнётся? Если что, срочно доложи. Ничего не замечал ещё?

Бригадир не сразу пришёл в себя. На последний вопрос Панова вроде и пытался ответить, но только судорожно глотал воздух, как рыба, выброшенная на берег. Лицо блее мела, глаза округлились, руки в треморе.

– Что ж ты, фашист, делаешь? Ты – убийца! Разве можно так? Из-за какой-то драной шапки отравить человека, отца семейства! Знаешь, что на моей шее трое детей?

– А как прикажешь поступать с крысами? Только так: травить их и травить. Короче, пиши заявление на расчёт по собственному желанию, и чтоб духу твоего здесь не было. И это, поверь, лучший выход. Узнают, кто таскал – порвут тебя, как «Нашу газету» в деревенском туалете, знаешь, какие крутые парни у нас, или ещё сдохнешь в цехе, а мне отвечать.

Бригадир трясущимися руками взял со стола лист бумаги, который словно его и ждал, с трудом вывел текст.

– Ты что-то совсем растерялся – ни подписи, ни даты...

– С какого числа?

– Немедленно! С завтрашнего!

– А сколько мне осталось жить?

– Откуда я знаю, сколько ты выпил и с кем.

– Всё выпил сам.

– Ну, дней десять протянешь, а там сколько бог даст.

– Я на тебя подам в суд!

– За что?

– Ты меня отравил!

– Не докажешь.

– Что? Не успею? Успею! Докажу! Сделаю анализ крови и всё! Это делается быстро.

– Дурень! Я ничего не сыпал. Взял тебя, как говорят блатные, на понт, а ты и раскололся. И ещё, ты как химик должен знать, что это вещество в спирте не растворяется.

Бригадир покраснел от ярости и сиплым голосом произнёс:

– Вот теперь я понимаю, почему тебе дали кличку Мюллер. – И вышел вон.

Панов облегчённо вздохнул, откинулся в кресле: ещё одна проблема решилась тихо и мирно.

– А всё-таки растворяется эта гадость в спирте или нет? – задал сам себе вопрос. – Надо проверить!

ПО-РОДСТВЕННОМУ...

В дверь робко постучали.

– Войдите!

На пороге кабинета Панова показался его двоюродный брат Степан. Они обнялись, потискали друг друга.

– Братишка, как же я давно тебя не видел! Какой худющий-то стал, да и цвет лица мне твой не нравится – прямо землисто-серый. Какими судьбами тебя занесло ко мне?

– Есть маленькая проблемка, и я подумал, что только ты сможешь мне помочь.

– О чём речь! Чем могу, тем и помогу. Мы же родственники.

– Хочу заработать химический стаж, да пораньше на пенсию.

– Правильно. Мудрое решение. Кем хочешь работать?

– Да всё тем, кем всю жизнь на Топкинском цементном и проработал. Токарем.

– Какой у тебя был разряд?

– Седьмой.

– Это самый высокий. У меня, правда, штат набран, но нам токари такой квалификации очень даже нужны, проведём слесарем-ремонтником по особо вредной сетке. По-родственному... Но сначала, извини, брат, маленький экзамен. Расскажи-ка мне классы точности, посадки и их обозначения. Дело всё в том, что у нас очень часто выходят из строя валы компрессоров, насосов, и токари только ими и заняты.

– Ты знаешь, брат, подзабыл.

– Как же так? Это должен знать даже слесарь четвёртого разряда, не то что токарь седьмого.

Как же ты будешь читать чертежи? Ну, не беда. Приму тебя на пятый, подготовишься теоретически. Сдашь экзамен через месяц, и присвоим на комиссии седьмой. Иначе меня коллектив не поймёт. Годится?

— Нормально, пойдёт!

— Ну и ладушки. Ты, брат, что, так бобылём и кукуешь? И без жилья? — Степан вместо ответа горестно вздохнул. — Всё, брат, для тебя сделаю — и отдельную комнату в «семейке» органирую, и невесту подберём. Знаешь, какие у нас женщины в лаборатории — глаз не оторвать! Давай паспорт, трудовую, и будем оформляться. Вот интересно, впервые представился случай заглянуть в трудовую книжку старшего брата.

— Знаешь, а я её... потерял.

— Не понял. Это как потерял?

— Вот увольнялся и потерял.

— Всё ясно, брат. Не ты первый и не ты последний, кто сознательно теряет документ. Там у тебя, очевидно, много записей типа: уволен за прогулы или пьянство... Так, да? Много пьёшь? За раз сколько осваиваешь фанфуриков одеколona? — Родственнику такой поворот разговора, похоже, пришёлся не по душе. — Но ничего страшного, и это преодолимо. Как только офор-

мишься, я тебя сразу отправлю на лечение в лечебно-трудовой профилакторий, короче, ЛТП. Месяца на два. У меня тесный контакт с наркологом, участковым и судьями. С этим задержки не будет. Мало будет, продлим до года. — Родственник уже с тоской смотрел на дверь. — Ты чего? Испугался, что ли? Не дрейфь, Гаврило, у нас в руках не меч — кадило! У меня и там всё схвачено. Мои люди обеспечат и необходимое лечение, и контроль. Надо будет, и «торпеду» зашьём, а то и две! И выйдешь чистым и светлым, как божий ангел. Стой, брат! Ты это куда? Стой!!!

Панов, услышав топот стремительно убегающего по лестнице родственника, с горечью произнёс:

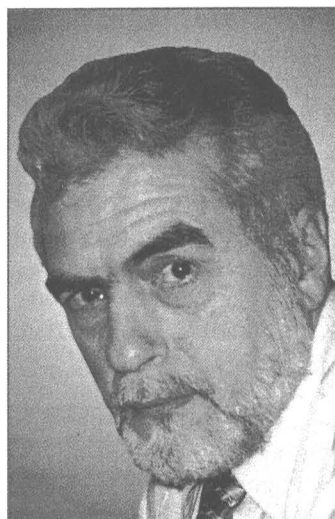
— Эх, брат, брат. Верно говорят на Украине: «Кожный дробче, як вин хоче!» Ведь погибнешь, сгоришь, как свеча, от водки. А я так искренне, по-родственному, хотел тебе помочь.

Перейдя на шаг, поминутно оглядываясь, Степан бормотал: «По-родственному! По-родственному! А был ли ты, брат, хоть раз в ЛТП, а испытал ли на себе эти экзекуции? А?... А ещё брат! По-родственному, по-родственному... Карьерист ты, а не брат...»

**Сергей
ЧИНЯЕВ**

О СОБАЧЬЕМ СЧАСТЬЕ (Из записок геолога)

Собачье счастье. Словосочетание это может показаться образным и вызвать у читателя некоторые ассоциации и параллели с миром людей. Но нет, дорогой читатель, спешу предупредить тебя – речь пойдёт не о том «собачьем счастье», когда человек прислуживает ЧЕЛОВЕКУ и готов на лету ловить брошенную ему лениво обглоданную сахарную кость, а хотелось бы поговорить именно о простых судьбах наших братьев меньших. Хотя иногда, присмотревшись повнимательнее к жизни собачьей стаи, можно увидеть в их общении некоторые черты, присущие и нашему народонаселению.

Так вот, в одной геологоразведочной партии каждый полевой сезон на участке работ скапливалось большое количество бродячих собак. Псов подбирали буровики в посёлке, на базе экспедиции, и увозили в тайгу. Начальник партии не препятствовал этому однажды заведённому порядку – ведь ежегодно из посёлка удалялась стая проблемных бродячих собак, доставлявших немало хлопот жителям. Не все из них возвращались к зиме обратно – находились любители свежего собачьего мяса, особенно под осень, когда начинались затяжные дожди и вздувшиеся реки отрезали все дороги на участок; заканчивались консервы, и у буровиков появлялась потребность в калорийной «тушёнке». Были среди

этих дворняг и хозяйские псы, но, подчиняясь собачьему инстинкту, они непременно оказывались в зависимости от законов стихийно образовавшейся стаи.

Разведчики недр с утра до вечера трудились на профиле буровых скважин, и им было не до собачьих дел; нередко они забывали даже накормить животных, и псам приходилось самим добывать себе пищу в дикой тайге.

101

В этот полевой сезон на Ажигольском буровом участке сбилась стая из девяти дворняг. Возглавлял эту собачью свору бывалый пёс Кузя. Кузя уже был стар, его густая шерсть поседела, глаза помутнели и постоянно слезились: он проводил на участке уже третий сезон. Довольно мощное тело его держалось на толстых, коротеньких и кривеньких лапах; он не мог быстро бегать, но по тропе всегда шёл впереди стаи, и остальные псы семенили следом, не рискуя лезть вперёд вожака. Кузя был плохой охотник: клыки его давно стёрлись, слух ослаб и он часто просто пользовался своим положением – отнимал у соплеменников кости. Чтобы поддерживать свой авторитет, Кузя время от времени грозно рычал и трепал неугодных – обычно тех, что помельче, остальным в науку. Чаще всего доставалось Биму – белой лохматой собачке, которая только и умела, что выполнять одну-

Чиняев Сергей Викторович родился 3 октября 1953 года в селе Терехино Новокузнецкого района Кемеровской области. Служил в армии. В 1981 года окончил Томский государственный университет. Отработал в полевой геологии более тридцати лет. Прошел путь от маршрутного рабочего до главного геолога. Работал в Монголии.

Печатался в областной газете «Край», в журнале «Огни Кузбасса». Автор книги прозы «Станция Радугина». Живет в Кемерове.

единственную команду: «Улыбайся». Морда у Бимки расплывалась в счастливой улыбке, и от довольных зрителей ему перепало лакомство, за что потом он и получал трёпку от Кузи и вскоре лишался полученного угощения. Доставалось также и собаке по кличке Гуляш – небольшой гладкошёрстной, не обладающей никакими яркими способностями дворняге. Этот пёс, очевидно, был одним из первых кандидатов на осеннее жаркое – одна только кличка говорила о его предназначении. Остальные дворняги также ничем особо не выделялись, ни на что не претендовали и готовы были делиться с лидером лакомым кусочком, отчего жизнь у старого вожака была довольно обеспеченной и счастливой.

И всё было бы для Кузи хорошо, не появившись по весне в ажигольской стае молодой здоровый пёс Буля. Поначалу молодой кобель подчинялся старому вожаку и уступал ему где-то раздобытый им корм. Но его огромное тело, покрытое короткой шерстью, под которой хорошо просматривались бугрящиеся мышцы, требовало большого количества пищи; Буля постоянно был голоден и весь день рыскал на длинных ногах в поисках съестного. И вот однажды, когда Буля, откопав где-то кость, смачно глодал её в сторонке, Кузя подошёл к нему и попытался воспользоваться своим авторитетом. Молодой пёс вдруг ощерился, обнажив белые клыки, зарычал и бросился на вожака. От удара собачьей пасти Кузя опрокинулся на спину, затем медленно поднялся, тихо отошёл и улёгся в сторонке. Буля спокойно продолжил обгладывать кость. Старый Кузя, бывалый пёс, прекрасно понимал, что с мощным молодым кобелём ему не справиться – он уступил, и вся собачья стая видела это. Лидер сменился.

Полевой лагерь буровиков располагался в левобережье реки Уса, но стоял почти на водоразделе, в верховьях ручья Ажигола, и собаки редко спускались к большой воде. Наш марганцевый отряд разбил лагерь по другую сторону Усы в трёх километрах выше по течению, и мы регулярно ходили пешком на разведочные линии буровиков документировать керн скважин. Собаки обычно поджидали геологов и весь день крутились рядом: скудная кормёжка вынуждала их заниматься попрошайничеством. Буля, новоявленный лидер стаи, был хоть и рослым, но недостаточно авторитетным псом для звания вожака: молод, неопытен да к тому же ещё и глуп. Единственной его заботой было набить собственную

утробу, не думая об остальных соплеменниках. Он постоянно тёрся возле нас, выпрашивая очередную подачку, вылизывал брошенные ему банки из-под тушёнки и заискивающе вилял хвостом, заглядывая в глаза. Люди не выдерживали этот голодный молящий взгляд и отдавали ему часть своего обеда. Остальных собак Буля старался отогнать от скважины, а тех, кому перепал брошенный кусок, жестоко наказывал, и собаки стали прятать от него добытый ими корм про запас.

Охотничьи способности всех дворняг, в силу массы пороков их конструкции, были невелики, и они в основном мышковали, ловили не успевших встать на крыло птенцов и таскали с кухни пищевые отходы. Трудно было угадать в их облике черты какой-либо породы, не говоря уж об экстерьере, – большинство из них выглядели просто уродами. Но такими они родились, такими их сделала жизнь, такими их сделало отношение к ним людей. А ведь в каждой собачьей душе таится мечта о хозяине, который заботился и кормил бы её, а уж она бы ему послужила и доказала свою преданность. Если внимательно всмотреться в глаза бродячей собаки, – сколько в них тоски и непонятой вины за своё изгойство.

Многие из нас испытывали на себе этот взгляд, особенно в детстве, когда притаскивали домой заблудшую или брошенную собачонку. В детстве этот взгляд собаки проникает до самого сердца, – может, оттого, что из-за малого роста ребёнка собачьи глаза ближе к глазам человека, может, оттого, что детская душа, не опалённая ещё жестокостью, более участлива к судьбе несчастных и способна к сопереживанию. У многих с этим связана своя история, есть своя история и у меня.

В начале шестидесятых годов семья наша жила в своём доме с небольшой усадьбой, и как-то под осень к нам во двор забрела большая чёрная собака, остановилась у калитки и воззрилась на меня печальными глазами. Я подозвал её, погладил, накормил, и пёс признал меня своим хозяином, – он положил голову мне на колени и преданно, с успокоенной душой глядел в глаза маленького человека. Где ему тогда было знать, что не я хозяин в этом доме... Вечером пришёл с работы отец и потребовал, чтобы я выгнал со двора бродячую собаку. Мне не хотелось прогнать пса, и, соорудив что-то наподобие будки, я спрятал его в дальнем конце огорода. Днём же, когда родители уходили на работу, я отвязывал пса, приводил его во двор и даже уходил гулять

с ним по округе. Пёс был счастлив — он с радостным лаем носился со мной по заросшим полынью и лопухами полянам, а я затем старательно очищал его длинную шерсть от налипшего репья. К вечеру я снова прятал собаку.

Однако вскоре моя тайна была раскрыта, и мне пришлось долго канючить и уговаривать отца, пока он согласился оставить пришедшего пса. Я переместил будку во двор и был счастлив. Но вскоре собака исчезла... Спросил о собаке у отца, — он заявил, что собаке, наверно, надоело сидеть на привязи и она сбежала. Мне в это не очень-то верилось, и я ждал появления своего нового друга. Откуда мне было тогда знать, что отец втайне от меня избил собаку, отвязал её и прогнал прочь со двора.

Пса долго не было, но вот как-то в октябре, когда уже по утрам стало подмораживать и на землю упал первый снег, он вновь объявился на крыльце нашего дома. На него было больно смотреть: живот его подвело от голода, кожа со свалывшейся шерстью обтягивала выступившие кости скелета, туловище выгнуло дугой, и он едва держался на ногах. Отец был неумолим и требовал, чтобы я прогнал его, но это было выше моих детских сил. Боясь послушаться отца, я всё же сделал попытку прогнать собаку, даже слегка ударил её палкой по окоченевшей спине, но пёс только ниже согнулся и, кажется, готов был умереть, склонив голову, — это было его последнее пристанище и последняя надежда. Слезы жалости и отчаяния застилали мне глаза, нагнувшись к собаке, я гладил её по голове и ревел, — в ответ послышался тяжёлый хриплый вздох, — пёс поднял глаза и с мучительной тоской посмотрел на меня... Слезы ручьём потекли из моих глаз. Я посидел ещё немного с собакой на крыльце и, зарёванный, вернулся в дом. Родители, видя моё состояние, смягчились, — за меня вступилась мать, — мне было позволено накормить пса и на некоторое время оставить его во дворе дома, но с непременным условием, что потом я его кому-нибудь отдам.

Пёс вскоре поправился, его волнистая чёрная шерсть снова заблестела, выправилась осанка. Подходило время расставания. Никому из соседей собака была не нужна, и отец посоветовал мне свести её на базар и продать, а на вырученные деньги купить конфет. Ослушаться отца я не мог, — таков был порядок у нас в семье, и в базарный воскресный день, надев на пса ошейник, я повёл своего друга на птичий рынок. На рынке

нашего посёлка собак тогда не продавали: торговали птицей, котятками, кроликами и коровами, и я выбрал почему-то ряд с бурёнками. Пёс мой был спокоен: он положил голову на лапы и прикрыл глаза; наверно, он понимал, что происходит, но в его собачьей жизни бывало всякое, и он уже привык к постоянным ударам судьбы.

Так мы просидели до обеда, — никто к нам не подходил, и только местные торговки постоянно подтрунивали надо мной по поводу моей «скотинки». Я переместился с собакой ближе к выходу рынка и уже надеялся, что моего пса никто не купит, когда вдруг невысокий плотный мужичок в полушубке остановился и спросил:

— Продаёшь собаку?

Я молча кивнул головой.

— И почём? — оценивающе глядя на продавца, а не на собаку, продолжил покупатель.

Не зная цен, я выпалил:

— Пять рублей.

Мужичок почесал затылок и произнёс:

— Нет. Дорого, — и, уже направляясь к выходу, добавил: — Давай за три?..

Мне цена была не важна, и, согласившись, я стал хвалить пса:

— Это хорошая собака... умная.

Мужичок молча достал свою верёвку, привязал к ошейнику и вышел с территории рынка. Пёс мой поначалу упирался, но, подгоняемый мужичком, всё же тащился за ним. Приотстав, я шёл за ними следом и издали прощался с собакой, где-то в глубине души надеясь, что псу будет хорошо с новым хозяином на новом месте. В кармане моём потела зажатая в кулаке зелёная трёшка. Вот так вот и вышло, что за три рубля я продал верного друга.

Потом уже, позже, мне приснилось лицо того мужичка, оно было почему-то искажено злой гримасой, и мне подумалось, что вдруг тот человек живодёр и ему нужна была шкура собаки на унты? А может, он ел собак?! Но всё же я надеялся, что он не из тех мерзавцев, которые способны питаться верными помощниками и друзьями.

Здесь, в глухом таёжном урочище, собаки были связаны одной судьбой, и, как всегда происходит с отверженными — будь то люди или животные, — они объединяются в группы, банды или стаи, с избранием атамана или вожака, и живут по своим законам. Иногда, доведённые до крайности, они «звереют» и эти озлобленные группы объявляют войну остальному обществу и

начинают ему жестоко мстить. Немало известно случаев, когда одичавшие стаи собак делали набеги на селения, резали скот и даже нападали на людей. Но здесь, в тайге, до этого ещё не доходило — собаки все же не теряли связь с людьми, и им иногда кое-что перепадало.

Буля уже так привык к нам, что часто по вечерам провожал нас до лагеря, а иногда оставался у геологов на ночь. Проглот он был, конечно, отменный: он подбирал все остатки пищи в лагере, вылизывал все старые консервные банки; он выхлёбывал даже воду от откинутой через дуршлаг лапши и, только насытившись, убегал в стаю.

Этим летом в нашем лагере время от времени гостевали также две породистые лайки местных охотников-промысловиков — Батыр и Алтай. Охотникам было жаль держать промысловых собак летом в городской квартире — это, по крайней мере, бессердечно — невыносимо смотреть в печальные потухшие глаза верных помощников и наблюдать за их внезапной безграничной радостью, когда хозяин, забывшись, случайно дотронется до ружья или начнёт собирать рюкзак.

Батыр — крупный опытный пёс, прославившийся подвигами в работе по зверю и не единожды уже выручавший хозяина. Этот пёс не знал страха, вёл себя достойно — он, даже будучи голодным, никогда не подходил к общему столу и спокойно ждал, уверенный, что его обязательно накормят. Это был действительно вожак от природы. Отец Батыра не из местных собак, и о нём мало что известно, доподлинно только то, что родословная их происходит от восточносибирских лаек, а вот мать — местная лайка Люська, хорошо нам была знакома. Умнейшая собака-универсал: великолепная соболятница, и как говорил сам хозяин, штатный охотник Юрий Бердников, — думающая собака, к тому же она хорошо шла по зверю. Был у неё, правда, свой «вывих» — своенравный характер, доставляющий хозяину некоторые хлопоты.

Люська не могла сидеть без дела, и, если охотник долго оставался в избушке, она частенько убегала в тайгу одна. Собака прекрасно знала охотничьи угодья, и у неё там были «свои дела». Когда же хозяин наконец собирался и не находил собаки, что расстраивало его планы, окрестные сопки оглашались криком и матами.

— Люська! Люська!!! Мать твою... Ну придёшь, проститутка хренова!

Собака могла отсутствовать дня три, а то и неделю, в зависимости от пришедшей ей на ум

идеи. Если охотник мог обойтись без собаки, то уходил один, если же он шёл по зверю, то вынужден был терпеливо ждать. А Люська, закончив свои дела, возвращалась и, не обнаружив хозяина дома, отправлялась искать его в тайгу — она всегда его находила, где бы он ни был. Появлялась она неожиданно, радостная, заискивающая и виновато глядя в глаза хозяина.

— Пришла, бля... такая! Где тебя черти носили? — отчитывал охотник собаку, но никогда не бил её.

Остудив свой гнев, он прощал её — Люська не единожды спасала ему жизнь в критической ситуации, оттаскивая за «штаны» медведей. В общем, взаимоотношения Бердникова с Люськой были вполне «человеческие».

Второй его пёс — Алтай — ещё молодой, но уже здоровенный кобель. Алтай был потомком Батыра, и с первого, ненаметанного взгляда их трудно было отличить: одинаковой пятнистой черно-белой масти, одной осанки. Только когда они находились рядом, сразу бросалась в глаза матёрость Батыра. Собаки хорошо ладили между собой, хотя теперь и принадлежали разным хозяевам.

Однажды так случилось, что хозяин Батыра забрал пса с собой в свои охотничьи угодья и Алтай остался у нас в лагере один. В это время и объявился лидер ажигольской своры — Буля. Он прибежал за очередной порцией еды и, увидев в незнакомом молодом псе конкурента, изрядно потрепал его. Алтай, обиженный, ушёл к палаткам и затаил злобу. Буля, получив от повара очередную порцию остатков пищи, вскоре покинул лагерь.

На следующей неделе хозяин Батыра спустился с верховьев на лодке, заночевал и в следующее утро, снова оставив собаку у геологов, отправился в город. Не знаю, каким уж образом общались меж собой собаки и как Алтай поведал «батяне» Батыру о своём обидчике, но через несколько дней произошло следующее.

Где-то примерно в полдень псы мирно отдыхали под навесом, как вдруг одновременно подняли головы, мельком взглянули друг на друга и разбежались в разные стороны, «растаяв» в зарослях тальника.

Перейдя реку вброд чуть ниже лагеря, на берег выбрался Буля и теперь на рысях бежал к кухне. Батыр перехватил его у самой воды: он сшиб рослого пса с ног и, оскалив зубы, грозно навис над ним. Шерсть вздыбилась у него на загривке, и он, не отрываясь, смотрел в глаза со-

пернику. Он мог в любую секунду разорвать опрокинутой собаке горло, но не делал этого, а только предупреждал её свирепым оскалом. Подоспевший Алтай тем временем уже вцепился своему недавнему обидчику в зад и что есть мочи остервенело трепал его. Буля вертелся между лапами Батыра, жалобно взвизгивал, пытаясь вырваться, но стоило Батыру только обнажить клыки – поджимал к груди лапы и замирал. Мне стало жаль повергнутого пса: лайки могли серьёзно его порвать, и, рискуя болотными сапогами, я поспешил на помощь, пинками разгоняя свалку. Буле наконец удалось вырваться, и он со всех ног припустил прочь от лагеря. Алтай с заливистым лаем устремился следом, Батыр же вернулся на прежнее место – он сделал своё дело. Через некоторое время вернулся запыхавшийся и довольный Алтай.

Казалось, что лайки проучили пришлого пса и он больше никогда не появится на их территории, но дело на этом не закончилось.

Через три дня я заметил на противоположном берегу реки против лагеря необычное шествие. По набитой рыбаками тропе двигалась длинная пёстрая вереница собак. Так как псы были различного роста и окраса, их шествие напоминало движение пёстрого вращающегося коленчатого вала. В голове шествия был Буля. Похоже, Буля обиделся за недавнюю трёпку и теперь привёл всю свою кодлу – на разборки. Собаки остановились и, напирая друг на друга, стали высовывать морды из прибрежной травы. Батыр давно учуял приближение стаи и, когда псы остановились напротив лагеря, на пружинистых лапах выскочил на бечевник, оскалил пасть и, вздыбив на загривке шерсть, демонстративно прошёлся полукругом по краю воды, как бы предупреждая незваных гостей о границе своих владений. Издав угрожающий рык, он не остался на берегу, а спокойно вернулся на своё место и лёг рядом с вскочившим на ноги и взволнованным Алтаем. Собаки на противоположном берегу постояли ещё некоторое время как бы в раздумье – они видели решимость настоящего вожака, оценили его мощь и самоуверенность – и затем той же пёстрой цепочкой отправились в обратный путь, так и не решившись перейти реку.

Вереница собак медленно удалялась, их разноокрашенные спины время от времени ещё мелькали среди кустов и высокой травы и вскоре скрылись. Странное чувство грусти и сопереживания за судьбу неприкаянных псов вдруг овладело мною. Если у Батыра с Алтаем, можно считать, было полное собачье счастье: подходящий хозяин – охотник, да и работа промысловая – «по профилю» в тайге, где лайка всё равно как рыба в воде, то ажигольские псы были сборищем несчастных и убогих. В их несчастье и уродстве была немалая доля вины и человека, снявшего с себя ответственность «за того, кого мы приручаем»: выгонит хозяин собаку на улицу или не проконтролирует вязку – вот и получаются бродячие, несчастные и убогие.

Но каждая тварь, рождённая на земле с разумом и животом, хочет жить: счастливые – радуются жизни, несчастные – мечтают о лучшей доле. «Всякое дыхание хвалит господу» – поют в храме, и природой испокон веков предназначено быть собаке неизменным другом и помощником человека. Изгнание же собаки человеком противно природе и жестоко по отношению к ней, и в тихой собачей душе всегда остаётся надежда, что человек её простит, одумается и позовёт обратно.

Заброшенные в тайгу ажигольские псы также не теряли надежды на своё собачье счастье – послужить человеку, – ведь их же подбирали и зачем-то привезли сюда, значит, они ещё нужны кому-то и, следуя природному инстинкту, они, как могли, старались угодить и помочь людям. И уж, наверно, невдомёк им был циничный практицизм человека, способного делать запас из живого собачьего мяса. Это было уже просто предательство – свойство собаке неизвестное.

Иной раз, почуяв зверя на сопках, а может, просто для проформы, чтобы «отработать свой кусок хлеба», псы поднимали в лагере отчаянный лай, постепенно переходивший в тоскливый протяжный вой. И было в этом вое что-то тревожное и обречённое; в воздухе уже витал дурманящий запах прелого листа; всё холоднее становились утренники. Приближалось время затяжных дождей, распутицы и, как следствие, перебоев в снабжении тушёнкой. Осень с печальными жёлтыми глазами молчаливым предвестником скорой беды уже стояла на пороге.

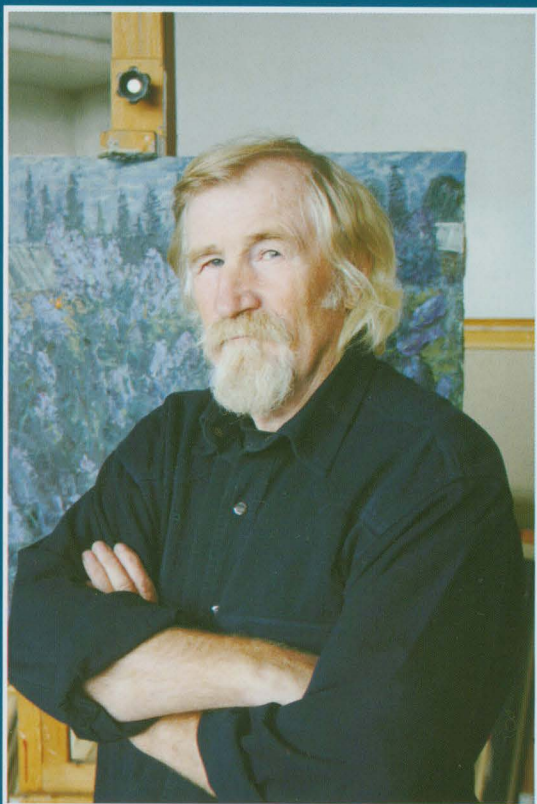
Марина Чертогова

«Фотография на память». Так называлась выставка фотопортретов художников Кузбасса.

Ее открытие состоялось 29 января 2008 года в Кемеровском областном музее изобразительных искусств.

Автор выставки Марина Юрьевна Чертогова, искусствовед, заместитель директора КОМПИ.

(Статью М. Чертоговой об этой выставке см. на стр. 164)

Анатолий Чернов

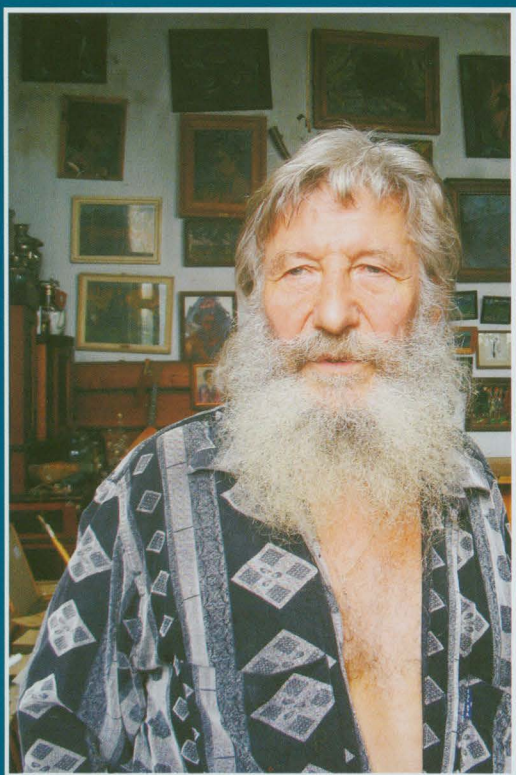

Алексей Хмелевской

Валерий Громов

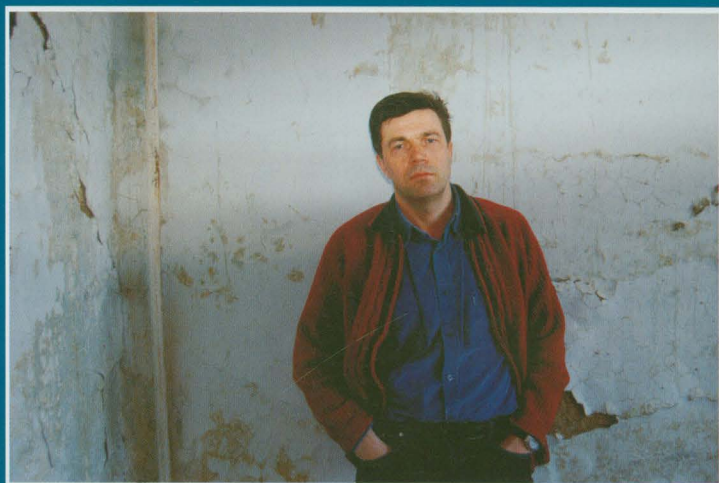
Сротографски на намято

Иван Филичев

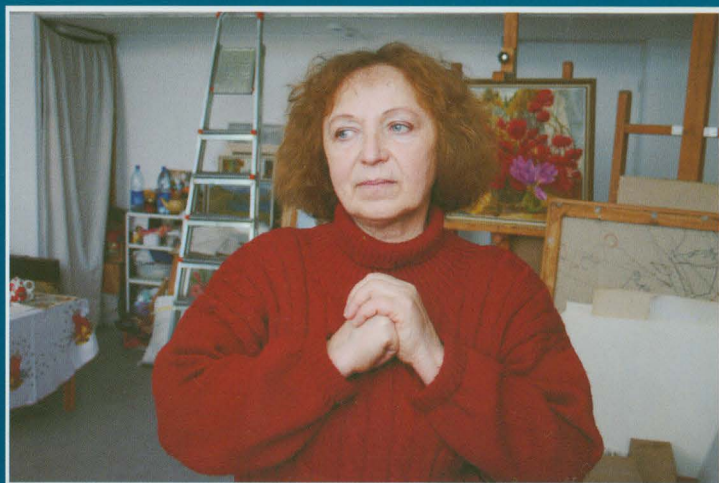
Александр Макеев

Андрей Дрозд

Наталья Перкова

Августа Тарнавская

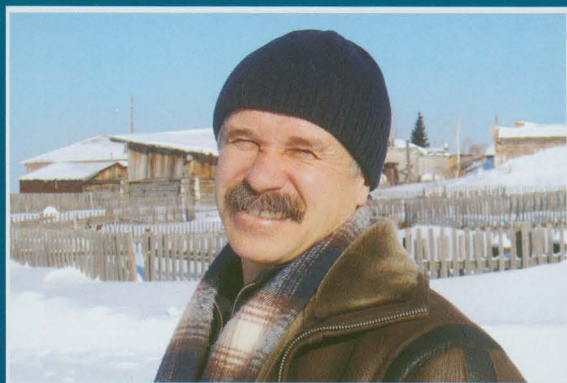
Сротографички насликы

Александр Капорушкин

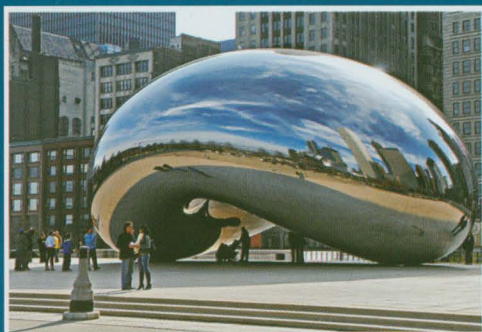
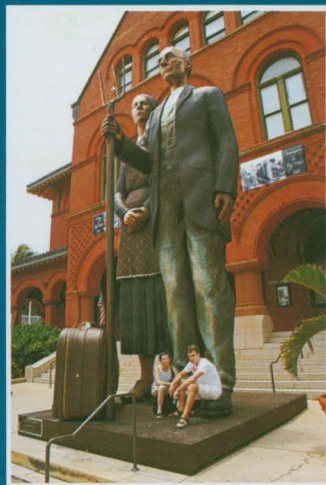

Ольга Киселева

Юрий Михайлов

Дальние страны

Материал В. Вербицкого
«На закат, где дрожат паруса»
см. на стр. 151. Фото автора

Юрий
ПЕРШИН

ТЕРРИКОН

Почему же мы всю жизнь посвятили себя такому нелёгкому горняцкому труду? Потому что выросли в шахтёрской среде, и нам действительно было тогда брать с кого пример. Мы видели, как выходят на-гора наши отцы и старшие братья: в чёрных фибровых касках, запорошенные так угольной пылью, что только одни зубы блестели. Да и сами мы с малых лет зарабатывали сбором угля на откосах террикона, были в гуще той жизни, сроднились с шахтой душой, и вопроса кем стать для нас не было. Сейчас мы пенсионеры, ветераны, которым иногда хочется поделиться с молодыми шахтёрами воспоминаниями о далёкой и непростой поре детства и юности их дедов.

— Мама, откуда берутся дети? — это я, пятилетний карапуз, закатываю ей такой вопрос. Он почему-то страшно меня мучает. Мама стоит рядом со мной у распахнутого окна нашей маленькой квартирки на втором этаже барака, слегка онемев от моей любознательности. Потом находится:

— Во-он с того террикона!

Огромная, курящаяся, словно вулкан, загадочным дымком гора виднелась совсем рядом.

Я согласился с мамой. Потому что и сам предполагал такой вариант, видя, как на вершине террикона бегают маленькие люди и что-то

там делают. А этот террикон в вечернее время, и особенно ночью, представлял собой очень красивое зрелище: огненный шар пылал в его недрах, создавая там немыслимую температуру, вырывался языками пламени наружу, взметался ввысь тысячами светлячков багрового и пурпурного цветов. Это было великолепно, восхитительно, ни с чем не сравнимо!

Селились неподалеку от террикона в основном шахтёры, селились густо, большими и малыми семьями. Шахта — их место работы — рядом, а домики-временки строили из подручного материала: рудничных стоек, затяжек, ящиков из-под взрывчатки и всего прочего. Не было проблем и с топливом: набирай уголь с отвала, сколько хочешь. Но одновременно с перечисленными удобствами проживание возле террикона таило в себе и смертельную опасность. Случались трагедии.

Я помню, как в начале шестидесятых годов во время сильного ливня взорвался от проникшей в глубь его тела и сработавшей «на паровой котёл» воды террикон на шахте 3-3-бис в г. Прокопьевске. Полностью погибла молодёжная свадьба, на которой присутствовали в это время родные и близкие молодоженов из Прокопьевска и Новокузнецка. Горели близлежащие дома, погибло много народу.

Помню, наш небольшой деревянный домик, в котором мы жили, попал в зону подработки и в буквальном смысле провалился сквозь землю. Так, потеряв всё нажитое, наша семья оказалась в двухэтажном щитовом бараке. А спустя несколько дней, после объявления о начале войны, отца забрали на фронт, и мы фактически остались без всяких средств к существованию.

Чем старше я становился, тем сильнее тянуло меня тогда к террикону, к этой чёрной, дымящейся загадочным дымком горе. И лет с восьми я стал бегать к нему со своим дружком — соседом Толиком.

Первое время мы с ним просто наблюдали, что там такое происходит. А вещи на терриконе происходили интересные. На самом вершине его сустились отвальщики в чёрных касках: именно их я раньше принимал за малых деток. Снизу, с уклона, резво выбегали вагонетки, гружённые породой и увлекаемые тросом лебёдки, ползли

Першин Юрий Иванович — ветеран труда шахты «Алданская», полный кавалер знака «Шахтёрская слава», лауреат областной премии «Шахтёрская память». Уйдя на заслуженный отдых в 1999 году, занялся литературным творчеством. Автор книги стихов и повести «Под одним небом». Живёт в г. Осинники.

вверх по рельсам к опрокиду. Когда до него оставалось несколько метров, отвальщики кричали людям, собирающим уголь:

— Берегись!

Вагонетка опрокидывалась, порода неслась вниз по террикону совершенно необъяснимыми скачками, и беда была тому, кто не успевал отскочить от неё в сторону. А людей, собирающих уголь, поблизости всегда было немало.

К обеду, когда мешки с углём уже были наполнены, шёл настоящий торг. За удачный день можно было заработать до 25 рублей. А это для нас, мальчишек, были немалые по тем временам деньги.

Возили уголь летом на тачках, зимой на санках. Работа там шла почти круглый год. Опытные ребята нам подсказывали, что, отправляясь наверх, надо выбирать маршрут отхода — на всякий случай. И вскоре мы научились по синим дымкам, по трещинам вдоль террикона определять выгоревшие пустоты, а стало быть, и безопасный путь.

Дома нас, чумазых, ожидала родительская взбучка, но мы клялись, что на террикон не лазили. И всё же каждый день неведомая сила снова и снова тянула нас наверх, за углём. Вырученные за него деньги мы тратили на пряники, конфеты, ходили в кино.

В поисках лучших кусков угля на терриконе мы с Анатолием поднимались по нему всё выше и выше. В тот злополучный день выше нас были только одни отвальщики. Мы по всем правилам наметили путь к отступлению, но настолько увлеклись сбором угля, что не услышали крик «Берегись!» и прозевали тогда момент опрокидывания вагонетки.

Сверху с угрожающим грохотом понеслись куски породы, я отскочил и вжался под какой-то выступ, Анатолий не успел... Его догнал кусок породы, когда он оглянулся назад, и ударил прямо в грудь. Дружок мой упал как подкошенный. Я бросился к нему, но он не дышал. Мы с ребятами вынесли его с террикона и положили на траву возле дороги.

С криком «Убило Анатолия!» я ворвался в наш барак. Мать его, молодая, красивая и всегда

спокойная женщина, сначала побледнела, а потом бросилась к террикону. За ней — вереницей все остальные женщины нашего дома. Анатолия на месте не оказалось. Облазав прилегающие к террикону кусты, мы ни с чем вернулись домой. И здесь мне досталось за всё: за то, что ходили на террикон, за то, что обманывали...

После экзекуции, которую мне устроили в бараке, я поплёлся в находящийся неподалеку неглубокий провал, на склоне которого нами была выкопана пещера. В ней, на устроенной лежанке я увидел Анатолия. Прилёг рядышком, и мы с ним уснули в усталости от всего пережитого за день.

Проснулись только под вечер. Выбрались из укрытия и пошли к себе домой. Тётя Наташа, уже отчаявшаяся увидеть живого сына, бессильно опустилась на пол.

Время было тогда суровое: детей надо было чем-то кормить, взрослые пытались сделать это, кто как мог. Вот отец Анатолия и отбывал наказание за то, что вынес с табачной фабрики несколько пачек папирос. Вокруг «табачки» мы и сами иногда крутились, как гавроши: авось кто и выбросит через забор пару пачек. Мы не курили, а меняли папиросы на что-нибудь съестное: больше всего и детям, и взрослым хотелось есть. Чтобы что-нибудь перекусить, я, бывало, отмахивал по двадцать пять километров в деревню, где жил мой дедушка. Немного там отдыхал и отправлялся в обратный путь. Иногда ночь заставляла где-нибудь на половине дороги, тогда приходилось коротать её в какой-нибудь скирде. Мама, конечно же, не смыкала в это время глаз. Так и уходила она на работу, нисколько не выспавшись, но уже спокойная — сын-то вернулся. Повзрослев, мы с Анатолием окончили горный техникум и всю жизнь проработали на шахтах. Причём он так и остался жить в том же бараке, только уже в нашей двухкомнатной квартирке, на втором этаже. Она до сих пор снится мне по ночам.

Ностальгия по прошлому пороку так меня брала за горло, что я бросал всё и ехал к нему. Мы садились с Анатолием за стол и вспоминали, опять вспоминали своё нелёгкое детство. А за окном всё так же курилась чёрная гора — террикон.

«ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЙ ЧУДА ЕСТЕСТВА...»

О поэзии
Валерия Ковшова

Этот поэт ушел из жизни совсем недавно. Коллеги по перу его ценили, но виделись и общались с ним не очень часто: он жил в деревне Красный Ключ Крапивинского района, несколько в стороне от столицы Кузбасса – центра литературной и культурной жизни.

Возможно, отъединенность от «шума городского» была ему полезна. По крайней мере, по стихам видно, что они создавались без спешки, «для объяснений чуда естества», глубоко продумывались. Мысль и Слово – вот что особенно занимало поэта как объект художественного познания, но познания живого, органического. В его литературном поиске не было ничего искусственного. Он не играл словами «в палатах тонкого ума», считал, что истина не должна быть «служанкой при дворе искусства».

Это было заявлено уже в ранних стихах, на областных семинарах молодых литераторов 70-х годов, где волновалось и шумело поколение, которое уже не возводило в кумиры блестящих эстрадных поэтов – оно искало духовной глубины. Доминировавшая подчеркнута советская поэзия и искусно противопоставлявшаяся ей «поэзия стадионов», популистская, американизированная, броская, украшенная тройкой-четверкой знаковых громких имен, – расступились тогда перед абсолютно простым, даже архаичным именем: Кузнецов. Юрий Кузнецов. И это имя позвало за собой, в мир ошеломляющих глубин, где «край света – за первым углом», очень многих начинающих авторов.

Валерий Ковшов не то чтобы испытал влияние Юрия Кузнецова – он просто ответил ему сердцем и «всем разумением своим». Невиданный современник шел откуда-то от былин, из старины, поддерживал и одновременно ломал традицию Баратынского, Тютчева, Кольцова, Есенина, Клюева, Павла Васильева, дорогих душе молодого Валеры Ковшова... На глазах

менялась «картина мира» в современной поэзии. Как тут было не ответить?!

Отзвуки диалога с Юрием Кузнецовым легко различимы в книгах Валерия Ковшова, начиная с первой («Чаша жизни», 1977) и явно не заканчивая последней («Жизнь в Слове», 2006). «Столб пространства идет в глубину», – констатировал автор, изображая рытье некоего аллегорического бесконечного колодца.

Пропасти, трещины, горы, обвалы, бездны, обрывы, отражения миров друг в друге, столкновения стихий, движения мысли в условиях земли и космоса, заблуждения разума, горение чувств, «невыносимые загадки» времени, бедствия России и народные смуты, прототексты и подтексты природных и общественных катастроф, смысл истории, посягновения науки на человеческую личность, черты близкого и далекого будущего – вот объекты внимания поэта, получившего толчок со стороны смелого учителя. Пережив первый шок, молодой поэт далее шел уже самостоятельно, не боясь увиденных «бездн»:

Когда же вдруг в созвездии Волчицы
Живую плазму выбросят сосцы,
Взревет пророки,
Ахнут очевидцы,
И заскрипят амбарные писцы...

И будет вновь задел у поколений
Для объяснений чуда естества
И торжества поклонных размышлений
У постаментов Буквы и Числа.

Серьезнейшее содержание облачено в достойную форму, представлено в точных выразительных образах, без словесных излишеств.

Он никогда не злоупотреблял словом, не пользовался дешевыми приемами, не уродовал языка и не осквернял его в своих книгах.

«Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших»... Этим правилом он руководствовался даже не потому, что оно сформулировано в глубоко чтимом Новом Завете, а потому, что оно было естественно для него по природе. Еще в раннем творческом периоде он написал стихотворение, в котором заключалась его литературная программа. Процитирую полностью:

Внизу, в воде, качался лес.
На темном склоне пахло глиной.
Взлетал на воздух лунный блеск
Какой-то рыбы исполинской.

*К моим ногам, как будто звал,
Шли, разговаривая, волны,
И я, прощаясь, понимал
Язык реки немногословной...*

*И, может быть, придут ко мне
Из глубины души впервые
Слова, стоящие на дне,
Как будто рыбы золотые.*

Думаю, что интуиция поэта сработала абсолютно точно. Тогда, в молодости, он понял не только ценность слов, идущих «из глубины души», но и увидел единственную для себя основу бессмысленного творчества. «Слова, стоящие на дне, как будто рыбы золотые» – это символ конкретно христианской поэзии: в древней литургике первохристиан рыба была обозначением Христа.

Конечно, в 70-е годы XX столетия молодой поэт в советской России мог не знать (скорее всего, действительно, не знал) этого смысла. Но он угадал. И уже в конце 70-х он, один из немногих в Кузбассе, писал стихи, проникнутые сочувствием к ценностям православия, вытесняемым из жизни грубым материализмом:

*Душа потребляет мясо,
Масло, чугун и сталь, –
Не человек,
А масса
Всходит на пьедестал.
Радуеться потребитель.
В залах дебильный смех.
А на родную обитель
Падает черный снег.*

(«Цивилизация», 1978)

Или:

*Но ведь жив,
Не ослеп, не оглох
Человек,
Дерзкой мыслью не высох:
От природы – в Божественный вдох,
От себя – в искупительный выдох.*

(«Человек, неужели нельзя искупить...», 1979)

Через тернии поэт шел даже не к звездам, а к «земле небесной». Золотое свечение Небесного Отечества все чаще стало промелькивать в его стихах в период зрелого творчества (80–90-е годы), а к началу нового века наступило полное «торжество православия»:

*Послушники Неба,
Не тщитесь слыть тварью земной:
Вселенской любовью,
Для этого мира иной,
Не сбить с предрассудков
Насмешников славы Творца –
Они никогда не узнают родного лица
На этой планете,
Где высшая жизнь так проста
Под пламенной бездной
Поникшего к долу Креста.*

Помню, какое трагическое и прекрасное, скорбное и одновременно радостное впечатление произвела на меня подборка стихотворений Валерия Ковшова «На земле небесной», опубликованная в № 1 «Огней Кузбасса» за 2006 год. И всего-то было в этой подборке четыре небольших стихотворения. Но они излучали святой свет жертвенной любви, драгоценный «дух мирен», кротость настоящей мудрости и благообразия. И фотография автора полностью соответствовала стихам: я узнала, конечно, Валерия Ковшова, но это был портрет человека преображенного, просветленного.

Тихая, крошечная подборка... А действовала, выражаясь словами Ф. М. Достоевского, как «громовое чудо»:

*К неизвестной участи готовясь,
Знаю Путь,
Не знаю только срок...
Слышится и слышится мне Голос
Золотых мерцающих дорог –
Словно я живу на лунной крыше,
В давнем детстве,
В давнем-давнем дне,
Словно в небе видимом
И выше
Будущее знает обо мне.*

Следом за этой публикацией появилась книга стихов Валерия Ковшова «Жизнь в Слове».

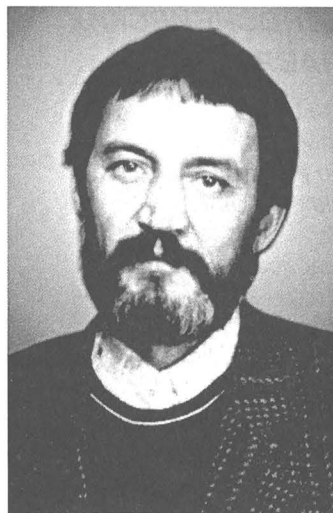
По христианским понятиям, Слово (Логос) – это Второе Лицо Пресвятой Троицы, Христос. «Лишь Слову жизнь дана...»

Книга «Жизнь в Слове» подтвердила главное направление творческого пути ее автора.

Любовь НИКОНОВА,
г. Новокузнецк

**Валерий
КОВШОВ**

**Я ВЕРИЛ:
ЖИЗНЬ НЕ БРЕМЯ ДУХА**

ЖЕЛАНИЯ

Чашу неба да ветра глоток,
да раздолья во славу здоровью –
Вот и все!..

За сумятицу строк
я платил не прохладною кровью.

Я хочу, расставляя силки
на бездумных желаний границы,
чтобы ум источал родники,
в сердце пели небесные птицы.

Время бежит на восток...

Н. Тряпкин

Светлым да будет весь мир,
звонкий, просторный, речистый.
Слово, мой вечный кумир,
ярким останься и чистым.
Выше поднялись леса,
выпади, дождь благодатный...
Верю всегда в чудеса
нашей земли необъятной.
Завтра, когда выйдет срок
и попрощаться придется –
время пойдет на восток...
Сердце мое отзовется.
Пересекая Урал,

113

ветры летят и колеса.
Здравствуйте!
Я не терял
родину, глядя с откоса.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Опустели навеки вольеры.
Отпустили на волю людей
усмиренные бывшие звери –
дети темных лесов и полей...
И очистились души, как реки,
и вернулся цветок луговой,
и ушли навсегда люди
от звериной судьбы роковой.

Жду обвала, как берег сыпучий,
ропот сердца теперь не сдержать.
Будет эхо метаться над кручей,
будет крепкий рассудок дрожать!
Вниз – по склону,
к глубинам обрыва...
Там зовет непокорный поток,
разгрызая преграды бурливо,
убыстряя движения ток.
Я отдам ему силу, и волю,
и себя без остатка всего,
растворяясь последнею болью
в каждой капле движения его.

Ковшов Валерий Васильевич (1948–2008). Родился в деревне Красный Ключ Крапивинского района. Служил в армии, окончил строительную школу. Работал плотником, электросварщиком. Жил в родной деревне. Автор нескольких поэтических книг: «Свет внезапный», «Оглянись вперед» и др. Член Союза писателей России.

ПЕСНЯ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ СЛАВЯН

Европейцы, не бойтесь Сибири —
мы сломали последний острог,
мы последние дебри срубили
вдоль дремучих кандалных дорог.

Заграница оседлой Европы,
для Востока мы — западный склон,
где смешали славянские тропы
всех бродяг азиатских племен.

Только клонится солнце на Запад,
наши тени идут на Восток,
где сермяжный истрепанный лапоть
скинул предок в ледовый поток.

Это древняя воля тревожит
нашу кровь и небесные сны.
Это Родина смелость итожит
на краю океанской волны.

Потому для грядущих догадок
прояснился наш путь родовой.
Потому так божественно сладок
терпкий привкус судьбы мировой.

Неизвестность пространство
кольнет —
ярче солнца засветится высь,
дальше света поднимется мысль,
откликаясь на вольный полет.

Снизу — смерти пугающий крест,
сверху — мысль, обогнавшая свет,
выше — космоса чудная весть,
еще выше... Названия нет.

Наверно, мы все-таки дети
в пространстве, где тают черты
затерянных нами столетий
спрессованной немоты.

Наивно, легко, неустанно
мы верим сегодня пока
догадкам, что в будущем станут
бесплодными наверняка.

И все же наивность — не бремя.
Недаром, рождая испуг,
пружиной сжимается время
в ладонях невидимых рук.

Разлетелись рубленные строчки —
отощала рукопись вконец,
и дошел до самой крайней точки
безрассудной юности гонец...

Но не знает страха и системы
одержимость сердца, как весна,
ледяные взламывая стены,
оживляя в почве семена.

Ведь из трещин, впадин и развала
той земли, что выплустаю я,
вспыхнет вверх легко и небывало
свет надежды

к смыслу бытия.

Я поклонялся тайнам красоты —
опомнился,
когда увидел рядом:
чернеют травы,
мед сочится ядом,
двоятся люди в ямах пустоты.

Трясет меня невежества озноб.
Глаза не вырвут неба из болота.
Но все равно,
для будущего кто-то
подставить должен недостойный лоб.

Дрогнул Блок, заметался Есенин,
забывая родное лицо...
Это тьма ядовитых растений
посягнула на Древо Отцов:
обступила великое Древо,
землю рвет
и святое на ней,
окропив ненасытное чрево
кровной силой ослабших корней.
Неужели, как водится, снова
впереди — беспробудная даль,
беспросветного русского слова
забубенная жизнь и печаль?..

* * *

Когда клянусь — не рву рубах,
давась, земли не ем
и не топчу священный прах
традиционных тем.

Я помню жителей высот,
парнасских силачей,
что возводили звездный свод
над тьмой моих ночей.

Я помню их спокойный слог,
живую мысль и страсть,
и все, к чему я ныне смог
с надеждою припасть,

Вот почему претит изыск
безродности слепой
и жалкий скомороший визг
над ветреной толпой.

* * *

В. Баянову

А что мне пропеть о родимой земле?..
Да разве споешь на горячей золе,
когда на глазах прометеев огонь
рождает чудовищ и адскую вонь.

Ни славы, ни доброго имени нет
у этих дымов, проглотивших рассвет,
у мусорных гор,
у гнилых пустырей,
у речек, не видевших век пескарей.

Какие там, к черту, подробности дня,
когда я не вижу в деревне коня,
когда я не слышу в овраге ручья,
когда даже кровная память — ничья?!

ПРОЦЕСС

Смели, сломали, развинтили,
взорвали, вытрясли, сожгли,
инстинкты древние развили
и мастодонтов развели...

Очнулись. Мысли разогнули.
Сложили головы в былом.
В провалы памяти взглянули,
пытаясь строить новый дом.

И вот в тревогах созиданья
пространство темное встает —
и не хватает подсоснания,
и знания недостает.

* * *

Где-то здесь, вторя ветру и лесу,
мы сошлись со случайных сторон
и ушли под ночную завесу,
и пропали, как утренний сон.

Пропадали мы, словно иголки
в шелестящих от ветра стогах,
за сто верст от беды и размолвки,
от небесной любви в двух шагах.

Почему же один пропадаю,
сделав шаг к неземным голосам,
на земле, где печально гадаю
о любви, что накликал я сам.

* * *

Не пишу я любовных стихов,
потому что они — позолота,
слабый оттиск огня,
позевота
от расхожих, как юность, грехов.

Если все же являлась Она,
то, увы, не в фате подвенечной.
С бледным слогом
и рифмой увечной
не сидел я всю ночь у окна...

Но, лишая разгульный язык
лицедейских привычек иуды,
полюбил я страдальческий лик,
что во храмах святится, как чудо.

* * *

Я знаю, этот мир духовен,
но невнимателен на слух,
почти глухой... но я не склонен
опровергать высокий дух.

Я видел, как поводьями
нас окружал бездумный взгляд,
почти слепой... но — свет над нами!
не повторял я слепо клятв.

Я верил: жизнь — не бремя духа,
не кровь для фарисейских драм,
а страсть для зрения и слуха
с духовной жаждой пополам.

Удивляюсь тебе, многоцветье,
разновидности встречный привет!
Многошумные травы и ветви
не заслонят единственный свет.
Не унизив пророческий разум
примирившихся с небом идей,
ибо прошлым и будущим,
разом,
наградило пространство людей:
вечной памятью,
чтоб не забыться,
дерзкой мыслью,
чтоб думать и сметь,
светоносной волной возродиться —
лишь частицей ее умереть.

С. Донбаю

Кабы знал, что богатая вспашка
обвенчает с небесным огнем,
оборвал бы судьбу,
как ромашку,
закопал бы стихи в чернозем.

Пусть царит самовластное время,
низко стелет,
встает на дыбы —
все равно непорочное семя
глубже самой высокой судьбы.

ИСКУШЕНИЕ

Родная мысль летает не со мной...
Как человек, влюбленный в плоть иную,
я призрак мысли весело миную,
и по-иному вижу и ревную
к простому счастью радости земной.
Родная мысль уходит от меня...

Неотвратимо,
больно и жестоко,
я — дерево без жизненного сока,
я — сирота,
я — русло без истока,
я — пасынок небесного огня.

Дар раздора беззаветен,
замкнут,
вытемен и ветхен,
племенно-ордынен,
мнительно-гордынен.

Дар Творения из праха
Жаждет праведного страха:
снова, снова,
снова,
снова
из разомкнутого Слова.

ЭТО

Это — мы:
надзвездными ночами
зреем
и в существенном огне
не горим...
И Слово, как в Начале,
как и было,
будет в Судном дне.

Когда увидишь в небе облака,
а на земле пустынную дорогу, —
не сравнивай!..
Дорога далека:
и здесь, и там она приводит к Богу.

Таинственны земные пустыри,
поляны света,
темные дубравы,
небесные огни и пузыри,
воображенье и рассудок здравый.

Когда блистает звездами лицо,
нет выше слов, прекрасней и дороже,
что замыкают Млечное Кольцо —
и жизнь мою, и твою радость, Боже...

Света и разума Первопосланник
вечного Времени
встал на вселенский порог —
вышел в пространство

иной ясновидящий странник,
знающий Путь в лабиринтах
спиральных дорог:
крепкую твердь у подножия
вольного неба
Слово воздвиг
и посеял движения злак —
Мудрый землянин
в лучах поминального хлеба
видит надежду
и жизни спасительный знак.

ВЕРА

Я сегодня назвался пророком,
опаленным небесной волной,
и в движении одиноким,
непригодным для жизни иной.

Ничего.
У предзвездного часа
столько света и тайной молвы,
что не хватит обычного счастья
на последнем пороге любви.

Вижу небо глазами твоими...
Я и завтра опять не умру,
потому что высокое имя
бережет мою жизнь на краю.

* * *

Провалился я тридцать три года
на печи под названием Русь,
обходила меня непогода,
не тревожила долгая грусть.

Но у сказочной жизни развязка
наступила... И стала слышной
боль — последняя русская сказка
для беспечных ее сыновей.

Слава сказке, я ночью заплакал,
словно только что правду узнал,
и сквозь слезы заокал, заакал,
закручинился, загоревал.

НАПОМИНАНИЕ

Растаял во времени голод,
с землею сравнялась война.
Отрыл молодой археолог
блокадную норму пшена:
когда спотыкается слепо, —
трясется от страха спина,
дрожат пантеоны и склепы,
и дыбом встает тишина.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Больно, люди,
что подвиг солдата так слабо
распознан,
и на многие годы
нам хватит любви и тоски.
Не спешу говорить
это слово печальное «поздно»,
еще Солнце-Звезда
освещает седые виски,
еще самое главное Слово
в стране не окрепло,
но в опошленном мире
давно задымился вулкан:
ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...
И ты снова возникнешь
из мрака и пепла,
как Россия воскреснет
на зависть грядущим векам.

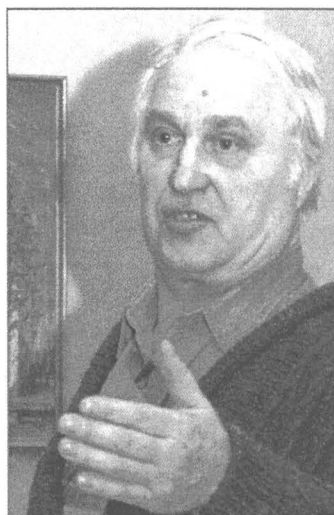
ПОКРОВ

Тосковали о лете летальном
с потускневшим осенним листом
с электронным лучом,
виртуальным,
жили в мире
не в этом, а в том...
Вот он, чистый,
не призрачный, сонный,
как гнетущая блеклая кровь,
верный снег,
настоящий,
весомый, —
ободряющий землю Покров.

**Виталий
КРЁКОВ**

ВОСПИТАНИЕ КРИВЫХ БРЁВЕН

ГАЛИНА

Почитай, с одиннадцати лет родная мать Галку Сдобникову за взрослую считала. Уже обязательным стало, чтобы в доме было прибрано, натоплено и в кастрюле – либо картошка с разварки, либо, а это ещё лучше, суп с овсяной крупой, с картошкой же. Бывало, насидится в холодном подвале, перебирая картошку, натаскается осклизлого гнилья, нальется, раско-чегаривая в буржуйках уголь-землю, придёт домой, а дома дочь в пальтишке ходит, сын на припечке сидит, ждёт, когда картофельные пластики на чуть тёплой плите поджарятся. Скрутит мать полотенце и давай маленькую хозяшку через пальто охаживать. А та ей:

– Не дерись! Больно! Побила и хватит! Я давно Фильку за щепками в столярку посылала, а он, твой любимчик, только на растопку принёс.

Посмотрит мать на дочку и видит в её глазах не испуг, а страдание вселенское, и материнское наказание для неё, словно суд Божий, потому что у дочери только начало жизни и мир ещё невелик. От тугих косиц, натянувших на лбу кожу, её смородиновые глаза особенно выразительны.

– Прости меня, доченька, – скажет мать.

– Мама, ну не всегда же так бывает, – ответит дочь, – я ведь старалась.

Когда Галине исполнилось тринадцать лет, семья жила на новом месте, в новом доме. Мать

работала дояркой. В квартире печь топилась преотлично, и уголь разгорался от пучка свитой соломы. Жиденькие волосёнки, обещающие потемнеть к совершеннолетию, она заплетала по-прежнему туго, и заботы графически выражались на её лице, но и твёрдый характер никуда не исчезал. Вечерние дойки, кормление коров для Галины стали обязательны, а когда мать сходит в баню, то Фильку – в тычки и на ферму. Отдохни, мама! Вдвоём коров подоим. Бывало, мать в доме возьмёт и скажет вслух:

– Вот на неделе надо взять выходной, постираться.

– Ну, ещё чего выдумала, – ответит дочь. – Я сама постираю, хоть завтра.

И смотришь, если воскресенье, то Филиппа в тычки – бери братец вёдра и таскай с Каптажа воду. Филька сходит два-три раза, а на четвёртый куражиться станет. А сестре хочется, чтобы бельё чистым-пречистым было, свежестью пахло от качественного полоскания. Сходит Филипп в четвёртый раз, а сестра в пятый посылает. Тут уж обязательно – драка, но дерутся жалеючи друг друга. Если при чужих Галина от обиды и несправедливости смолчит, то при Филиппе горько расплачется.

– Ладно, не реви, – скажет брат. – Но только иду в последний раз.

И топает через посёлок в лог на Каптаж.

Крёков Виталий Артемьевич родился в 1946 году в Бийске. Работал на стройках. Печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Сибирский тракт», «Огни Кузбасса». Автор четырёх поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

В школе, где сверстницы были понаряднее и красивее, Галину не осыпали высокими отметками. Здесь она была золушкой. На ней преподаватели совесть свою выравнивали. Раз по весне, когда Галине было уже четырнадцать, девочки-одноклассницы сфотографировались у пронзительного от пустоты берёзового колка на поляне, где царила сухая прошлогодняя трава. Снялась и Галя. Вид её на фотографии говорил: «Запомните меня, люди».

ДВЕ ГАЛИНЫ

Замуж Галя Сдобникова вышла вовремя, в самом спелом возрасте. К этому времени она сдала на разряд мастера по маникюру, справила драповое пальто кирпичного цвета, с песцовым воротником, пуховую шаль и тёплые ботиночки на каблуках-шпильках. Праздник Октябрьской революции седьмого ноября компашка мехзаводской молодёжи решила отпраздновать складчиной у токаря по чугуну Лёни Горбадеева. И девки, и парни все были свои – молодая поросль завода. Лоскутников уже без пяти минут мастером шёл. Красавицу Ольгу Лёня приглашал отдельно. Чтобы никаких соперников на гулянке у него не было. Присутствовало ещё двое парней, слесарей нестандартного оборудования, с которыми фрезеровщица Галя Кирина решила познакомить подругу детства Галину Сдобникову с прицелом на дальнейшую дружбу, с исходом замужества.

В двухкомнатной квартире Лёни гудел проигрыватель песнями, типа «Ляльки-Ляльки». Рыбные консервы стояли на столе не в банках, но в чистеньких тарелочках. Парни пили водку из фужеров. Девушки – наливки и мятный зелёный ликёр из маленьких фарфоровых рюмочек. Последние какая-то заботливая невестушка принесла. Всё было хорошо. Молодёжь присматривалась, пела песни «Как вдали за рекой», «Тачанку», танцевала по-модному, не касаясь друг друга. Парни вели себя хорошо. Часто выходили на лестничную клетку пятого этажа, курили, выпуская дым дорожущих папирос в открытую фрамугу.

Время от времени среди разнообразия, в перебив на перекур на площадке подъезда, некоторые уходили потихоньку в смежную комнату, ванну-туалет, уединялись на кухне. Стало не видно Ольги и без пяти минут мастера Лоскутникова. Ольгу Лёня недосмотрел, отлучившись в кафе за пивом. Обоих обнаружили в темнушке. Нашёл Лёня. Открыл, а его обожаемая Оля на Лоскутни-

кове уже совсем сомлела. Тут и проявил свой характер Лёня Горбадеев. Всех вежливо повыгонял вон из квартиры, с трезвым и строгим лицом. «А хозяин мне понравился», – заявила Галина Сдобникова своей мехзаводской тёзке.

Свадьба была в конце мясоеда. Хотя Лёня Горбадеев и был коммунистом, но говорил, что в пост жениться – жизнь постной будет. А весь промежуток, считай два с половиной месяца, готовился к свадьбе, собирал деньги, гнал в избушке невесты спирт-самогон. Новый год встречал с невестой у родного брата Николая. Ходили кататься с ледяных гор на площадь обкома партии, и какая-то сволочь сорвала с Лёни меховую шапку-боярку. Свадьбу справляли у жениха на квартире. И с той, и с другой стороны народу было предостаточно. Жених гордился тем, что на первый раз всем поставили по полному стакану водки, и только потом пошёл самогон, а не по половине стакана, как на свадьбах брата Николая и сестры Людмилы. Было много рыбного, тушёная картошка со свиной, пироги, сладкий хворост и замечательные пельмени, и не сотни, а тысячи. Считай мешок пятиведёрный.

Свадьба закончилась только на третий день, когда до обеда ещё сидело трое-четверо недогулявших, допивая самогон и доедая холодный вишнегрет. Потом и эти ушли, и были окончательно с мылом вымыты молодухой полы.

Вставала стеной будущая жизнь, как строительная площадка брусчатого дома: с порубками топором, древосдиранием, приколачиванием, обзательной любовью и абортками. Из мужа исходило семя и микроскопическая металлическая пыль, от чего Галина ежедневно меняла простыни. Свекровь не любила Галину и сразу дала ей это понять после того, как она назвала свекровь мамой. «Не мамкай! – огрызнулась свекровь. – Ещё не заслужила называть меня мамкой». А когда после сеанса сына, вышедшего из спальни потным, умаявшимся, мать пожалела во всю комнату: «Уработался, сынок!», Галя подумала, что надо жить под своей крышей. И даже на последнем сроке беременности снохи свекровь не могла успокоиться с досадой, что сын не женился на Ольге. И красивая, мол, да и в дорогом белье ходит, ну не гнал бы, ну потерпел бы, добивался своего. А Лёня подумает: «И чего бы мать Ольгу нахваливает. Ему и Галка хороша. Допустим, губа коротковата и зубы приоткрывает, и живот талию портит, но это можно не замечать. Ведь какие чудо глаза, сдобненькие

ручоночки, и ноги ведь не кривые, не тонкие, а профиль – да еще ой-ой-ой!»

Когда Леониду на другой день свадьбы подали стакан водки, как жениху, переспавшему первую брачную ночь, то он выпил и так хлопбыстнул его об пол, что стеклянная крупа разлетелась по всей комнате. Хотя и было это как-то несуразно. Гости-то по домам не разошлись и так упились, что спали вповалку и в спальне, и в комнате, и на кухне, и в темнушке. А между женихом и невестой спал племянник из Чимкента, где уж там до познаний друг друга, а до загса невеста всё время в одной кровати с матерью спала.

Другая Галина – Кирина, мехзаводская подружка, вышла только через четыре года. Работала фрезеровщицей, недоедала, как говорят, недопивала, и вместе с матерью скопили деньжонок, купили сносную избу. Тут и жених подыскался – познакомили. Жених и ростом не ниже невесты, стройный, на лицо хорош, но глаза вприщур и губы верёвочками по лицу, видно, хорошего не жди. Мать Гали почуяла, видно, неладное, да молчала до самой свадьбы. А и будешь молчать, когда за две недели до свадьбы дочь с женихом вовсю уже спали. Сашке, зятю, пообещали на работе большую комнату в ГРЭСовском доме, и он уже собирался продать избу тёщи и купить мотоцикл. На другой день свадьбы, а свадьбу справлял Сашка у сестры в Красновке, жениху подали водку в тонком стакане, да всклень. Ну, Сашку водкой не испугаешь, выпил он да бросил об пол. Стакан лёгкий, видно, был, скользнул по ножке модного стула и приземлился на половик, не разбившись. И на второй раз то же самое. Некоторые гости не сдержались, загыгыкали. И тогда Сашка с тяжёлой взвесью на лице наступил, как на змея ползучего, на стакан и раздавил.

Тёща у Сашки была боевая, не зря в своё время дояркой работала, за корма грызлась не на жизнь, а на смерть. Не хотелось, видно, уходить из избы, хотелось одной самостоятельно пожить. Не вытерпела и выдала перед всем честным народом Горбадееву:

– Лёня! Давай всё прекратим. Бери мою Гальку, живи с ней!

– Так у меня уже есть хомут – жена, – с великодушием в голосе говорит Лёня. – Сын растёт, и второй барабан намечается.

Избу дочь настояла продать. Мотоцикл купили, а обида, принесённая тёщей на свадьбе, обозначилась тёмной взвесью на Сашкином кра-

сивом лице, где и глаза, и губы – верёвочками. Родился мальчик. В тот год поголовно мальчикам давали имя Вадим.

КИРПИЧИ ПОХОХАТЫВАЮТ

В русском народе всегда если бедный женится на бедной, говорят, успокаивают – если на столе картошка да капуста, то и в доме не пусто. Если молодец женился на страшенькой, восклицают – с лица воду не пить, да ещё вдогонку: добрая хозяйка да жирные щи – и другого добра не ищи. Женился вот Лоскутников на Ольге ипил с её лица и тела нектары медовые, и не нужны ему были ни жирные щи, ни картошка с капустой. Как начальником смены стал, жилплощадь просторную дали, правда, жена попить стала, но только вина марочные, дорогие. А вот Лёня Горбадеев первые годы на картошке и капусте, когда из Кемерово на Урал переехал. Потом уже на Волге – яблок и помидоров солёных был целый подвал. А уже на северах – жирные щи да пельмени постоянно были, и икра щучья, и рыба красная, чистота и ухоженность в доме, а всё-таки выдал повзрослевшим сыновьям, как последнее издыхание пострадавшего: «Да, дети, сколько жил с вашей матерью и никогда её не любил». Но это уже потом было, а пока Галина года два пожила со свекровью в так сказать «разбавленном» виде. Свекровь то с сыном Лёней месяц-другой поживёт, то с внучатами, детьми дочери, поводится. Всё как-то смягчалось.

Жила у Лёни бабушка, мать по отцу, на Урале, около Свердловска, в Ревде. Там историческая вязь Камаганцевых с Горбадеевыми переплеталась. Те всю жизнь мастерами да начальниками на железодельном заводе династию вели. Родив сына, основались молодые Горбадеевы на Урале в завещанной Лёне избе. Изба маленькая. Русская печь, два окна на улицу с видом на пруд да запрудные пашенки и леса. Пожили год, и коммунисты железодельного завода, на котором работал Лёня, решили помочь ему как передовому боевому товарищу. «Стройся, – говорят. – Цемент, песок привезём. Вон церковь на кирпичи разбирают. Разбирай! Машину на вывоз – пожалуйста!» Из кирпича Лёня коробку девять на девять сложил. Когда разобрал, чуть не завалило. Лёня всё смеялся, что основу церкви раньше разобрали, а ему досталась одна археология.

Мать Галине как могла, так и помогала. Привезёт конопатой бязи, а та и простыни, и наво-

лочки, и занавески, и себе рубахи ночные, и мужу кальсоны понашьёт. Чай, не даром на курсы кройки и шитья ходила. На третий год строительства мать писала сыну Филиппу: «Потолок «осчекатурен», будем «чекатурить» стены. На зиму должны перейти в новый дом». О том, как достались стропилы, как Лёня плавил нарубленные ели с верховьев пруда да перекладывал сам три раза печь, можно и не рассказывать. Что в этом интересного, когда за весь трёхгодичный период и гвозди, и обрешётку, и горбыльки на потолок Галина по досточке да по досточке, если в ночную смену, за два с половиной километра с лесопилки наносила. Мастер участка, бывало, сам скажет: «Бери, Горбадеева, вот это да это себе на строительство. С государства не убудет».

Уже когда в дом перешли, второму мальчику, Владу, два года было: белый, пучеглазый. Как говорила сестра Лёни: «Весь в камаганцевскую порóду вышел». Галя к тому времени на маникюрную работу перешла. В парикмахерском заведении у неё свой столик нашёлся. Там и маникюр, и педикюр. Работа с хорошей денежной заинтересованностью. Лёня лучший токарь, тоже жену по заработку догоняет. В доме просторно. Старухи съедутся, бывало, поругаются, есть куда разбежаться, не то что в старой избёнке, где мать Лёни специально ложилась в кухоньке-прихожей, постелив половики, и голову на порог вместо подушки. Огород, удобренный куриным помётом, давал хороший урожай картошки. Козы — молоко. Всё вроде бы шло хорошо. Но как-то Галина, проснувшись ночью и лежа в некоторое время без сна, прислушиваясь к тишине, открыла неприятную новость. Ей послышалось похихатывание в толщине кирпичной кладки. Похихатывали кирпичи, и в разных местах. От мороза по коже Галина прижалась к мужу и стала, что с ней никогда не случалось, жадно-жадно целовать его.

О ночном происшествии, вернее, о слуховых галлюцинациях, Галина рассказала мужу после заданного вопроса:

— Ты ночью ничего не слышишь?

— Да, будто кирпичи похихатывают, — ответил он.

Ну, ладно, у одного могут гуси в голове лететь, но у двоих одновременно. Стало как-то не по себе. По-православному бы освятили дом, поставили в передних углах иконы, так ведь Лёня — коммунист, не приведи господи кто-нибудь донесёт. Тут дочь соседей Аня Силоранова приехала с Волги и стала расписывать рай меж-

ду Самарой и Тольятти. Жигули вы, Жигули! И климат тёплый, и помидоры в начале мая в грунт высаживают, и яблоки, и сливы. Подумал Лёня да съезжать собрался. Он утаил от жены, что, ломая кирпичи на дом, начисто разобрал за алтарной частью склеп, соблазнившись, что склеп-подвал был пуст и посаженный на известковом растворе кирпич брался хорошо. С три самосвала набралось.

НИКОЛАЙ — МАЛИНА В РОТ

Поехал Лёня в Жигули на Волгу по стойкому снегу, устроился работать в лесхозе. А в начале весны, взяв отпуск без содержания, перевёз на новое место семью. На выручку от продажи дома Горбадеевы купили садовый участок в шесть соток со всеми посадками, яблонями и шестью рядами малины.

Николай Горбадеев был на пять лет старше своего брата Лёни. Братья жили по пословице: свой своему поневоле друг. Строиться друг другу помогали, не одно лето постную похлёбку хлебали да огородную зелень грызли. Деньги-то на строительные материалы уходили, да и то, дом Николая, построенный на его семью и тещу, наполовину из гнилья вышел. Николай кроликов заводил, всё с долгами рассчитывался — на мясо денег не оставалось. Галя Горбадеева не к своему мужу, а к Николаю больше симпатию имела: большой, белый, мягкий. Обнимет сноху крепко-крепенько — благодать. Николай имел присказку — малина в рот, и хорошо мог соврать. На Волге, когда ничего не надо было строить, когда только отпуск, ягоды, фрукты, козлятина да купание в реке, Николай расцветал: «На будущий год, малина в рот, когда пойду в отпуск, возьму Валюху и с ней поеду в Чимкент, малина в рот». Валюха, жена Николая, работала инспектором в пожарке. И сколько бы Николай ни приносил денег, работая кузнецом на мехзаводе, всё ей было мало. А деньги, по словам Николая, были немалые. И премии, и тринадцатая зарплата двух месячных заработков стоила. Николай, как и каждый второй русский человек, склонен к «египтологии». Когда сказали ему, что кирпичи в доме на Урале похихатывали, он на глазах домочадцев сначала задумался. Было видно, что в голове своей прокрутил колёсиками, смешивая разговор про найденную якобы в могиле водку с последней информацией, и выдал: «Я, малина в рот, с мертвяками запросто смолоду. Ещё в Чернушке, когда мы жили, могилу посылали копать,

малина в рот. С нами дед был. Только отбили ломами грунт в мой рост, а там гроб. Ну что делать? Открыли, малина в рот. Там скелет и в ногах бутылка. Дед взял бутылку, откупорил и так приложился, что чуть всю не осушил. Вот, говорит, настоящая водка, при царе разливали, малина в рот. Я тоже попробовал. Нонешняя водка ни в какое сравнение не идёт, ни одно название. А вы кирпичей напугались. Но, ничего, и здесь жить можно, малина в рот».

У Лёни жизнь на Волге поначалу началась в бараке. Прозимовал в нём две зимы, а уже осенью половину коттеджа дали. Это одно слово — коттедж. С посёлка Гудронный, что в глубине Жигулёвского заповедника, щитовые бараки разбирать стали и свозить на Солнечную Поляну. Там местечко нашлось, КЩ стали называть. Там этот старый хлам на фундамент ставили да огнеупорным кирпичом на ряд ложком обкладывали. С виду-то красиво получалось, и зелень природная на участках кое-где оставалась. Так и говорили — живём на «кацах». У дома на «кацах» и огораживаться, и хозяйственные постройки, свинарник, погребец, сарай необходимость пристала строить. Галина, перед тем как третьего родить, полгода в отлучке была. В Жигулёвске на оператора котельного оборудования училась. Только по воскресеньям и виделась.

Деньги-то на Волге маленькие. Лёня только и зарабатывает. Платят чуть побольше тарифа, а где калым подвернётся, так самогоном расплачиваются. Только и разница в том, что летом на закусь кислые яблоки из сада заказчика, а зимой сало — вот и всё. На мальчишках всё горит, особенно обувь. Хорошо, что маменька родная то конопатой бязи, а то, глядишь, фланели или ситца привезёт. В ту пору, когда бедствовали, в Жигулях обильный урожай грибов выдался. Опята крупные да чистые были. Рабочим лесхоза на выходные грузовую машину снаряжали, да и сам Лёня, как бы на аварию на неделе ездил, а там, глядишь, короб грибов везёт. На грибные деньги детей в школу отправили и сами кое-какими махрами обзавелись. В это трудное время родила Галина третьего сына, Акимом назвали. Рожала Галина, как всегда, трудно, даже врачи обещали летальный исход роженице, но ничего, молитвами слёзными обошлось. Вот оно, течение жизни на Волге.

Филипп, брат Галины, приехал к ним в гости года через четыре, после того, как она с семьёй вселилась в дом на «кацах». Еда — картошка да

солонина, всё больше помидоры да огурцы. Вечером выставляется ведро яблок штрефель. Дети едят больше десятка, бросая в помойное ведро крупные огрызки. Младший Аким личиком просветлённый, и когда Филипп ходил с ним в парк гулять, то он стоял в пальтишке несчастный-несчастненький, готовый вот-вот расплакаться. Это старшие братья на картошке да на домашней выпечке разъелись, чушканы чушканами.

Горбадеевым, как всегда, денег не хватало, дети росли, на них всё горело. Всё надоело до горькой редьки, всё застоялось в нищете да на низких зарплатах: своей и жены. Жена уже к тому времени в леспромхозовской котельной кочегарила, да только новая работа не спасала от безденежья. Съездил Лёня в Самару да обратился куда надо. Заявил о том, что он токарь-фрезеровщик при любых полевых условиях, а те потом и звякнули по рации за Васюган. В ответ прокричали, чтоб он ждал вызов. Вызов пришёл через два месяца. В посёлке геологов на реке Вах освободилась жилплощадь, есть школа, можно выезжать с семьёй. Вызвали бабу Горбадееву, прописали её на жительство для сохранения квартиры, купили ей пару коз на деньги за проданный сад — живи, мамаша! Уже глубокой осенью Влад писал письмо своему дяде Филиппу: «Вах встал. Наша школа находится около залива. Дядя, купи мне барабан».

ТЮМЕНСКИЙ КРАЙ — ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

В посёлке, что на реке Вах, Горбадеевы при хороших деньгах зажили жирно. Уже весной, как только стала лысой делянка, доставшаяся по наследству от бывших хозяев теперь уже горбадеевского огорода, Галина дала команду Лёне — строй теплицу, строй стайку. И пошёл Лёня побираться по редколесью, искать подходящие стволы. Места пойменные, подходящее далеко, да если и дойдёшь, срубишь, спасибо не скажут: сразу для Лёни законник появится. Вот и собирает Лёня болезненные чахотшные произрастания. Чтобы построить из всего этого, надо очень умелые руки. Ритмично, по полгода, живёт у Лёни тёща. Прилетает, когда уже нет комаров, когда высокие сугробы. Вертолёт висит над сугробом, и пассажиры плюхаются в рыхлый снег. Тёща барахтается со своими узлами. В первую поездку тоже привезла конопатой бязи, но дочь ей сказала: «Мама, больше не вози». Мать побижалась да перестала. Она была самая ста-

ренькая в посёлке, и жители с любовью относились к ней. Первый раз, когда дети были в школе и она одна перемывала посуду, в дом вошла молодая женщина и бросила на пол здоровенную щуку килограммов на пять, сказав: «Это вам на котлеты». И так всё время. Кто сохатины кусок, кто пернатую дичь несёт, а рыбу только чистить успевай. Когда начинала подъедать мошка, мать на пароходе «Зырянов» уплывала к себе домой. Николай – малина в рот все свои отпуска теперь проводил на Волге у своей мамочки. Съедал козий приплод, пил молоко, лакомился вишней, что росла по всему подворью.

За пятилетку, что прожили на Вахе, Горбадеевы заметно прибрахлились, стали похожи на людей с достатком. В отпускное время стали выезжать то на Волгу, то в Чимкент к родственникам мужа. В Чимкент, конечно, не с пустыми руками, с подарками. Когда созрела вишня на Волге, то всем Горбадеевским скопом. Бабка, Горбадеиха, уже всю себя хозяйкой считала. Сразу косо посмотрела на свою сватью, не приветила и пацанов. У самой две внучки из Кемерово гостят, уже второй месяц. Северяне кинулись на вишню, бесцеремонно хватают, ветки гнут. Акимушка облюбовал самую маленькую вишенку и потихоньку ягодку за ягодкой скромненько ест. «Девкам-то оставьте!» – не вынесла Горбадеиха. Ей не нравились невоспитанные ребята-северяне – её внуки. Яйца сырые ели, молоко пили бычками, нахально бездельничали на глазах. Где-то на третий день пребывания на Волге проснувшиеся поздно северяне обнаружили, что вторая половина жильцов, а это были кемеровчане, отсутствует. Маленький Акимушка побежал к заветной вишенке, но вскоре вернулся.

– А где ягодка? – спросил он.

– Вон, бабка всё с девками обобрала. С вишней на базар уплыли, – ответила сыну мать Галина.

Отпуск у северных людей был большой. Звали в Чимкент.

Однажды, когда и в Сибири изводила жара, приехала Галина из Чимкента. Со своими парнями там целый месяц провела, десять дней до конца отпуска оставалось. Ребята были загружены основательно. Помидоры, баклажаны, недозрелые персики и почему-то полмешка картошки. Когда спросили её – зачем, то она отпарировала – так она же свежая. День был выходной. Филипп был дома. Едва Галина обсохла с дороги, она сразу закричала на Филиппа:

– А ты что сидишь? Что, работы нет? Сейчас найду!

Ребята и Филипп были выгнаны на огород, выдирать на картофельном участке осот. На другой день Галина уже белила в избе. Ребята шли подавать документы в учебные заведения.

После переезда в Нижневартовск Горбадеевым стало совсем хорошо. Лёне жилплощадь выделили – две комнаты в заезжем доме – общежитии. А это и к лучшему. Есть пустырь – огород можно раскопать, тепличку построить, баньку, мастерскую.

Влад в Кемерове остался. С большими усилиями набрал проходные баллы в техникум, стал учиться на механика. Михаил подал документы в «юнкерскую школу», да потом раздумал учиться и уехал к родителям в Нижневартовск и в местное ПТУ поступил на электросварщика. Перед армией, а у Михаила на год отсрочка была (что-то подлечивал), соблазнила паренька молодая разведёнка. Сынишка её постоянно к Горбадеевым носился, ведь коридор общий. Да и сама мама Фая с мамой Галей по простоте души по-приятельски себя ведут. Фая-то чувашка, а чувашки охочие, не дай бог, и умом изобретательны. Пока сынишка с Акимушкой играет, Михаилу неотложное дело в своей комнатёнке найдёт, а там походит, подёргается, и халатик нараспашку – кушать подано. Другие страдают, а здесь всё доступно. Влад в Кемерове самый чувствительный, дух Лауры вызывает, а Мишутке от яблочек наливных переспелой гнилью любовью запахла.

123

По сварному делу Миша в большой талант вышел. Перед армией в Кемерово приезжал – совсем мужик, а не ум – умишко. Дядю Николая осудил за то, что выпить племяннику предложил, за то, что тот дорогой водкой решил побаловаться. И вроде с севера приехал с деньгами, а на подарочек близкой родне и копеечки не потратил. Зуб золотой вставил, да не на самом видном месте, а показать, похвалиться хочется. Это ему удаётся, когда нужно унижить кемеровчан. Станут кемеровские что-нибудь про достоинства своего города говорить – ведь и правда, Кемерово опрятный и богатый город, – а Михаил щёку левую к глазу подтянет, выкрит верхнюю губу так, что зуб золотой весь до самого корня засветится, и скажет: «Чему удивили! Вот у нас в Нижневартовске!» А что в Нижневартовске – дома как дома, грязь непролазная да огромные лужи,

видно, деньгами оправдывал, умирал свою угнетённую душу Михаил.

Новую квартиру улучшенной планировки Лёня Горбадеев получил, когда Михаил служил в армии. На новом месте припомнились хихикающие кирпичи ревдинского дома. Дом, в который въезжал Горбадеев, стоял впритирку к могилам нижевартовского кладбища, возникшего во время раннего освоения горючих недр, где место было посуше и рос тоненький соснячок. При перезахоронении родственники погребённых зарывали в свежие могилы нетленные усохшие тела и снова ёще больше ревели. Безымянных, отпев, свалили в общую траншею. Когда Михаил отслужил положенный срок и явился домой, то его встретило благоухание родительского жилища: мебель, портьеры, посуда тонкого фарфора, рыба, дичь, мясо, щучья икра, брусники, грибы. Лёня угощал гостей самогоном, воспитанным под коньяк. Были девки, мелькал улыбающийся Акимушка. Михаил говорил как-то малопонятно и опять же выкривив губу. И всем казалось, что он много знает, да не хочет сказать.

Владлен, средний сын Горбадеевых, поинтереснее своего старшего брата Михаила. Михаил — молчун несусветный, на русского мало похож, чёрный. Гордыней берёт оттого, что срабатывает шов, стык нефтепровода можно и не просвечивать. Личное клеймо имеет, вот и гордится. Владлен, этот в камагановскую породу вышел: белый. Глаза чёрные, блестящие. Когда на нефтеучастке работал, то мордаха из подшлемника белой опарой лезла. Этот Владлен — большой любитель чтения. Светлый ум с большой любовью к детям. Когда учился в техникуме, то всё свободное время с местными ребятишками проводил. Строил из снежных кирпичиков крепости, а то сядет, наклеит из плотной бумаги бронетехнику, самолёты и разыгрывает с мелюзгой бои с поджиганием. В армию не взяли — вес большой. Приехал Влад в Кемерово в отпуск, а там проводили, что он такой молодец, и знакомая завуч общеобразовательной школы смотрины провела. Своих девчонок — выпускниц педагогического колледжа выставила — выбирай. Вот Снежана есть. Владлен с маху влюбился в Снежану, не стал рассматривать охочих да лягушек со стрелой. Снежана из разряда Наоми Кэмбел, Волочковой. В конкурсе красоты участвовала, да вот красота очень обнищенная. Не чувствуется глубины, не видно таинственной

бархатистости, но коса обвита под эпоху Возрождения серебряными нитями. Ни дать ни взять — Джульетта Капулетти.

Полюбил Владлен Снежану, и Снежана полюбила Владлена. Пока дружили, Владлен устроился на электростанцию и всех уверил, что будут хорошие заработки, что родители крепки на ногах — без внимания не оставят. Да и личишко немалую роль сыграло, ведь камаганцевской породы. Будущий тесть так и сказал дочке: «Выходи замуж. Это моё последнее слово». Правда, тётка всё кривилась и всем говорила, что не такого хотела бы дочке. Женишок мелковат — это в её понимании, чином не вышел. Родители Снежаны слабовидящие. Божий свет туманом в глазах стоит, а Влад так и заявил: «Я вас не оставлю, не беспокойтесь. И Снежану любить буду крепко, и всё будет как надо». Приехал Лёня из Нижневартовска, договорились, когда свадьбу играть, сколько намечается гостей с обеих сторон. Лёня видел и понимал, что всё придётся брать на себя, что будущие сватья не помощники, и был в таком волнении, что не пилоь и не елось. Лёня вспомнил молодость, вспомнил Ольгу, которую увёл начальник смены Лоскутников, и успокоился тем, что Снежана намного лучше Ольги, и радость грела сознание, обещала счастливое будущее сыну.

На свадьбу папа Лёня, мама Галя, Михаил и Акимушка приехали из Нижневартовска, как будто из Чимкента — со всем своим. Два ведра крепчайшего самогона в канистрах, тридцать куриных тушек да столько же поленьев мороженого судака, ведро брусники, мешок пельменей, — как будто в Кемерове всего этого не нашлось бы. Миша так и сказал в ответ на брошенную Филиппом реплику.

— Так ведь это наше — нижевартовское. У нас в Нижневартовске лучше и дешевле, не смотри что север.

Мать Снежаны Горбаткиной не хотела, чтобы Влад Горбадеев женился на её «благородной» дочке. Вон предпринимателей сколько, да вот дочь-то в ум не вошла, не умеет покрасоваться, себя преподнести. Ещё ни с кем и не гуляла, непорочна. Поэтому и платье самое дорожее заказали, и кольца, и цветы, и на подарки намекнули, что деньги немалые стоят. Но жениха не собьёшь с курса. Твердит как оглашенный: «Мама, это моя судьба!» Михаил за день до регистрации при своих двоюродных сёстрах сказал, мотая головой и усмехаясь: «Нашёл же

красавицу. У нас в Нижневартовске таких на каждом углу». И губу выкривил, и зуб золотой показал. Назавтра ему предстояло выкупать невесту, и он учил, напутствовал двоюродных сестёр, чтобы они были понаглее и действовали и горлом, и плечами.

Акимушка был далеко-далеко от всей этой суеты. Сказались последствия родовой травмы. Школу он оставил после второго класса, едва научившись читать. Как-то замолчал и всё тут. Но мир его не был пуст. В доме он добивался идеальной чистоты, любил цветы, поливал, протирал мокрой салфеткой листья. Мать окрестила Акимушку в церкви и купила две книги: одну Ветхого, другую Нового завета. И, бывало, Акимушка, почтавав, почтавав, подойдёт и скажет про Иова, что во чреве кита проживал. Скажет, что и не сразу поймёшь, а он отойдёт, радостью сияя. Если заболит бабушка Аня, он и спину ей натрёт, и воды попить подаст. Потом подойдёт к матери, задумается с вселенской значимостью и скажет: «Баба болеет!» Когда вместе с матерью в Италию ездил, то снялся на память в костюме гвардейца Ватикана, где одна сторона по вертикали желтая, а другая – оранжевая, с алебардой. И всё серьёзно. А когда ездили семьёй на Чёрное море, вышло как-то легкомысленно. И Акимушка, и Лёня вместе и по отдельности фотографировались на фоне моря с одинокой искусственной пальмой в нарядах туземцев острова Папуа, с перьями в волосах, в юбках из зелёных растений и с копьями. А кругом валялись искусственные грудные клетки человека и черепа.

КЕМЕРОВСКОЕ СТОЯНИЕ

Жена Филиппа Сдобникова пришла только на регистрацию брака Владлена и Снежаны, и, когда Снежана Горбатенкова стала Снежаной Горбадеевой, вручила каждому по иконе: Владлену икону Спасителя, Снежане икону Божьей Матери. Иконы были дешёвые, на картоне, но выглядели символично. «Хорошо, что на выкуп невесты не пришла, – подумал Филипп. – А то бы насмотрелась!», глядя, как лица гостей со стороны невесты задёргались в ехидненьких усмешках: ничего себе, чистенькая богомолочка вытворяет!

Двоюродные братья и сёстры Владлена были уже неприязненно настроены на обратную сторону. Выкупать невесту Горбадеевы собирались съестными подарками, вином. Хоро-

шо, что с ходу ворвались на второй этаж невестинного подъезда, но выше уже сгустилась толпа девок и нагловатых парней, требуя откупить проход. Михаил велел подать мешок, где были заготовлены кульки с разными орехами и конфетами, стал предлагать девушкам, а парням разливать по стопкам вино. Но это были первобытные ящеры.

– Ты брось, мужик, – сказали они Михаилу. – Клади на каждую ступеньку красненькую, а орехи раздай своей толпе.

Михаилу было очень обидно, но он положил на первую ступеньку красненькую десятку, подумав, что до конца не хватит и двух северных зарплат. И когда он послушно откупил с братом восемь ступенек, то Снежана летела белым ангелом в объятия жениха, спасая от разорения и смертельного конфликта. Все рассмеялись и обратили конфликт в душесипательную шутку. Только мать Снежаны всё говорила, что не такого зятя хотела.

Свадьбу играли в большой комнате частного дома. Гости, выехавшие заказным автобусом, долго ждали новобрачных – час, другой. Потом по углам веранды стали выпивать и закусывать, ожидая, когда же по-настоящему можно будет сесть за стол. Когда уже совсем обозначился зимний вечер, наконец-то показались пропавшие. Оказалось, что сломалась машина, и молодожёны перемёрзли насквозь, пока её ремонтировали. Молодёжь со стороны невесты решила покуражиться, добрать своё, но невеста взяла сторону мужа. Она дала знать, что семья мужа теперь превыше всего. К свекрови она кинулась в объятия со словами: «Мамулечка, моя милая! Заждалась?» Молодые сели в общество отроков и отроковниц, где были фрукты, шампанское и большой в розочках торт. Родня невесты в отдельной комнате, особняком, при открытых дверях. Там правила жена старшего брата Снежаны. Она позаботилась о разнообразной снеди и выпивке для людей, близких ей по духу. Родственникам жениха ставили в бутылках неразбавленный Лёнин самогон. Это было не питьё – ртуть. Закусывали зажаренными пластами судака, квашеной капустой. Галина всё просила стряпчих, подруг сватьи, чтобы те подавали куриц, котлет. Но стряпчие, хватанув по стопке Лёниной испыталовки, уже ни на что не обращали внимания, и всё пошло самотёком. Пившие шампанское и премиумную водку, весело резвились, вертели в танцах бёдрами. Родственники жениха после

самогона не могли поднять задниц и шумно что-то говорили. Самый агрессивный сродник невесты, хлебнув стопку самогона, тут же отрыгнул с обильной закуской в пустую тарелку и поставил на стол родственникам жениха. Хорошо, что кто-то бдительно тут же убрал.

И опять же со стороны невесты мальчиш-плохиш, нырнув под стол, сорвал с ноги невесты туфельку и потребовал выкуп, завывсив стоймость. Снежана, сняв с ноги вторую туфлю, потребовала принести галоши взамен белоснежной пары. Тесть Владлена находился около сватов. Он очень волновался, выходил на свежий воздух, чтобы успокоиться, а придя с улицы, выпивал то, что подавали на стол родственникам свата. Укатив с молодыми домой, он и дома находился как бы в непроглядном тумане. Молодые закрылись в своей спальне на ключ. Когда Снежана осталась в самом тоненьком, обжигая Владлена законной близостью, в дверь стала сильно стучаться теща. Снежана заругалась на мать, но та сообщила, что отец отдал богу свою душу.

Не прошло и сорока дней, а Владлен уже готовил железное витьё ворот и калиток будущей садоводческой усадьбы. Землю брала теща по распределению организации, в которой работала с мужем. О трагически умершем Горбатенкове говорили сдержанно, что жить хотел, о здоровье заботился, всегда врачей визитами беспокоил, да видно смирился, дочь благословил, молодому хозяину место уступил. Тётка Владлена возмущалась: «Угробили мужика своими выходками. Когда раньше свадьбу справляли, больше половины мужиков разрисованных было, с железными зубами на весь рот, а так не бесчинствовали!»

После свадьбы Владлен питался пельменями, сэкономленными родственниками жены, и курами, потихоньку ненавидя мир за это однообразие. Ненавидел мир, когда друзья Снежаны уже после свадьбы ходили к ней в гости. Владлен предлагал гостям кофе, чай, магазинную выпечку, но вместо нормального разговора было бесовское хихиканье, неразборчивая речь, и казалось, что этому не будет ни конца ни края. Всё какое-то полублатное. Владлен заходил в туалет или в ванную комнату и бил в звонкую бетонную панель хрущёвки своим лбом. Владлен любил Снежану всей разгулявшейся плотью, а эти бесы своими визитами отвлекали, разрушали ауру.

Когда Снежана забеременела, друзья ходить перестали, но беспокойство за жену осталось. Видно, сдвинул мозги, когда бил головой о бетон. Владлену казалось, что Снежана слишком красива. Он ревновал ко всем мужчинам, которые задерживались на ней взглядом более трёх секунд. Тогда он начинал сжимать кулаки и глядеть исподлобья. Если кто был намного слабее его (здоровяков Влад боялся), то говорил: «Выйдем, я тебе морду набью!» Дядю Филиппа Владлен презирал, видимо, наслушавшись нелюбимых разговоров отца и насмотревшись на отношения к нему матери. Владлен навещал бабушку, у которой жил Филипп. Принесут со Снежаной какой-нибудь патиссончик бабушке в подарок, советуют, как приготовить, и глядят на Филиппа. И вид весь говорит – сожрёт ведь оборот. Как-то Филипп шапку Владлена из стриженного бобра спутал с собачьей, Влад сразу напыжился: «Дядя, я обижусь!» А когда дядя невольно передержал взгляд на Снежане, то пообещал за это открутить голову. Зверел человек!

Сизиновка за школами и жилыми домиками районо сдала в аренду садоводческому товариществу общинные выпаса. Она была просто деревней когда-то, потом долго – колхозом и отделением совхоза. Здесь удобно жила крестьянская мелкота. Хороших домов раз-два и обчёлся. Речонка извилистая зимой не перемерзает, вода родниковая. Берега удобные, русло разлива не даёт в весеннее половодье, и домишки разбросаны не соприкасаясь по руслу, ближе к воде. Вроде и обитатели живут втихушку, бог чем занимаются. Смотришь, где-то далеко маячит скотный двор, водонапорная башенка. Прячется в березняках сушилка, проглядывает зерновой склад. Вот и всё. Когда организовывали колхоз, все веялки, конные сеялки и косилки в один сарай свезли. Курей на общественное питание реквизирировали. Когда к совхозу присоединили, то магазин, клубик и порядок жилых домов построили, где на временной привязи у каждого, вместо лошадей, верблюдов, точно слоны, стояли зерновые комбайны, большегрузные трактора с тележками, тяжёлые бульдозеры на гусеничном ходу – по времени года. Однажды весной всю пошла приватизация, когда Бык захватил Ачинский глинозёмный, когда в Тюменском крае начались кидалово да бандитизм. Вся техника, на которой работали сизиновцы, была прочно привязана к оврагам, плетням домов, избушенок

и сараюшек жителей. И было видно, кто чем занимался в совхозе. Жители коттеджного порядка поставили трактора. Большегрузные самосвалы и комбайны. Низинная часть — трактора-колёсники с навесной техникой. Смотришь, у совсем захудалой избушки — тарельчатая сенокосилка, копнитель, а где просто лушильник. Всё в хорошем состоянии, всё, видно, исправное.

К тому времени, как Влад получил участок, завёз строительные материалы, поставил кованые царские ворота, сработанные на мехучастке, техника, полученная сизиновцами за два года, как доля от приватизации, растаяла, словно навороченный горой снег. Сначала были сняты колёса, потом выставлены ветровые стёкла, убраны моторы, дверцы, гусеницы. Тарельчатые сенокосилки, прицепные копнители исчезли из вида в первое лето. Филипп пытался отговорить Влада от места, где собирался он построить будущее своей семьи, говорил, что толку не будет. Но Влад не послушался, взял ещё пятнадцать соток под картошку, самонадеянно сказав: «Кто на мой участок залезет, тому голову отшибу!» Да пока никто и не собирался лезть, никто не увёз за зиму и мешка цемента из кладки, что была защищена фанерным домиком. Никто не сбил замок с пятитонного железнодорожного контейнера, где Влад хранил инструменты и ночевал со Снежаной. Никто не залез в теплицу, где огуречные плети росли так густо, что плодам не хватало места, что всегда сказывалось на урожае. Филипп стал заложником стройки. Сначала он разобрал и очистил кирпичи Лёниной кладки. Песок был речным и до того чистым и сыпучим, что Лёня добавлял из будущего подпола глину. За зиму цемент в мешках от влаги так уплотнился, почти до камня, но ведь деньги заплачены — не покупать же новый. Добавился ещё один вид работы — размолот и перетирка. Почти бесплатный песок сразу давал осадку, не держал влагу, и кладка становилась мукой. Добавленная глина плохо размешивалась.

Фазенду Влад строил размером девять на девять, на четыре фронтона щипцовой крыши со вторым чердачным этажом. Влад мечтал жить здесь с ранней весны до поздней осени, мечтал купить машину, сдать на права. В Нижневартовске он без прав водил тяжёлый «КамАЗ», собирая с качалок пробы.

Денежные накопления в перестройку у Горбачевых не пропали. Лёня чувствовал неста-

бильность, отоваривал вклады, свой и жены Галины, беря, что получше, подороже. Остаток подарил Михаилу. Да тот от радости, хорошо выпив, потерял «до копейки». Решил Лёня большую деньги заколачивать. Купил токарный и фрезерный станки, построил тёплый сарай, где залил фундамент под станки. Сарай строил из чего придётся: из фрагментов разрушенных балков, плавника. Дыры залепили смесью навоза и глины. Галина свежие лепёшки в старом Нижневартовске с ведром собирала. Смесью сначала вытаптывала, потом мазала. Михаил как раз на очереди квартирной стоял. Ему как передовику в конторе твёрдо обещали жильё. Парень крепко таился, а молчуном-то был несусветным, но гордость своё взяла. Видно, похвалился кому-то, что вот как, мол, меня любят, что квартиру дадут, и деньги хорошие платят. Сумел промычать. На новый год пришла к Михаилу с его друзьями дева Юля. Погуляв, друзья ушли, а она осталась. Заглянула мать, заглянул отец в Мишину комнату, а молодые в обнимку спят. Галина только рукой махнула. Невеста и личиком и плечиками разве что на зубок, зато бёдрами в такую ширь раздалась. Свадьбу на один дом играли у жениха. Мать невесты потребовала и на свой дом, да папа Лёня твёрдо отказался, заявив: «Если у вас есть на что, то и веселитесь, а я своё отдал». Через полгода молодые в квартире улучшенной планировки жили: и кухня и две комнаты такие просторные! Для жены Михаила такая благодать. Раньше, когда жила девкой с братом у матери, не то было. Брат и пил, и наркоманил. Деньги не оставишь — утащит. Теперь и на мужнину получку широко живут.

Со своей женой Юлей Михаил приезжал в Кемерово, погостив в Чимкенте. Молча куражился, выкривив губу и показывая золотой зуб, и было видно, что Юлии Ивановне не шибко-то нравится поведение супруга. Дома молчит, слова не скажет, здесь выхваляется, никого не угостив, не купив и маломальского подарка для приличия. Придёт домой, включит телевизор и смотрит по третьему каналу передачи с подхохоткой. Ну а как не быть самодовольным в его понимании. Деньги приносит хорошие, квартиру заработал, жене шубу купил, словом — весь набор удовольствий. Только в последнее время, когда Лёня с Галиной подали объявление на междугородний обмен жилплощади (инициатива была Галины, чтобы

муж не водился с присохшими к сердцу подружками), Галя заметила, что перестал он довольно ухмыляться. Спросила:

— Что, в семье плохо?

— Плохо, мама! — ответил сын.

Квартиру Михаил поменял с улучшенной на простую хрущёвку с доплатой в виде потрёпанной вазовской восьмёрки. Поселился в садовом домике, где отец тешился с ухажёрками. Юля, пожив со своим одноклассником некоторое время, осталась одна, и когда Михаил с подарками навестил сына и собрался уходить, она, раскинув ручонки, загородила ему дорогу. Даже голос был двойным: голос жены и ангела-хранителя. И не было бы благороднее поступка, уступить бывшей жене, простить, но это был глиняный болван с камнем за пазухой.

ДВЕ КОНЧИНЫ

Мать Гали Пантелеевой умерла по второму заходу. По первому не дали, хотя все муки предсмертные до конца вытерпела, а уж сколько стерпела до этого на старости лет, то выйдет море разливанное: до семидесяти лет по магазинам с тряпкой. Пенсию и зарплату дочь до копейки заберёт на семейное процветание, зять бесится, когда туалет займёт по нужде, внук младший каратэ шибает, пока его не нашибали в пионерлагере. Оттерпела предсмертные муки, легко стало. Вот и старичок, весь в белом, дочь первенькую, что умерла малюткой, живёхонькую на руках несёт. Но не донёс, и со словами «Не время!» повернул назад. Дома ведь телефон. Дочь запросила реанимацию, и эта реанимация на диво тут как тут — воскресили старушку. И зачем воскресили? На новое страдание? Посвидетельствовать о старичке с дочерью первенькой? Только через две недели умерла, и все две недели обижалась, что воскресили. Галина мать Варвару похоронила, не сообщив её самой близкой подруге Феклисаде Сдобниковой. Варвара и Феклисада долго работали вместе доярками, нянями в больнице, когда дочери переехали на жительство в город. За маленькие деньги они трудились безупречно, по совести. Коровы у этих тружениц были ухожены до самого лучшего состояния. В лечашем отделении они всеми силами старались облегчить страдания больных чутким уходом, состраданием. Смотришь, совсем безнадёжных брошенных старика, старушку, от которых уже дух разложения в последней стадии болезни, помоют, пригладят, причешут — всё облегчение.

После того как сообщили о смерти Варвары и похоронили её, мать и сын Сдобниковы стали как-то чаще говорить о Боге, о кончине. Мать Феклисада говорила, что и не думала доживать до такой глубокой старости. Работая на ферме дояркой, особенно в летнее время, мать, измученная непосильной работой, жаловалась детям, обещая наложить на себя руки, что сильно их пугало. О Боге она не думала. Это было для неё запредельно. Икон не продавали, родительских не было, не осталось. Церковь в городе была единственной, маленькой, да и когда выберешься. Есть еду насущную, что Бог дал на день грядущий: постное ли, скоромное, не считала и малейшим грехом. «Я столько постовала, что поста на три жизни хватит», — говорила мать детям. Умереть Феклисада не боялась. Только вот где лежать — была острая проблема. На новом кладбище было захоронено столько миру, столько миру, и все — в камнях, в щебёнке — не мирно! Там лежать не хотелось.

— Я тебя похороню в Денисово — обещал сын Филипп. — Там земля на взгорке сухая, там вся родня наша, один к одному.

— Нет, не хочу, нехорошо, — отвечала мать.

Ей тоже часто снились сны-видения, еще с детских лет, и они были неприемлемы её жизненному существованию. Последний был такой. Вот она со своей почившей родней лежат в строгом сумраке, ждут решения небесного начальства и, как на грех, очухавшийся с перепоя мужичонка смертно ругается, лишая всякой надежды на воскрешение. Тихо! Тихо! Грозит своему соседу пальцем Феклисада.

Нижневартковск, где жила дочь, при случае не обещал ничего хорошего: сырой торф, промозглость. Филипп успокаивал мать:

— Ты, мама, жизнью своей святая. Тебе Бог сам место выберет!

А хотела мать, чтоб на могилку ягодка лезла, чтоб кругом незабудки да огоньки, любимые с детства, и берёзы лёгкие своим лиственным духом шумели.

Два года прожила старая Феклисада Романовна после инсульта в славном граде Нижневартковске. При хорошем уходе стала самостоятельно ходить по квартире, не будить, как раньше, ни внука, ни зятя, ни дочь. Потом умирать собралась. Стала молить Бога, чтобы вызволил из болотных хлябей, упокоил в сухом местечке. Бывало, как начнёт стонать да жалостливо просить, так хоть из дома беги. На поезде

не увезёшь, дорога с пересадками. Самолётом проще. Довёз до аэропорта, погрузил, да и готово. До дома и на руках отнести труда не составляет. Да самолёты не летают.

У Лёни в Нижневартовске дела не пошли. Начал было дело: точить, сверлить, за изделия долларами брать, да кто-то донёс, и адрес домашний засветил. Пришла бумага явиться куда надо, а там и говорят: «Регистрируйте предприятие, несите бумаги за земельную ренту, разрешение пожарного надзора, общества охраны природы и бумаги на металлургию». Рэкетиры — лихие ребята лезут, требуют: «Дядя, плати долю». Даже когда повыбил остекление сарая, завалил стену, всё равно бумаги шлют, интересуются, как дела идут. Да срань криминальная покоя не даёт, угрожает расправиться. Съездил Лёня в феврале поездом в окружную в Кемерово, а там сестра Людмила сказала, что половину коттеджа продают. Только надумали хозяева. И Лёня тут как тут, денежки наличкой протягивает. Оформили документы. Оформители упрекают, что балуют де городских, дачниками будут. А Лёня им: «Я в данном месте до конца своих дней жить остаюсь». Вернулся в Нижневартовск, а там извещение ждёт на обмен квартиры в Кемерово, причём равный обмен.

Воздушный рейс Нижневартовск — Кемерово возобновили, да только не ежедневный, а раз в десять дней. Зашевелились Горбадеевы. Билеты достали и сразу контейнер на кемеровскую квартиру отправили. Филиппу телеграммы никто не давал. И что мать доставили самолётом из Нижневартовска в Кемерово, сын только догадался, когда в скважине замка его квартиры была обнаружена свитая мелкая бумажка. «Если дети шлодничали, то бумажка была бы загнана вовнутрь, чтобы не вошёл ключ, — подумал Филипп. — Что бы это значило?» Наутро, а это было воскресенье, Филипп поехал к Владу. И правда — Снежана, Владлен, его тёща, Михаил и сестра были исполнены священного гнева. Оказалось, что Влад заказал автобус в учреждении, где работала его жена, что старушку привезли в гостинку Филиппа и хотели оставить её на законной площади с заявлением, мол, повозились два года, поносили тяжёлую ношу, а теперь очередь Филиппа. Хотел Филипп что-то сказать, да смутился — кругом молчание, гнев, презрение. «Ладно, я забираю», — промолвил Филипп. А сам подумал: «Как жить? Только работа началась, заказы пошли, а тут сиди». Это

уже потом упросил сестру, на чём единодушно порешили, отвезти мать на новое место в деревню, где воздух легче и земля под ногами, что Филипп сделает малый заказ и с денежкой — в деревню за матерью ухаживать, сестре в благодарность помогать. Тут и мать из дальней комнатки, где спала, выходит. Сын стал её подбадривать, а она говорит:

— Смерть на меня что-то обиделась, не приходит. Я Бога молю, чтоб он её уговорил, ко мне послал.

— Ладно! Иди домой, — сказала сестра Галина. — Не тревожь мать, не наводи ей мысли.

Галина не сидела, не ждала изменения ситуации, а повезла начинавшую температурить мать. Мать поглаживала в окно микроавтобуса, любовалась полянами, где острыми стеблями начинала расти трава, где уже зацвели золотистые стародубки и запылали оранжевым цветом огоньки, а за километр до селения коридором встречали белизной и душистой зеленью берёзы. Она входила в новый приют дочери, который обещал прочную сытую жизнь. А небо, под которым этот приют находился, охватывало бесконечные луга по пойме речонки, гривы с прочными березняками, низинные густые тальники. Сердце старушки успокоилось, и она совсем не замечала неприбранного двора, приветливых голых запущенных комнат. Мать привезли в деревню в понедельник, а уже в пятницу Филиппу сообщили: «Выезжай в Портки. Мать умерла!»

Еще в детстве, когда он незримой пуповиной был крепко связан всей своей физической жизнью с матерью, она два раза сообщала эту смертельно страшную весть. Филиппа охватывал, нет, пронзал такой ужас безысходности, что он мог тоже умереть вместе с матерью. Он бросался к ведру с водой и, зачерпнув в ковш влаги, предлагал, выговаривая быстро-быстро просьбу: «Попей водички, попей водички, мамаша!» Попив воды, мать отходила. А что умирала мать, то это была настоящая правда. После она говорила, когда ей уже было восемьдесят лет: «Не думала, что доживу до такой глубокой старости. Думала, что так и сдохну в коровнике за кормушками».

Услышав печальную весть, Филипп подумал: «Сейчас очнусь, и придёт то самое чувство, что когда-то испытывал в детстве — ужас». Он попросил успокаивающих таблеток, хотел выпить, да не стал. Он удивился той тишине, которая вошла в его сознание. Надо было купить билеты и ехать рейсовым автобусом. Вот и всё.

Встретила сестра Галина. Она собиралась в город, разгружать прибывший из Нижневартонска контейнер с вещами. Она сказала, что гроб привезут на другой день к вечеру. Потом рассказала о том, как скончалась мать. Было у неё попаление, пила водичку, потом как-то спохватилась и нетерпеливо запросила ягоды:

– Хочу ягоду! хочу ягоду! – С тревогой, будто не успеет, просила мать.

– Я взяла засахаренной смородины и промыла в холодной воде. Ягоды были как свежие. Мать наелась и успокоилась, заснула. Вот уже вечер, а мамаша спит и меня не беспокоит. Я к ней, а она не отзывается. Позвали сестру из медпункта, та и удостоверилась, что мать уже неживая. Жаль, что как нищенку придётся хоронить. Всё добро в контейнерах.

– Свет еще не налажен, – сообщила сестра.

– Я целый пук восковых свечей привёз, – успокоил её брат.

Ни креста, ни крышки гроба не стояло при входе в дом. Совсем единицы из сельчан знали, что у новых хозяев запустевшей усадьбы скончалась старушка, не прожив и недели после приезда. Никто не шёл ни час, ни другой. В комнатах, как и на улице, было много света, божьей простоты и никакой другой духовности.

Стояли в банке из-под консервированного компота четыре оранжевые купальницы и пара темно-лиловых первоцветов. Филипп хотел почитать псалтырь. Взял Евангелие, прочёл пару псалмов, да смысл стихов отозвался ненужной тяжестью от наступившей телесности давно прошедшего времени, для мирной кончины, для просёлка, для телеги, на которой везли почти невесомое тело на зелёный погост. Неожиданно вышел обмен квартиры, неожиданно возобновились авиарейсы, и ушли последние смирения сестры.... После поминального обеда солнце стояло ещё высоко, оставалась уйма светлого времени, когда Филипп мерил даль просёлочной дороги до основной автотрассы.

ГОРБАДЕЕВСКОЕ ЦАРСТВО

Первый год, как переехал Лёня в Портки, хотел на два дома жить – и в городской квартире понежиться, и в сельской тоже в поте лица на земле летом потрудиться. Да не вышло. Время оказалось пакостное. Нужен был досмотр бдительней бдительного. Хороших мужиков и не увидишь, всё больше бесом одержимые. Жить

хотят кучеряво, ничего не делая, а если что-то делают, то на малых оборотах. Землю сдали пивоваров за комбикорма. Траву на сено – коси не ленись, да за хозяйством ходить надо, хоть мало-мальски да свежую голову иметь. Как узнали, что Лёня городской и всё с нуля начинает, идут один за другим, и все корма предлагают, да так, что один продаёт, а другой тот же мешок утащить норовит. Кастрюли алюминиевые в первый же год уворовали. Ни днём, ни ночью от одержимых покоя нет. Узнал как-то о Лёне фермер армянин, что в городе немалую квартиру имеет и не живёт, и предложил свои услуги: уголь, комбикорма, нетель, чтобы вместо денег за проживание дочерей расплатиться. На том Лёня и согласился. В первый год после похорон тёщи при помощи того же фермера привезли целый панелевоз списанных шпал. Распилили каждую шпалу надвое по длине, возвели стены коровника, загон для свиней и птицы. Помогал Лёне брат Коля – малина в рот.

Когда Лёня получил, как житель, прописанный в Портках, покос, то на предложение мужиков скосить трактором за ощутимую плату, жалая деньги, отмахнулся, мол, сами управимся, раньше в Чернушке не на одну корову накашивали. Справили косы, отбили, как положено, Николай-то первый кузнец на заводе. Влад напрочь отказался – на даче дел не впрок. Приехали Лёня да Николай на велосипедах. Травы выдались густые, высокие, душные. Взял Николай литовку и со словами «Ну, малина в рот» начал косить, загребая траву. За ним Лёня. Уже на третьем прокосе вся удаль вышла. Ну, накопили вдвоём на полторы копны, а нужно на всех травоядных не меньше двадцати копён, а то и еще больше. Это больше недели косить надо до смертоубийства. Порешили не мучиться.

Когда Лёня хорошо огородил свою усадьбу да выставил резные ворота, местные воры-ухари стали высказывать своё недовольство: «Чего ты выпендриваешься, грыжей лезешь. Смотри, живо спалим и тебя пораньше отправим на постоянный отдых. Веди себя так, как мы себя ведём». Завёл Лёня собак. Сука кавказской породы переднюю часть с улицы да денник охраняет, а с огорода кобелёк злобой на нет исходит, такой грызун несусветный. Морды местные ещё злее стали – запросто так по хозяйству не порыщешь. Акимушка кормит собак два раза в день. На него ложится такое послушание – собак кормить. Все внутренности, если Николай – малина

в рот половину на пироги не заберёт, собакам скормливают. Бывало, напарят ячменной долблёнки вместе с непорубленными кишками, поставят чугунок, и Акимушка с нескрываемой радостью на лице вытягивает горстью разваренное мясное варево. Зимой, когда нет полива и прополки, Акимушка утром и вечером гуляет вдоль огорода, словно Гвидон Салтанович: одет с иголочки, в глянцевах сапожках, при дорогих часах – самый безобиднейший человек. В своей комнате Акимушка читает Библию, слушает классику, песни Высоцкого. Бывало, подойдёт к матери, к Снежане, к Филиппу и скажет, глядя в пол, поведает:

– Царица Иезавель любопытной была, из окна своего дома на улицу выпала, и её кони растоптали.

– Вот, Акимушка, не хочешь ли ты быть монахом? Жить в монастыре, где церкви с золотыми куполами? Под колокольный звон ходить на молитву, а потом на послух, – спросит Филипп. – Или жениться? Говори!

– Нет, жениться! – ответит Акимушка, хорошо подумав.

Хозяйством своим Лёня гордился. В первый год две свиньи выкормил, к весне ждал от нетели телёнка. Через три-четыре года у Лёни было образцовое хозяйство: две дойные коровы, бык Петька по второму году, восемь овец, куры, мускусные утки. Бывало, Лёня скажет приехавшему погостить Филиппу: «У меня на целый год мясом семья и дети обеспечены, а ты что дал своей единственной дочери?» Филиппу и сказать нечего. Правда, наделил он дочери комнату с балконом в семейном общежитии, ну даст немного денег пригасить нужду. Да она сама и не просит. А то Лёня скажет: «Матери у могилы стол поставил, скамейку. День, будь милостлив, отработай». Сыну Владу без отработки дачу строить помогает. Тут и кирпич, тысячу-другую на печь с ограбленного коровника наломал, пиломатериалы на фронтоны купить помог, оконные переплёты сотворил. Живи! Процветай! Ну и обида на сына тоже немалая есть. Сена клочка не купит, ни на цыплёнка, ни на поросёнка денег копейки не даст. Мать на машину свои кровные отдала, когда пенсионер предложил хорошо сохранённую «Комби».

Лёне нравилось подвести сына к парной туше кабана да сказать: «Забирай!», и пойти по своим делам. Я, дескать, выкормил, а ты погрузить да вывезти до дома сам постарайся. Можно

было бы, когда замёрзнет туша, распилить по частям двуручной пилой, а ещё лучше отцовской электрической, но ведь не ездить же в деревню второй раз, бензин жечь. Зовёт Влад Снежану, а та: «Папуля, помоги погрузить!», а тот будто и не слышит. Тут уж Галина делу помогает. Надёрнет фуфайчонку, выскочит во двор и кричит мужу, чтобы он помог тушу в машину погрузить. Тут и Влад, и Снежана начеку, чтоб отец в дом не заходил, лишний раз не звать, ждут. Галя мужа в тычки, как когда-то Филиппа за водой посылала, а тот: «Я купил, вырастил поросё, а как сыну забирать – это уже его дело». И дети, и жена напроклинают Лёню, что, мол, совсем сдурел, ума совсем не осталось, надерзил, но в салон «Комби» сообщая тушу затолкнул. Через пару недель, месяц за бараниной для шашлыков да для плова просить едут. Тут уж от Лёни не надо никакой помощи. Супруга и отрубит, и отрежет.

Когда Владлен ухаживал за Снежаной, она на конкурсе красоты в последний раз участвовала. Любила она эту суету, имела поклонников, которые не предлагали ей выходить за них замуж. Вся целомудренной и невинной Владу досталась. Даже после регистрации месяца четыре продолжалась эта свадьба, от которой муж бился головой о бетонную стену в туалете. Прошло время, поклонники сгнули. Тёща, довольная зарплатой зятя, постоянно напоминала ему, что женщина – это дорогое удовольствие для мужчины, а он с красавицей живёт. Нужно не только кормить, но и шубку меховую, да и колечки золотые, серёжки, одежду, бельё соответствующее. И чувствует Влад себя дураком за то, что несёт это поношение от окружающего мира, за то, что сладко спится с красивой женой. Он её в свой цех фиктивно уборщиком производственного помещения устроил и, после своей невпроворот работы, убирает стальную стружку, метёт и моет полы, чистит засранные туалеты. Это он по настоянию жены взял дополнительный клин земли под будущую дачу для детей, где сажает теперь картошку. Бывало, скажет жена при матери и свекрови, что брат купил своей жене меховую шубу. Теперь она – нутрия. А это для Влада и Галины намёк: доставай-ка из гардероба свою заветную и походи в пальто, пока сын денежки не накопит. Тёща тут же поддакнет, что детям помогать надо. На стенах комнаты, где живёт её сын, фотопортреты Снежаны и сына. Вот сын сидит в дорогом кресле, с лицом до краёв сытого счаст-

ливого человека. Ни дать, ни взять — олигарх! С ним Снежана в улыбке губы свои развалила, в белом подвенечном платье. Этот портрет появился спустя полгода после свадьбы. На свадебных фотографиях Влад глазами навыпучку вышел, будто кто-то сильно его напугал, а Снежана гримасками личико устроила.

Устраивал Лёня горбадеевское царство на приобретённой вместе с половиной коттеджа земле: резные ворота, двор плитами песчаника вымощен, столярка, переходящая в баню, устроена, беседка, перепланировка в жилище, чтоб и туалет в доме, и камин. Камин топится так, что, гляди, как бы горящие поленья из трубы не выпорхнули. Портковские бабы Лёней не налюбуются, заигрывают. Вздумал Лёня настоящую, отдельную баню построить, сладким паром побаловаться. Пошёл с топором в осинник почистить на корню стволы, а потом подсушенные пустить на сруб новой бани. Захватили его за этим занятием мужики. Сразу ему: «Что своёвольничаешь? Ты здесь никто, давно ли приехал, а мы сами рубить лубяные баньки надумали, так что не одна сотня осин понадобится. Если порубишь, башку твою оторвём. Вон руби кривые да те, что с килой. Это тебе позволяем». Коля — малина в рот привёз из города два швеллера да нарезанные с двух сторон болты. Так и стягивал гайками на сырую Лёня брёвна — горбы выравнивал. Только на третий год после поруба стояло лохматое чудовище вроде мамонта — Лёнина баня, оттого что вместо мха в пазы шла травяная сечка.

Видно, не очень большим уважением пользовался Филипп в семействе сестры, где ориентиры на успех, доблесть, высокую мораль. Что там и около говорят, не оспоришь, а кто под бревном ходит, кто основную тяжесть несёт, плохо усматривается. После того как пришлось уступить Филиппу и отвезти мать в деревню, где она тут же и скончалась, Филипп совсем слинял в глазах племянников. Они и отца уважать перестали оттого, что до движения им самим порождённой инициативы, мать его всегда в тычки, в тычки жизнь устраивать толкает. Согласись Филипп оставить мать в общежитии, умерла бы она в гостинке. И не было бы случая посидеть ночь другую, подумать с ней о вечности. Увезли бы в морг, а оттуда из ритуального зала до могилы, и камнями бы закидали. Вот и видит Филипп сестру свою единственную, когда, постояв с ней на рубеже царства Божия, идут продолжать свою

земную жизнь. Сестра уже теперь не только сестра, но и мать сердечная.

— Ты не забывай! Приезжай! — говорит сестра.

— Не забуду, приеду, — отвечает брат.

Вот он и состоялся, отчий дом. И видит Филипп, как идёт он погожим осенним утром, отмеривая уютную даль полей, и янтарный рассвет навевает тепло домашней печи. А вот он и дом, а вот и сестра, похлёбка, чай с молоком, варенье из полевой клубники. Но сестра уже не та, и ездить Филиппу нужно в плохую погоду, в определённое время. Бывало, приедет в полдень, отобедают, отдохнут часок, а потом сестра спохватится и скажет Филиппу: «Ты что сидишь? Что, работы не видишь? А ну полезай в подпол, картошки набери да чугуна ставь». И весь вечер Филипп следит за плитой, перемывает посуду, части сепаратора, банки. На другой день и Лёня скажет: «Пойдём, я для тебя работу припас». И хорошо, когда это работа для одного, как, например, вывозка из денника навоза. А то заготовка дров. Выйдут Филипп с Лёней к берёзовым стволам, что вдоль забора вытянуты. Тут бы схватить двуручную пилу, и зыбай, и радуйся плотному объёму работы. Но нет, Лёня выносит электропилу, потом ищет переносной шнур. Филипп стоит, ждёт работы механизма. Механизм работать непригоден, капризничает. Лёня приносит ключи, что-то начинает откручивать, потом снимает режущую цепь. Всё на ветру, на морозе, если зимой. Если начало осени, то можно подождать, присев во дворе на лавку. «Ты чего сидишь? — скажет вышедшая из дома сестра. — Что, работы нет? Сейчас найду!» И пока Лёня чинит пилу, Филипп вытряхивает половики или выбивает пыль из паласа.

Приехал как-то Филипп на годовщину смерти матери. У Галины уже две коровы было. Ну, коровы — это, наверно, громко сказано. Корова — это обилие, а тут так, две коровёнки. Одна пятнадцать литров, другая десять с натяжкой давала. Галина сыр научилась делать, на сливки пропускала. И если Филипп отольёт от ведра парного молока в кружку, то Галина скажет брату: «Пей вон то, пропущенное». Как-то парных сливок со стаканчик с чаем умял, так Галя с каким-то испугом на всю кухню спросила: «А кто банку сливок ополовинил?» Оказалось, что четвёртая трёхлитровая банка потерпела недолив, оказалась неполной. Уже было так заведено увозить Владу четыре трёхлитровые банки молочного жира в город на процветание семей-

ства, ведро-другое яиц. Вот, на улице что-то остановилось у ворот, зафыркало, потом въехало во двор и заглохло. В комнату вбегает престолонаследник, с нескрываемым удивлением рассматривая Филиппа. За ним угрюмая Снежанина племянница с сердитым лицом. А вон и Снежана в красном раздельном купальнике. Верхняя часть едва держит тяжёлые груди, и в нижней части не надо догадываться, что там далеко не царапинка. Галина вбегает и торопливо говорит брату: «Чего стоишь? Иди, помогай Владу!» А в багажнике Влада пыльная тара — трёхлитровые банки. Влад недовольно пыхтит, что племенной бык, не ожидал встретить дядюшку. Становится тревожно и неудобно. «А ты чего здесь?» — бесцеремонно, пока нет свекрови, спрашивает Снежана Филиппа. Филипп объясняет ситуацию. «Так хлеба привёз бы. Ведь знаешь, какой здесь хлеб!» — старается посадить Снежана на определенное ею для него место. И не могут скрыть ни Владлен, ни Снежана своего крайнего недовольствия. И кажется Филиппу, что в доме появилась пара водяных амазонских удавов и детки с высоким статусом.

Как-то во времена малых поборов в виде сального кабана, одного-другого барана, полутора десятков гусей, яиц и банок молочного жира замаячила катастрофа горбадеевской цивилизации. Как и раньше писалось и давно говорилось, — не сильно любил Леонид свою Галину. Износилась за тридцать лет совместной жизни жена в беспрестанной борьбе за жизнь, за маломальски человеческое существование — соком истекла, волновать перестала. Это сестра Люда глазищи уральские вытаращит и сказанёт гневно с упрёком Филиппу: «Наши мужики своих баб не бросают! С первого до последнего дня в одном браке живут!» Кто такую праведную жизнь прожил? Кто уравнился с праотцами, Кириллом и Февронией, Филипп и не припомнит. У Горбадеевых старые свой век без мужей доживают. Все на фронтах перегибли. Разве что Камаганцевы, работая инженерами на механическом заводе, жизни свои сохранили.

ГАЛИНА ТРЕТЬЯ

Прожил Лёня большое количество лет с Галиной, и никакой сексуальной перемены не происходило. А всё из-за нужды, из-за нехватки денег. Когда большие деньги на севере пошли, то садовый участок Лёня не случайно завёл, но

Галина скоренько разоблачила мужа, застав в любовном углу с другой. Молча с неделю походила, выслушивая клятвы мужа на дальнейшую безупречную верность, постыдила, но уже в конце выходного дня вернулась в совместную кровать. В Портках как только обжились, так местные бабы заохали, захвалили Лёню. Он и возгордился. Кинулся Лёня в тихое распутство. Рогатое стадо пасла ещё молодая баба Галя Трапезникова. Большая, безбоязненная, коловшая без разборки свиней, быков, с хитрой улыбочкой, где стальные зубы уравнивали клинок меча-кинжала длиной от пупа до колен, в деревянных ножнах, обшитых кожей. По весне, когда ещё нет зелени, а только пустынные луга с перезимовавшей сухой травой, скот далеко уходит в поисках мало-мальски вкусного клочка. Стал Лёня охотно следить за своими коровёнками, а там и Галя Трапезникова скот заблукавший ищет.

У Гали Трапезниковой муж из браги самогон гнал. От этой неочищенной сивухи сердечную недостаточность заработал. Так какая уж тут ему баба — не до бабы. Вот и дошёл Лёня с Галей-пастушкой до неверной жизни. И совсем бояться перестали. Лёня на своём сеновале по весне тайное лежбище устроил. Что там делала Галя-пастушка, когда с жиденькой лестницы из берёзовых жердинок грохнулась? Тут Лёня и предложил своей Галине раздел. Всё зубы заговаривал, что мужику, чтоб для семьи верным быть, нужна сексуальная перемена. Ведь недаром дома терпимости на это придуманы. Да и с дочкой любовницы Лёню на ярмарке районной видели, как Лёня вино дорогое покупал и с букетом шашлыков хаживал.

Досталось Лёне упрёков от жены. Приехал Влад со Снежаной, мать-то и рассказала о художествах отца. Рушилось задуманное. Решили наказать Галю-пастушку. Проследили, когда она шла домой мимо Горбадеевых, тут из ворот выскочил Влад. Схватил сзади и позвал своих женщин, чтоб шли расправляться. Те, и Снежана, и Галина, за волосы хватаются, ладошками по мордахе хлещут — на вот тебе, злодейка. Пастушка от испуга оправилась, в ярость вошла, дёрнулась, да так вlepила Владу промеж глаз, что у него искры посыпались, а от Снежаны и от тётки уйти было малым делом. Больше ловить злодейку Горбадеевы не стали. Влад обещал с Галей-пастушкой рассчитаться. «Смотри, считаешься! — говорила мать. —

Вон у неё какой кинжал». Лёня присмирел. Дочь Гали-пастушки родила сына, как раз по подсчёту, когда Лёня с шашлыком на ярмарке ходил. Но тут и из шофёров намечались предполагаемые участники, а кто поусердствовал больше — поди, разберись. Только года через три или четыре брат Лёни Николай заметил пробежавшего мальчонку, беленького лицом и с чёрными глазами на выпучку. «Ну, весь Влад! Весь в камаганцевскую породу, малина в рот», — и сразу язык прикусил.

Старший сын Миша черкес, как ушёл от жены, то в домике на садовом участке жил. Что у него было на душе, одному богу известно — молчал непроницаемо. Когда в домике стало — совсем не натопись, согласился на знакомство с разведенной молодой женщиной. Это была с хорошим ростом и формами женщина, из тех, что слова лишнего не скажут. Вся такая благородная, губки маленькие, бледно-розовые. Нани было её настоящее имя. Дочь грузина и его жены Марийки. Первое замужество Нани было обильно зафиксировано фотографиями. Вот она, Нани, на руках шустренького, скрытого под кацо-грузина, татарина. Этот не Миша, этот, видно, за считанные секунды все углы унюхает — усы кинжальчиками. Татарин жил с Нани, как будто в резерве держал. Шустрый, глазами так и зыркает. Перетерпела Нани свидетельство измены своего любимого, да враз и отказала. Замолчала, и всё тут. Сошлась с Михаилом. Тот и мужик работающий, и на любовь вроде бы нормальный, да молчун — не разговорится. Так и жили в Наниной однокомнатной, что отделили родители. Родилась девочка. Миша и на нефтепроводе, и на нефтедобыче работал, отделяя немалую толику от зарплаты, деньги на иномарку скопил. И если у Влада четырнадцать тысяч получка, то Мишаня столько же своему разбойнику алиментов отстёгивает. Стала замечать Нани, что Михаил стал губу кривить, на жизненное устройство с усмешечкой глядеть. Тяжёлым стал, бывало, весь выходной просидит, сериалы просмотрит, хоть бы о чём поговорил, и в постели так же.

Как-то уехал Михаил на десять дней на вахту. Ходила Нани в торговый центр, там своего первого муженька увидела. Поздоровались, заговорили по-приятельски.

— Женился? — задала вопрос своему первому мужу Нани.

— О тебе думаю, моя единственная, — отозвался тот.

— Надо же так, — улыбнулась Нани. И чувствует, что сопротивляется сладкой немочи, и только она одна главная в её жизни.

— Может, чаю попьём, — предложила Нани, решившая сделать возмездие Михаилу за затянувшееся равнодушие к ней.

Разбаловал бывший муж, теперь любовник, Нани своим вниманием, любовью неутомимой. И мазал он свой лингам индийской мазью, где смешивался жгучий перец и обезьянья срань с маслами разными. Приехал Михаил и увидел не на фотографии, а наяву татарина с усами кинжальчиками. Перебрался он снова на старое место в домик на садоводческий участок. Звала его к себе жить первая жена — не пошёл.

Как ни старался Владлен Леонидович, как ни увеличивал объём работы, зарплата оставалась одна и та же. Бывало, вызовет начальник цеха Владлена да и скажет: «Вот мы решили сократить на две единицы бригаду ремонтников, и на тебя надеемся, как на большого специалиста, что ты справишься, как и при прежнем объёме работы». Владлену лестно, что его ценят, что кругом безработица, задержка зарплаты, а у него всё в норме. Правда, после второго сокращения работу уборщика производственного помещения пришлось оставить. Уже сильная усталость одолела, не посидишь, как раньше. Всюду глазки теленаблюдения после очередного сокращения поставили, что не так — сразу заметят, и мастеру выговор.

Снежану одолела страсть борьбы за лидерство. Ну, не набрала нужных очков на звание первой красавицы, так ведь конкурсов разных много. Теперь на лучшую учительницу года заявку не один год подаёт. Уж эти шубы да платья мозги проели, теперь компьютер в кредит взяли, а он две высокоудойные коровы с годовым запасом кормов стоит. Вот и жди, намекай, когда родители догадаются войти в безвыходное положение. На поддержанную машину запчасти нужно покупать, да и бензин дорогой, запросто не наездишься. Старые холодильники плохо сохраняли съестные запасы. Мясо зимой на балконе заветривалось, теряло свой вкус. Пришлось купить два новых, большего объёма, тоже деньги немалые стоят. Завалил отец быка. Мясо взяли вырезкой, чтоб дома не рубить. Родителям кости да рога и копыта остались на холодец.

Красота Снежаны, а что она, красота, если всё для мужа проходные ворота, и ночь не сблизает. Сына в лицей учиться отправили, большим человеком задумали сделать. А большие люди — это только юристы да экономисты, и больше никто, ну стоматологи разве что. С этими мыслями ехал Влад на свою дачу, посмотреть, что от неё осталось. Дача стояла на половине пути сельского дома родителей. Было начало мая, и грунтовые дороги стали уже проезжими. На даче Владлена ожидала картина дополнительного разорения. И, как ему показалось, разорение это было настолько, сколько он безвозмездно брал у родителей. Влад подсчитал эквивалент взятого у родителей и сравнил с количеством украденного сизиновскими ворами. Был разобран пол в доме, начисто сорвана листовая латунь, что пошла на желоба и отмостку крыши, увезена автоцистерна, которую когда-то просил у Влада отец. Вырвали автокраном и ажурные кованые ворота. Почему-то Владлену вспомнилось, как вместе со Снежаной ненавидели дядю Филиппа, всё боялись, что уедет от родителей не с пустыми руками, подорвав тем самым семейную эко-

номику. Филипп же как мог отказывался, если сестра предлагала какие-нибудь куски, ссылаясь, что путь неблизкий и тяжело будет нести. Если что и просил, то пару бочковых солёных огурцов на солянку да капусту «смерть фашистам» на щи. Чувство стыда смягчило ярость Владлена, но и мириться, делиться с ворами последними крохами он не хотел. Нацедив с полбанки бензина, он пошёл и облил чердачные перекрытия, стропила и поджёг. Не доставайтесь гадам! Сел в свою потрёпанную девятку и выехал на главное шоссе.

Шоссе было высокого качества. По нему неслись дорогие автомобили с людьми, жившими на более высоком уровне жизни, в основном состоявшиеся бизнесмены, юристы, экономисты. Всё это как бы говорило: «Спеши! Догоняй!» И опять на Владлена накатила бешеная ярость, ещё более сильная, чем та, когда он, ревнуя Снежану, колотил лбом о бетонные стены туалета. Владлен, увидев поворот на гравийку, за которой начиналась грунтовая дорога, где вокруг колков ходили трактора, выбрал просёлочную — путь, где сильно било и трясло.

СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ – 50 ЛЕТ

Из диалога
Валерия Ганичева,
председателя
Союза писателей России
и **Николая Дорошенко**

Наш современник, 2008, № 6

Н. Д.: Уже много лет ведётся разговор о необходимости принятия закона о творческих союзах, о поднятии, вернее, возвращении им их общественно-го и социального статуса. Есть силы, которые упорно отрицают право творческих работников, писателей объединяться в союзы. Вы на встрече с председателем Госдумы Б. В. Грызловым 20 марта сказали о том, что оппоненты этого закона не только лукавят, но и лгут, заявляя, что творческие союзы – наследие «тоталитарного» советского режима. Ведь 136 известно, что такого рода объединения были в России XIX века. Достаточно вспомнить Пушкинский литературный фонд, передвижников, «Могучую кучку». Как обстоят дела с принятием закона «О творческих союзах», других правовых актах, связанных с положением писателей, творческих работников?

В. Г.: Исторически сложившиеся творческие союзы писателей, художников, композиторов, театральных деятелей, журналистов, архитекторов более 15 лет стучатся с просьбой, а скорее – с требованием признать особый статус, юридические права деятелей культуры. Удивительно, но самые яркие представители **гражданского общества**, о котором вроде бы все властные и общественные структуры пекутся, нас не поддерживают и даже не желают слышать. Кто-то несуразно, а возможно, и злонамеренно отодвигает творческие союзы с арены общественной жизни.

В период предвыборных кампаний представители **всех**, подчеркиваю, **всех** политических партий подтверждают необходимость принятия такого закона. Проходит выборная кампания, и всё стихает. Иосиф Кобзон, по просьбе **Координационного совета творческих союзов** (а такой есть) был

у В. В. Путина, поставил там вопрос о принятии закона. По его словам, В. В. Путин согласился с этим, но сказал, что вот в творческих союзах нередко бывают склоки, финансовая неразбериха. Иосиф Давыдович хорошо ответил: «Вот потому это и происходит, что закона нет». Путин улыбнулся и предложил вносить закон. Но воз и ныне там. Хотя такие законы и законодательные акты есть во многих странах. Мы надеемся, что нынче, когда во главе комиссии по культуре Госдумы стоит **Г. П. Ивлиев**, человек, очень хорошо ориентирующийся в правовом поле и сам являющийся членом нашего союза, вопросы сдвинутся с мертвой точки. И закон, который давно ждут, будет принят.

В этом году наш Союз отмечает свое 50-летие. Тогда, в 1958 году, его образование стало ответом на настоятельные требования заметить **русскую культуру**, русских писателей. Сейчас в нашем Союзе 7,5 тысячи писателей, его отделения есть во всех областях и республиках страны, в Прибалтике, на Украине, в Молдавии, Австралии, США (где выпускается сборник «Русские берега», как выпуск отделения **СП России в Америке**). Деятельность такого мощного союза трудно игнорировать.

Назову всего три-четыре акции, осуществленных при его участии. Чечня, **2000 год**. Идут бои. Но десант из 100 писателей и артистов – в Гудермесе, Шали, Ачхой-Мартане. 100 томов Пушкина – воинам, 100 томов – чеченским школьникам. «Значит, война **заканчивается** скоро – Пушкин прибыл», – сказала чеченская учительница.

Второе. Чем связывается воедино Россия? Нефтегазовыми трубами, связью и железными дорогами, но в первую очередь **Словом, русским языком**. И поэтому поистине историческим был пленум на колесах, посвященный 100-летию Транссиба, когда писатели проехали **от Москвы до Владивостока**, выступая в больших и малых городах, на железнодорожных станциях Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока.

Союз писателей – соучредитель Всемирного Русского Народного Собора – трибуны русских людей, движения «**Добрые люди мира**», учредитель центра **Военно-патриотического и духовного воспитания Св. Федора Ушакова**, почти ста изданий. И вот кто-то пытается нас игнорировать, выселять местные отделения из помещений, чиновники заявляют: вы всего-навсего **такая же организация**, как общество **собаководов или филателистов**. Конечно, это вопиющее **невежество и бескультурье**. Хочется спросить: все-таки кто

у нас в России заботится о культуре, о русском языке, о нашей литературе?

Без Закона о творческих союзах, которые сохраняют некий **эталон нашего художественного творчества**, Россия превратится в сплошное невежественное «поле чудес». Ведь, действительно, теряется образец, понижаются ценностные ориентиры.

К сожалению, наше ТВ, что государственное, что частное, к подлинным высотам культуры и литературы приобщает не часто и не многих. Вот были вечера В. Белова, С. Шуртакова – где это?

Несколько стратегических вопросов:

I. Нельзя безучастно взирать на погром русского языка на Украине, на издевательство над ним и своими соотечественниками. Необходимо создание Центров Восточно-славянской цивилизации (Харьков – Москва).

II. Второе. Поле русского языка велико в Азии, Африке. Национальные союзы писателей предлагают нам сотрудничество, они не хотят напрямую сотрудничать с государством, а с Союзом писателей России – хотят. Это наши друзья. Необходимо воссоздание Движения солидарности писателей Азии, Африки и России.

III. Проект 100 томов «Сибирианы» – духовное соединение с Центром России Сибири, Дальнего Востока. Не надо духовно отдавать Сибирь. Это национально-региональный проект.

IV. 300 лет Ломоносову. Мы провели пленум «Вперед, к Ломоносову». Судьбоносная дата России.

V. Гоголь – 200 лет. Одна из самых важных, соединяющих Россию и Украину годовщин.

VI. 300 лет великой Полтавской битвы. Мы выпустили книжку о Полтавском сражении.

VII. 200 лет Бородино. Проводим фестиваль «Бородинская осень».

VIII. Сталинград – Курская битва, Прохоровка. Прохоровские патристические чтения в Белгороде.

**Уважаемый Валерий Николаевич,
пользуясь случаем, поздравляем Вас,
предводителя большого русского
Союза писателей
с 75-летием!**

**Пусть Ваши писательские –
земные и небесные дела сияют
и всё больше утверждаются!**

Писатели Кузбасса

Тамара
РУБЦОВА

СТИХИ И СНЫ

Приснилась книга в бордовом переплете, на обложке которой – старинная гравюра женщины. Под изображением надпись тоже старинным шрифтом – «ПЛАЩАНИЦА». Позже, купив в киоске набор открыток западноевропейской скульптуры, узнала, что это образ святой равноапостольной Марии Магдалины работы неизвестного мастера шестнадцатого века. В то время я смутно представляла значение слова «плащаница». Но знала, что книгу написала я.

Думала, что в ней должны быть стихи, но во сне кто-то сказал:

– Почему ты решила, что «Плащаница» – стихи? Это проза. Я прозы не писала, и забыла об этом. Но вновь получила напоминание из сна: – Почему ты не пишешь книгу? Она о Боге, о твоём пути к Нему. Она уже написана тобой в Тонком Мире, где прошлое и будущее, как на ладони. Здесь книги не нужны. Обдумай все и пиши.

И словно расширилось сознание, пропуская мысли из пространства. Жалею, что не смогла удержать того, что было даровано. Был момент душевной слабости, когда засомневалась в реальности происходящего, и ответы перестали приходить. Осталось ощущение бесконечности жизни и радостного ее осознания. И – несколько записных книжек с отрывочными записями.

*И было так: смешались сон и явь,
И правда с вымыслом так живо обернулись,
Что я себе сказала: не лукавь,
Душа твоя большой Любви коснулась...*

Сомнения, разбросанность записей, а порой и лень, не давали взяться за работу.

А сны торопили, укоряли.

26.12.1990

Человек в просторном лиловом одеянии, развевающимся на ветру, горстями сыпал пшеницу, но ветер и снег уносили ее, оставив несколько зерен в моих протянутых руках.

Поняла, что надо отбросить сомнения и писать. Разбирая записи, увидела, что многое утеряно, что-то забылось из того, что записала не сразу, надеясь на память. Старалась расположить записи по хронологии.

Не знаю, кто мудрец, указавший путь, но бесконечно благодарна за разбуженное сознание и освобождение из оков тьмы.

*Бьется мысль в темноте одиноко,
Долго рвется, не зная, куда.
И однажды высоко-высоко
Для нее засияет звезда...
Позовет, поведет за собою
Через камни, болота, жнивье,
Через все, что зовется судьбой,
И творится во имя ее.
Испытает любовью и злобой
И терпению научит в пути,
И проводит тропинкой особой,
Где, казалось, вовек не пройти,
Все покажет, что жизнью зовется,
И в пути охранит от беды.
А пока – мысль взволнованно бьется
В ожиданье высокой звезды.*

ЛЕГЕНДА О ДЕЛЬФИНАХ

25.12.1985 года. Однажды в кругу друзей-поэтов зашел разговор о человеческих возможностях. Помню, что при этом были Евгений, Леонид, Татьяна и новокузнецчанин Валерий. Валера предложил сеанс гипноза. Я самонадеянно заявила, что чужой воле не подчиняюсь.

– Давайте проверим, – сказал Валера.

Интерес к непознанному был сильнее чувства, что с этим шутить нельзя, и я согласилась.

Он положил руки на мою голову, сказав:

– Представь что-нибудь приятное. Что ты видишь?

– Дети.

– Какие дети? Свои или чужие?

– Интернат. (И – крупным планом лицо Светы Абрамовой.)

– Ты их любишь?

– Кого?

– Детей.

– Люблю.

– Каких – своих или чужих?

– И чужих, и своих.

– А каких больше?

– Чужих, наверное... Нет, нет, конечно, своих люблю. Они у меня хорошие. Но я и так им принадлежу, а интернатским – больше нужна...

И все. Провал. Черное море. Волны набегают на берег. Тепло, и так хорошо нырять в набегающие зеленые волны. Вижу сетку на берегу моря, за сеткой – дельфины... И я – дельфин. Я ныряю в открытом море. Чувствую свое (дельфинье) сильное тело,

могучесть и счастье играть в море. Взрываю над волнами и медленно падаю назад. И вдруг – тоска оттого, что не могу вырваться за сетку. Чья-то мысль врывается в мое сознание: «Прыгай выше сетки!» Я взрываю вверх. Одно мгновение – и я в открытом море. Чувство свободы, и счастье оттого, что вокруг небо, море, волны. Я ныряю, ощущая счастье играть с волнами в открытом море.

Внезапно мозг пронзает мысль, что я не могу быть дельфином. Значит, я фантом дельфина. И – внутренний протест:

– Я не фантом! Я не могу быть фантомом! – и выход из гипноза в состоянии радостного возбуждения оттого, что я – человек. И твердо знаю, кто я...

Открываю глаза, рассказываю, что было со мной. Никто не верит, а Валера утверждает, что никаких вопросов не было – только гипносон. Многие решили, что я просто притворилась и даже не спала.

Что это было?

События помнятся так ясно, потому что они были вехами на моем пути. Такой вехой было и спасительное письмо Тани Кармановой, написанное в самые трудные дни, когда я поняла, что попала под жесткое воздействие чужой и недоброй воли:

Здравствуй, славный человек!

Ты обратилась ко мне, как к человеку, способному ответить на твои вопросы и в силах помочь. К сожалению, я не способна и не в силах. И я с твоим письмом пошла к моему духовному отцу.

То, что я тебе сейчас напишу, излагает наш с ним разговор.

К сожалению, и ты, и я относимся к тому поколению людей, которые с детства росли в безбожии, без родительской молитвы, открытые всем искушениям и сквернам мира. И все мы оказались в той или иной степени «порченными», то есть судьбой и грехами своими мечеными через следствие этих грехов.

...Все это, воссоединенное в понимании, говорит о том, что когда-то, искушенная на эксперименты со своей психикой (гадание, гипноз, попадание под влияние более сильных и недобрых людей, алкоголизм, курение, наркомания, злоупотребление медикаментами – выбирай, что твое?), ты попала в очень жесткое воздействие со стороны. Все мы по сути своей чисты, светлы и святы, – это наши души, частицы Тела Божьего!

Но эти частицы-зерна брошены в тела для всходов. Тело – дом души. А дом бывает всяким. Он может быть и кельей молитвенника, и хлебосольным домом для

друзей, и проходным двором. Верующий и исповедующий веру (то есть исповедующийся за грехи и причащающийся Тайн) человек защищен от незваных гостей и разбойников в этом доме, потому что исповедование – это будто бы ремонт, и уборка, и укрепление, и нисхождение света к душе. У души есть своя оболочка, защита ее, контакт ее с миром. И если человек безбожен, живет в самомнении и небрежности психикой своей, запускает в свой дом злодеев и позволяет им быть там хозяевами – то неизбежно оболочка души как бы размывается, стирается, и душа оказывается безвольным и доверчивым, как дитя, оружием нечистых сил, эксплуатирующих через ее доверчивость силу Божию, уводящих ее все дальше от света и в конце концов заводящих человека в тупик.

Отец Сергей дал единственный совет: крестись, покаяйся, исповедуй жизнь свою в православии, и защита вернется душе твоей и благодать Божья покроет, очистит от любых вампиров и лукавых.

Молюсь за тебя, чтобы обратилась душа твоя к Господу и была ведома – Им, и крепка – Им, и светла – Им.

Да хранит тебя Господь!

Таня

17.12.1989

139

«ПОКАЖИ ПРАВИЛЬНУЮ ДОРОГУ...»

Однажды увидела у знакомой Евангелие, попросила прочесть. В ответ услышала: «Не дам. Если человеку вещь необходима, она ПРИХОДИТ К НЕМУ САМА».

Книга была нужна мне. По пути домой на перекрестке повстречала странную старушку в линялом коричневом пальто с батожком в руках. Она обратилась ко мне:

– Девушка, покажи правильную дорогу!

Я не поняла, куда ей нужно идти, и переспросила:

– А вам куда нужно?

Но странная старушка повторила свою нелепую просьбу:

– Покажи правильную дорогу...

– Так куда вам нужно? – спрашивала я загадочную старушку, но та не отвечала на мой вопрос, но не отставала и твердила что-то несуразное:

– Ох, уж эти братья и сестры... Посылают, сами не знают куда и за кем... Ходишь, ходишь, и толку нет. – И опять обращалась ко мне, словно на улице никого, кроме нас с ней не было.

– Ты знаешь правильную дорогу?

Мне стало не по себе от странной старушки, которая чем-то напоминала один из персонажей фильма Абуладзе «Покаяние».

170

«ТЫ ПРОШЛА ПО КРЕСТУ»

В поисках Истины пришла к сектантам. Они молились, призывая Духа Святого. Слышала, как они говорили во время молитвы на разных языках. Ко мне отнеслись со вниманием, по-доброму. Молились за мое очищение. Сказали: «За тебя легко молиться. Сосуд не занят...».

Но было плохо на собраниях даже физически – холодели руки, прерывалось дыхание, терялось сознание. Решила, что это энергетический перепад во время молитвы. Но мысль объяснила:

– Это не энергия, это гнев Божий, за то, что не с теми молишься. Надо молиться с близкими по духу. Не ошибись. Ищи и обрящешь. Иные здесь уподобили веру алкоголю, которым упиваются и которого жаждут. Будь с ними, но недолго. За тебя молятся святые великомученики.

16.11.1989

Однажды шла к Соне помолиться. Вдруг – мысль:
– Покрести дорогу и иди через крест.

Ощутила, что иду по ЖИВОМУ ТЕЛУ ХРИСТА, РАСПЯТОГО НА КРЕСТЕ. Ничего не видела, но страдала мучительно, отчаянно, горько от мысли, что иду по живому.

– Не могу...

– Иди. Ему больно и радостно, что через Него – очищение.

*Взойди, как на плаху,
Любви присягая.
И с верою мудрость
Приходит другая.
Иные слова
Сочетаются в строфы.
В стремленье людей
Оградить от Голгофы.*

*И свет ночной погас,
И окна отпотели
От теплоты дыхания Твоего.
От света глаз,
От стука сердца в теле
Так хорошо, – не знаю, отчего...*

«БОГ ЕСТЬ СВЕТ»

Когда ему говорили: «Бог есть свет», то он понимал это, радовался и плакал. Но, когда шел домой, то прежняя тьма, тьма предков и собственная, обступала его. Он переставал различать, где тьма и свет. И плакал, плакал...

Он видел лики предков своих: бородатых крестьян с суровыми лицами, в широких рубахах, перехваченных крученым поясом, в темных поддевах. Среди темных мужских лиц высвечивались белые женские лики, и наособицу сияло лицо бабушки...», – казалось во сне, что писала я. Но за пределами сна не могла думать так легко и ясно.

Дар Неба – слышанье миров.

Внимай ему, забудь сомненья.

«ПОЧЕМУ ТЫ БОИШЬСЯ БОГА?»

Когда молилась Богу, подспудно жил страх перед ним. Но утешала и объясняла мысль:

– Почему ты боишься Бога? Ведь ты так любишь лес, поле, речку, траву, цветы... Он растворен во всем. Люби Его, как любишь все это...

Так и время – идет и идет.

Люди разные жизни ликуют.

Все пройдет, и испуг твой пройдет.

Погоди. Помолись, не взыскуя.

Не проси ни здоровья, ни благ,

А склонись потихоньку главою

И молись от души, просто так,

Как, бывает, стоишь над травкою.

И послушай мою тишину,

От которой блаженство исходит.

Помолись за людей и страну.

Вот и страх твой отходит, уходит...

...Поняла, что нам, земным, не дано любить Бога полной любовью (или не всем дано). Мы должны любить Его, возлюбив всех живущих, служа своим детям, близким (в каждом – искра Божия).

**«ФОТОГРАФИЯ НЕ ОТРАЖАЕТ
ЖИВОЙ СУТИ»**

АБСОЛЮТ – совершенство духа. Ты идешь к нему слишком медленно по своей лености и суетности. Часто заблуждаешься. Лишь недавно ощутила твердую почву под ногами.

Сейчас ты, как на острове, и вокруг – океан разбуженного сознания. Не бросайся в плавань. Ты плохо плаваешь. Жди того, кто выведет на околоземные просторы, и дальше, к Свету. Ждать недолго. Краткие сроки – награда за смирение и терпение. Увидев, все поймешь сама. Ничего не предпринимай. Молись за святых великомучеников.

Вселенная бесконечна. Жизнь – незамкнутый круг, луч света в пространстве. Жизнь дана духу для совершенства. Ты несовершенна и пока беспомощна. Но помощь идет.

Благословенны дожди, льющие с небес. Дожди, орошающие душу новыми познаниями.

Мозг человеческий бесконечен, как пространство. Чем больше вмещает, тем больше может вместить.

Ты только начала впитывать познание, но теперь тебе уже не страшна чужая воля. Сознание своего «я» дает право первородства.

Истина без Любви – пустое место.

Библию написал Тот, Кто был Совершенным. Да, люди в стремлении к совершенству суть плащаницы. Фотография не отражает живой сути. Живая суть – учение о Христе, претворенное в жизнь.

Покаяние – освобождение от лишних эмоций для спокойствия духа. Энергия мысли у тебя сильная, но она искусственно затормаживалась долгие годы. Теперь возвращается. Мысли твои собственные, – не удивляйся странному их поступлению. Иначе нельзя.

«НЕ МЕТУСИТЬ ДУХОМ...»

Любовь должна быть терпеливой.

Скрепи все чувства, помолчи.

Не опустишься до слов гневливых,

Себя терпению учи.

В минуту скорби и сомнений

На небо тихое гляди.

Оно поможет в дни гонений

Сияньем чудным впереди.

...Не метусись духом. Все, что происходит с тобой, – должно произойти со всеми людьми на земле. Приближение к Небу нужно всем живущим.

...Призыв Вселенной в тишине услышь,

Познай ее гармонии устройство.

– Вымолена вторая половина твоей жизни праотцами твоими – святыми великомучениками. За любовь дарована вторая попытка в этой жизни.

19.11.1989. Вечер... Рассыпала пуговицы. Собираю, подгребая их в ладонь. Мысль:

– Зачем так, скопом? Надо их, как мысли – мелкие к мелким, крупные к крупным...

– Над землею сгущается тьма. Будет трудно.

– Знаю. У меня мало сил – не буду ли бременем?

– Стоит определить дорогу – и силы будут. Изматывают духи противоречий.

ЗВЕЗДА ВЕРЫ

Во сне видела голубое небо и слепящую Звезду Веры. До сих пор стоит перед глазами удивительная картина.

Приснилось: Старец высоко в горах в светлом доме, который говорил: «Сколько крови потерял и поседел, возвращая тебя к жизни». Казалось, что это – Отец, хотя на моего отца Он не был похож.

Позже снилось: голубым газовым облачком лечу ввысь, к большому белому облаку, где стоят люди в фиолетовых одеждах. Среди них – знакомое лицо сиреневоглазой женщины. Лечу с желанием каяться в том, что напрасно обидела девочку из детского дома, где работаю.

Но меня остановили:

– Не спеши. Первая половина твоей жизни прошла. Начинается вторая половина. Вымолена вторая половина твоей жизни Праотцами твоими святыми. За любовь дарована тебе вторая попытка в этой жизни.

И облачко полетело вниз. Проснулась, удивляясь четкости и легкому воздуху сна.

Проснулась, удивляясь четкости и легкому воздуху сна.

«ХРАНИ В ДУШЕ ВСЕЛЕНСКИЕ ОГНИ...»

14.12.1989.

Читаю свои старые записи и натываюсь на строчки:

Верить не во что, верить не в кого,

В Бога надо бы – только нет Его!

И это я писала всего полгода назад, а сегодня я верю и в этом – счастье...

Вся Россия как Спас на крови,

Неужель доживем до любви?

Это тоже писала я. И теперь только понимаю, что если в каждом из нас будет любовь – единственное, что нужно для всеобщего счастья, то мы доживем... Совсем немного... и так много, так безмерно много...

15.12.89 года. Вера – это награда, и ее надо заслужить. Верь, и все будет: и слова, и мысли, и очищающие душу поступки.

Светло вспоминая умерших, мы материализуем свою память (одушевляем матрицу).

Надо видеть справедливость в наказании и поощрении. Читать «Живый в помощи Вышняго», думая обо всех людях. Отдавать нуждающимся, что можно отдать. Не стесняйся просить – лишнего никто не даст. Небо соизмеряет свои силы: ты не одна. Но помощь тебе нужна. И, сколько бы ни просила, все будет мало, если сама не поможешь, любовью скрепляя все вокруг себя...

Любовь в тебе есть, но умения выразить ее нет. Ты дитя любящее, но несмышленное. Не бойся, пом-

ни: мысль материализуется. Соизмеряй слова с совестью. Лишнего не просишь, но много эмоций. Молись спокойно, очищая себя от темноты. Грех за грехом. Хорошо очищают пост и покаяние. Без поста и молитвы не сможешь слышать Небо.

Ты – православная. Веры не меняй.

Все, что происходит с тобой – самое нормальное, что может быть с человеком. Ненормальны злость, зависть, жадность, ненависть, убийство (даже писать это слово больно).

«МИЛЫЙ, ПОЮ ПОЛУНОЩНУЮ ПЕСНЬ...»

Сны учили, укоряли.

Приснилось, что сижу над грудой тряпья с ножницами в руках. И так нехорошо от собственной мелочности, неумения освещать быт высокой мыслью. Хотя понимаю, что у нас нет ничего своего на земле, кроме бессмертной души.

*Небо над нами ясней и ясней,
В нем – отражение завтрашних дней.
Там, где пролился Божественный свет,
Греет любовь, и отчаянья нет.
Зависть и злоба рассыплются в прах,
Их не бывает в далеких мирах.
...Милый! Пою полунощную песнь:
Все, что имеем, останется здесь...*

22.12.89. ...В нашем мозгу память о прошлом (до жизни) и будущем (после-жизни) заблокирована. Когда человек достигает определенного уровня развития, происходит разблокировка памяти, и приходит знание того, что было и будет, с опорой на то, что есть, и понимание того, что надо делать.

И приходит период ученичества, когда ученик ищет своего учителя, но не слышит его в себе самом.

Вопросы задает, но ответы надо слушать в молчании.

«В ЗОЛОТОЙ КОЛЫБЕЛИ У БОГА...»

Ехала в автобусе, и вдруг... очнулась ребенком в золотой колыбели среди неба. Чьи-то руки ласково подняли меня, и я бегу по облакам, полная детского восторга... Помню разрыв среди белых облаков, как прорубь, и капризно прошусь вниз. Осталось ощущение реальности сновидения и стихи.

*В золотой колыбели у Бога,
В рубашонке небесно-белой,
Я проснулась, и чьи-то руки
С тихой лаской меня коснулись.
Я бегу босиком по небу,*

*Рубашонка за мною вьется,
Только пятки мои сверкают.
Может, это когда-то было,
Может, это зачем-то снилось?
Но мне известно – это правда.
Я была в колыбели у Бога,
И светлее радости нет...
«Как Бог велит...».*

«КАК БОГ ВЕЛИТ...»

27.03.1990.

Ходила убирала на кухне с мыслью о том, что гибнет цивилизация. И вдруг понимаю, что она не гибнет, а развивается к своему началу.

«Все чрез Него начало быть. Ничто без Него не начало быть, что начало быть...».

«Легла, но слышу: «Не спи...». В глазах – разноцветная радуга. Синяя тьма ползет на свет. И светлые звезды веры. И – вопрос, не требующий ответа, как утверждение: «Ты останешься на земле проповедовать любовь».

И – голос ввысь, к небу: «Согласна, согласна!», – хотя я ничего не ответила. Во мне – сомнение, и смирение: «Как Бог велит...».

10.06.1990.

173

В молитву надо входить тихо, как в реку, и плыть, видя перед собой солнечную дорожку Света, ведущую к Богу.

Бог рассеял семена Истины в каждом, но не все дают им прорасти. Заглушаем суетой, невежеством, пустомыслием, грехом. Но когда появляется тоненький светлый росток, от него идет отзвук волны в небо, как от колокола. И все помогает ему окрепнуть.

Что вырастет? Зависит от желания устремившегося, от его свободы выбора смысла жизни. В наслаждении и страдании одинаково можно растить дух.

*Шумит за окошком
Сосна вековая,
Идет по дорожке
Судьба роковая.
Играют неродившиеся дети.*

«НАМ НЕ НУЖНЫ ОДЕЖДА И ЕДА...»

11.01.1991 года. Днем легла отдыхать, и вдруг звук натянутой струны. И кто-то говорит о неизбежном. Темнота пугает. Бросаюсь к двери с криком «Бабушка! Бабушка!».

Очнулась, вспомнив, что сегодня моей бабушке мог исполниться девяносто один год. Зажгла свечу, поставила фотографию бабушки на стол, вспомнив

ее доброту и любовь. И вдруг глаза на фотографии словно ожили, и я стала писать стихи:

*Нам не нужны одежда и еда,
Как в старых сказках, – все давно готово.
И отступает всякая беда
От добротой овейного слова.*

*Вопроса нет – откуда и куда
Идем, и о себе так мало знаем.
О нас молчит студеная вода,
И замер лес, безмолвие внимаю.*

«В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

20.01.1991. Бог – это душа-совесть каждого человека, существующая вне тела и идущая на наш зов, если зовем только... Зовем – узнаем, получаем. Забываем звать – живем в неразумии, темноте, невежестве...

Облики святых, лик Христа, любовь бесконечная... И – мысль: «Мы являемся в обликах тех, кто дорог вам – по уровню вашего сознания, чтобы не тревожить необычностью...».

*И вот – вода живая
Обрушилась с небес.
Шел дождь, грехи смывая,
Благословляя лес.
И, сняв с души оковы,
На мир светло смотрю.
«В начале было Слово...», –
Деревьям говорю.*

*Можжевательник, сизый от росы,
На ладони нежностью исходит
В небе справедливости Весы
Равновесие медленно находят.*

*Стынут звезды ясные Стожар.
Может быть, они меня научат,
Как пройти по лезвию ножа,
Близкого и дальнего не муча.
Как подняться выше всех обид,
Вечность жизни ощутив счастливо,
Боже, научи меня любить
Радостно, светло и справедливо.*

21.01.1991. Человек тем отличается от робота, что, когда понимает, что этого делать нельзя, то перестает делать. «Он не потребует исполнения». Очень хочу быть человеком.

Была в церкви, и мысль: «Иди, исповедуйся...». Взяла свечку, полная невыплаканных слез и раскаяния. Отец Владимир, чувствуя мое состояние, говорит:

– Ты не мне, не мне – ты Христу исповедуйся...
Поплачь, поплачь перед Христом.

*Быпинка вздрогнет на ветру,
И замечаю – мы похожи.
И я, поднявшись поутру,
Сегодня ежилась до дрожи.
В лугах затеплятся жарки,
От них тепло идет волною.
Растет осока у реки,
Не ощущая связь со мною.
Все начинается с цветка,
Листком травы – до дальней дали.
И мир растет от стебелька
Лучом светящейся спирали.*

– Вода из источников в Иерусалиме тогда будет жить в нас, когда мы поднимем свое сознание до того, чтобы принять ее, и не телом, а духом сливаясь со святыней.

Не разговаривать, а читать...

**Надежда
ПЕЧЕНИНА**

ШОРСКИЙ НАРОД ПОЛУЧИЛ ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ...

При поддержке Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ РФ) и Кемеровской региональной общественной организации «Ассоциация шорского народа» победил в открытом конкурсе по выделению грантов некоммерческим неправительственным организациям. Грантодателем является НКО-оператор – Некоммерческое партнёрство «Независимая организация «В поддержку гражданского общества». Конкурс проведен по инициативе Общественной палаты РФ, в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации № 367-рп от 30.06.2007 года «Об обеспечении в 2007 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества».

Главная цель проекта – ликвидация информационного неравенства среди коренных малочисленных народов, развитие правовой культуры, привлечение коренного населения к обсуждению и решению общественно значимых вопросов, а также для оказания консультационной и информационной поддержки, вовлечения молодежи коренных народов в общественную деятельность, формирование толерантного отношения общества. Срок реализации проекта – 10 месяцев, начиная с января 2008 года.

В соответствии с проектом, на базе НГОО «Шория» создан информационный центр «Шория», в котором работают три человека. Руководитель проекта – председатель НГОО «Шория», директор информационного центра «Шория» Надежда Печенина, координатор проекта – Лариса Тенешева, Елена Чайковская осуществляет сотрудничество по совместительству. В рамках проекта ведется подготовка новостей о событиях Шории на сайт Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (www.raipon.org), проводятся консультации коренного населения. Ве-

дется работа по открытию странички на этом сайте. В октябре для шорской молодежи и лидеров общественных организаций запланирован семинар. Участники семинара (60 человек) получат необходимую информацию, консультацию, навыки обмена опытом и информацией. Семинар включен в план работы АШН. Ставится задача по переизданию сборника законов «Правовой статус коренных народов Кемеровской области».

В настоящее время:

1. Подготовлено 18 выпусков новостей на сайт Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (www.raipon.org).

2. Проводятся консультации для коренного населения.

3. К работе проекта привлекаются волонтеры из числа студенческой молодежи, с целью получения навыков и опыта работы, а также добровольные информаторы и корреспонденты из мест компактного проживания (Екатерина Федорова, Елена Юрьева, Анна Тыдыкова, Евгения Стадничук, Светлана Ачулакова).

Проектом охвачены все социальные слои шорского народа: рабочие, студенты, молодежь, пенсионеры, дети, интеллигенция, служащие, шорские родовые общины.

Полагаем, что оценкой успешности проекта является установление обратной связи с читателями, поступление звонков и писем от шорского населения из разных городов и поселков, с просьбой присылать бюллетень в дальнейшем. Читатели сообщают новые адреса для рассылки, пишут о том, что наш «Темнер» необходим, его ждут и благодарят за содержательный материал, полезную информацию, присылают свою информацию, приглашают приехать к ним.

В соответствии с обращениями, мы дополнительно направляем бюллетени в Москву (АКМНСС и ДВ РФ, Комитет по делам Севера Совета Федераций, грантодателям) и Кемерово (департамент культуры и национальной политики АКО, Общественную палату Кемеровской области, Управление регистрационной службы по Кемеровской области, Отдел общественных отношений администрации города Новокузнецка, партнерам – в областную библиотеку им. Федорова, библиотеку им. Гоголя, историко-археологический музей-заповедник «Томская Писаница», КузГПА, КемГУКИ и др.) Некоторые читатели просят высылать им электронную версию бюллетеня.

Кроме того, координатор и директор центра еженедельно проводят консультации, оказывают по-

мощь представителям шорского и телеутского народа, которые обращаются с разными вопросами, в том числе по телефону. Например, как написать заявление, куда обращаться по вопросам землепользования, есть ли льготы для абитуриентов, какие нормы и условия льготного лесопользования, как и где можно получить санаторную путевку, материальную помощь, как оформить жилищную ссуду, получить российское гражданство, просят помочь найти адвоката, оказать помощь по трудоустройству молодежи, дать разъяснения по организации родовых общин, оказать содействие по их регистрации – таков набор проблем.

Таким образом, благодаря работе ИЦ «Шория» повышается уровень информированности шорского народа и населения Кемеровской области в целом, информация о коренных малочисленных народах Кемеровской области стала доступна широкой общественности в России и за ее пределами.

Пожелание на будущее: хотелось бы увеличить объем бюллетеня, чтобы публиковать материалы по истории и культуре, в том числе на шорском языке, а также учесть пожелание жителей из не электрифицированных поселков Шории, для них

печатать бюллетень более крупным шрифтом, что повлечет за собой увеличение объема финансирования.

Информация об организациях, участвующих в финансировании проекта

1. Ассоциация шорского народа.
2. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.
3. Отдел общественных отношений администрации города Новокузнецка.
4. Уполномоченный по правам человека в Кемеровской области.
5. Кузбасская государственная педагогическая академия (Шорское отделение).
6. Община коренных жителей шорской национальности «Палам».
7. ООО «Фиалка» в лице директора Л. М. Михайловой.
8. Совет НГОО «Шория» (человеческие ресурсы).
9. Департамент культуры и национальной политики АКО (профинансирована командировка в Москву).

Сергей АДОДИН,
священник

* * *

День. В заснеженной свежести.
Ночь. В пылающей нежности.
Утро. Мелькнуло в беспечности.
Вечер. Тянулся до вечности.

Свет. Прибавляет ясности.
Тьма. Покрывает пакости.
Явь. Много тяжкого бремени.
Сон. Жаль убитого времени.

Правда. Горька, но спасительна.
Кривда. Сладка и губительна.
Верность. Без бед не испытана.
Подлость. Всегда неожиданна.

Юность. Как правило, в глупости.
Старость. Хотелось бы, в мудрости.
Жизнь. На земле — ограничена.
Смерть. Иногда предпочтительна.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

177

Седой алхимик в сумрачной пещере
Годами постигал предметов суть.
Глубинам древности внимая в полной мере,
Надеялся природу обмануть.

Давно уже людским воображеньем
Владеет мысль науку приручить,
Чтоб в золото свинец одним движеньем
Не вкладывая денег, обратить.

Но там, где лишь фантасты преуспели,
А сказочные повести не в счет,
Военные преступники сумели
Извлечь из пули золотой доход.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда обрушилась крыша
И звезды попрятались в спальню,
Воодушевился я, слыша,
Как молотом о наковальню
Гром словно бьет и дышит.

Вышиты бисером тучи —
Пустыни лазурной барханы.
Но бисера капли сытучи —
Низринутись обсидианы:
Дождь киноварью пышет.

Когда развеялись стены,
И взору открылись просторы,
Открылось коварство подмены:
Затмили мне эти заборы
Мир покоем тюремным.

Пенными брызгами ветер
Искрит, опьяняет и плещет
В рожденном зарей златоцвете.
А с ним мое сердце трепещет
Утром благословенным.

ОСЕННЕЕ

Сентябрь осыпался. Пустая
Стоит береза. Что с листвой?
Она, как птиц небесных стая,
Посеребренная луной,

Умчалась. Сердце, в изумленье,
Рассудку уступает путь —
И предо мною не виденье —
Поры унылой злая суть.

Возможно ль вынести такое —
Терпеть бесцветность октября,
Всю осень не иметь покоя,
А на исходе ноября

Сугробы ковырять уныло,
В сердцах ругая свой маршрут.
Очнулся. Время изменило
Привычный бег моих минут.

И понял я, что в мире этом
Не только разумом живем,
Не для того я стал поэтом,
Чтоб жизнь премудрым пескарем

Рационально потерять,
На факты чувства разменять.
Пришел в себя. И вслед за мной
Сентябрь осыпался слезой.

г. Кемерово

Виктор КИСЕЛЁВ

* * *

Уж август. И дни холоднее,
Туманы стоят над водой.
Рябина стыдливо краснеет,
Как будто обманута мной.
И ветер волнует осинку,
Твердеющий лист тербя...
Бреду я грибною тропинкой,
А помню зачем-то тебя...

* * *

Пришла любовь иная к нам,
Какой по юности не ищем:
Любовь к отеческим гробам,
Любовь к теплу, собакам, нищим.

* * *

Глас вопиющего в пустыне,
Где слово камень не разбудит,
Как обращение к любимой,
Которая тебя не любит.

* * *

Тёплой ночью я к реке пришёл.
Тишина да мягкий шелест волн.
Я шагнул на этот тихий зов,
Приняла меня и подхватила,
Ласково омыла мне лицо,
Душу беспокойную омыла.
Для неё я лёгкий, словно лист,
Словно я травиночка сухая.
За рекой, в деревне, вальс играет,
Слышно, чуть взгрустнувший гармонист...
А река несёт меня легонько,
Ласково, как может только мать
Своего капризного ребёнка
На больших ладонях поддержать.
Надо мною золотые сполохи...
Как прекрасен звёзд ночной парад!
Мне река поддерживает голову,
Как и мама, много лет назад.

Наталья КОВАРДАКОВА

СТАРШЕ НА ОДНУ СМЕРТЬ

Лёше М.

Вот так бывает. Бывает, что любимые уходят.
Уходят навсегда. Уходят очень-очень далеко. А ты
остаешься один. Наедине со своими мыслями, чув-
ствами. И осознание того, что никто не поможет,
мешает дышать.

Первое время, пока в памяти у тех, других — я их
называю «другими», потому что в этот момент
между нами, как никогда, ощущается непреодолимая
засасывающая сила черной дыры твоего личного
горя, — воспоминания ещё свежи, они сочувствуют
и понимающе кивают, ахают и причитают, хвата-
ются за сердце. Хотя у некоторых из них оно вовсе не
было научено любить. Но всё же даже от такого рода
сочувствия становится чуть легче. Потом проходит
каких-нибудь две-три недели, и все вокруг начинают,
словно нарочно, говорить о том, что время прошло
(как будто бы вечность), что ещё немножко пройдёт,
а потом будет вот так вот внезапно и сразу легче...
Ты говоришь — не будет! Господи, такое чувство, что
сходишь с ума... Мир переворачивается с ног на голо-
ву. Тебе больно. Ты плачешь. И все делают вид, что

178

чувствуют, что творится в твоём сердце, которое
мечется, трепещет и болит, потеряв любимого чело-
века. Потом всё вдруг становится наоборот. И окру-
жающие тебя «другие» говорят: «ТВОЯ боль уже
прошла, должна пройти, жизнь идёт, жизнь продол-
жается, все куда-то идут, к чему-то стремятся,
строят планы, ставят цели, и ты тоже встанешь
и будешь делать то же, что и всегда, что делала до
того, как ЭТО случилось. Ты всё забудешь...» И ты
с радостью веришь в это, потому что просто уста-
ешь плакать. Потому что внутри срабатывает ка-
кой-то механизм, и ты будто тупеешь, впадаешь
в оцепенение, уходишь в работу и ничего не чувству-
ешь. А через какое-то очень короткое время снова
возвращаешься к той же боли, когда ловишь себя на
мысли: «А если бы мы просто в тот день не встрети-
лись? Или я бы не произнесла тех слов, что сразу свя-
зали нас, как оказалось, навсегда?..»

Мне кажется, что нет любви сильнее, чем та,
которую забрала смерть. Просто потому, что ни-
когда не наступит будущее, в котором мы могли бы
разлюбить или расстаться. И эта любовь живёт.
Несмотря ни на что. Ты чувствуешь её кожей, каж-
дой клеточкой тела... И порой от этого становится
страшно: реальность разделяется на два параллель-
ных мира — тот, в котором живут «другие», и тот,

где живёте только вы вдвоём, и о котором невозможно рассказать словами. Это ощущение и жизнь в параллельной реальности не укладываются ни в какие рациональные рамки. Это просто невозможно объяснить «другим», потому что ТЫ, а не они, разговаривала с ним ночами, когда он приходил, ТЫ чувствовала его за своей спиной, ТЫ слышала каждое движение его души, как будто бы он стал частью тебя, стал тобой. Или ты им. Это ТЫ смотрела на мир его глазами. ТЫ старалась молиться о нём каждую ночь и грызла себя, когда не хватало сил или воли. Потому что внутри сидело чувство какой-то очень несправедливой действительности — больше этого никто делать не будет. Они просто пойдут и поставят свечи в те дни, когда это надо будет сделать. Кто-то не дойдет до церкви.

Конечно, я мало знаю. Я знаю только то, что чувствует сердце. А оно чувствует так: вот 40 дней прошли. Горечь утраты слаще не стала. Снова страшно. Теперь уже от мыслей, которые приходят в голову, глядя, например, на свою собственную фотографию и представляя на ней такую же черную ленточку... надоело бороться с собой и с этими малодушными мыслями. Каждый месяц тянется вечность, которую надо ПРОСТО прожить, дотянуть до Нового года, а дожить до лета — это даже сложно представить...

О нём напоминает всё вокруг: небо, снег и дождь, люди, улицы, деревья, дома, работа, обрывки фраз, интонации чужого голоса, фильмы, песни... В самом сердце зазвенели слова одной из них: «Опустела без тебя земля. Как мне несколько часов прожить?..» Это про меня тоже... Удивительно, почему я раньше не знала, о чем она? Может быть, лучше было бы и не знать... Меню — функции — повтор — повтор одной... Сколько раз слушала ты эту песню? десять? двадцать? тридцать? А потом ещё другую...

Что делать с самой собой? Глупый вопрос. Бессмысленный вопрос. Вопрос без ответа. Если бы это случилось с кем-то из знакомых, я бы сказала, что надо подниматься и делать что-то ради самой себя. Только вот почему-то именно ради себя ничего и не хочется... В чём смысл всех этих телодвижений?

А сегодня думала о том, как там в этой холодной земле лежит его тело? Замерзло ли оно? И что с ним стало? Оболочка. Которая мне так нравилась. Каждый сантиметр которой я знала. И помню очень хорошо, потому что в те последние дни, когда таблетки уже не помогали, пыталась сбить эту лихорадку мокрым полотенцем... а потом...

Это невыносимо! Невыносимо, что тело так отчетливо помнит, как он брал мою руку в свою, как

целовал. И вот на миг кажется, что он ещё здесь, что сейчас он вот так же обнимет крепко-крепко, потом положит руку мне на плечо, и мы пойдем вдвоем по улице, упиваясь чувством, что понимаем друг друга настолько, что слышим даже мысли, и на всех остальных нам в этот момент совсем наплевать!

Я честно пыталась. Наверное, мало пыталась выбраться. Из этой тоски выбраться. Я не знаю, как выбраться...

Я её рисовала — ЭТУ, которая ела меня поедом! Я рисовала её карандашом, я рисовала её кистью и красками, я рисовала её просто, обмакнув палец в гуашь. Я пела ему, любимому, песню. Я пела себе песню. Я зачем-то звонила «другим» и долго с ними разговаривала. Я работала за двоих. Я не понимаю, почему и зачем люди пьют водку, когда им плохо. Она ведь тоже не помогает...

Тебе радостно и светло, мой любимый! Так должно быть. Я знала, что тебе будет радостно и светло. В последний раз, когда я сидела у твоей постели и разговаривала с тобой, ты посмотрел на меня. Слово прощаясь. Слово уже был не здесь, а там, где-то очень-очень далеко... И глаза были ясные и синие-синие! Лучистые. Как у ребенка. И в них светились Нежность и Любовь. Никто на меня никогда не смотрел, как ты — словно на ангела, хотя уходила не я...

Прости меня, мой хороший! Прости, что не такая сильная. Я, наверное, тебя огорчаю. Мне тебя не хватает очень. Я по тебе очень скучаю. А слезы — это я не специально, они сами катятся! Пусть тебе будет светло и радостно там. Пусть Господь простит тебе все, что ты совершил вольно или невольно, и даровал Царствие Небесное!

Наверное, будущее есть. Конечно, будущее есть. У всех есть. И у меня тоже. Есть. Мне бы только день пережить да ночь продержаться...

Идут недели. Я называю людей чужими именами, путаю буквы в словах местами. Смотрю и не вижу. Слушаю и не слышу. Мне нужна помощь!..

Ты станешь моим ангелом, любимый?

г. Кемерово

Оксана ШВЕЦ

* * *

По всей России — Храмы,
Раскаяния свет.

Господь незримо с нами,
И не прощенных нет.

* * *

Я жить пыталась по канонам,
А получилось — невпопад.
У каждого свои законы.
У Богородицы с иконы
Все горше, все тревожней взгляд.

г. Юрга

Елена ДЕВЯНИНА**КАМЕНЬ**

Мы называем вещи
Своими именами.
Своими именами,
Придуманными нами.
Придуманными наспех,
С надеждой на успех.
И поднятыми на смех,
На несказанный смех.
Так называем слепо,
Причем уже веками,
Мы сердцем то, что слева.
Но будь там даже камень,
Огромный, серый камень,
Стотонный монолит —
Дотронемся руками
И думаем:
— Болит.

г. Юрга

Марина ЧЕРНОСКУТОВА**ПАГАНИНИ**

Безумствовала девочка на скрипке,
От времени как будто убегала,
Столетий разворачивала свитки
На паперти столичного вокзала.

И звук светился звонкой зыбкой нитью,
К нему, казалось, можно прикоснуться.
Как задержать дыхание по наитью,
Чтоб вихрями веков не задохнуться?

И распахнул безмолвие вселенной
Священный трепет мотыльковых пальцев.
Витают Паганини вдохновенный,
Сумевший на столетия разрыдаться.

пос. Кузедеево

Елена ЕВСЮКОВА

* * *

Разные есть чудики на свете:
Каждый верит — кто во что горазд —
Кто в науку, атомы подметив,
Кто в религиозный впал экстаз,
Ну и я — тому не исключенье,
Тож же верю, силы не щадя,
Несмотря на скепсис и сомненья,
Верю в человеческое «Я».
Верю в дружбу — без вопроса «пользы»,
Верю в помощь — без пометки «за...»,
И в любовь поверила серьезно,
В слово, в разум, в честные глаза...
Верю, что должно быть место в сердце
Каждому, кто пожелал войти,
И ещё... что сплошь единоверцы
На моём встречаются пути.

г. Новокузнецк

Николай МАКСИМОВ

150

* * *

Встает опять из памяти тайга,
Когда, озябнув, солнце в рукавичках
При утренних синичьих переключках
Из-за вершин смотрело на снега.

Решившись, вдруг подпрыгнуло мячом
Из ледяной туманистой утробы,
И сразу загорелись кумачом,
Заполыхали синие сугробы.

И среди этой девственной поры
В обманчивой тиши таежной чащи
Седой кедрач попал под топоры,
А молодняк смотрел на все скорбяще.

И, словно бы стыдясь свершенных дел,
Дымя махоркой, обжигая губы,
Промеж кедровых распростертых тел
Притихшие стояли лесорубы.

г. Новокузнецк

**Владимир
ВЕРБИЦКИЙ**

НА ЗАКАТ, ГДЕ ДРОЖАТ ПАРУСА*

Огромный океанский лайнер-красавец издал длинный прощальный гудок. Провожаящие на пристани, встрепенувшись, дружно замахали на прощание руками. Уплывающие за горизонт энергично отмахивались. Атмосфера легкой грусти невидимым облачком пролетела над людьми, стоящими на самом краешке земли. Забурлила, зашумела вода у борта, и корабль медленно начал отходить от причала. Его ждал долгий путь, от самой южной кромки американской земли до норвежских берегов. Это было одно из заметных действ в великолепном спектакле под названием «Закат на Ки Уэст». В большинстве своём, именно понаблюдать за уходящим в океан солнцем собрался на пристани народ. Сколько же здесь солнцепоклонников! Многоголосье английского и испанского языков. Люди стоят вдоль причала, облокотившись на ограждение, сидят за множеством столиков кафе под открытым небом. Многочисленные уличные артисты помогают скоротать время в ожидании заката. Вот последователь нашего знаменитого клоуна Куклачева собрал большую толпу зрителей, общаясь со своими дрессированными кошками. На нём изодранная когтями, особенно на плече, майка с надписью THE CAT MAN. Рядом работают два крепыша, демонстрируя чудесное освобождение от цепей. А вот остроглазая смуглянка, в руках которой с необычной легкостью порхают игральные карты, показывает своё умение фокусницы. По соседству высокий подвижный испанец, постоянно что-то выкрикивая в толпу на испанском, ловко жонглирует горящими факелами. Здесь

мы встретили и живую статую, которая начинает двигаться, если ей бросить денежку. Сразу вспомнилась знаменитая улица Рамбла в Барселоне, где этот вид уличного театрального искусства процветает. У многих отдыхающих фотоаппараты и фотокамеры. Их время приходит, когда золотистый диск солнца приближается к горизонту. Начинается тотальная съёмка. Конечно, хочется иметь в семейном альбоме фото, сделанное на острове Ки Уэст, где вы на фоне вечернего океана с дорожкой от заходящего солнца, с множеством парусников и белоснежным с изящными обводами океанским лайнером.

Жители острова твёрдо убеждены, что у них самые красивые закаты в мире. Иначе зачем бы сюда приезжали отдыхать в свой маленький белый дом президенты Трумэн, Эйзенхауэр и Кеннеди? Зачем бы столько лет здесь жил Эрнест Хемингуэй?

Один из парусников с красными парусами и, если вы из России, то ваша память непременно перенесет вас в Крым, в маленький домик Феодосии – в музей Александра Грина, автора повести «Алые паруса». Вы начнете всматриваться в окружающие вас лица в надежде увидеть героиню повести Ассоль. Солнечный диск скрылся за горизонтом в океане, и мне показалось, что толпа должна взорваться аплодисментами в честь великого непревзойденного актера – солнца! Действительность оказалась прозаичней и практичней. Оказывается, здесь заход, – это сигнал к началу вечерне-ночной тропической островной жизни. Пристань в сумерках постепенно пустеет. Ручейки отдыхающих не спеша растекаются по бесчисленным ресторанам и кафе. Вот уже и мы сидим за столиком рыбного ресторана у самого южного края американской земли. За небольшим ограждением, буквально в 5–7 метрах от нас, на корме яхты расположилась весёлая компания – два молодых человека и две девушки. Один из молодых людей находится в гамаке, подвешенном над водой. Их довольно громкая речь на испанском периодически прерывается интернациональным хохотом. Здесь много испаноговорящего люда, это и неудивительно – первыми из Старого Света здесь были испанцы. Но каково было наше удивление, когда проходивший мимо официант, услышав наш разговор, остановился, и ... зазвучала русская речь! «Здесь, среди официантов, есть ещё русские», – сказал нам узбек (!) по национальности и пригласил Лену из Красноярска... Встретить землячку на Ки Уэст – этого никто не ожидал. «Как хороши славянки! – подумалось, глядя на приближающуюся ладную девушку. – Вот оно следствие программы Work and travel!». Она при-

* Фотографии к материалу см. на 4-й странице вклейки.

ехала первый раз в Орlando поработать в каникулы на диснеевских аттракционах и осталась, перебравшись в более денежный Ки Уэст. Сейчас ждет отпуска, чтобы поехать в Бостон, где у неё друзья – технари из России. Мне кажется, что должно быть жаль для России-матушки терять таких парней и девочек. Они время от времени грустят о родине, но живут пока далеко от неё...

Разговор за нашим столиком как-то незаметно перешел к удивительной истории этих мест. Причем мы с женой слушали и задавали вопросы. Потому что маршрут поездки во Флориду разрабатывался нашими чикагскими друзьями, и они знали о предмете гораздо больше нас. Ещё будучи дома мы, конечно, видели на карте эту заманчивую цепочку островов Флорида Кис, как бы нанизанную на нитку, как выяснилось позже, федеральной дороги номер один. Последним же в этой цепочке, в виде драгоценной жемчужины, как раз и «висел» остров Ки Уэст с небольшим одноименным курортным городком. Примечательно, что американская дорога номер один начинается именно на Ки Уэсте. Её участок до материковой земли полуострова Флорида, протянувшийся почти на 180 километров, включает в себя 42 моста, один из которых имеет длину аж 11 километров. Рядом с автомобильными мостами сохранились железнодорожные мосты. Оказывается, в начале прошлого века сюда можно было добраться только по железной дороге. Но сильнейший тропический ураган в 1935 году разрушил почти всю железную дорогу, а заодно и водопровод, идущий с материка, и город тогда оказался в бедственном положении. Когда мы ехали по этому длинному мосту, то по правую сторону был спокойный Мексиканский залив, а по левую – спокойный Атлантический океан, и лишь рядом старый железнодорожный мост напоминал, что водная и воздушная стихии здесь могут быть ужасны. Вообще, тропические ураганы здесь важные персонажи в жизни не только на островах, но и на всём юге США. Радовало, что события эти не часты и происходят обычно в конце лета и осенью, а в тот момент был апрель. Вселял оптимизм и тот факт, что такие события сейчас хорошо прогнозируются. А что мог знать лоцман испанской флотилии о надвигающемся тропическом урагане в 1622 году, когда он выбирал путь по флоридскому проливу в поисках участка наиболее сильного течения Гольфстрим? Ничего. Именно поэтому американец Мел Фишер со своей командой единомышленников в совсем уж недалёком прошлом (лет тридцать назад) вблизи острова Ки Уэст с морского

дна поднял сокровищ на четыреста-пятьсот миллионов долларов! Эти люди отыскиали два испанских галеона «Санта Маргарита» и «Аточа», налетевшие на рифы во время сильного шторма. Как утверждают старинные документы, хранящиеся в Севилье, на борту «Аточа» перевозилось 27 тонн золота, 47 тонн серебра и драгоценные камни (в основном, колумбийские изумруды) для испанского короля. Несколько меньший груз был на «Маргарите». Эти корабли входили в состав 28 кораблей, которые везли в Испанию награбленное конкистадорами из Южной и Центральной Америки. Охраняли плавучие сейфы 8 военных кораблей. Даже знаменитым пиратам Карибского моря такая добыча была не по зубам, но океан взял себе то, что считал нужным взять. Свою дань заплатила океану и команда Фишера. Несмотря на прогноз о шторме в июле 1975 года, в море на поиски сокровищ вышло экспедиционное судно. Вышло, быть может, потому, что перед этим нашли на дне старинные пушки. Вышли и не вернулись: сын Фишера со своей женой и двумя водолазами.

152

Мел Фишер родился в семье фермера, получил инженерное образование в университете Алабамы и после участия во Второй мировой войне возвратился в Калифорнию, где принялся разводить кур. Казалось, ничто не предвещало ему славы самого удачливого охотника за сокровищами. Всё началось, как сказали бы сейчас, с увлечения дайвингом. Появилось приспособление, позволяющее человеку дышать под водой, и Мел открыл первый в своём роде небольшой магазинчик и начал обучать людей плавать под водой. Затем для увеличения популярности этого занятия, он стал снимать фильмы о подводном мире. И здесь уж было рукой подать до мысли начать искать затонувшие корабли. Фишер продаёт свой «куриный» бизнес. Вкладывает все деньги в экспедицию по поиску сокровищ и через год становится банкротом... Первая же удача приходит к Мелу у берегов Флориды в 1964 году, когда кладоискатель обнаружил примерно 2000 золотых монет, причем некоторые из них оказались очень редкими и были проданы по 25000 долларов за штуку! «Однажды, увидев океанское дно, усыпанное золотыми монетами, никогда не забудешь этого», – так сказал Фишер после этой находки. Это была малая толика золота известной «золотой армады» – 14 испанских галеонов, погибших в 1715 году во время сильнейшего шторма у берегов Флориды в районе мыса Канаверал. В этих местах до сих пор продолжаются поиски сокровищ, и каждый год приносит удивительные находки. Так, в 2005-м, после сильнейшего шторма

более десяти старинных монет удалось найти одному из охотников за сокровищами даже на пляже с использованием металлоискателя. Однако Мел Фишер со своей семьёй выбрал местом поиска драгоценностей район острова Ки Уэст. И фортуна ослепительно улыбнулась ему, правда... после 16 лет упорных поисков.

Был у него сезон, когда по ошибке они искали совсем не там. Была и поездка в Испанию для поиска и изучения в архивах исторических документов, связанных с гибелью «Аточи» и «Санта-Маргариты». Было множество сезонов упорного труда по перелопачиванию морского дна, когда попадались, например, снаряды или мины Второй мировой войны, остатки судов, не представляющие никакого интереса. Но в итоге были и фотографии водолазов возле небольших подводных рифов из серебра, были тонны золотых и серебряных слитков и десятки тысяч золотых монет. Было, как в сказке, множество красивейших изумрудов и алмазов, были удивительные древние украшения из золота и драгоценных камней. Был потрясающий успех упорного и удачливого человека. Сейчас каждый желающий может начать свои поиски затонувших сокровищ. Для более целенаправленного поиска на подводных золотых приисках можно обратиться, например, в главный офис Мела Фишера, который заключил с властями Флориды договор об аренде перспективных, на его взгляд, участков океанского дна. Рискните, и 50 % добычи будет ваша, а 50 % – компаньонов Фишера! Каждый год заключаются такие договоры и люди проводят отпуска в поисках сокровищ испанской империи.

К полуночи, надышавшись теплым тропическим воздухом, приправленным запахами моря, получившие практическое представление о разнообразии и вкусе местной кухни, а также мартини и рома, мы уже легко представляли себе, как в шестнадцатом веке испанские каравеллы, пополнившие запасы воды и продовольствия в Гаване, проходили по флоридскому проливу мимо Ки Уэста, огибали слева Багамские и шли к Азорским островам. Там еще раз пополняли запасы воды и продовольствия и возвращались в Испанию. Если, конечно, удавалось миновать шторма и пиратов. Однако разыгравшееся воображение подсказывало, что пора возвращаться в гостиницу. То есть мы не стали брать пример с проживавшего здесь знаменитого островитянина по имени Эрнест Хемингуэй, который по вечерам, написав свою ежедневную норму в шестьсот слов,

обычно пускался в обход местных таверн. Заканчивая нашу трапезу, мы твердо решили завтра после обеда выйти на катамаране в океан, к ближайшим коралловым рифам, и посмотреть, как выглядят сами рифы и их подводные обитатели. Было время, когда наличие рифов и ураганов давало жителям Ки Уэста хорошие доходы. В районе острова гибли сотни судов и жители занимались спасением людей и грузов, не за бесплатно, конечно. В ряде случаев это было обычное мародерство, когда грузы с разбившихся о рифы кораблей просто растаскивались. В 1860 даже была организована фирма, занимающаяся спасением людей и грузов. Об этом подробно можно узнать в музее кораблекрушений, который находится в нижней части деревянной вышки, откуда и велось наблюдение за ближайшими рифами. За обстановкой у рифов вдоль цепочки островов следили наблюдатели, которые должны были как можно быстрее доставлять весть о кораблекрушении. С утра мы также планировали посетить дом-музей папы Хема, как называли здесь Хемингуэя. Конечно, хотелось бы ещё попасть на рыбалку в местных водах и поймать рыбку, подобную описанной в повести «Старик и море», но завтра был последний день на острове. Нас ждало Майами, где надлежало вернуть арендованного нами «барана», как мы называли за эмблему на капоте «Додж путешественник», и лететь в Чикаго, а потом домой – в родной Кузбасс.

7000 ЗНАКОВ ПРО ЧИКАГО

Крестик самолета на мониторе кресла медленно пересёк Великобританию на широте Глазго, указывая, что мы начали полет над Атлантическим океаном. Конечно, в салоне самолёта ничего не изменилось, но значимость события, по крайней мере для нас – двух россиян, впервые пересекающих Атлантику, была несомненна. Подумалось: а неплохо бы на манер моряков, отмечающих первое своё пересечение экватора, так же каким-то образом отметить пересечение Гринвичского меридиана. Однако, как мы ни старались мысленно внушить эту идею симпатичным стюардессам австрийской авиакомпании, – всё напрасно.

Прошёл не один час полёта над океаном, прежде чем траектория аэробуса, почти коснувшись очертаний южного берега Гренландии, резко изогнулась, и самолет наконец-то зримо взял курс на Чикаго. Где-то при подлёте к канадским берегам нам раздали некие листы бумаги, которые нужно было заполнить

для успешного прохождения таможенной службы. Не знаю, что бы мы делали без приветливой стюардессы, которая, видя наши озабоченные лица, рассматривающие непонятную грамоту, пришла нам на помощь. Она просто попросила наши загранпаспорта и сделала эту работу за нас! Такой сервис нас покорила. Теперь мы могли спокойно разглядывать в иллюминатор два из пяти Великих озёр (Гурон и Мичиган) и, немного волнуясь, ждать посадки в аэропорту О'Хара. Это один из крупнейших американских аэропортов, на бетонные полосы которого садятся или взлетают в часы пик более трёх самолётов в минуту. До 200 тысяч пассажиров в сутки – вот что такое О'Хара! По рассказам, здесь наблюдаются частые воздушные пробки, из-за чего диспетчеры в других аэропортах Северной Америки задерживают вылеты своих рейсов до тех пор, пока не рассосётся такая пробка в районе Чикаго. Именно эта воздушная гавань описана в знаменитом романе бывшего военного летчика Артура Хейли – «Аэропорт». Пожалуй, стоит отметить, что сам аэропорт назван в честь другого военного летчика, аса Второй мировой войны, младшего лейтенанта О'Хара. Этому парню, например, в одном бою удалось сбить пять японских бомбардировщиков, атакующих американский авианосец. Подумалось: а почему же в России нет ничего значимого в честь нашего Покрышкина, которого даже американский президент назвал лучшим летчиком-истребителем Второй мировой войны?..

И вот наконец долгий, более чем десятичасовой перелёт из Вены в Чикаго завершен. Ну, какая ты, Америка, покажись! Замелькали дни, проведенные в Чикаго. Наши знакомые, у которых мы остановились, прежде всего, повезли нас на набережную озера Мичиган, считая, что узнавать город следует отсюда. Мы сидели на берегу озера на траве и любовались открывшимся видом. С небольшого мыса, где находится симпатичное здание планетария, небоскрёбы, стоявшие в первых рядах у озера, были как на ладони. Мощные кучевые облака дополняли величественную картину, как бы показывая, что творения человека, однако, всё же малы по сравнению с творениями природы. Вид множества яхт у берега, возле которых, к нашему удивлению, кроме чаек плавали дикие гуси, и дымка, идущая с Мичигана, настраивала на волну мечтаний и путешествий. Нам удалось взглянуть и на ночной Чикаго со стороны озера, с прогулочного корабля «Дух Чикаго». Американцы два раза в неделю дополняют огни ночного города огнями мощного салюта. Стоя на палубе корабля и глядя на непрерывные сполохи огней салю-

та, почему-то подумал, что в 20–30-е годы прошлого столетия так могли громыть разборки бандитов во времена Аль Капоне. Говорят, в Чикаго даже был музей этого мафиози, но потом горожане решили его ликвидировать, дабы не увековечивать память бандиту. Прогуливаясь по набережной, мы вдруг узнали вид, показанный в фильме «Брат-2». Вот где-то здесь шагал Сергей Бодров! На что наши знакомые сказали, что в Чикаго были и Ильф с Петровым, и поэт Вознесенский, и поэт Маяковский, а уж сколько сейчас российских артистов и спортсменов бывает, так и перечислить трудно. Но больше всего изумил факт, что вторым по численности проживающих в нем поляков городом оказался Чикаго, а не какой-нибудь город в Польше... Как всё перемешалось в мире. Когда-то Андрею Вознесенскому досталось от Хрущева за его положительную поэму об Америке, а сейчас в Америке живут сын Хрущёва и внук...

Мы шли вдоль набережной, а мимо, каждый по своим дорожкам, пробегали, проезжали на роликовых коньках и велосипедах чикагцы. Этот поток нескончаем. Интересно, что, видя этих бегущих и едущих за своим здоровьем людей, самому хочется тоже побежать вдоль озера, изредка поглядывая на компактный приборчик на руке, измеряющий пульс и давление. Было непривычно видеть соседство небоскрёбов с пляжами через хайвэй (скоростная дорога), пляжи для собак, большое количество яхт-клубов вдоль озера и очень крупную рыбу в озере у берега. Необычно было видеть скамейки в парках, в том числе и в парках вдоль Мичигана, с табличками, где указано, кто и когда подарил эту скамейку городу. Зашли мы в бесплатный зоопарк и оранжерею с орхидеями, тоже на берегу озера. Оказалось, это такой подарок городу от одного бизнесмена – в знак благодарности Америке за возможность свободно работать здесь. А длинный список пожертвовавших деньги ботаническому саду начинается с фамилий людей, отдавших более десяти миллионов долларов....

Конечно, мы хотели посмотреть с набережной ежегодные полёты военных самолётов над Мичиганом, но смогли увидеть это только на фото – их день военно-воздушных сил в том году уже прошёл. Жаль, неплохо было бы посмотреть полет невидимки F-22! Того самого, про который американцы говорят, что воздушный бой с четырьмя современными французскими истребителями «Мираж» он выигрывает.

Было очень интересно оказаться на борту настоящей немецкой подводной лодки U-505 в Технологическом музее. Узнать историю её уникального захвата практически со всем экипажем во время

боевого дежурства в 1944 году у берегов Африки. (Эти хищницы были большой проблемой, особенно в 1942 году, когда за сутки они в среднем топили три транспорта союзников). Причем немецкие подводники не смогли даже оповестить базу о своём захвате. Именно с U-505 была снята шифровальная машина, и Америка с Англией с этого момента и до конца войны обеспечили себе прочтение всей переписки подводных лодок в Атлантике друг с другом и с командным пунктом.

До сих пор вспоминаю ощущения тяжеленного морского бинокля в руках и хищный вид торпеды, показавшейся из торпедного аппарата, и паутину прицела спаренного зенитного пулемёта с подлодки. А как вам такой фактик, что за обычные 100 дней похода подводники ни разу не мылись? И это в тропических-то широтах, когда температура воздуха в подлодке под сорок, при ужасающей плотности её населения....

Мы бродили по центру незнакомого города, всматриваясь в жизнь простых американцев, гуляли по набережной Мичигана, посещали их достопримечательности, культурно-развлекательные центры и много фотографировали, пытаясь остановить и сохранить понравившиеся мгновения. Конечно, мы не могли не полюбоваться необычным зрелищем города с высоты смотровых площадок его самых вы-

соких зданий (Сирс-тауэр – 443 м, 110 этажей, Джон Хэнкок – 343 м, 100 этажей). По крайней мере, в первый раз ощущается некая нереальность увиденного. У меня, например, возникло ощущение, что все мы находимся на борту огромной летающей тарелки, зависшей над городом. Люди, не торопясь, идут по большой кольцевой площадке и через стеклянную стенку рассматривают Чикаго. А если вы ближе к полуночи окажетесь с друзьями за столиком высотного ресторана в этом же небоскрёбе, то позавидуете сами себе – перед вами возникнет величественная, завораживающая, с бесчисленным количеством разнообразных огоньков, панорама ночного десяти-миллионного города. Воздействие фантастической картины ещё более усиливается под дружескую беседу с замысловатыми коктейлями. Мир расширяет границы до уровня вселенной....

Время отпуска, не изменяя своей привычке быстро заканчиваться, вернуло нас в родной Кузбасс. Дома мы частенько с уважением вспоминали этот деловой город на другой стороне Земли, где неплохо уживается невообразимое число людей разной национальности, религий, цвета кожи, создавая то поражающее единство огромного, в подавляющем числе случаев доброжелательного, многообразия, именуемого чикагцами.

ЮБИЛЕЙ ШУКШИНСКОГО МУЗЕЯ

Тридцать лет назад, 23 июля 1978 года, в дни третьих Шукшинских чтений, по решению Алтайского крайисполкома в селе Сростки для посетителей был открыт музей Василия Макаровича Шукшина. Об этом событии и о том, что представляет собой музей сегодня, наш разговор с директором Всероссийского мемориального музея-заповедника Лидией ЧУДНОВОЙ.

– Лидия Александровна, итак, музею тридцать лет...

– ...Уверена, идея создания музея писателю, столь точно отразившему душу народа, его характер, его глубинные мысли и чаяния – явление высокого нравственного порядка. А воплощалась эта идея в жизнь стараниями десятков подвижников, энтузиастов и сотен бескорыстных дарителей. И, что не менее важно, вместе со становлением музея происходило личностное становление этих людей, они росли и «взрослели» вместе с музеем...

– Именно «взрослели»: сначала филиал краевого музея, и вот уже Всероссийский музей-заповедник...

– Да, музей, по меркам «музейного взросления» развивается стремительно. Уже в 1999 году, в год 70-летия со дня рождения Василия Макаровича, распоряжением правительства России наш музей получил статус Всероссийского мемориального музея-заповедника. А в сентябре 2000 года в Сростках состоялось выездное заседание коллегии краевого комитета по культуре, на котором приняли постановление «О состоянии и перспективах развития...» Претворение этого документа в жизнь дало новый мощный импульс росту музея.

– В самом начале Вы упомянули о дарителях. То есть экспонаты, материалы поступают, прежде всего, от людей...

– Действительно, музей в Сростках – это, прежде всего, музей даров. Такая стратегия комплектования фондов сложилась в 70-е и продолжает оставаться основной и сегодня. Мемориальные предметы из семьи Шукшина, от матери – Марии Сергеевны Куксиной, сестры – Натальи Макаровны Зиновьевой...

За 30 лет сформировано большое музейное собрание, посвященное жизни и творчеству писателя и кинорежиссера. В него вошли: уникальный мемориальный фонд Василия Макаровича; фонды личного происхождения – троюродного брата Шукшина, художника И. П. Попова; Н. М. Зиновьевой, сестры Шукшина; фонды Л. М. Воеводиной и И. А. Иванова; персональные коллекции Е. С. Лимарь из Москвы, В. В. Коршунова из Твери, Н. И. Стопченко из Ростова-на-Дону.

Кроме того, в фондах музея 11 тематических коллекций по истории села Сростки, 12 систематических коллекций. Среди которых очень богатая коллекция произведений живописи и графики: портретная галерея героев рассказов Шукшина, портреты самого писателя, его близких, а также пейзажи, натюрморты и работы, которые напрямую связаны с его творчеством, допустим, иллюстрации его произведений...

Мемориальная часть представлена предметами домашнего интерьера, личными вещами, актерскими реквизитами, рукописями, прижизненными изданиями и публикациями, эпистолярным наследием.

В числе активных дарителей назову Анатолия Заболоцкого, Василия Гришаева, Глеба Горышина... Сергея Зиновьева – племянника Василия Макаровича, и многих других. Благодаря им, с 1992 года музейный фонд увеличился более чем в 2 раза.

Немаловажно и то, что в последние годы по краевой программе «Культура Алтая» осуществляется планомерное пополнение фондов музея.

– Видимо, этим определяется система экспозиций?..

– Нынешняя система экспозиций сложилась в 2005 году, когда была произведена музеефикация дома, где прошли детские годы Василия Макаровича. Помимо этого посетители всегда могут осмотреть у нас экспозицию в доме матери Шукшина, историко-литературную экспозицию «Жизнь и творчество...», а также различные персональные и тематические выставки, которые периодически сменяют друг друга.

Работа с экспозицией ведется постоянно, на основе новых исследований и поступлений. Вносятся дополнения и изменения. Допустим, сегодня назрела необходимость реэкспозиции историко-литературной части, которая должна более полно раскрыть литературное и кинематографическое творчество Василия Макаровича в контексте развития советской литературы и кино 60–70-х годов XX века...

– Насколько знаю, деятельность сотрудников музея не ограничивается только формированием фондов и составлением экспозиций...

– Конечно. Ведь в музей, в отличие от других социальных учреждений, не приходят в обязательном порядке. Чтобы у человека возникло такое желание, необходимо, чтоб он осознал ценность исторического прошлого. Именно на этом основана образовательная деятельность музея – показать, рассказать, объяснить, воспитать.

Более 10 лет в музее существует система образовательных программ «Музей – детям», преподается предмет «История культуры Алтая», действует киноабонемент отечественного кино «...чтобы помнили». С 2005 года при музее создана детская фольклорная студия «Шукшинята». За короткое время студиицы стали не только участниками сельских, районных и краевых конкурсов и фестивалей, но и дипломантами фестивалей «Волшебная свирель», «Рождественская звезда», краевых Дельфийских игр 2008 года.

В настоящее время разработана концепция ежегодного Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае», как литературного народного праздника, который проводится в Барнауле, Бийске, Смоленском и Сростках и включает встречи с писателями, круглые столы, песенный и театральный фестивали.

Значительными событиями музейной жизни являются также музейные конференции «Шукшинские чтения» в дни памяти писателя, которые проходят раз в 2 года с участием ведущих ученых-шукшиноведов Алтая и России; дни памяти Марии Сергеевны; день матери в музее-заповеднике; день памяти жертв политических репрессий; день дарителя и, конечно же, ежегодный фестиваль детского литературного творчества в день рождения А. С. Пушкина.

В музее есть и своя издательская программа. Постоянно выходят сборники материалов научно-практических конференций, издано уже 2 номера альманаха «Шукшинский вестник», 4 номера газеты «Шукшинские Сростки».

И конечно, сама исследовательская работа: литературная география, прототипы героев Шукшина, хроника жизни и творчества писателя, его эпистолярное наследие, истории села Сростки – вот далеко не полный перечень тем, над которыми работают сотрудники музея. Их статьи неоднократно публиковались в российской и зарубежной научной периодике.

– И напоследок традиционно: музей сегодня и завтра?

– Есть программа комплексного развития музея, разработанная в рамках федеральной целевой про-

граммы «Культура России». В ней детально обозначена система всесторонне обоснованных проектов развития музея на период до 2011 года. Внутренняя логика развития приводит к появлению новых функций – музей-заповедник начинает играть важную научно-методическую роль в изучении и сохранении творческого наследия Шукшина, также определяет направления и координирует научно-исследовательскую деятельность по изучению его жизни и творчества. Миссия музея-заповедника сегодня заключается в сохранении и представлении в подлинной культурной и природной среде музейными формами, средствами, при помощи современных музейных технологий творческого наследия Шукшина.

За 30 лет музей сумел сформировать свой имидж и накопить значительный интеллектуальный потенциал. Уже сегодня он имеет реальные задатки, чтобы стать современным центром познавательного туризма на Алтае и в России.

*Беседу вел Сергей Филатов,
г. Бийск*

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА В. М. ШУКШИНА

В 2002 г. мемориальная коллекция писем В. М. Шукшина значительно пополнилась. На чердаке дома, где жила М. С. Куксина в период с 1957 по 1963 г. (ул. Братьев Ореховых, 38), был найден архив семьи конца 40-х – начала 50-х годов, когда Василий Макарович проходил срочную военную службу в Военно-морском флоте. Тот самый архив, о котором биограф Шукшина Владимир Коробов в книге «Василий Шукшин: Вещье слово» (М.: Молодая гвардия, 1999) писал: «Как жаль, что шукшинские письма той поры навсегда утрачены (были забыты при продаже деревенского дома и переезде

матери в Бийск в коробке на чердаке, а когда их хватились, выяснилось, что новые хозяева дома сожгли «ненужный хлам!»)

«Рождественский» подарок музею сделали дети, ученики Сростинской средней школы Роман Тарбоков и Сергей Лактюшин. Мальчики играли в доме Романа Тарбокова, в котором раньше жила Мария Сергеевна. На чердаке они нашли старые газеты, письма, рукописи. Ребята поняли, что эти бумаги принадлежали семье В. М. Шукшина, и решили передать их в музей.

Архив включает письма В. М. Шукшина, посланные им из Севастополя, где он служил, и из института кинематографии (ВГИКа), адресованные матери Марии Сергеевне и сестре Наталье Макаровне.

В числе найденных документов тринадцать писем Шукшина к матери, из которых четыре сохранились частично и представлены в виде фрагментов. Шесть писем и один фрагмент письма к сестре Наталье, три письма неизвестному адресату и одно письмо Ивану Попову.

После первичной очистки бумаги и расшифровки содержания научными сотрудниками музея восстановлены тексты. Плохая сохранность не позволила восстановить их полностью, существуют нечитаемые слова, предложения и даже страницы.

Публикуем несколько писем В. М. Шукшина из этого архива с научным комментарием. Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам, но при сохранении некоторых индивидуальных особенностей авторской манеры письма.

[Октябрь 1949 г.]¹

Здравствуй, мама!

Поздравляю с днем рождения!

Мамочка, тебе уже 40 лет². Какова ты сейчас посмотреть бы. Пришли, пожалуйста, свою фотокарточку, да напиши, как чувствуешь себя, как здоровье?

Видел сегодня тебя во сне, проснулся и вспомнил, что скоро день твоего Ангела. Что же я могу, мама, сделать в ознаменование такого дня. Желаю тебе здоровья! Прежде всего. Всем сердцем хочу, чтоб жизнь радовала тебя.

Обо мне не скучай, о Наташе³ тоже. Скоро приедем.

Будь же здорова, милая хорошая мама!

Комментарии:

1. Датируется по содержанию. В октябре 1949 Шукшин был призван для прохождения срочной военной службы в Военно-морской флот.

2. Мать В. М. Шукшина Куксина (Шукшина) Мария Сергеевна родилась 15 октября 1909 г. в Сростках.

3. Наталья Макаровна Зиновьева, сестра В. М. Шукшина, род. 16 ноября 1931 г.

[1951 г.]

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо. Спасибо, милая. Еще раз сообщаю, что доехал благополучно¹. Жив и здоров. Есть к тебе очень важная просьба. Мне потребовалась справка из техникума². Те справки, что я брал в 48 году, утерялись. Потребуется очевидно много хлопот, т. к. фамилии разные. Для этого нужно взять из сельсовета или из ЗАГСа справку о том, что обучающийся в Бийском автотехникуме Попов В.М.³ в настоящее время носит фамилию Шукшин и с этой справкой поехать в Бийск. Если Наташа⁴ будет еще дома, пусть съездит она.

Лучше было бы, если бы ты взяла сама. Возьми с собой справку о том, что я в настоящее время служу, и объясни, что бросил учиться из-за недостатка средств.

Это дело неспешное, можно не торопиться. Постарайся, мама, очень прошу тебя.

Вот пока и все.

Будь здорова, дорогая моя.

Привет Наташе.

Наташа!

Учебник ин-го яз. Нужен английский. Учиться буду самостоятельно, а весной сдавать экстерном⁵.

Потребуются еще кое-какие учебники.

Программы по всем предметам, начиная с 8 кл. по 10 кл.

Если будет возможность найти где-нибудь постарайся.

Возможно будут в Н-ке⁶.

Я еще об этом напишу.

Мама сообщает, что у меня остался «надежный контроль». Что ж... спасибо. Я на это рассчитывал, Наташа.

Пока до свидания.

Жду писем.

В отношении программ постарайся, Таля⁷.

Ваш Василий.

Комментарии:

1. 29 октября 1949 г. Ленинским райвоенкоматом Московской области призван на срочную военную службу в Военно-морской флот СССР. Начал службу на Балтийском флоте.

2. С 1944 по 1947 г. В. М. Шукшин учился в Бийском автомобильном техникуме.

3. Отец В. М. Шукшина Макар Леонтьевич в марте 1933 г. был репрессирован, 28 апреля расстрелян в Барнаульской тюрьме. Мать в похозяйственной книге в сельском Совете переписала детей – Васю и Наташу – на свою девичью фамилию – Поповы. Паспорт Василий получил на фамилию отца.

4. Наташа – Зиновьева Наталья Макаровна, сестра В. М. Шукшина.

5. Во время службы на флоте (1949–1952) Шукшин решил самостоятельно подготовиться и после демобилизации получить среднее образование экстерном. Заранее просил мать подготовить документы для поступления в школу, а сестру просил прислать учебники и программы.

6. В Новосибирске, где Наталья Макаровна училась в педагогическом институте.

7. Таля – так ласково звали Наталью в семье.

Ноябрь 1951 г.

Здравствуй, Наташа!

Лейтмотивом своей жизни я сделаю пословицу: «долг платежом красен».

Итак.

Прежде всего, ты пишешь стихи?

Я впервые слышу. Будь любезна, пришли мне штук 5 своих стихотворений. Сгораю от нетерпения прочитать их. И ты до сих пор мне ничего не говорила?! Обидно, сестрица! А я, знаешь, никогда не предполагал в тебе этой способности. Ты меня удивляешь и радуешь.

Далее... Ты как будто грустишь оттого, что тебе стало 20 лет.

Я лично не вижу здесь оснований грустить.

Кстати, в жизни вообще причин для грусти – нет. О чем можно грустить? И тем более – о чем нужно грустить? Можно ненавидеть, ибо ненависть толкает на деятельность, что очень важно. Можно любить, – любовь вдохновляет на деятельность. Но грустить? Грусть, как известно, определяет полное бездействие.

Никогда не грусти!

Я тебе завидую. Ты, кажется, вечно занята полезным делом – учебой. У тебя книги, чертежи, конспекты... А математика... как ты ворочаешь эту махину!?' Однако, к делу.

О себе рассказывать решительно нечего. Часто вспоминаю тебя. Теперь мне почему-то больше хочется увидеть тебя, нежели год тому назад.

А помнишь, как мы бестолково бегали по [улицам]? А эту помнишь? Как ее... забыл. Я чуть не

умер со смеху, когда увидел выражение твоего лица в тот момент, когда ты знакомилась.

О Маше²: никак я не пойму тебя, дорогая, хитришь ты что ли, когда говоришь о чувствах этой девушки. Она тебе подруга, следовательно, беспристрастной ты не можешь быть. Однако не забывай, что и я тебе не чужой, а потому обманывать меня до некоторой степени грешно.

Нечего скрывать: мне приятно было читать те строки, где ты рассказываешь о ней, но, или я слишком недоверчив или мало убедительности в тех строках – я почему-то не верю им.

Когда увидишь, передай ей привет.

Привет маме.

Пока до свидания.

Твой Василий

Комментарии:

1. Наташа в 1951 г. поступила в Новосибирский институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии, а в 1955 г. окончила физико-математический факультет Новосибирского педагогического института.

2. Мария Ивановна Шумская, жительница с. Срос-тки, подруга сестры Василия Макаровича Натальи.

Июнь 20 [1952]

Здравствуй, мама.

Получил твое письмо и извещение на посылку. Завтра пойду в город¹, получу. Так-таки и выслала часы. Голубушка моя милая – спасибо. Письмо ты мое, очевидно, не получила. Я там отказывался от них. Теперь, что ж, буду носить и тебя всякий раз вспоминать. А вообще-то мне не очень приятно, откровенно говоря. Ну, ладно, мама, молчу, не сердись, дорогая.

Экзамены буду сдавать весной или осенью нынче².

Здоровье хорошее. Ну, а как твое здоровье, «старушка»? Говоришь, волоса побелели? Не мудрено. Я иногда думаю о той жизни, которую тебе довелось прожить, и понятно отчего у тебя седеют волосы. Я попрошу тебя, мама, побереги себя для нас с сестренкой. Ведь мы только-только собираемся на дорогу выйти, нам впереди всем еще большая интересная жизнь предстоит. Однако это мрачная тема. Мне сейчас хочется сказать что-нибудь светлое, теплое, хорошее. Я тоже соскучился по тебе. Знаешь, какой момент вспоминаю? Тот, когда я тебя впервые увидел в переулке. Стоишь сейчас в глазах как живая.

Письма пишу редко по известной причине – сейчас ведь лето. Отпуск? Как ни горько, мама,

а не обещаю. Это невозможно. Ты советуешь попросить командира. Родная, ни от меня, ни от него этого не зависит. Будем ждать следующего года. Осталось не так уж много. Причем, я и тебе не советую там хлопотать. Пустая затея. У нас сейчас такое положение, при котором отпуск немислим.

Комментарии:

1. Основную службу Шукшин проходил в г. Севастополе на Черноморском флоте. Его звание – старший матрос, военная специальность – радист.

2. Экзамены за курс средней школы Шукшин сдал в 1953 г. в Сростинской средней школе экстерном. Аттестат получил 31 августа 1953 г. А планировал сдавать экзамены на флоте.

**Публикация подготовлена
Татьяной ПОПОВОЙ,**

ст. научным сотрудником
Всероссийского мемориального
музея-заповедника В. М. Шукшина

ЛЮБА БАЙКАЛОВА ИЗ СЕЛА СРОСТКИ

«Калина красная» – киноповесть В. М. Шукшина. Первоначально – литературный сценарий одноимённого фильма. Он написан осенью 1972 года в Москве, в больнице. Впервые опубликован в журнале «Наш современник» в четвертом номере за 1973 год.

Кто же стал прообразом главной героини произведения со столь необычной судьбой? Ответ на этот вопрос мы находим в воспоминаниях сестры Василия Макаровича – Натальи Макаровны: «Как-то Вася меня спрашивает, почему Люба Байкалова (сродная наша сестра) замуж не выходит, ведь давно вроде пора? Я говорю, она переписывается с тюремным заочником, он пишет ей хорошие письма, обещает после освобождения приехать в Сростки. Вася эту переписку не одобрил. И вот в фильме «Калина красная» Егор Прокудин освобождается от собственных пут и едет к заочнице Байкаловой Любове Фёдоровне. (Даже отчества не изменил)»¹.

Здесь же Наталья Макаровна развивает мысль о том, что односельчане нередко были героями его рассказов, вот и двоюродная сестра Василия Макаровича стала прототипом героини. Что она за человек и какова её судьба, был ли в её жизни тот самый «тюремный заочник»? Попытаемся найти ответ в воспоминаниях сростинцев, знавших Любовь Фёдоровну.

Л. Ф. Байкалова родилась в селе Сростки 29 декабря 1937 года. Её родители – Фёдор и Евдокия Байкаловы. Евдокия Сергеевна – старшая из четырёх дочерей Сергея Фёдоровича Попова, родная сестра Марии Сергеевны Куксиной, матери В. М. Шукшина.

О Фёдоре Байкалове сведений практически нет, нам так и не удалось установить его отчество. Его родственники ничего не знают о нем, и неудивительно, жизнь Фёдора была короткая, всего 37 лет².

Воспоминания о Фёдоре Байкалове удалось записать со слов Валентины Васильевны Шумковой, двоюродной сестры Любы Байкаловой:

«Я как-то спросила у своей мамы (Поповой Анны Борисовны – родственницы Байкаловых по мужу. – В. Е.):

– А где Любин отец, его на войне убили или тоже расстреляли?

– Нет, это ещё до войны было. Табак сеяли, Фёдор возил этот табак и решил, видимо, припрятать дома маленько. И соседка показала на него, она злая была. Ссорились они. Пришли, увидели... и посадили за корешок табака. Там он и умер, не пережил это всё. Молодой умер».

После смерти мужа у Евдокии на руках остались две дочери: старшая Анна и младшая Люба. Жили Байкаловы по улице Советской, на три дома выше, в горку от усадьбы Макара и Марии Шукшиных. Позднее, в середине 60-х годов, Евдокия Байкалова купила дом у своей сестры Марии по переулку Широкому, 28 (ныне улица Братьев Ореховых).

О детстве Любы Байкаловой вспоминает В. В. Шумкова:

«Люба Байкалова со мной в первый класс пошла. Фотография такая есть. Училась я с ней вместе до 6 класса. Она была полная сильно...

После шестого класса Люба училась в вечерней школе. Вася тогда вёл вечернюю школу, там она и училась, и работала на стройке. Дома по тракту тогда строили...

Она и ушла-то после 6 класса, потому что её задрознили. Пришлось уйти. Стеснялась. А в вечерней школе там все взрослые. Там она 7 классов окончила.

С Любой мы всё детство вместе были... Она была медлительная из-за полноты, всё очень медленно

Люба Байкалова
и Наталья Макаровна

делала. Добрая была и не жадная. Но очень стеснялась своей полноты...

Она училась на парикмахера и тётя Маруся её учила».

О дальнейшей судьбе Любы Байкаловой в музее есть воспоминания работников комбината бытового обслуживания, где она работала примерно с начала 60-х по 1980 год.

Слободчукова Александра Ефимовна:

«В ателье я пришла работать 23 февраля 1960 года... Там была парикмахерская, сапожная, фотография. В парикмахерской работал Михаил Асташкин, а потом Байкалова Люба. Она была добрая, хорошая».

Екатерина Фёдоровна Холманская:

«Люба работала в парикмахерской. Каждую неделю нам давали машину и мы бригадой, куда входили закройщики, парикмахер и фотограф, ездили и обслуживали людей в сёлах. Маршруты были самые разные: Верх-Талица – Лебяжье – Каменка – Первая ферма – Третья ферма; Образцовка – Берёзовка – Суртайка – Быстрянка; Талица – Новая Деревня – Кокши – Урожайное; Полеводка – Верх-Катунское – Светлоозёрск – Мясосовхоз. Все эти сёла мы обслуживали. Люба стригла, Анна Сухачёва принимала заказы на верхнюю одежду, я на лёгкое платье...

Люба как-то в разговоре с девчонками рассказывала, что у нее был какой-то тюремщик, вроде даже приходил он к ней.

Я ей говорила тогда:

– Люба, брось ты, ради Бога, сдавать кровь, – а она отвечает:

– Мне значок дали донорский и кормят нас там.

А что их там кормили, отведут в столовую и всё, дадут компот, а это что. Надо сразу граммов по 100 водки, чтобы разжигало. Вот и досдавала кровь, умерла рано».

Вспоминает Ольга Кондратьевна Шефер:

«До прихода на работу в ателье Любу я толком не знала. В 1968 году, когда я пришла в ателье, она уже работала мастером в парикмахерской. Тогда под парикмахерскую была выделена одна комната.

Швеи из неё не получилось, но иногда она садилась за швейную машинку...

Она сама была добрая, нескандальная, не сплетница, в душу ни к кому не лезла.

Жили они с матерью, Авдотьей Сергеевной, недалеко от нас, по переулку Широкому, домой, бывало, вместе шли. Скуповатая была на еду, может потому, что мать такая. Мы всегда приглашали Любу обедать на работе.

Мать её строго держала. Люба одна жила без мужа. Потом познакомилась по переписке с тюремщиком, переписывалась с ним, крадучись от матери. Я не помню толком, приезжал этот тюремщик или не приезжал к Любе...

Десятилетки у неё не было, классов семь. Полная была, как груздочек. В белом халате ходила, всё серу жевала – листовенную.

Болела, у неё было большое давление. Мы с ней раза два вместе лежали в больнице. Ночь настанет, для нас горе – Люба сильно храпела, она спит, а мы сидим. Она даже просилась у врача: «Переведите меня в коридор куда-нибудь». А врач ей отвечает: «Кому плохо, пусть домой идут, а Вы тут будете». Тогда она сама вечером взяла вещи и ушла в коридор на кушетку, а утром в палату пришла.

Умерла Люба внезапно. У неё сердце большое было. О её смерти мы утром услышали. Ходили на похороны. Авдотья Сергеевна после этого одна жила, но не долго, немного погодя её забрала старшая дочь Анна, в Бийск».

Александра Васильевна Емельянова:

«Пришла я в ателье работать в 1975 году... Люба Байкалова тогда стояла на утёге в бригаде лёгкого платья. Я работала на массовом пошиве через стенку, это другая бригада. Стенка была тонкая, и все разговоры было слышно. Слышали и как над Любой бабы посмеивались, подшучивали. Нехорошо, зло подшучивали. А Люба, она простая, открытая была, всё принимала за чистую монету. Всё у неё бабы выпросят, а она откровенно рассказывала о своей жизни.

Вот спросят:

– Люба, однако к тебе приезжал сударь?

Она сначала скажет:

– Нет, – а потом, – да, да, приезжал.

– Как его звать?

– Гена³.

– Где живёт?

– В Верх-Катунске, – потом, – нет, он с Чуйского оказывается.

– Что, Люба, он высокий, красивый?

И она рассказывала всё откровенно. Над ней посмеивались. А она не обижалась ни на кого. А бабы раз укусят, еще раз укусят. Мария Раковская ругалась на баб: «Вы чё про себя-то не рассказываете, возьмите да расскажите про себя!»

Другая на Любином месте отругала бы, чтоб больше не приставали, а Люба бесхитростная была...

Помню, тогда ходили на уборку свёклы осенью. Сначала работали всей бригадой у одной кучи. По-

том решили работать по одному. Люба была больная – сердце. Ей на свекле работать было трудно: «Я не вижу в наклон. Пока куча большая, вижу. Куча становится меньше, наклоняюсь и не вижу. Тычу ножом куда попаду».

Мы тогда работали с Маней Перехожевой и Ольгой Наумовой, а Ольгин муж за нами приезжал. Мы кучи брали рядом, помогали друг другу и Любе помогали, а она старалась взять кучу рядом с нами. Она даже до слёз доходила, так ей было тяжело работать...

Люба и разговаривала интересно, на всё у неё была присказка разная.

Отзывчивая была, у кого горе случится, сильно переживала за человека, искренне так горюет, как за своё».

Такой помнят Любу Байкалову те, кому пришлось с ней работать. Однако воспоминания эти не дают полной ясности – был ли в Любиной судьбе «тюремный заочник»? Вроде бы – да, был. Но более конкретно никто из людей, знавших Л. Ф. Байкалову, ничего сказать не смог.

Несомненно, Любовь Фёдоровна Байкалова со своими чертами характера является прототипом героини киноповести «Калина красная»: открытая, простая, отзывчивая, бесхитростная, добрая, совестливая. Как и большинство героев Шукшина, Любу можно причислить к «людям с чужинкой», но, возможно, на таких и держится мир, на людях, не озабоченных какими-то корыстными целями, не думающих о сиюминутной пользе, а стремящихся хоть как-то облагородить и украсить жизнь, хотя бы тем, чтобы не кривить душой.

В данном случае не только подтверждается творческая манера Шукшина-писателя наделять своих героев именами и фамилиями реальных жителей Сростков, но и совпадение биографий, судеб и характеров прототипа и героини.

Люба Байкалова с мужем
Леонидом (Алексеем)

В фондах музея есть фотоснимок, где, согласно описанию, Л. Ф. Байкалова с мужем Леонидом (Алексеем?)³. Как сообщила Валентина Ивановна Козлова, родственница Байкаловых по мужу, этот человек жил с Любой, а потом ушёл к другой женщине, Зине Заводкиной.

Зинаида Михайловна Заводкина живёт в Бийске, но общается со сrostинскими женщинами, в том числе и со своей бывшей соседкой Казанцевой Анной Петровной. Именно Анна Петровна помогла нам собрать сведения со слов Зинаиды Михайловны:

«Нюра Козюлина предложила его мне в женихи. Когда его Байкаловы выгнали. Он на ферме жил, питался там. А Нюра и говорит: «Вот тебе мужик». Звали его Фролов Алексей (Леонид?)³ Филиппович, из Рязани он. Мы с ним прожили года четыре. В Сростках. Он там пас коров, потом мы в Бийск уехали, где он работал на котельном заводе. Потом мы с ним разошлись, и он жил опять в Сростках с Марусей Поповой.

А Люба Байкалова познакомилась с ним по переписке. Алексей (Леонид?)³ был за что-то осуждён там, в Рязани, и сидел в тюрьме. Потом ему было разрешено жить где-то вдалеке от тех мест, где его осудили. На поселение отправили. Люба из Урожайного привезла его.

Пил он. А Любиной матери это не нравилось, и 162 они его выгнали. Люба вскоре умерла.

Когда я с ним жила, мы ездили в Рязань, к нему на родину. А потом уж не знаю, куда он подевался».

Любы Байкаловой не стало 19 ноября 1980 года. К тому времени «Калину красную» посмотрели миллионы зрителей не только в нашей стране, но и за рубежом.

1. Шукшин В. М. Надеюсь и верую. – М.: Воскресенье, 1999. – С. 446–447.

2. Прякина А. С. Родословная В. М. Шукшина. – Бийск, 2005. – С. 66.

3. В воспоминаниях А. В. Емельяновой, скорее всего, речь идет о другом человеке. Далее по тексту – в разговорной речи уменьшительное Леша (Алексей) часто заменяют на производное от другого имени – Лёня (Леонид). Никаких документов, подтверждающих точное имя мужа Любы Фёдоровны Байкаловой, в архивах обнаружить не удалось, этим и объясняются разночтения имен в рассказах о нем разных людей.

Валентина ЕФТИФЕЕВА,
научный сотрудник музея

БЕЛАЯ НОЧЬ

Тамаре Б.

Тамара
МАХАЛОВА

ПЕРВАЯ
ПУБЛИКАЦИЯ ПОЭТА

Далекie студенческие годы...

Ленинградский (ныне С.-Петербургский) гос-
университет.

Небольшое помещение кафедры истории
журналистики.

Вечер. За окном, выходящим на Неву, светит-
ся в дымке Адмиралтейство.

Обсуждаются чьи-то стихи. Уже выступили
руководитель Л. Хаустов, В. Горшков, Л. Сидо-
ровский. Илья Фоняков читает свои стихи.

За соседним, справа от меня столиком сидят
два студента, оба кудрявые, улыбочивые. Вален-
тин Махалов и Юрий Харченко. Неожиданно Ма-
халов поднимается, берет мой блокнот и что-то
в нем пишет. Оказалось: посвященный мне ро-
манс «Белая ночь». Фамилия моя в посвящении
еще не «Махалова».

Блокнот сохранился, романс нигде не публи-
ковался, может, поэт даже забыл о нем. Из это-
го блокнота автографически «Белая ночь» здесь
и воспроизводится.

Белая ночь.

Тамаре Б.

Над Невой спустились ночи белые,
Перепутав вечер и рассвет.
Никакого вовсе нету дела им,
Что тебя со мною рядом нет.

Что один хожу я над причалами,
Что мне в эти ночи не до сна.
И со мной походкою усталой
По граниту ходит тишина.

И напрасно звезды улыбаются,
Мне тоску стараясь разогнать,
Ведь они друг с другом не встречаются,
И моей тоски им не понять.

И Нева в серебряном свечении
Мне напрасно шепчет в полусне:
— Позабудь её хоть на мгновение,
Улыбнись и подойди ко мне.

И хожу один, никем не встреченный.
Над Невой сирена проплыла...
Может быть, рассвет я спутал с вечером,
Потому она и не пришла.

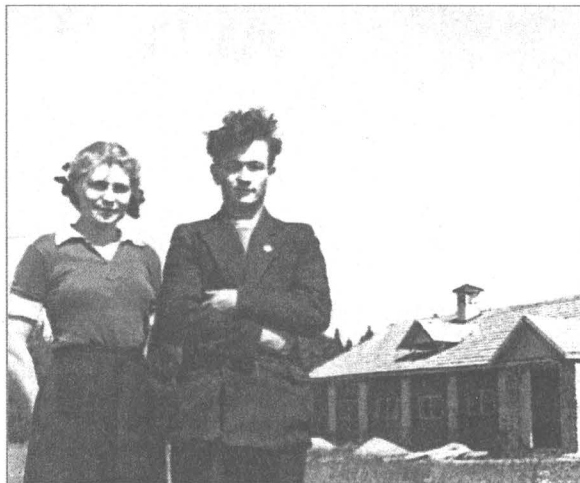
Над Невой спустились ночи белые,
Перепутав вечер и рассвет.
Никакого вовсе нету дела им,
Что тебя со мною рядом нет.

Что один хожу я над причалами,
Что мне в эти ночи не до сна.
И со мной походкою усталой
По граниту ходит тишина.

И напрасно звезды улыбаются,
Мне тоску стараясь разогнать,
Ведь они друг с другом не встречаются,
И моей тоски им не понять.

И Нева в серебряном свечении
Мне напрасно шепчет в полусне:
— Позабудь её хоть на мгновение,
Улыбнись и подойди ко мне.

И хожу один, никем не встреченный.
Над Невой сирена проплыла...
Может быть, рассвет я спутал с вечером,
Потому она и не пришла.

Валентин и Тамара Махаловы в студенческие годы. 1955 г.

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

«Фотография на память». Так называлась выставка фотопортретов художников Кузбасса. Ее открытие состоялось 29 января 2008 года в Кемеровском областном музее изобразительных искусств (КОМИИ). Она посвящалась 50-летию Кемеровской организации Союза художников России и 65-летию Кемеровской области.

Большие юбилеи. Хотелось отметить их как-то особенно – чтобы помнилось. Так появилась идея выставки, на которой представлены не произведения кузбасских художников – как обычно, а портреты самих художников – их фотографии. Даже тех, кого уже нет: Василий Селиванов, Вадим Дорофеев, Павел Чернов, Алексей Гордеев, Виктор Зевакин, Виталий Карманов, Николай Шемаров...

Увы, далеко не всех. Многие художники старшего поколения ушли из жизни очень давно. А те ветераны, чьи фотографии вошли в экспозицию, были сняты задолго до выставочного проекта и совсем по другому поводу, то есть без должного внимания и подхода. Поэтому их фотографии – самые ранние в портретном ряду – далеко не самые лучшие. Но переснять никого нельзя – для старых художников они стали последними. Так и вошли в экспозицию выставки. Как документ, свидетельствующий о жизни и после жизни.

Целенаправленно, снова и снова, велись съемки только В. С. Зевакина и Н. М. Шемарова – известных мастеров той славной плеяды. Они велись на протяжении нескольких лет, вплоть до последних месяцев, когда скорый уход обоих художников был очевиден. Отсюда бесконечные кадры и каждый удачен – настолько выразительны лица, отражавшие опыт и жизнь души.

Особенно выразительным было лицо Виктора Сергеевича Зевакина. На исходе жизни оно напоминало лики отступников и пророков. Последние фотографии мастера получились настолько удачными, что могли бы стать экспонатами выставки. Почему бы и нет – подумалось вдруг. Так зародилась идея выставочного проекта.

Однако начало начал относится к концу 1990-х. Тогда я приступила к работе над справочником ху-

дожников г. Кемерово. Для персонального представления художников требовались их фотографии, собрать которые стоило большого труда. По разным причинам: то про фотографию забывали и не приносили, то приносили слабого качества, то она была многолетней давности и художника на ней не узнать... Пришлось фотографировать самой. Другого выхода не было. Так появились мои первые снимки кузбасских художников.

Чем дальше, тем больше. По мере погружения в эту работу менялось отношение к ней. Необходимость переросла в увлечение, страстное и захватывающее. Открылась очевидная истина: художники не менее интересны, чем их произведения, и сами достойны внимания. Люди искусства неповторимы. Их жизнь наполнена творчеством, непрерывной работой мысли и души. А духовное неизбежно становится видимым. Накладывает свой отпечаток на внешний облик, манеру поведения, среду обитания...

Однако художников знают по их произведениям и почти не знают в лицо. Они не публичные люди и не ведут светскую жизнь. Это затворники собственных мастерских. Друг друга и то видят редко. Чаше на открытии выставок, где собираются все свои, а также те, кто так или иначе связан с миром искусства. Широкая аудитория узнает о художниках из средств массовой информации: телевизионные сюжеты, статьи в периодической печати. Но это, как правило, приурочено к юбилейным датам.

Справедливости ради захотелось изменить ситуацию и открыть новые возможности для популяризации личности мастера, творца и участника художественной истории края. Так сформировалась концепция выставки фотопортретов художников Кузбасса – как уникальной возможности познакомиться сразу со всеми и с каждым из них.

Начались фотосъемки. Я ходила по мастерским, удивляя художников неожиданной миссией. Не сразу добивалась желанного результата и часто переснимала. Не хватало профессионального навыка – фотография пусть и давнее увлечение, но не более. Решимость придавала захватившая страсть, перешедшая в чувство долга. Мое общение с художниками длится без малого тридцать лет. За это время открылась их творческая и человеческая незаурядность, они стали близки и по-своему дороги. Все самобытны, порой эксцентричны и очень далеки от общих стандартов. Такими их и хотелось представить.

Неожиданно эта позиция встретила опасения со стороны: а вдруг подобные фотографии не понравятся ни самим художникам, ни зрителям? Все мо-

жет быть. С другой стороны, художники не модели, чтобы нравиться. Они творцы, думающие не о себе – об искусстве. Должны не нравиться, а впечатлять. И чем ярче индивидуальность художника, тем выразительней его образ. Поэтому неправильность облика не смущает, а лишь усиливает неповторимость. Понятие красоты, в обыденном смысле, к художникам неприемлемо. Вспоминается известная фотография великой Анны Маньяни с ее словами на ней: «Не скрывайте моих морщин, они мне слишком дорого стоили».

Сегодня фотопортретов более ста. Они одного формата и двух видов: на одних – лица художников, взятые крупным планом, выдающие колорит и характер личности; на других – художники в мастерских, где царит особенный мир, недоступный и непривычный для окружающих. А в целом это групповой портрет художников Кузбасса всех поколений.

За те полвека, что существует Кемеровская организация Союза художников, многое изменилось в ее рядах. Ушли ветераны, и их облик стирается в памяти. Пришли молодые, которые не знают своих предшественников. Многие художники разъехались по городам и весям. Все это естественно и необрати-

мо, как движение, которое нельзя повернуть вспять. Но можно остановить на мгновение. Выставка фотопортретов собрала воедино всех, разделенных во времени и пространстве. А главное, оставила их лица для будущих поколений.

По сути, сложилась уникальная коллекция фотопортретов художников Кузбасса с присущей ей цельностью и полнотой. При этом она бесконечна. Ведь лики художников неисчерпаемы, и повториться нельзя. Появляются молодые, а значит – новые лица. Среди художников есть творческие династии и семейные пары, а это возможные аспекты их презентации, причем далеко не единственные. Такая коллекция жизнеспособна, многогранна и вполне самостоятельна. И все-таки будет логично, если она останется в КОМПИ, где самое полное собрание произведений искусства Кузбасса. Фотопортреты художников органично дополнят это собрание и покажут искусство с иного ракурса: история в лицах.

**Марина ЧЕРТОВА, искусствовед,
заместитель директора по научной работе
Кемеровского областного музея
изобразительных искусств**

ЗАПИСКИ ЧЕКИСТА

(О книге М. Гоголева
«Далеко от всех границ»)

Скажу откровенно, я с некоторой предвзятостью взялся за чтение очерков и рассказов, объединенных в сборнике «Далеко от всех границ». Автор – бывший сотрудник комитета госбезопасности. Полковник Михаил Петрович Гоголев не один десяток лет занимался поисками шпионов, диверсантов, вражеских агентов. Естественно, он должен был рассказать об увлекательных для читателя детективных историях, которые сейчас излагаются в огромных количествах изданий, заполонивших книжный мир. Каково же было мое удивление, когда на страницах сборника я познакомился с новой, совершенно незнакомой, а по сути, главной стороной деятельности наших спецслужб, которые тратили громадные усилия на изучение условий совершения преступлений и на их предупреждение.

Характерен в этом отношении очерк «Нелегал». В Горной Шории вдруг заработала неизвестная радиостанция. По тревоге были подняты все органы КГБ, от местных до самого Комитета. После кропотливого исследования оказалось, что инженер одного лесозаготовительного предприятия решил «попробовать» свою радиостанцию. Были затрачены колоссальные средства, чтобы выявить и предупредить этого радиолюбителя, чтобы он не «баловался» радиоэфиром. Об этой черновой, маловыразительной, но очень важной для стабильности государства работе интересно, с профессиональным знанием дела, рассказал автор. Он показывает характеры враждебно настроенных к обществу людей, готовых на преступление, анализирует причины этого «враждебного» настроения.

Два молодых человека наслушались передач радиостанции «Голос Америки». Рассказы о комфортной беззаботной жизни, полной наслаждений, настолько увлекли ребят, что они захватили заложников в автобусе, потребовали вертолет, чтобы из Новокузнецка улететь в... Японию. Во время операции одного застрелили, другого арестовали и, естественно, посадили.

Документальная повесть «Таськина согра» – о перестройке колхозницы, вставшей на пути расхитителей общественного добра. Автор показывает, как эгоизм, стяжательство деформируют нравственность сельчан настолько, что они решаются убить героиню.

В момент перестройки все жестче заявляла о себе теневая экономика. Она, как раковая опухоль, своими метастазами стала проникать во все слои советского общества и поражать хозяйственников, партийные, советские органы и даже милицию. В Прокопьевске на фарфоровом заводе возникла группа расхитителей золота. Городской отдел Управления КГБ вскрыл преступление. В очерке «"Старатели" пойманы с поличным» автор, который был организатором расследования, детально показывает кропотливую работу чекистов. Но в этом материале привлекает не детективная сторона, а глубина и широта заболевания общества. Современный читатель понимает, что пройдет совсем немного времени, и люди, которые наживались тайным преступным способом, выйдут открыто на авансцену нашей жизни, приберут к своим рукам заводы, шахты, пароходы и все остальное, которое когда-то называлось общественной собственностью. Из подобных многозначительных очерков и рассказов, по сути, состоит сборник. Он побуждает читателей к размышлениям и сравнениям: почему было так, почему стало по-другому.

166

Особо хочется остановиться на заметках о Горной Шории. Автор по-настоящему полюбил этот благодатный край и посвятил ему самые замечательные воспоминания. В них он выступает не как сотрудник госбезопасности, а как путешественник, охотник, рыбак. Таких обычно называют любителями природы. Глаз этого любителя очень точный, все подмечающий, особенно в характере местного населения.

О шорцах, например, очень много написано. Можно сказать, что этот маленький народец досконально изучен и показан в картинах, фотографиях, публицистике и в научных исследованиях. Но более глубокого отражения жизни и нравов аборигенов, чем в очерке Михаила Петровича «По Мрассу», я не встречал.

Книга «Далеко от всех границ» очень разносторонняя. Автору через призму «недетективной» деятельности КГБ удалось показать сложность развития советского общества в двадцатых, тридцатых, шестидесятых годах и даже в наше столетие. Думается, она вызовет интерес у самого массового современного читателя, озабоченного судьбой России.

Юрий Тотыш,
г. Кемерово

ЛИКИ ВРЕМЕНИ

Феномен ясновидения:
факты и гипотезы

*Безумолку безумная девица
Кричала: Ясно вижу Троя павшей в прах!
Но ясновидцев, впрочем, как и очевидцев,
Во все века сжигали люди на кострах!*

В. Высоцкий

Пророчество безумной прорицательницы Кассандры, как мы знаем, действительно осуществилось, и Троя пала. В литературных текстах многих народов мы находим сведения о пророках и прорицателях, которым было дано предвидеть события будущего, и нередко эти пророчества сбывались, если верить тем же текстам. Во всяком случае, люди во все эпохи верили в то, что пророчества возможны и что есть особо одарённые люди, которым дано видеть будущее. Существовали и самые разные методы, с помощью которых люди стремились узнать будущее: от толкования сновидений до гадания на картах и астрологических прогнозов. Имеется огромная литература, посвящённая этим вопросам, и мы, конечно, не можем здесь заниматься её обзором. Тем не менее хотелось бы обсудить сам феномен ясновидения и возможные объяснения этого феномена с позиций современной науки.

Наиболее интересными, с нашей точки зрения, являются те пророчества, которые совершаются особо одарёнными людьми в изменённом состоянии сознания, вызванном искусственно либо спонтанно. Нет необходимости углубляться в далёкое прошлое и пытаться, например, толковать знаменитые пророчества Нострадамуса, высказанные к тому же в весьма туманной и загадочной форме (см. об этом: Берзин Э. О. Нострадамус и его предсказания. – М., 1992). Вполне достаточно тех фактов, которые описаны в современной литературе. Не вызывает никаких сомнений пророческий дар знаменитой болгарской ясновидящей из города Петрича Вангелии Пандевой, известной больше под именем бабы Ванги. Все её предсказания носили совершенно конкретный характер и в большинстве случаев сбы-

вались. Если учесть, что она принимала множество самых разных людей, в том числе весьма известных, то высокая точность её предсказаний просто поразительна. Болгарские учёные обследовали около десяти тысяч человек с предсказанной бабой Вангой судьбой. Результат был ошеломляющим. «Количество случаев, – говорит болгарский профессор Георгий Лозанов, – когда ясновидящая доказала свои пророческие способности, настолько велико, что исключает возможность простого совпадения». Сама Ванга, между прочим, не соглашалась на медицинские обследования и этим, конечно, затрудняла разгадку её феномена.

Когда знаменитого в своё время ясновидца, телепата и гипнотизёра Вольфа Мессинга спросили, как он угадывает будущие события, он ответил: «Я не знаю. Просто в глубине сознания само собой возникает некое убеждение, что это так, а не иначе». Характерно, что ясновидцы обычно абсолютно убеждены в достоверности своего предчувствия. Вольф Мессинг, отвечая на нападки ревнителей чистоты материалистической науки, говорил: «Я ничего не имею против материализма, но я знаю будущее, вот в чём дело! Не надо сомневаться и не надо пытаться объяснить, почему это так...» Увы, его дар не уберёг его самого от трагического предвидения: Вольф Мессинг точно предсказал день и даже час смерти его любимой жены... Швейцарский учёный И. К. Лафатер, изучавший связь духовного облика человека с формой его черепа, однажды сказал: «Я умру не естественной, природой обусловленной смертью, а приму её от низкого злодея, подвижного животными инстинктами». И действительно, он был убит пьяным солдатом. Нельзя здесь не вспомнить и А. С. Пушкина, которому знаменитая в его времена гадалка Александра Филипповна Кирхгоф настойчиво советовала остерегаться на 37-м году жизни «высокого молодого блондина». Одновременно она сделала ещё два предсказания поэту, вскоре сбывшихся¹...

Интересно, что спонтанные предсказания будущего случаются не только у профессиональных ясновидцев, но и у некоторых особо восприимчивых людей, которые просто не развили в себе способности к ясновидению. Позволю себе привести здесь свидетельство нашего выдающегося фило-

¹ П. В. Анненков пишет об этом так: «Пушкин от природы был суверен и весьма расположен к объяснению частных событий таинственными, неведомыми причинами, что, может быть, составляет необходимое условие поэтических, восприимчивых организаций. Однажды он зашёл к известной тогда гадалщице на кофе, г-же Кирхгоф, которая предсказала ему встречу с другом и весь разговор с ним, потом неожиданное получение денег и, наконец, преждевременную смерть. Скорое исполнение двух первых предсказаний оставило навсегда в Пушкине убеждение, что и последнее должно сбыться непременно...» (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. – М., 1984. С. 66).

лога Вяч. Вс. Иванова о подобном случае с поэтессой А. А. Ахматовой. «Как-то, разговорившись в гостях у нас, Ахматова рассказала, как впервые открыла в себе дар вещуньи-прорицательницы, совсем юной девушкой, лет в шестнадцать. По её словам, внезапно предвидению всегда предшествует состояние расслабленности, граничащей со сном или обмороком. Она чувствовала себя обмякшей, в каком-то полубессознательном состоянии. И полулёжа на диване, услышала, как её пожилые родственницы судачат о молодой удачливой соседке – какая та блестящая, сколько поклонников, красавица... И вдруг, сама не понимая как, выпалила: «Да, а потом уедет в Ниццу и через полгода умрёт там от туберкулёза». С той девушкой так всё и случилось» (Иванов Вяч. Вс. Встречи с Ахматовой // Знамя. 1989. № 6. С. 208).

Любопытный случай спонтанного ясновидения описан у И. В. Гёте. Путешествуя как-то из Страсбурга в Друзенгейм, Гёте на какой-то миг почувствовал себя в некоем сомнамбулическом состоянии и вдруг увидел себя со стороны. Однако в другом платье, которого он никогда не носил. Через восемь лет он снова проезжал это место и с удивлением обнаружил, что одет точно так, как это привиделось ему некогда... (Гёте И. В. Собрание сочинений. Т. X. – М., 1937. С. 58).

Можно было бы привести бесчисленное количество подобных фактов и примеров ясновидения, причём не только будущих, но и прошлых событий, однако мы ограничимся теми, что приведены. Объяснить все эти факты ясновидения и прорицания с позиций современной науки затруднительно по той простой причине, что принцип причинности постулирует лишь одно направление причинно-следственных связей – из прошлого в будущее, но никак не из будущего в прошлое. Так нас учит традиционная философия и опыт.

Между тем, как хорошо известно любому физика, время входит во все фундаментальные уравнения физики совершенно симметрично, иначе говоря, уравнения физики инвариантны относительно обращения времени. Это относится как к уравнениям классической физики, так и к уравнениям теории относительности и квантовой механики. Причина асимметрии времени заключается в другом – в том, что начальные условия, вводимые *ad hoc*, несимметричны относительно знака времени. А в термодинамике и статистической физике с этим обстоя-

тельством связано неравновесие прошлого и будущего, как это следует из второго начала термодинамики (энтропия в замкнутой системе может только возрастать, но не убывать). Однако, как нам представляется, в силу статистического характера второго начала термодинамики, его действие в некоторых процессах передачи информации может быть несущественно. Видимо, явление обратной причинности (получение сигнала из будущего) реализуется не вопреки второму началу термодинамики, а в полном согласии с ним. Всё дело в том, что величина диссипации энергии (рост энтропии) как в прямом, так и в обратном ходе времени различна для разных процессов. В частности, для процесса распространения электромагнитных волн она может быть при определённых условиях пренебрежимо мала. Ведь свет от далёких звёзд, проходя огромные расстояния, практически не изменяет свой спектр, если на его пути нет поглощающего газа или пыли. Мы получаем информацию из далёкого прошлого (с учетом скорости распространения света) практически без всяких искажений. Почему же не допустить, что в некоторых случаях мы можем точно так же получать информацию из будущего?²

Подобно тому, как с высоты горных вершин сквозь просветы облаков далеко внизу вдруг открываются виды долины, сквозь редкие информационные окна в просветах неопределённости и неизвестности нам вдруг открываются образы будущего. Будущее никогда не раскрывается в непрерывной последовательности событий, но обычно в виде отдельных образов и картин. Главное – успеть их увидеть. Конечно, это лишь наша гипотеза, но, возможно, в ней есть смысл.

Природа времени и феномен ясновидения

Выдающиеся успехи физики в XX веке, позволившие нам понять, в частности, неразрывную связь пространства и времени в едином четырехмерном континууме Минковского, осмысленном в специальной теории относительности Эйнштейна как физический континуум со своими особыми законами, называемыми преобразованиями Лоренца, а также установленная в общей теории относительности неразрывная связь между материей, гравитационным полем и геометрией пространства-времени, созда-

² Для удобства читателя, незнакомого с физикой, автор выделяет курсивом те места текста, которые могут представлять трудность для неспециалиста.

ли некоторую иллюзию того, что природа времени наконец понята. На самом деле, это не более чем иллюзия, так как мы узнали только о некоторых физических свойствах времени, но не о природе времени как такового. Время входит во все уравнения физики как независимая переменная, измеряемая при помощи хронометра, и при этом с весьма высокой точностью, ограниченной лишь принципом неопределённости в квантовой механике, — но что такое время, какова его природа, нам по-прежнему ничего не известно. Мы умеем измерять время и вычислять его в разных физических процессах, — но что именно мы измеряем и вычисляем, мы плохо себе представляем.

Какая связь существует между этим физическим временем и тем психологически переживаемым временем, которое мы называем личным временем, временем нашей жизни, историческим временем? Да по сути дела никакой. Хотя мы следим за ходом времени, пользуясь всё теми же часами и календарём, это механическое время никак не соответствует нашему внутреннему чувству живого хода времени, времени нашего детства, отрочества, юности, зрелости, старости, времени, заполненного работой или отдыхом, или общением с близкими друзьями, или чтением, или сном, или любовью и т. д. Когда мы думаем о том, что такое прошлое или будущее, физика нам мало помогает, и мы стоим перед теми же вопросами, что и древние.

Весьма выразительно обсуждает эти вопросы Бл. Августин в своей «Исповеди». Вот что он пишет: «Что обыкновеннее бывает у нас предметом разговора, как не время? И мы, конечно, понимаем, когда говорим о нём или слышим от других. Что же такое, ещё раз повторяю, что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но, как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик. Между тем вполне сознаю, что если бы ничего не приходило, то не было бы будущего, и если бы ничего не было действительно существующего, то не было бы и настоящего времени. Но в чём состоит сущность первых двух времён, т. е. прошедшего и будущего, когда и прошедшего уже нет, и будущего ещё нет? Что же касается до настоящего, то, если бы оно всегда оставалось настоящим и никогда не переходило из будущего в прошедшее, тогда оно не было бы временем, а вечностью. А если настоящее остаётся действительным временем при том только условии, что через него переходит будущее в прошедшее, то как мы можем приписывать ему действительную

сущность, основывая её на том, чего нет? Разве в том только отношении, что оно постоянно стремится к небытию, каждое мгновение переставая существовать» («Исповедь», XI, 14).

«Можно измерять время только текущее, а прошедшее, равно как и будущее, которых нет в действительности, не могут подлежать нашему наблюдению и измерению» («Исповедь», XI, 16).

«Не скажут ли мне, что и эти времена, прошедшее и будущее, также существуют; только одно из них (будущее), переходя в настоящее, приходит непостижимо для нас откуда-то, а другое (прошедшее), переходя из настоящего в своё прошедшее, отходит непостижимо для нас куда-то, подобно морским приливам и отливам? И в самом деле, как могли, например, пророки, которые предсказывали будущее, видеть это будущее, если бы оно не существовало? Ибо того, что не существует, и видеть нельзя... Итак, надобно полагать, что и прошедшее, и будущее время также существуют, хотя непостижимым для нас образом» («Исповедь», XI, 17).

Далее Бл. Августин приходит к выводу об относительности будущего и прошедшего времени, которые зависят от точки отсчёта настоящего времени. «Теперь ясно становится для меня, что ни будущего, ни прошедшего не существует и что неточно выражаются о трёх временах, когда говорят: прошедшее, настоящее и будущее; а было бы точнее, кажется, выражаться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего. Только в душе нашей есть соответствующие тому три формы восприятия, а не где-нибудь инде (т. е. не в предметной действительности). Так, для настоящего прошедших предметов есть у нас память или воспоминание (*memoria*); для настоящего настоящих предметов есть у нас взгляд, воззрение, созерцание (*intuitus*), а для настоящего будущих предметов есть у нас чаяние, упование, надежда (*exspectatio*). Говоря таким образом, я не затрудняюсь в понимании тройственности времени, оно становится тогда для меня ясным, и я признаю его тройственность» («Исповедь», XI, 20).

Отметим, что, признавая существование прошедшего и будущего, «хотя непостижимым для нас образом», Бл. Августин фактически признаёт существование вечности, первичной по отношению к условному разделению времени на прошедшее, настоящее и будущее, которое зависит от нашего положения во времени. И в качестве аргумента в пользу этой точки зрения он, между прочим, приводит пророчества, которые были бы невозможны, если бы будущего уже не было. Он приводит также психо-

логическое обоснование разделения времени на настоящее, прошлое и будущее: настоящее мы созерцаем, прошлое вспоминаем, будущее ожидаем. Переходя из прошлого в будущее, мы постоянно сменяем позицию настоящего, при этом позиции прошлого и будущего также непрерывно меняются. Так что можно сказать, что мы плывём в потоке жизни, постоянно неся в самих себе зеркало времени, отражения в котором постоянно меняются. Это двустороннее зеркало, с одной стороны которого мы видим отражение прошлого, а с другой – смутные образы будущего. Для зоркого ума, наделённого даром ясновидения, настоящее подобно магическому зеркалу, в котором можно увидеть как образы прошлого, так и образы будущего.

Но это как раз и означает, что в каком-то сверхвременном смысле всё уже существует: и настоящее, и прошлое, и будущее. Многие мистики и оккультисты именно так и считали. Например, известный русский оккультист П. Д. Успенский писал: «Времени нет! Нет непрерывного и вечного возникновения и исчезновения явлений. Нет вечно бьющего фонтана являющихся и исчезающих событий. *Всё существует всегда!* Есть только одно вечное настоящее, *Вечное Теперь*, которого не может ни охватить, ни представить себе слабый и ограниченный человеческий ум». *В сущности, именно это утверждает и теория относительности, в которой все события в 4-мерном пространстве-времени уже заданы полностью и целиком во всём объёме 4-континуума. При этом, как известно, интервал в этом 4-континууме инвариантен по отношению к преобразованиям группы Лоренца, то есть не зависит от выбора системы отсчёта и её трансляций в пространстве и времени. Иллюзия настоящего возникает только благодаря положению наблюдателя в данной точке оси времени.*

Мы считаем, что само понятие времени абстрагировано нашим сознанием из более первичного переживания процессуальности нашей жизни и происходящих событий, которые имеют необратимый ход. Может ли всё это помочь нам лучше понять феномен ясновидения? Несомненно, в этой очень сложной проблеме более глубокое понимание природы времени может быть полезно для дальнейшего обсуждения удивительной способности отдельных людей видеть события прошлого и будущего. Если эти события уже существуют в 4-континууме мира, то они могут быть восприняты в зеркале настоящего благодаря неизвестному нам каналу связи. И вполне возможно, что особо одарённые люди имеют доступ к этому каналу связи.

Древняя прапамять и вещее предчувствие в поэзии Н. Гумилёва

*Всё проходит, как тень, но время
Остаётся, как прежде, мстящим,
И былое, тёмное бремя
Продолжает жить в настоящем.*

Н. Гумилёв, «Пиза»

Для вещего взора поэта, способного проникать через барьеры пространства и времени, порой открываются дивные, непостижимые картины прошлого и будущего, которые он пытается воплотить в своих стихах. Таким поэтом, несомненно, был Николай Степанович Гумилёв. Сегодня его творчество достаточно известно и изучено, но это магическое, провидческое зрение поэта, как нам кажется, ещё не привлекало достаточного внимания исследователей. Для нас не столь важно, имело ли место чьё-либо влияние на этот интерес Н. Гумилёва к тайнам времени; совершенно ясно, что он писал о собственном мистическом опыте, который невозможно перенять у других. Возможно, он был знаком с идеями русского мистика П. Д. Успенского, учившего о космическом мире ноуменов, существующем в четырёхмерном пространстве-времени, но к личному опыту поэта это не могло иметь никакого отношения.

Если учесть, что в своих стихах Н. Гумилёв неоднократно обращался как к опыту древней прапамяти о прошлом, так и к вещему предчувствию будущего, то материала для анализа у нас вполне достаточно. Разумеется, в стихах Н. Гумилёва, насыщенных разнообразными культурными реминисценциями, мы нередко встречаем живые картины Египта, Древнего Рима, Италии, других стран и континентов, но эти вторичные литературные образы прошлого легко отделить от тех, которые рождены непосредственным чувством магического перехода «Я» поэта в древние эпохи и страны. И вряд ли эти откровения можно рассматривать как чисто литературный приём – слишком щемящей искренностью они отмечены для чуткого слуха.

В прошлое поэта ведёт либо сон, либо древняя прапамять, которая возрождает смутные образы по типу *deja vu* (уже виденного). Вот стихотворение «Товарищ» (1909) из сборника «Жемчуга»*. Герой этого стихотворения вспоминает старого товарища, древнего охотника каких-то первобытных времён, когда они вместе жили и охотились «в полях неведомой страны».

* Все ссылки на стихи Н. С. Гумилёва даются по изданию: Николай Гумилёв. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990.

*Старый товарищ, древний ловчий,
Снова встаёшь ты с ночного дна,
Тигра смелее, барса ловче,
Сильнее грузного слона...*

Живо нарисованные сцены внезапно прерываются какой-то битвой и гибелью старого товарища. И вот его образ является поэту во сне.

*Что же теперь, сквозь ряд столетий,
Выступил ты из смертных чащ, –
В смуглых ладонях лук и сети,
И на плечах багряный плащ?*

*Сладостной верю я надежде,
Лгать не умеют сердцу сны,
Скоро пройду с тобой, как прежде,
В полях неведомой страны.*

А вот стихотворение «Стокгольм» (1918) из книги стихов «Костёр». Здесь видение прошлого опять приходит поэту во сне.

*Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,
Рождённый из глубы не наших времён,
Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,
Такой уж почти и нерадостный сон...*

Поэт видит себя в образе проповедника, стоящего на горе и словно бы желающего выступить перед толпой народа... И вот он проснулся.

*О, Боже, – вскричал я в тревоге, – что, если
Страна эта – истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли
В зелёной и солнечной этой стране?
И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времён.
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещён.*

Это признание весьма красноречиво – оно прямым текстом говорит о том, что постоянно беспокоит и мучит поэта, – из какого же времени он попал в этот мир, где его настоящая родина? И вот в стихотворении «Прапамять» (1918) из того же сборника «Костёр» снова та же тема:

*Когда же наконец, составши
От сна, я буду снова я, –
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?*

В стихотворении «Память» (1921) из книги стихов «Огненный столп» мы видим уже целую цепь перерождений, которую прослеживает поэт, погружаясь вещей прапамятью в бездну прошлого.

*Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела...*

Можно, конечно, предположить, что поэт, несомненно, знакомый с древним учением о метемпсихозе – перерождении душ – просто даёт художественное переложение этого учения. Но само настойчивое обращение к этой теме в стихах разных лет говорит о чём-то более серьёзном, чем простое литературное упражнение на заданную тему.

Вещее предчувствие будущего также является поэту, как правило, во снах и видениях. Конечно, поэма «Сон Адама» (1909) из книги стихов «Жемчуга», в которой библейский Адам видит во сне всю будущую историю человечества, – это чисто литературный опус, никак не связанный с личным опытом поэта. Но вот стихотворение «Моё прекрасное убежище...» (1913) заканчивается поразительным предвидением, точно сбывшимся и для Н. Гумилёва, и для его сына Л. Гумилёва.

*Иду в пространстве и во времени,
И вслед за мной мой сын идёт
Среди трудящегося племени
Ветров и пламеней, и вод.*

*И я приму, – о да, не дрогну я! –
Как поцелуй иль как цветок,
С таким же удивленьем огненным
Последний гибельный толчок.*

Конечно, к приведённым стихотворениям и к нашим выводам можно относиться по-разному – трезвый позитивистский ум, не допускающий никакого ясновидения и перерождения душ, скорее всего, придёт к выводу о чрезмерно богатой фантазии поэта и не увидит здесь никакой загадки и тайны. Но, возможно, более чуткий и проницательный читатель, способный сравнить опыт Н. Гумилёва с опытом многих других поэтов и ясновидцев, согласится с тем, что наши наблюдения дают богатую пищу для раздумий, выводящих далеко за пределы чистой литературы. В этом случае мы будем считать, что наша задача выполнена. Вероятно, воспоминания современников Н. Гумилёва и другие материалы могли бы пролить дополнительный свет на интересующую нас тему.

Владимир КАГАНОВ.
г. Кемерово

**Я ЕСТЬ КТО ЕСТЬ,
НО ВЫШЕ БЫТЬ ХОЧУ...**

«Высокий День» – так называется сборник стихов Владимира Ерёмченко, на представлении которого мне посчастливилось побывать. Событие происходило июньским днем в Центральном Доме литераторов Кузбасса. И этот день, действительно, был высок. На 16 июня в этом году приходился День Святого Духа.

*Я этот День и вдоль и поперек
Весь исходил, но путь его высок.
И высоки высокие дела,
Хотя вершины и скрывала мгла,
Хотя сомнений угнетала тень,
Я прозревал Великий Светлый День.*

В зале презентаций собралась творческая интеллигенция: поэты, писатели, журналисты, актеры, представители духовенства. Это второй поэтический сборник автора.

Как сказал Сергей Донбай, редактор книги:

– Первая книга пишется всю жизнь, а вторая, это та, на которую у тебя еще остались силы после первой. Надо доказать, что первая книга не случайность, и ты можешь поддержать интерес к себе. И у Володи она, кажется, получилась.

Коллеги по литературному цеху, да и все присутствующие в зале горячо и искренне принимали участие в обсуждении нового сборника. На презентации книги (сами писатели предпочитают слово «представление») было высказано много добрых слов, критических замечаний, советов, предложений, но все сошлось в том, что тема духовности, присутствующая в стихах Владимира – важная тема в жизни человека. Кто-то считает, что надо говорить об этом во весь голос, кто-то думает, что тема Бога слишком интимна, чтобы говорить о ней вслух. Это и понятно – все мы разные и у каждого из нас свой путь к Источнику, Смыслу Жизни.

Вот несколько высказываний присутствующих на вечере друзей Владимира.

Александр Ибрагимов:

– Владимир 30 лет нес свое представление мира, мировоззрение на себе, на своих плечах. И вот он выражает его. И это видение своеобразно, лично. Свой взгляд. Я так не пишу. Но у Владимира будут читатели, и много, и они будут удивляться радости: вот и я так вижу! Вот еще одна книга. И хорошо. Поздравляю.

Валерий Баранов:

– Поэт – пророк, Бог... Темы очень ответственные...

Александр Катков:

– Бог – это лично. Не надо на каждом перекрестке кричать об этом. Чтобы не в суе. Вот что хотелось сказать.

Андрей Правда:

– Все стихи Володи достойны. А Ибрагимов и Донбай высокую планку ставят, и Володе придется потрудиться, чтобы... перевалить, преодолеть ее. Но все стихи, повторяю, достойны. Это – стихи. Я предлагаю отпраздновать сегодняшний день как день рождения поэта Владимира Ерёмченко.

Руководитель епархиальной пресс-службы отец Сергей (Веремеев) напомнил присутствующим, что идут Троицкие праздники, что сегодня День Святого Духа, что в эти праздничные дни Церковь украшается зеленью и что нам нужно украшаться делами своими, разрабатывая таланты свои, уподобляясь Богу:

– Человек-творец – это творческое подобие Богу. Сколько нужно для этого, кроме божьего дара-таланта, человеческого труда, терпения, любви. Сколько нужно плача о своем несовершенстве. Владимира Спиридоновича интересуют несовершенство человеческого общения, несовершенство человеческого мироустройства. Хочется размышлять над этим. Это помогает формированию духовной среды. И это так важно. Владимир Ерёмченко выпускник Московского Свято-Тихоновского Православного Богословского института. Понятно, что активная мировоззренческая позиция, твердые гражданские основания и высокие богословские размышления находят место в его творчестве.

С поздравлениями, вопросами к виновнику торжества выступили также поэты Вячеслав Лопушной, Дмитрий Мурзин, Вера Лаврина, Анатолий Иленко, друзья и гости вечера Александр Коваленко, Лариса Леонтьева и другие. Заслуженный артист России Олег Кухарев прекрасно прочитал небольшую поэму Владимира Ерёмченко «Россия», где автор динамично-образно рисует высокое и трудное предназначение России, ее миссию, ее суть. Заканчивается поэма такими стихами:

*Качнулись Звездные Весы,
Рассвет Господень наступает.
Россия – капелька росы,
В ней вся вселенная сияет.*

Действительно, получился горячий, открытый хороший разговор, какой-то желанный эмоциональный выплеск.

*Я есть кто есть, но выше быть хочу –
Сознание свободы окрылило!..
Так капля, отразившая светило,
Стремится к солнцу по его лучу.*

Анна ЮЗВЯК,
журналист

О НОВОМ ПЕТЕРБУРГСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЖУРНАЛЕ «РОДНАЯ ЛАДОГА»

Если сами писатели, а тем более поэты, так ценящие каждую минуту своего творческого времени и каждое свое драгоценное поэтическое слово, берутся за издание журнала, то значит, не все у нас обстоит благополучно с самим словом, да и всей культурой, теряющей главное определение – русской, духовно-нравственной. Журнал «Родная Ладога», издающийся в Санкт-Петербурге, делают сразу три петербургских поэта: секретарь Союза писателей России Андрей Ребров – главный редактор, известный литературный критик Валентина Ефимовская – зам. главного редактора и руководитель военно-патриотической секции Владимир Марухин – ответственный секретарь. Делают не оттого, что у них много свободного времени, много финансовых средств – нет ни того, ни другого, но оттого, наверное, что каждый из серьезно пишущих людей рано или поздно ставит перед собой вопрос: зачем и для чего я пишу, – для самоутверждения или для какой-либо идеи. Очевидно, что не самоутверждением, ведущим писателя в небытие, к выхолощенному «искусству для искусства», руководствуются создатели журнала, идея которого определяется в первую очередь его названием.

На первый взгляд название «Родная Ладога» имеет территориальную ограниченность. На самом же деле оно очень емко и в географическом смысле, и в этимологическом, и в историческом значении, начиная с той традиции, что многие русские литературные журналы имели и имеют название водно-речных массивов: Москва, Волга, Дон и т. п. Тяга литераторов к таким водным названиям, может быть, определяется словами Ф. М. Достоевского, который писал: «Все, как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается». Тонко чувствующему поэтическому сердцу близок этот образ целостности мироздания, духовной сверхпроводимости, найденный великим писателем, и особенно понятный русскому человеку через сравнение с водной стихией.

Исторически сложилось, что люди всегда селились по берегам рек и озер: вода и кормила, и защищала, и указывала путь. Недаром первая столица Руси, ныне Старая Ладога, была основана на берегах великого озера, где, по преданию, в древние времена Апостол Андрей Первозванный разрушил языческие капища и воздвиг каменный христианский крест, а позже в этих благословенных, красивейших местах во всей полноте проявился монашеский подвиг и образовалась Северная Фиваида – несколько монастырей: Валаамский, Александрo-Свирский, Конеч-

вечский. Ладога дала жизнь реке Неве, а значит и Петербургу, во спасение которого от фашистов преобразилась в Дорогу жизни.

Журнал «Родная Ладога» тоже предполагает осилить эту труднейшую дорогу, «дорогу Жизни», прокладываемую сегодня через души русские, которые «силы смерти» пытаются оторвать от исконных корней, от исторически сложившихся национальных ценностей. В журнале исследуются и отражаются в современном литературно-художественном творчестве традиционные проявления во всех сферах российской жизни с учетом того, что традиция не есть застывшая форма, что она может развиваться, обогащаться, обладать множественностью и противоречивостью, сохраняя главное свое направление – преемственность мастерства.

Только высокий художественный уровень литературных материалов, представленных в журнале, может способствовать возрождению основ русской классической литературы, созданию утраченного ныне положительного образа литературного героя, который, исходя из условий жестокой духовной битвы, может быть сегодня священником или воином, в их примерном каждодневном героическом служении. Возвращение к традиции способствует укреплению русской армии и флота, укреплению многонационального единства, имеющего богатую историю и особо проявившего себя в годы Великой Отечественной войны. История русского народа неделима ни по национальностям, ни по социальным формациям, ни на красных и белых, – она едина и непрерывна, как непрерывна ее духовная направляющая – жизнь Русской Православной Церкви. Журнал «Родная Ладога» публикует разнообразные православные духовно-богословские материалы в надежде на то, что этим поможет русской научной и творческой интеллигенции подняться хотя бы на одну ступеньку к храму, а в идеале – вернуться в свой родной духовный дом, Русскую Православную Церковь.

Материалы, посвященные многим узловым, современным вопросам, представлены в постоянных рубриках журнала – «Проза» и «Поэзия», а также в текущих, таких, как «Наша идеология», «Национальная безопасность», «История и современность», «Русские судьбы», «Вопросы творчества», «Критика и литературоведение», «Высокие технологии» и мн. др. Указанные рубриками направления способствуют рассмотрению и отчасти решению проблем, связанных с внедрением общероссийских президентских программ, вопросов, определяющихся сложностью и противоречивостью происходящих в нашей стране и во всем мире социокультурных процессов, затрагивающих основы современных культуры и науки, педагогики и экономики, истории и философии, с точки зрения влияния этих сложных процессов

на духовный мир отдельной личности и всего многонационального народа.

Несмотря на то, что журнал «Родная Ладога» издается при участии двух петербургских общественных организаций – Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России и Собора православной интеллигенции, он не имеет сугубой местнической направленности, но предполагает всероссийский охват. Поэтому особо значимы параллельные рубрики – «Северная столица» и «Великая провинция», показывающие богатство и творческое разнообразие как петербургской литературы, так и литературы Пскова и Самары, Кузбасса и Краснодара, Тюмени и Орла. На страницах журнала печатаются русскоязычные авторы ближнего зарубежья. О такой многорегиональной политике свидетельствует и редакционный совет журнала, в который входят как ведущие писатели Москвы и Петербурга – В. Н. Крупин, проф. богословия М. Дунаев, председатель Общества православных писателей Н. Коняев, так и представители многих региональных отделений Союза писателей России, как, например, В. Сдобняков (Н. Новгород), А. Громов (Самара), В. Лихоносов (Краснодар), Н. Денисов (Тюмень), Г. Попов (Орел), И. Смолькин (Псков), руководитель Государственного Кубанского казачьего хора, член Совета по культуре и искусству при президенте РФ В. Захарченко (Краснодар), Ч. Кирвель (Белоруссия) и др. В редакционный совет журнала также входят ученые – д-р наук, проф. А. Корольков, д-р наук, проф. А. Казин, д-р наук, проф. В. Семенов, представители государственных структур – депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга А. Крамрев, представители промышленности – С. Корытин, священнослужители – протоиерей, о. Н. Агафонов и др. Среди авторов журнала – выдающиеся современные писатели: архиепископ Константин (Горянов), В. Распутин, В. Ганичев.

Только с такими мощными силами журнал «Родная Ладога», который издается в традиционной форме толстого литературного журнала, а не в виде бессмысленной глянцевой мишуры, надеется занять свое скромное место в великом деле объединения людей вне зависимости от места их проживания и национальности – в духовно-нравственном поле, о котором говорил митрополит Иоанн (Снычев), представляя осмысление жизни, «как религиозного долга, как всеобщего совместного служения евангельским идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания». Только так мы все сможем послужить Родине, усилению ее армейской и духовной обороноспособности, повышению ее мирового авторитета и в целом укреплению русской Державности.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ,
г. Санкт-Петербург

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

3 июля в областном отделе социального обеспечения на встрече с ветеранами и пенсионерами города Кемерово выступили поэты Валерий Козлов и Александр Катков.

2 августа, в четвёртый раз, под эгидой администрации Кемеровского района и Союза писателей Кузбасса, порядка полутора сотен участников из Кемерово, Юрги, Берёзовского собрал молодёжный поэтический фестиваль «Юго-Александровский родник». Помимо инициаторов-хозяев, поэтов Леонида Гержидовича и Нины Красовой, в фестивале приняли участие Александр Ибрагимов, Дмитрий Мурзин, Тамара Рубцова, Татьяна Твердохлебова, Александр Паршуков, Юрий Дубатов, Мария Зиновик и другие писатели и гости. Вёл фестиваль поэт Александр Катков.

6 августа, в рамках «Года семьи», подшефный детский дом рабочего посёлка Яшкино с подарками посетили Владимир Переводчиков и Дарья Каткова. Спонсировал приобретение подарков глава адвокатской коллегии Анатолий Имгер.

12 августа в Доме литераторов Кузбасса состоялась творческая встреча с известным прозаиком Юлией Лавряшиной, проживающей ныне в подмосковном городе Королёве. Свою новую книгу «Бой-той» представила она собравшимся. Кроме того, это – своеобразный отчёт нашей землячки о проделанной работе за год перед почитателями её творчества и коллегами по перу.

22 августа в Доме литераторов Кузбасса состоялось представление первых книг: «Мост» Дмитрия Хоботнева и «Солнце» Татьяны Ильдимировой, изданных в серии «Приложения» к журналу «Огни Кузбасса».

В знак признательности за созидательный труд и значительный вклад в развитие литературного творчества Кузнецкого края, большую просветительскую работу по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения, в качестве подарка, от губернатора АКО Амана Тулеева выделено 25 персональных подписок на второе полугодие на литературно-художественный журнал «Наш современник». Квитанции на журнал и открытки с автографами губернатора вручили заместитель начальника департамента культуры Наталья Леонидовна Хижняк и Наталья Витальевна Родионова.

25 августа в ДЛК состоялось очередное представление нового, четвертого номера журнала «Огни Кузбасса», в котором приняли участие: Борис Бурмистров, Иосиф Куралов, Сергей Павлов, Тамара Махалова, Алексей Петров, Никита Тимошин, Людмила Чидилян, Юрий Подковырин, Марина Цыпхайкина, Виктор Арнаутов, а также студийцы Юлия Сливина, Дмитрий Филиппенко, Фёдор Щербаков и Александр Командин. Провёл представление номера главный редактор журнала Сергей Донбай.

90-летию со дня рождения Василия Дмитриевича Фёдорова посвящено комплексное мероприятие, проведенное 4 сентября в зале Кемеровской областной научной библиотеки совместно с Союзом писателей Кузбасса. Здесь звучал живой голос нашего знаменитого земляка (в аудиозаписях), читались его стихи, говорили о значении и месте Поэта в русской советской поэзии второй половины прошлого века. Событию приурочен и посвящен выход сборника «День Поэзии», ставший кумулятивной поэтической подборкой из журнала «Огни Кузбасса» за последние десять лет. «Антология сибирской поэзии», куда вошли и стихи Василия Фёдорова, также явилась объектом представления перед собравшимися. В заключение был показан видеофильм «На Родине моей...», посвященный юбиляру и подготовленный работниками библиотеки. В мероприятии приняли активное участие поэты, авторы сборника и антологии: Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Катков, Валерий Козлов, Иосиф Куралов и Валерий Зубарев.

В этот же день принимал поздравления от коллег, друзей, библиотекарей и представителей администрации и департамента культуры области по случаю 65-летия поэт, заслуженный работник культуры РФ Зубарев Валерий Фёдорович. Ему вручена медаль «За служение Кузбассу». Поздравляем!

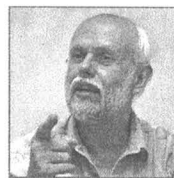
10 сентября в зале Дома литераторов состоялось представление книги «Мы нарисует город словом» для библиотекарей школьных библиотек города Кемерово. Автор, поэт Сергей Донбай, рассказал о книге, прочитал стихи, ответил на вопросы и всем 40 библиотекарям подарил свою книгу.

12 сентября, на родине В. Д. Фёдорова, в Марьевке, в обновлённых Доме культуры и Доме-музее Поэта, при поддержке и финансировании администраций Кемеровской области и Яйского района, проведены традиционные Фёдоровские чтения, посвященные его 90-летию юбилею. За заслуги перед Кузбассом в области литературы и сподвижничестве более сорока человек были отмечены медалями, грамотами и благодарственными письмами АКО, вручали которые зам. губернатора Кемеровской области С. А. Муравьев и начальник департамента культуры Л. Т. Зауэрвайн.

В числе награждённых кузбасские поэты: Валерий Козлов, Марина Брюзгина, Наталья Поляченкова; литераторы Виктория Кострицкая, Александр Командин, Татьяна Твердохлебова, Ирина Тюнина, Виктор Кальсин, Андрей Пятак, Екатерина Дуплякова, Александр Томский, Дмитрий Нестерук; руководители литературных студий – Дмитрий Мурзин, Тамара Рубцова, Иосиф Куралов, Михаил Шеховцов, Сергей Побоккин, Мария Зиновик, Любовь Никонова, а также приглашенные на праздник гости – Мария Саввиных и Михаил Стрельцов (Красноярск), Геннадий Скарлыгин и Николай Хоничев (Томск), Сергей Филатов и Виктор Буланчев (Бийск).

К юбилею Поэта приурочен и новый диск заслуженного работника культуры РФ Виктора Егорова «На Родине моей...» – сборник из 28 песен барда на стихи В. Д. Фёдорова.

Владимиру Ерёмченко – 60. Мы поздравляем автора нашего журнала и двух поэтических книг (одна из них вышла в приложении к журналу «Огни Кузбасса») с юбилеем! Желаем здоровья и новых творческих успехов!

22–24 сентября в городе Томске проходил региональный фестиваль детско-юношеского творчества «Устами детей говорит мир». Среди членов жюри были поэты Любовь Никонова и Дмитрий Мурзин. В числе лауреатов – Дмитрий Суйканен (Новокузнецк) и Андрей Лагутенко (Ижморка).

Ушел из жизни Николай Бабкин – замечательный поэт и наш друг. Автор четырех книг, победитель многих литературных конкурсов, Николай Бабкин навсегда останется с нами своими стихотворениями, полными добра, света и жизнелюбия.

Поэты и писатели Ленинска-Кузнецкого, Полысаева и Ленинск-Кузнецкого района

Сердечно поздравляем с 80-летним юбилеем нашего новокузнецкого автора Геннадия Кузнецова. Желаем дальнейших творческих успехов. Новую работу Геннадия Кузнецова читайте в № 1 за 2009 год.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Русская сибирская поэзия. Антология. XX век: стихи. – Кемерово: ООО «ИНТ», 2008. – 479 с.

День Поэзии. Фёдоровские чтения в Марьевке: стихи / ред.-сост. С. Л. Донбай. – Кемерово: Вертоград, 2008. – 127 с. (Прил. № 35 к журналу «Огни Кузбасса»).

Ничик Николай. Другая упряжка: рассказы и очерки / Н. Н. Ничик. – Кемерово: ООО «Офсет», 2008. – 170 с.

Петров Игорь. Сказки / И. Ф. Петров. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 478 с.

ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Наш современник» (Москва) № 3 – **Борис Бурмистров.** № 10 – **Дмитрий Мурзин.**

Журнал «День и ночь» (Красноярск) № 1 – **Наталья Мурзина, Дмитрий Мурзин, Алексей Петров.** № 3 – **Любовь Скорик.** № 4 – **Виктор Кальсин, Игорь Кузнецов, Елена Солодянкина.**

Журнал «Дальний Восток» (Хабаровск) № 2 – **Владимир Иванов.**

Журнал «Начало века» (Томск) № 1 – **Александр Ибрагимов,** № 2 – **Виктор Арнаутов,** № 3 – **Дмитрий Мурзин.**

Журнал «Врата Сибири» № 1 – **Владимир Иванов.**

Журнал «Новый Енисейский литератор» № 3 (11) – **Виктор Арнаутов.**

Альманах «Бийский вестник» № 3 – **Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Валерий Козлов, Александр Ярошук.**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2008 ГОД

ПРОЗА

- Анохин Михаил.** Прокурорская сага. Рассказ I-102
Арнаутов Виктор. Бэти и Джесси. Мини-повесть III-64
Брюховецкий Александр. Убить зверя. Рассказ II-45
Замятин Владимир. Иронические рассказы I-122
Иванов Андрей. День Иисуса. Рассказ III-51
Иванов Владимир. Уходящее лето. Повесть VI-16
Ильиных Владимир. Нефёдов и Найда. Рассказ II-7
Каденко Владимир. Два рассказа I-83
Колесова Наталья. Как я мужа искала. Повесть I-37
Коняев Виктор. Горе, горюшко, война. Рассказ II-13.
 Луна – наперсница любви. Рассказы VI-78
Крёков Виталий. Воспитание кривых брёвен VI-118
Кривошеин Михаил. Мама, прости! Рассказ III-87
Кузнечихин Сергей. Из рассказов Петухова Алексея Луки-
 ча. Рассказы IV-119
Лаврина Вера. Рассказы из цикла «Яичные скорлупки» VI-71
Лавряшина Юлия. Ненужный вопрос. Повесть IV-79
Левшов Евгений. Мессир. Рассказ V-113
Мазаев Владимир. Испытание 45-го года II-3. Шоколадка,
 подпрыгивающая в стакане. Повесть-элегия III-7
Макшеев Вадим. Антимонии деда Антипа. Рассказы III-28
Немченко Гарий. Из книги «Газыри» V-12
Ничик Николай. Вкус черемши, или Серёга Золотой Нос.
 Рассказ IV-70
Павлов Сергей. Крестьянский тракт. Роман IV-12, V-41
Першин Юрий. Террикон VI-109
Попок Василий. Из блокнота VI-65
Скорик Любовь. Рассказы из цикла «Тени детства» II-33
Страхова Тамара. Тропой Рокфеллера. Повесть V-101
Франк Вальдемар. Печать Агасфера. (Отрывок из романа)
 I-94
Хоботнев Дмитрий. Восхождение. Рассказ V-34
Хохлов Александр. Отец. Рассказ II-58
Чигарёва Зинаида. Горький привкус осени. Рассказ V-87
Чиняев Сергей. О собачьем счастье. (Из записок геолога)
 VI-104
Ярошук Александр. Рассказы VI-98

ПОЭЗИЯ

- Афанасьева Юлия.** Стихи для детей IV-124
Бокин Виктор. Из дома, но к себе – домой VI-9
Бурмистров Борис. Дышит имя твоё в пространстве IV-76
Весёлкина Татьяна. Говорите со мной I-92
Глазов Дмитрий. Купание красного коня... VI-96
Еранов Владимир. Летает по небу топор V-38
Ефимовская Валентина. Я жила до рожденья VI-94
Зубарев Валерий. Прости мне греховную страсть V-30
Иванов Владимир. А выше лишь совесть одна... II-10
Иленко Анатолий. Наш дом на крутом берегу III-26
Коврижных Виктор. Сенокосный, високосный год-июль VI-62
Ковшов Валерий. Я верил: жизнь не бремя духа. (Предис-
 ловие Любови Никоновой) VI-111

- Колмогоров Николай.** Я молюсь твердынею любви III-48
Комарова Ольга. Я в мартовских сумерках прячу печаль
 III-85

- Куралов Иосиф.** Монархия Души IV-66
Мадинь Надежда. Всё вернётся внезапной потерей II-56
Мурзин Дмитрий. Для тебя, мой милый ангел... III-61
Николаева Татьяна. Из глубины сибирских душ V-85
Никонова Любовь. Свой знак V-9
Петров Алексей. Своим пером неосторожным IV-111
Пятак Андрей. Снежинка, что в себя впитала пламя I-98
Раевский Александр. Шла дорога от села II-30
Ребров Андрей. Сквозь метельные века II-54
Рубцова Тамара. Милый, как тебя зовут? I-81
Соколов Владимир. Напротив моей бессонницы... III-91
Тищенко Евгений. Стихи художника I-120
Уколов Максим. Опыт мотылька. (Предисловие Д. Мурзина)
 V-97

- Фёдоров Василий.** Мне кажется, что мир хорош IV-10
Филатов Сергей. И возвратится миру слово II-42
Цуприкова Татьяна. Сон-синица I-100
Шабалина Анастасия. В краю, где небес золотая зола VI-75

ПУБЛИЦИСТИКА

- Власов Валерий.** Что было – знали наши деды, что будет –
 увидят наши внуки IV-133. По греху и покаяние V-125
Глушкова Татьяна. Традиция – не реваншистка III-120
Дзарохохова Нина. Народная дипломатия действует V-136
Митякин Геннадий. Я, русский V-116. Открытое письмо
 писателей III-118
Переводчиков Владимир. Бездна блага и пропасть благо-
 получения III-125
Печенина Надежда. Шорский народ получил доступ
 к информации... VI-145
Попок Василий. Я, русский патриот V-116
Рубцова Тамара. Стихи и сны VI-138
Скорик Любовь. Променад по Весенней, или Покупайте
 в «Орепе» III-116
 Союзу писателей России – 50 лет. Из диалога **Валерия Гани-
 чева** и **Николая Дорошенко** VI-136

ЭССЕ

- Ибрагимов Александр.** На последних страницах океанских
 тетрадей. 1961-1965. III-94
Переяслов Николай. Через пять границ. (Германия – Авст-
 рия – Италия – Франция – Швейцария). I-125
Яковлева Людмила. До свиданья, друг мой... II-132

65 ЛЕТ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

- Аман Тулеев и Кузбасс.** Интервью с Губернатором Кеме-
 ровской области IV-3

ГОРОДУ КЕМЕРОВО 90 ЛЕТ

- Интервью с В.В. Михайловым III-3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕМИНАР

- Анастасьев Антон** I-36
Байлагашев Виктор I-27
Глушкова Нина I-34
Державин Иван I-4
Донбай Сергей. Немного, но есть стихи. I-9
Жук Роман I-36

Злобина Татьяна I-23
 Зотчик Владимир I-10
 Зубарев Валерий. Лиц необщее выражение I-24
 Кульбицкая Светлана I-25
 Мазаев Владимир. Слово рождает жизнь I-3
 Мурзин Дмитрий. Мы с тобой одной крови I-11
 Нестерук Дмитрий I-35
 Никонова Любовь. Возвращение семинара. I-5
 Никулина Виолетта I-36
 Остроумова Людмила I-6
 Павлов Сергей. Послесловие к семинару I-9
 Твердохлебова Татьяна I-12
 Трегубова Виктория I-8
 Шантаева Елена I-26
 Шве́ц Оксана I-22

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Адодин Сергей, священник VI-147
 Барковский Владимир V-138
 Верясова Дарья V-138
 Воробьева Елена II-100
 Девянина Елена VI-150
 Добротворский Владимир III-137
 Дубатов Юрий III-137
 Евсюкова Елена VI-150
 Еремеева Надежда II-100
 Зиновик Мария V-138
 Зырянова Анна III-137
 Иванова Людмила III-137
 Капустян Владимир III-137
 Киселёв Виктор VI-148
 Ковардакова Наталья VI-148
 Командин Александр III-137
 Костерина Татьяна III-137
 Кострицкая Виктория III-137
 Левина Оксана V-138
 Магин Е.С. II-100
 Максимов Николай VI-150
 Неунывахин Владимир II-100
 Орехова Жанна II-100
 Попурий Светлана V-138
 Сливина Юлия III-137
 Соколова Надежда V-138
 Сосипатров Евгений II-100
 Соснина Зоя II-100
 Стафиевский Константин III-137
 Сывак Вадим V-138
 Танешева Елена III-137
 Филиппенко Дмитрий III-137
 Черкашина Анна V-138
 Черноскутова Марина VI-150
 Шабалин Виктор III-137
 Шве́ц Оксана VI-149
 Щербаков Фёдор III-137
 Яковлева Елена III-137

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Келлер Владимир. Притяжение неба II-98
 Страхова Тамара. Сквозь кровь и дым II-94
 Шевалье Михаил. Про нашу с вами жизнь II-96

Чидилиян Людмила. ...Яблочко-песню держал он в зубах III-143
 Шумилов Владимир. Незаполненная ниша IV-144
 Щукина Ольга. Встань на дорогу радуги IV-148

ФЁДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Махалова Тамара. С тобой, Россия IV-127
 Егоров Виктор. Ровесник города (к 90-летию со дня рождения поэта Василия Фёдорова) IV-130

ЧИВИЛИХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Катков Александр V-114
 Гержидович Леонид V-114
 Арнаутов Виктор V-114

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Гребенщиков Георгий. По указу. Рассказ III-109. Искусство быть читателем. Подготовил Владимир Каганов III-113
 Махалова Тамара. Первая публикация поэта VI-163
 Неунывахин Геннадий. Дай одеться мне, Никита, в митрополии звонят I-150
 Петрунин Юрий. При свете копилки под гул канонады I-144
 Толстой Алексей. Гадюка. Повесть II-67
 Фёдоров Николай Фёдорович. Подготовила Екатерина Дубро II-86
 Чивилихин Владимир. Отрывок из романа-эссе «Память» V-3

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Ефтифеева Валентина. Люба Байкалова из села Сростки VI-160
 Коврижных Виктор. К 380-летию Старобочат IV-154
 Кулакова Елена. Потомки абинцев на Кузнецкой земле IV-146

178

Лунегов Геннадий. На реке Тебе I-155
 Осинцев Владимир. Водопад у Чёртова мостика III-146
 Попова Татьяна. Неизвестные письма Шукшина VI-157
 Попок Василий. Госпожа Катунь II-111. Из Горной Шории – с любовью IV-150
 Филатов Сергей. Юбилей Шукшинского музея. Беседа с директором музея Лидией Чудновой VI-156
 Цыпкайкина Марина. Древнейший уголь Кузбасса IV-159

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Владимир Вербицкий. На закат, где дрожат паруса. 7000 знаков про Чикаго VI-151

СВЕТЛИЦА

Бабаев Антон II-144
 Баранова Даша III-148
 Горшкова Алиса II-144
 Губерт Елена III-148
 Гуляева Женя IV-161
 Дуплякова Екатерина V-151
 Есауленко Вадим V-151
 Исионова Наталья III-148
 Канивец Слава IV-161
 Лупачёв Степан II-144
 Медведев Иван III-148
 Попова Лера IV-161
 Прискарь Татьяна II-144
 Прошкина Елена III-148
 Седалищев Глеб II-144
 Семенов Виктор II-144

Солдатов Евгений II-144
Софьяна Олеся IV-161
Сулейманов Илья II-144
Тимошин Никита IV-161
Хрисостомов Кирилл II-144
Шокарева Ксения V-151
Юдина Лена V-151

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Ермоленко Вадим, Иванов Виктор. Иконописец отец
 Владимир Бородин I-164
Никонова Любовь. Из великопостной тетради II-147
Рождественское поздравление Аристарха, епископа
Кемеровского и Новокузнецкого. Христос с небес –
 срящите! I-162
 Специальные телеграммы Патриарха Московского и всея
 Руси **Алексия II** в связи с кончиной первого управляющего
 Кемеровской и Новокузнецкой епархией архиепископа
Софрония (Буцько) III-135

ИСКУССТВО

Естамонова Зоя. Чистые силы I-166
Кухарев Олег. Записки актёра V-156
Чертогова Марина. История в лицах VI-164

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Арнаутов Виктор. Между «уже» и «ещё». (О книге Александ-
 ра Хохлова «Свадьба на излёте») IV-173
Ащеулова Ирина. О «Хрестоматии писателей» I-169
Бутакова Юлия. Что хочет выразить душа. (Обзор поэзии
 журнала «Сибирь») II-156
Ермакова Нелли. Пусть свет горит в твоём окне! (О твор-
 честве Екатерины Дубро) III-158
Естамонова Зоя. Улыбнись виновато, засмеюсь и заплачу.
 (О пятом сборнике стихотворений Валерия Козлова) III-160
Каганов Владимир. Лики времени VI-167
Мурзин Дмитрий. Оправдание жизни. (О книге Дмитрия
 Хоботнева «Мост») III-159
Переяслов Николай. Над страницами новой гоблинианы V-164
Плющев Валерий. «...моё время – место» (О книге А. Ибраги-
 мова «Белый квадрат») I-169. Когда ножницы убивают.
 (О книге М. Анохина «Если в доме теряются ножницы») IV-171
Подковырин Юрий. «Азбука» кузбасской литературы.
 (О хрестоматии «Писатели Кузбасса») IV-169
Попок Василий. Компильтивная мифология. Город гремя-
 щих трамваев. (О книге Михаила Анохина «Если в доме
 теряются ножницы») II-151
Раджабов Тимур. О литературной трусости и бесстрашии
 V-167

Смирнова Наталья. Цветение духа. (О книге стихотворе-
 ний Любови Никоновой «Над звёздами горящая звезда») III-162

Суворова Людмила. Я к вам пишу II-154

Тотыш Юрий. Записки чекиста. (О книге М. Гоголева «Дале-
 ко от всех границ») VI-166

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Бартон Райс. Д. Р. Толкин. Генри Лонгфелло. Стихи.
 Перевод с английского **Ольги Низовской** III-152
Делерм Филипп. Осенние листья на глади воды. Перевод
 с французского **Любови Серовой** III-156
Донбай Сергей. Найти в себе Вольтера III-151
Томассети Моник. Добрый ангел. Рассказ. Перевод
 с французского **Натальи Ковардаковой** III-153
Шелли Перси Биши. Гимн интеллектуальной красоте.
 Перевод с английского **Владимира Каганова** III-155

КНИГА ПАМЯТИ

Голуб Ольга. Новые документы о венчании Ф. М. Достоев-
 ского в Кузнецке IV-165
Федор Ягунов. Всего одна судьба... I-157

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Принуждение к миру. **А. Имгер, А. Катков, В. Попок,**
А. Лопатин, О. Кошелева, К. Суслина, В. Кабин,
Ю. Пахомёнок, Н. Колмогоров, сотник казачьего
 войска VI-3

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

179 **Ефимовская Валентина.** О новом петербургском литера-
 турном журнале «Родная Ладога» II-164
 Литературная хроника. Подготовил **В. Арнаутов** I-172,
 II-174, III-164, IV-175, V-168, VI-171
 Обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2007 год:
Любовь Никонова, Любовь Скорик, Валерий Плющев,
Галина Карпова, Зоя Естамонова, Марина Брюзгина,
Ирина Ащеулова III-164
Пушкарёв А. А. К 10-летию литературной студии
 им. В. Фёдорова г. Анжеро-Судженска II-173
Юзвяк Анна. Я есть кто есть, но выше быть хочу. (О книге
 В. Еременко «Высокий день») VI-172

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ.

Кошкина Галина. Жить и не дышать не могу V-171
Сиразитдинов Айвен. Привет прозаикам – авторам
 журнала «Огни Кузбасса» V-173

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России: «Наш современник» (Москва), «Всерусский Соборъ» и «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» и «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Сибирские Афины» (Томск), «Алтай», «Барнаул» (Барнаул), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Сибирь», «Зеленая лампа» (Иркутск). По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, которую они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и газет, а также подписчикам.

**Подписка на первое полугодие 2009 года
оформляется в любом отделении почтовой связи
по каталогу «ПОЧТА РОССИИ»**

Почтовый индекс 12234

**Периодичность выхода – раз в два месяца
(6 номеров в год)**

Подписная цена за полугодие 180 руб.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14 кегль), с обязательным приложением диска или дискеты с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в книжных магазинах Кемерово: № 4 по ул. Ноградская, 5; № 2 по пр. Ленина, 125; в магазине «Лас-Книгас» по пр. Кузнецкому, 33 (торговый центр «Я», II этаж); а также в Доме литераторов, Советский пр., 40.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован
Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректор **С. А. Мазеева**
Компьютерная верстка **Л. А. Астанковой**

Подписано к печати 03.12.2008. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Pragmatica». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,93 + 0,5 л. цв. вкл. Тираж 900 экз. Заказ № 619

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48
www.kvi.bip.ru

Представление книги Сергея Павлова «Кузбасская Голгофа»,
на котором присутствовал Его Преосвященство, епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх

Открытие выставки,
посвященной 60-летию юбилею
художника Василия Кравчука

Фото Г. Шалакина

Вечер памяти поэта Валерия Ковшова в его родной деревне Красные Ключи

69-